

ПОБЕДИТЕЛИ И ПОБЕЖДЕННЫЕ

ПОЛКОВОДЦЫ
СССР И ГЕРМАНИИ
1941–1945

ХХ военные
тайны
века

АЛЕКС ГРОМОВ

Annotation

Уходит в прошлое Великая Отечественная война, навсегда изменившая представления людей о войне и мире. Герои этой книги – военачальники Восточного фронта – маршалы и генералы РККА, фельдмаршалы и генералы вермахта. Кем же были полководцы Великой Отечественной? Какой они видели войну и как вошли в ее историю? Книга, в которой широко использованы мемуары и архивные документы, позволяет по-иному взглянуть на историю войны с двух сторон фронта и узнать многие ранее неизвестные подробности знаменитых сражений.

- [Алекс Бертран Громов](#)
 -
 - [Предисловие](#)
 - [Победители](#)
 - [Георгий Жуков. Маршал Победы](#)
 -
 - [Упреждающий удар?](#)
 - [Вторжение](#)
 - [От Ельни до Ленинграда](#)
 - [На подступах к Москве](#)
 - [Вязьма – надежда и трагедия](#)
 - [Между Ржевом и Сталинградом](#)
 - [Прорыв блокады Ленинграда](#)
 - [На Курской дуге](#)
 - [Битва за Днепр](#)
 - [Белорусская операция](#)
 - [На пороге Варшавы](#)
 - [Сражение за Берлин](#)
 - [Родион Малиновский. От Одессы до Вены](#)
 -
 - [В начале войны](#)
 - [Барвенково-Лозовская операция](#)
 - [Харьковская катастрофа](#)
 - [На подступах к Сталинграду.](#)

- [На Запад!](#)
- [Яско-Кишинёвская операция](#)
- [Битва за Будапешт](#)
- [Венская операция](#)
- [Андрей Ерёмченко. Генерал обороны](#)
 - [На Западном фронте](#)
 - [«Разбить подлеца Гудериана»](#)
 - [По зимним лесам](#)
 - [Битва за Сталинград](#)
- [Семен Тимошенко. Маршал и нарком](#)
 - [Предчувствие войны](#)
 - [«Разрешаю переход госграницы...»](#)
 - [Стоять насмерть](#)
 - [Главком Юго-Западного направления](#)
 - [Представитель Ставки](#)
- [Кирилл Мерецков. Маршал северных направлений](#)
 - [Финская война](#)
 - [Начальник Генштаба](#)
 - [Последние мирные часы](#)
 - [На Северо-Западном фронте](#)
 - [Катастрофа под Мясным Бором](#)
 - [Путь в Норвегию](#)
- [Иван Баграмян. Теоретик и практик наступлений](#)
 - [Тревожное ожидание](#)
 - [Битва за Киев](#)
 - [Прорыв из окружения](#)
 - [Зимние контрудары 1941-го](#)
 - [«Тов. Баграмян не удовлетворяет Ставку...»](#)
 - [Орловская операция](#)
 - [Белорусская операция](#)
 - [На Кёнигсберг!](#)
- [Борис Шапошников. Создатель современной школы генштабистов](#)

- - [«Штаб – первейший орган»](#)
 - [Начальник Генерального штаба](#)
 - [Учитель маршалов и генералов](#)
- [Александр Василевский. Координатор наступлений](#)
 -
 - [Переговоры в Берлине](#)
 - [Планы противодействия](#)
 - [«Всесторонне знать и правильно оценивать...»](#)
 - [Тяжелое лето 1942 года](#)
 - [Курск, Крым, «Багратион»](#)
 - [Штурм Кёнигсберга](#)
- [Константин Рокоссовский. Маршал двух народов](#)
 -
 - [«Учит и воспитывает правильно»](#)
 - [Перед войной](#)
 - [«Время было горячее»](#)
 - [Первая слава](#)
 - [Оборона Москвы](#)
 - [Донской фронт](#)
 - [Рокировка Белорусских фронтов](#)
 - [Польский министр. Возвращение в СССР](#)
- [Иван Конев. Мастер внезапности](#)
 -
 - [В Смоленском котле](#)
 - [Сражение за Калинин](#)
 - [Ржевская битва](#)
 - [Степной фронт](#)
 - [Корсунь-Шевченковская операция](#)
 - [Освобождение Европы](#)
- [Побежденные](#)
 - [Франц Гальдер. Разработчик планов вермахта](#)
 -
 - [Во главе Генерального штаба сухопутных войск](#)
 - [«Бои носят исключительно упорный характер»](#)
 - [«Фактор внезапности миновал»](#)
 - [«Противник наступает...»](#)

- [Реванш на юге](#)
- [Федор фон Бок. «Кюстринский факел»](#)
 - [Командующий группы армий «Центр»](#)
 - [Битва за Минск](#)
 - [Смоленское сражение](#)
 - [Операция «Тайфун»](#)
 - [Командующий группы армий «Юг»](#)
 - [План «Блау»](#)
 - [Снова в отставке](#)
- [Хайнц Гудериан. «Быстрый Хайнц»](#)
 - [Воплощение блицкрига](#)
 - [Неодолимые преграды](#)
 - [Генерал-инспектор бронетанковых войск](#)
- [Фридрих Паулюс. Автор плана «Барбаросса»](#)
 - [Образцовый штабист](#)
 - [Во главе 6-й армии](#)
 - [Дорога на Сталинград](#)
 - [Великая битва у Волги](#)
 - [Окружение и плен](#)
- [Герман Гот. «Папа Гот»](#)
 - [Во главе танковой группы](#)
 - [Натиск на Москву](#)
- [Эвальд фон Клейст. Единственный немецкий фельдмаршал, умерший в советском плену.](#)
 - [На полях Первой мировой](#)
 - [Танковый рейд по Европе](#)
 - [Киевский котел](#)
 - [Путь на Кавказ](#)
 - [Отставка](#)
 - [Плен и суды](#)
- [Гельмут Вейдлинг. Последний комендант столицы рейха](#)
 - [Гельмут Вейдлинг. Последний комендант столицы рейха](#)

- [В небе Первой мировой](#)
 - [Под Москвой](#)
 - [Последний комендант Берлина](#)
 - [Эрих фон Манштейн. Лучший оперативный талант немецкого Генерального штаба](#)
 - [Начальник штаба группы армий «Юг»](#)
 - [Вторжение в Прибалтику](#)
 - [Крымская кампания](#)
 - [Сталинград: попытка деблокады](#)
 - [Операция «Цитадель»](#)
 - [Попытка задержать](#)
 - [Вальтер Модель. «Пожарный фюрера»](#)
 - [Начало военной карьеры](#)
 - [На Восточном фронте](#)
 - [Ржев: долгое противостояние](#)
 - [Танковые сражения](#)
 - [Последняя надежда Гитлера](#)
 - [Гюнтер фон Клюге. «Умный Ганс»](#)
 - [На Москву!](#)
 - [Командующий группой армий «Центр»](#)
 - [Финал войны](#)
 - [Иллюстрации](#)
-

Алекс Бертран Громов
Победители и побежденные.
Полководцы СССР и Германии. 1941–
1945

© Громов А.Б., 2021

© ООО «Издательство «Вече», 2021

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2021

Сайт издательства www.veche.ru

Предисловие

Уходит в прошлое Вторая мировая война. Все меньше остается ее непосредственных участников – и давно нет никого из тех, кто командовал фронтами, армиями, дивизиями, разрабатывал стратегические операции. Но великая война, навсегда изменившая представления людей не только о войне, но и о мире, продолжает во многом определять нашу действительность.

Тем важнее сейчас становятся обращение к документальным свидетельствам и их беспристрастный анализ. Именно он способен дать объективное представление о ходе событий. О том, как на фронте огромной протяженности – Восточном для Германии и Западном для Советского Союза – столкнулись огромные силы, ведомые военачальниками, изначально уверенными, что воевать придется быстро, малой кровью и на чужой территории.

Но самое главное, то, что часто теряется из виду за поистине эпическим размахом оборон и наступлений: кто же они были, генералы и маршалы Красной армии и вермахта? Какой они видели войну и с чем вошли в историю?

Книга, в которой использованы мемуары и архивные материалы обеих сторон, позволяет взглянуть на историю Великой Отечественной войны с двух точек зрения и раскрывает многие доселе неизвестные подробности знаменитых сражений.

ОБ АВТОРЕ. Алекс Бертран Громов – известный историк и писатель, автор ряда книг, посвященных истории Советского Союза, судьбам государственных деятелей и военачальников. Его произведения изданы в России и за рубежом тиражом более 300 тысяч экземпляров. Руководитель жюри премии Terra Incognita, порталов Terraart и Terrabooks. Лауреат премии им. В.С. Пикуля, золотой медали Евразийской премии в номинации «Исторические исследования», премии литературного журнала «Москва».

Победители

Георгий Жуков. Маршал Победы

Георгий Жуков родился 19 ноября (1 декабря) 1896 года в деревне Стрелковщина (сейчас – Стрелковка) Угодско-Заводской волости Малоярославецкого уезда Калужской губернии. Учился в церковно-приходской школе, подростком отправился в Москву – постигать основы скорняжного ремесла в мастерской у родственника. Во время Первой мировой войны был призван в армию, за доблесть в боях награжден двумя Георгиевскими крестами.

Потом он прошел и Гражданскую войну, продолжил служить в Красной армии. Впервые полководческий талант Жукова в полной мере проявился во время боев с японцами у реки Халхин-Гол летом 1939 года. После разгрома интервентов командир Жуков был вызван в Москву, где его принял лично Сталин, подробно расспросив о событиях на Халхин-Голе.

После этого Жуков возглавил Киевский особый военный округ, а потом был возвращен в Москву и назначен начальником Генштаба.

Упреждающий удар?

К марту 1941 года Генеральный штаб завершил разработку мобилизационного плана для промышленности по производству военной продукции на случай войны. Жуков и его заместитель Соколовский представили его Ворошилову (председателю Комитета обороны при СНК). Однако никакого эффекта это не возымело. Жуков доложил самому Сталину, что промышленность мобилизационного плана не имеет. И только тогда дело медленно начало двигаться.

В конце февраля Тимошенко и Жуков провели совещание сотрудников Генштаба по вопросу состояния железных, шоссейных и грунтовых дорог. В результате выявилась удручающая картина: в западных районах шоссе, если и есть, то плохие, а многие мосты могут провалиться, не выдержав даже среднего танка.

8 апреля 1941 года Генеральный штаб направил командующим Западным и Киевским Особыми военными округами распоряжение, в котором обязывал провести ряд мероприятий по созданию новых и

использованию старых укрепленных районов, в том числе сформировать кадры управлений укрепрайонами.

В это время нарастала напряженность на западной границе. О концентрации там немецких войск знали многие, тем более те, кому по долгу службы надлежало заниматься вопросами обороны. Германское правительство объясняло создание такой мощной группировки своим намерением скоро вторгнуться в Англию.

Жуков в это не верил. В один из дней он вызвал Василевского и Ватутина, показал им карту, лежавшую у него на столе, и произнес: «Вот последние данные о концентрации немецких войск. Становится очевидным, что эти силы сосредоточиваются у границ для ведения боевых действий против нас. Исходя из этого, необходимо ускорить реализацию нашего плана стратегического развертывания, подготовить новые предложения правительству для принятия решительных контрмер».

13 мая согласно директиве Генштаба началось выдвижение войск из внутренних округов страны (из Поволжья, с Урала, с Дальнего Востока). Всего следовало перебросить 28 стрелковых дивизий и четыре армейских управления. Но дивизии не были полностью укомплектованы и не имели всей необходимой техники.

14 мая был осуществлен досрочный выпуск курсантов военных училищ, которых сразу же отправили в войска.

15 мая был готов так называемый «план Жукова» – «Соображения по плану стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза». И в тексте была ясно прописана идея превентивного удара по скопившимся в опасной близости к советской границе немецким войскам. Они уже готовы нанести собственный удар и опередить Красную армию, которая еще не отобилизована, как должно, и может не успеть развернуться. «Чтобы предотвратить это, считаю необходимым ни в коем случае не давать инициативу действий германскому командованию, упредить противника в развертывании и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания и не успеет организовать фронт и взаимодействие родов войск».

Прочитав документ, Сталин вызвал Жукова и Тимошенко и закричал, адресуя свой гнев в первую очередь начальнику Генштаба: «Вы что, нас пугать пришли войной или хотите войны, вам мало наград

или званий?!. Если вы будете на границе дразнить немцев, двигать войска без нашего разрешения, тогда головы полетят, имейте в виду».

В тот момент Георгий Константинович был раздосадован. Однако потом пришел к выводу, что вождь был прав. Об этом Жуков говорил военному историку В.А. Анфилову: «Хорошо, что Сталин не согласился с нами. Иначе мы получили бы нечто, подобное Харькову в 1942 году».

В конце мая прошло расширенное заседание Политбюро ЦК ВКП(б), посвященное обороноспособности СССР на тот момент. Доклад делал Жуков. Он настаивал на скорейшей мобилизации, поскольку многие дивизии укомплектованы лишь наполовину, напоминал о нехватке танков, просил ускорить производство другого нового вида вооружения: «Главное артиллерийское управление недооценивает такое мощное реактивное оружие, как БМ-13 («Катюши»). Необходимо, товарищ Сталин, немедленно принять решение об их срочном серийном производстве». И, конечно, в который раз речь шла о необходимости налаживания надежной связи. «Необходимы срочные меры, чтобы, пока еще не поздно, привести телефонно-телеграфную сеть, радио– и радиотрансляционную сеть в надлежащий порядок. Без хорошо налаженной связи вооруженные силы успешно воевать не смогут».

По линии разведки тревожных сообщений поступало все больше. 15 июня 1941 года германские приготовления к войне с СССР на польской территории вступили в решающую фазу. За две недели до этого германскими оккупационными властями в Польше были изданы специальные закрытые распоряжения о подготовке населения приграничных районов к предстоящему началу военных действий. 15 июня появился приказ генерал-губернаторства о том, что все жители пограничных с СССР сел и деревень должны до 4 часов 18 июня эвакуироваться на расстояние от трех до двадцати километров от границы (согласно утвержденному ранее германским командованием и руководством генерал-губернаторства плану), в глубь бывшей польской территории.

Вторжение

Драматическая ночь с 21 на 22 июня 1941 года описана в безмерном количестве мемуарных и художественных произведений.

Для Жукова, который вместе с Тимошенко уже несколько недель одолевал Сталина докладами о подозрительной военной активности немцев у наших границ и просьбами разрешить приведение войск в боевую готовность, ночь на 22 июня, конечно, не была спокойной. Вечером 21 июня начальник штаба Киевского Особого военного округа генерал М.А. Пуркаев доложил Жукову, что его подчиненные доставили очередного немца-перебежчика, и тот уверяет, что через несколько часов германская армия двинется в наступление на Советский Союз, а сейчас войска уже занимают исходные позиции для этого. Жуков сообщил новость Сталину, и тот распорядился, чтобы Тимошенко и Жуков приехали к нему в Кремль.

Генералы не просто прибыли к вождю, но привезли с собой проект директивы о приведении войск в боевую готовность. Между собой они договорились приложить все усилия, чтобы убедить Сталина одобрить это распоряжение.

Совещание началось без десяти девять вечера. Вместе с Жуковым и Тимошенко приехал Буденный, а в кабинете Сталина их, помимо хозяина, уже ждали Молотов, Ворошилов, Берия и Маленков.

«А не подбросили ли нам этого перебежчика, чтобы спровоцировать конфликт?» – спросил Сталин.

Тимошенко твердо отвечал, что перебежчик не единственный, да и информация из других источников поступает аналогичная. А на вопрос, что же в таком случае надо сделать, сообщил, что директива о приведении войск приграничных округов в полную боевую готовность и выдвижении их на оборонительные рубежи – уже подготовлена. И кивнул Жукову, который в соответствии с договоренностью стал зачитывать заранее составленные проект директивы.

Но Сталин снова возразил: «Такую директиву сейчас давать преждевременно. Может, вопрос еще уладится мирным путем. Надо дать короткую директиву, в которой указать, что нападение немецких частей может начаться с провокационных действий. Войска приграничных округов не должны поддаваться ни на какие провокации, чтобы не вызвать осложнений».

Жуков и Ватутин спешно переписали директиву, как было указано. Сталин внес еще несколько поправок и наконец-то одобрил ее, передав бумагу Тимошенко, чтобы тот подписал документ на правах наркома обороны.

Теперь текст содержал предупреждение как о возможности неожиданного вторжения немцев, так и о высокой вероятности провокаций. Но все-таки Жуков и Тимошенко в значительной степени смогли настоять на своем – войскам Ленинградского, Прибалтийского, Западного, Киевского и Одесского военных округов предписывалось быть в полной боевой готовности и если понадобится, отразить натиск немцев и их союзников.

«Военным советам ЛВО, ПрибОВО, ЗапОВО, КОВО, ОдВО.

Копия: Народному комиссару Военно-Морского Флота.

1. В течение 22–23.6.41 г. возможно внезапное нападение немцев на фронтах ЛВО, ПрибОВО, ЗапОВО, КОВО, ОдВО. Нападение может начаться с провокационных действий.

2. Задача наших войск – не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения. Одновременно войскам Ленинградского, Прибалтийского, Западного, Киевского и Одесского военных округов быть в полной боевой готовности встретить возможный внезапный удар немцев или их союзников.

3. Приказываю:

а) в течение ночи на 22.6.41 г. скрытно занять огневые точки укрепленных районов на государственной границе;

б) перед рассветом 22.6.41 г. рассредоточить по полевым аэродромам всю авиацию, в том числе и войсковую, тщательно ее замаскировать;

в) все части привести в боевую готовность. Войска держать рассредоточенно и замаскированно;

г) противовоздушную оборону привести в боевую готовность без дополнительного подъема приписного состава. Подготовить все мероприятия по затемнению городов и объектов;

д) никаких других мероприятий без особого распоряжения не проводить.

Тимошенко. Жуков.

21.6.41 г.»

Директива была передана в перечисленные военные округа уже за полночь. А предстояло еще довести ее до сведения войск, потом

требовалось время на выполнение необходимых действий.

В Генеральном штабе и Наркомате обороны никто не спал и никто не ушел домой. К Жукову и Тимошенко стекалась информация от командующих округами. Те в свою очередь получали сведения от пограничников – и сведения эти были угрожающими: на той стороне границы уже отчетливо слышался усиливающийся шум множества двигателей.

В полночь Жукову из Тарнополя позвонил командующий Киевским округом генерал-полковник Кирпонос и сообщил о новом перебежчике, военнослужащем 222-го пехотного полка 74-й пехотной дивизии вермахта, который переплыл приграничную речушку и пришел к нашим пограничникам всё с той же информацией – в четыре часа утра немцы пойдут в наступление. Жуков велел Кирпоносу поскорее передавать распоряжение о приведении войск в боевую готовность.

А потом произошло то, неизбежность чего советские лидеры и военачальники, в общем-то, уже понимали, но всеми силами старались отодвинуть. О получении рокового известия Жуков рассказывал так:

«Под утро 22 июня Н.Ф. Ватутин и я находились у наркома обороны С.К. Тимошенко в его служебном кабинете.

В 3 часа 07 минут мне позвонил по ВЧ командующий Черноморским флотом адмирал Ф.С. Октябрьский и сообщил: «Система ВНОС флота докладывает о подходе со стороны моря большого количества неизвестных самолетов; флот находится в полной боевой готовности. Прошу указаний».

Я спросил адмирала:

– Ваше решение?

– Решение одно: встретить самолеты огнем противовоздушной обороны флота.

Переговорив с С.К. Тимошенко, я ответил адмиралу Ф.С. Октябрьскому:

– Действуйте и доложите своему наркому.

В 3 часа 30 минут начальник штаба Западного округа генерал В.Е. Климовских доложил о налете немецкой авиации на города Белоруссии. Минуты через три начальник штаба Киевского округа генерал М.А. Пуркаев доложил о налете авиации на города Украины. В 3 часа 40 минут позвонил командующий Прибалтийским военным округом

генерал Ф.И. Кузнецов, который доложил о налетах вражеской авиации на Каунас и другие города.

Нарком приказал мне звонить И.В. Сталину. Звоню. К телефону никто не подходит. Звоню непрерывно. Наконец слышу сонный голос генерала Власика (начальника управления охраны).

– Кто говорит?

– Начальник Генштаба Жуков. Прошу срочно соединить меня с товарищем Сталиным.

– Что? Сейчас?! – изумился начальник охраны. – Товарищ Сталин спит.

– Будите немедленно: немцы бомбят наши города, началась война...»

Один из немецких журналистов, сопровождавших войска, писал тогда: «...миллионы немецких солдат ворвались в Россию без энтузиазма, но со спокойной уверенностью в победе». Однако мысль, что это всё же не война, а очень большая провокация, еще сохранялась у некоторых военачальников.

Вскоре после четырех часов утра командующие Западным и Прибалтийским особыми округами доложили, что после бомбовых и артиллерийских ударов на советскую территорию двинулись наземные немецкие части.

В половине пятого Жуков и Тимошенко приехали в Кремль, где в ответ на свой доклад услышали от Сталина вопрос:

– Не провокация ли это немецких генералов?

– Немцы бомбят наши города на Украине, в Белоруссии и Прибалтике. Какая же это провокация... – отозвался Тимошенко.

– Если нужно организовать провокацию, – проговорил Сталин, – то немецкие генералы бомбят и свои города...

А потом предположил, что Гитлер ничего не знает о происходящем.

Сразу после этого Молотов связался с посольством Германии и услышал, что посол – граф фон Шуленбург – просит принять его. Молотов отправился на встречу с немецким дипломатом, а вернувшись, произнес роковые слова: «Германское правительство объявило нам войну...»

В тяжелой тишине, повисшей после этой фразы, Жуков произнес, что теперь надлежит всеми силами обрушиться на врага, чтобы задержать его продвижение.

- Не задержать, а уничтожить, – добавил Тимошенко.
- Давайте директиву, – резюмировал Сталин.

«ДИРЕКТИВА

**ВОЕННЫМ СОВЕТАМ ЛВО, ПРИБОВО, ЗАПОВО, КОВО, ОДВО,
КОПИЯ НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА
(СССР)**

№ 2

22 июня 1941 г. 7 ч. 15 мин.

22 июня 1941 г. 04 часа утра немецкая авиация без всякого повода совершила налеты на наши аэродромы и города вдоль западной границы и подвергла их бомбардировке.

Одновременно в разных местах германские войска открыли артиллерийский огонь и перешли нашу границу.

В связи с неслыханным по наглости нападением со стороны Германии на Советский Союз

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Войскам всеми силами и средствами обрушиться на вражеские силы и уничтожить их в районах, где они нарушили советскую границу.

2. Разведывательной и боевой авиацией установить места сосредоточения авиации противника и группировку его наземных войск.

Мощными ударами бомбардировочной и штурмовой авиации уничтожить авиацию на аэродромах противника и разбомбить группировки его наземных войск.

Удары авиацией наносить на глубину германской территории до 100–150 км.

Разбомбить Кёнигсберг и Мемель.

На территорию Финляндии и Румынии до особых указаний налетов не делать.

ТИМОШЕНКО

МАЛЕНКОВ

ЖУКОВ».

За эту директиву Жукову немало досталось от тех, кто впоследствии писал о событиях первых дней Великой Отечественной войны. Например, от небезызвестного Виктора Суворова: «Жуков требовал наступать вслепую в условиях полного господства противника

в воздухе». Впрочем, с таким подходом согласны далеко не все. А.В. Исаев в книге «Георгий Жуков» пишет, что ситуация выглядела иначе: «Первый удар 22 июня был сильным, но далеко не смертельным. Вынос аэродромов к границе на дистанцию артиллерийского залпа был исключением, а не правилом».

О серьезно пострадавшей авиации писал впоследствии и сам Жуков. Но точной информации о происходящем в зоне боевых действий утром 22 июня в Москве не имели. Отчасти это объяснялось нарушенной связью – ведь для немцев в план подготовки к войне входила и диверсионная деятельность, одной из целей которой были как раз средства связи.

Приехав обратно в Наркомат обороны, Жуков и Тимошенко скоро узнали, что «перед рассветом 22 июня во всех западных приграничных округах была нарушена проводная связь с войсками и штабы округов и армий не имели возможности быстро передать свои распоряжения». В результате в первые часы войны и в штабы округов, и в Генштаб посыпалась самая разная информация, далеко не достоверная, а то и устаревшая, иногда паническая, иногда наоборот – занижающая силу противника. Были и заведомо ложные сведения.

Тем временем в стране была объявлена мобилизация. В европейской части Советского Союза было введено военное положение. Особые военные округа отныне становились фронтами: Прибалтийский округ – Северо-Западным фронтом, Западный – соответственно, фронтом Западным, а Киевский округ превратился в Юго-Западный фронт.

Днем 22 июня Сталин, осознавший, что точной информации о происходящем в атакованных районах страны получить не удастся, позвонил Жукову и велел тому, как представителю Ставки Главного командования, немедленно отправиться на Юго-Западный фронт, поскольку «командующие фронтами не имеют достаточного опыта в руководстве боевыми действиями войск и, видимо, несколько растерялись». Надлежало самолетом добраться до Киева, а далее следовать в Тернополь, где находился штаб фронта и командный пункт командующего Юго-Западным фронтом генерал-полковника М.П. Кирпоноса. В качестве представителя партийно-государственного руководства Жукова должен был сопровождать член Политбюро Хрущев. Пока он был в пути, в Москве сочинили новую директиву, где

речь шла о контрнаступлении с выходом на территорию противника. Жуков предложил подождать с директивой хотя бы до утра, пока он не разберется, что непосредственно происходит на фронте. Оставшийся в столице «на хозяйстве» Ватутин вздохнул и сказал, что он тоже так думает, но решение свыше уже принято.

Около полуночи новая директива поступила в штаб Юго-Западного фронта, и Жуков, наконец, смог внимательно ее прочитать, а начальник штаба фронта Пуркаев в первый момент схватился за голову, восклицая, что у войск нет возможности ее выполнить. Впрочем, в такой сложной обстановке было не до эмоций, поэтому руководство фронта и Жуков занялись поиском способа исполнить директиву.

По воспоминаниям начальника оперативного отдела штаба Юго-Западного фронта Баграмяна, впоследствии Маршала Советского Союза, Жуков тогда «...был хмур. Он молча кивнул в ответ на мое приветствие. Из разговора я понял, что Жуков считает действия командования фронта недостаточно энергичными и целеустремленными. По его словам, много внимания уделяется решению второстепенных задач и слишком медленно идет сосредоточение корпусов. А нужно определить главную опасность и против нее сосредоточить основные усилия. Такой главной угрозой являются танковые и моторизованные группировки противника, глубоко вклинившиеся в глубь нашей обороны. Поэтому основные силы фронта при поддержке всей авиации должны быть брошены именно на эти направления».

Уже было ясно, что все механизированные корпуса фронта не успеют сосредоточиться для нанесения единого мощного удара. Времени для ожидания не было: немецкие мобильные соединения продолжали наступать. На новом заседании Военного совета фронта было решено атаковать прорвавшихся немцев теми силами, которые есть сейчас.

24 июня контрудар по левому флангу наступающей немецкой группировки был нанесен силами 22-го механизированного корпуса и 135-й стрелковой дивизии. Главной целью было оттянуть на себя силы немцев и тем самым помочь вырваться из «котла» 87-й и 124-й стрелковым дивизиям, попавшим в окружение на восточных подступах к Владимиру-Волынскому. Но части Красной армии действовали несогласованно, потери оказались велики, подоспели новые немецкие

танковые соединения... В общем, пришлось отступить. А 8-й мехкорпус, как и еще два механизированных и три стрелковых корпуса, еще не успел занять указанный ему район. Основной контрудар был перенесен на 26 июня.

Рано утром 26 июня Жукова, находившегося в Тарнополе, вызвал к телефону Сталин и приказал немедленно лететь в Москву – слишком плохи дела на Западном фронте, где части вермахта стремительно движутся к Минску. При этом невозможно понять, где командующий фронтом Павлов, нет связи с маршалом Куликом, а маршал Шапошников совсем некстати заболел...

Прилетев в тот же день в Москву, Жуков, никуда не заезжая, с аэродрома помчался в Кремль. В кабинете Сталина он застал Тимошенко и Ватутина. Все трое выглядели до крайности измученными нервным напряжением и бессонницей.

Сталин швырнул на стол карту Западного фронта и спросил:

– Что тут можно сделать?

Жуков попросил сорок минут на обдумывание сложившейся ситуации.

Вместе с Ватутиным и Тимошенко Жуков попытался найти решение, хотя дела на Западном фронте и впрямь складывались катастрофически: «Западнее Минска были окружены и дрались в неравном бою остатки 3-й и 10-й армий, сковывая значительные силы противника. Остатки 4-й армии частично отошли в Припятские леса. С линии Докшицы – Смолевичи – Слуцк – Пинск отходили на реку Березину разрозненные части войск, понесшие в предыдущих боях серьезные потери. Эти ослабленные войска фронта преследовались мощными группировками противника».

Ситуация выглядела отчаянной. Единственное, что смогли сразу предложить Жуков, Тимошенко и Ватутин, это как можно скорее занять оборону на рубеже, проходящем по Западной Двине и линии Полоцк – Витебск – Орша – Могилёв – Мозырь. Было также предложено немедленно начать организацию резервного оборонительного рубежа от озера Селижарово к Смоленску, а далее – к Рославлю и Гомелю.

Сталин все предложения одобрил.

Но за экстренными решениями Жуков уже видел главную задачу – оборону Москвы. Именно на пути к ней следовало создавать глубоко эшелонированную оборону, всячески изматывать немецкую армию,

чтобы, собрав силы, остановить наступление вермахта на какой-то из линий обороны. 27 июня командующему группой армий резерва Главного командования маршалу Буденному было приказано срочно занять оборонительный рубеж, проходивший по Западной Двине и Днепру, чтобы предотвратить прорыв германской армии к Москве. Новым местом дислокации штаба Буденного был выбран Смоленск.

А тем временем обстановка на Западном фронте продолжала ухудшаться.

Вечером 28 июня части Красной армии оставили Минск.

30 июня Жукову в Генштаб позвонил И.В. Сталин и приказал вызвать в Москву командующего Западным фронтом генерала армии Павлова. Его принял Жуков, по его собственным словам, едва узнавший пытавшегося оправдаться генерала, – так тот изменился за первые восемь дней войны. Но в течение этого, казалось бы, небольшого срока Западный фронт понес тяжелые потери – свыше трети миллиона погибших солдат и офицеров, было разгромлено 24 советские дивизии из 44.

Сталин, вызвавший Павлова, отказался его принять и отдал приказ возвращаться «туда, откуда приехал». Скоро Павлов, отправившийся обратно в Белоруссию, был арестован и 22 июля приговорен Военной коллегией Верховного Суда Союза СССР к расстрелу.

1 июля 1941 года Георгий Жуков от имени Ставки Главного командования издал директиву, предписывающую командующим фронтами организовывать ночные рейды против немецких моторизованных частей. Надлежало скрытно выводить на позицию маневренные группы, атаковать под прикрытием темноты и уходить на базу до рассвета. «Боевыми действиями против танковых и моторизованных частей противника установлена неспособность немцев отражать внезапные ночные атаки на танки, бронемашину и мототранспорт... – говорилось в директиве. – Немцы боятся вступать в рукопашный бой...» По свидетельствам участников Великой Отечественной войны на тех участках фронта, где удавалось применить эту тактику, она производила очень сильный деморализующий эффект на противника.

Очередным ключевым пунктом, вокруг которого разыгрывались жестокие сражения, стал Смоленск – город на берегу Днепра в верхнем его течении. От Смоленска до Москвы – меньше 400 километров.

То есть, смяв боевые порядки Западного фронта около Минска и выйдя к Смоленску, германская армия уже оказывалась на дальних подступах к самой столице СССР. Натиск немцев одновременно происходил в направлении на Смоленск, Великие Луки и Рославль, там шли яростные бои. 2-я танковая группа вермахта переправилась через Днепр, а 3-я – прорвала оборону Западного фронта в районе Витебска. А потом обе танковых группы устремились на Смоленск, чтобы снова окружить части Западного фронта. По замыслу германского военного руководства, выполнение этой задачи открывало прямой путь к Москве.

По мнению Жукова, прежде всего, следовало сосредоточиться на удержании Смоленских ворот – междуречья Западной Двины и Днепра в районе Витебск – Орша, эта задача была возложена на войска 16, 19 и 20-й армий. 13-я армия была развернута со стороны Могилёва и упорно обороняла занятый рубеж.

Еще южнее находилась 21-я армия, которая 13 июля нанесла удар в направлении на Бобруйск. 13 июля ночью через Днепр переправились разведгруппы стрелкового корпуса под командованием Петровского.

14 июля город Жлобин был взят нашими войсками. Форсировав Днепр, войска 21-й армии освободили не только Жлобин, но и Рогачев, и продолжили продвижение на северо-запад. Немцы бросили им навстречу войска 2-й полевой армии. Но в это самое время кавалерийская группа генерала Городовикова прорвалась по немецким тылам и вышла в район Бобруйска. К вечеру того же дня корпус Петровского вышел с югу и юго-запада к Бобруйску, вынудив немецкие подразделения занять оборону и вступить в бой. Немцам пришлось срочно привлекать силы из резерва. Таким образом, на рославльском направлении продвижение германской армии было если не остановлено, то в значительной степени затруднено.

Однако наступление вермахта в центре Западного фронта продолжалось. «Падение Смоленска было тяжело воспринято Государственным Комитетом Обороны и особенно И.В. Сталиным, – вспоминал Жуков. – Он был вне себя. Мы, руководящие военные работники, испытали тогда всю тяжесть сталинского гнева». Сталин категорически потребовал – любой ценой вернуть город. Шансов на выполнение такого распоряжения практически не было... Под Смоленском была окружена значительная группировка советских

войск, которой приходилось сражаться с превосходящими силами противника.

14 июля Жуков подписал приказ о создании Фронта резервных армий, войска которого развертывались на рубеже Старая Русса – Осташков – Белый – Ельня – Брянск.

Главной задачей войск в Смоленском сражении было сохранение коммуникаций между почти уже попавшими в окружение под Смоленском 16-й и 20-й армий с основными силами Западного фронта. Единственный способ добиться результата Жуков видел в постоянном нанесении контрударов по разрозненным, далеко оторвавшимся от пехоты и тыловых частей немецким моторизованным корпусам. И цель была достигнута, о чем свидетельствует дневниковая запись, сделанная фон Бокком 20 июля: «Сегодня разразился настоящий ад!»

27 июля кольцо окружения вокруг наших войск под Смоленском всё же сомкнулось – на помощь Гудериану подошла танковая группа Гота. Однако 1 августа одновременно был нанесен удар и со стороны двух окруженных армий, и с внешней стороны «котла», где немцев атаковали войска под командованием Рокоссовского. Окружение было прорвано, что позволило значительной части попавших в него подразделений Красной армии отойти за Днепр на рубеж Холм-Жирковский – Ярцево – Ельня.

Стремительно ухудшалась обстановка и на Юго-Западном фронте, где неудержимо катились вперед танковые колонны под командованием генерала фон Клейста. Механизированные корпуса Красной армии пытались остановить продвижение этой армады атаками с флангов. Но на пути бронированного клина находилась только не слишком многочисленная группа войск, которой командовал генерал Лукин. А дальше дорога на Киев была открыта...

30 июня Жуков послал в штаб Юго-Западного фронта распоряжение – отойти на рубеж Коростенского, Новоград-Волынского, Шепетовского, Староконстантиновского и Проскуровского укрепленных районов, то есть на линию старой государственной границы. При этом Жуков требовал отступить «изобретательно», чтобы не позволить противнику окружить значительные силы фронта. Отход войск следовало прикрывать авиацией и противотанковой артиллерией.

Жуков решил изложить Сталину свои соображения:

«...Наиболее слабым и опасным участком обороны наших войск является Центральный фронт. Наши 13-я и 21-я армии, прикрывающие направление на Унечу – Гомель, очень малочисленны и технически слабы. Немцы могут воспользоваться этим слабым местом и ударить во фланг и тыл войскам Юго-Западного фронта, удерживающим район Киева.

– Что вы предлагаете? – насторожился И.В. Сталин.

– Прежде всего, укрепить Центральный фронт, передав ему не менее трех армий, усиленных артиллерией... Юго-Западный фронт уже сейчас необходимо целиком отвести за Днепр. За стыком Центрального и Юго-Западного фронтов сосредоточить резервы не менее пяти усиленных дивизий.

– А как же Киев?..

– ...Киев придется оставить».

Вскоре Жуков узнал, что он освобожден от обязанностей начальника Генерального штаба – его сменил Шапошников. «Вы вот тут докладывали об организации контрудара под Ельней. Ну и возьмитесь за это дело».

Этот момент вызывает немало споров среди военных историков.

Так, например, Исаев пишет: «Канонический вариант легенды звучит следующим образом: «Жуков предвидел окружение Юго-Западного фронта и предупреждал Сталина, но диктатор не желал слушать о сдаче Киева». Отвод за Днепр никак не мог предотвратить катастрофу Юго-Западного фронта: клещи двух танковых групп замкнулись намного восточнее среднего течения Днепра. Для ухода от поворота Гудериана на юг требовалось отходить за Псел...»

Впрочем, существует и мнение, что никакой подобной сцены вообще не было. Основным аргументом в пользу этого является тот факт, что Жуков в своих «Воспоминаниях и размышлениях» называет дату разговора – 29 июля. А в журнале, где фиксировались фамилии всех, кто был на приеме у Сталина, визит Жукова 29 июля 1941 года не значится...

Однако в тех же мемуарах далее говорится, что приказ Ставки о новом назначении Жукова был издан «на следующий день». Но этот приказ датирован 10 августа. А вот 9 августа Жуков, согласно тому самому журналу посещений, на приеме у Сталина как раз был.

Что стало причиной появления в «Воспоминаниях и размышлениях» ошибочной даты – оговорка самого маршала или ошибка литзаписчика вкупе с дальнейшей невнимательностью редактора, теперь уже не установить...

Кстати, если бурный разговор с Жуковым был 9 августа, то следует учесть, что накануне Сталин имел весьма напряженную беседу с генералом Кирпоносом, и речь шла как раз об отчаянной борьбе за удержание Киева.

Но спасти Киев не удалось, как и уберечь от катастрофы Юго-Западный фронт. 12 сентября на кременчугский плацдарм переправилась 1-я танковая группа Эвальда фон Клейста. Ее стремительное продвижение и обеспечило смыкание кольца вокруг советских войск. 15 сентября около села Лохвица соединились 1-я танковая группа Клейста и 24-й моторизованного корпуса 2-й танковой группы Гудериана. Тем самым был замкнут «Киевский котел». В окружение тогда попало все управление Юго-Западного фронта. 20 сентября в бою возле хутора Дрюковщина в бою погиб командующий фронтом Кирпонос...

Вырваться из «котла» удалось немногим подразделениям. Так, Баграмян вывел из окружения большой сводный отряд. Прорвался сквозь линию фронта и отряд, возглавляемый командующим 37-й армией – генералом Власовым.

От Ельни до Ленинграда

На фоне несовпадения дат в мемуарах Жукова и в журнале приемов у Сталина почему-то мало кто замечает несовпадение дат в самых что ни на есть официальных бумагах. Хорошо известный текст директивы «Об устранении недостатков в организации и ведении боевых действий», подписанный Жуковым уже в качестве командующего Резервным фронтом, обычно датируется 5 августа, хотя на приказе о его назначении на эту должность стоит дата пятью днями позже.

30 августа началась Ельнинская операция – первая успешная наступательная операция Красной армии во время Великой Отечественной войны. Целью была ликвидация так называемого «ельнинского выступа», образованного фронтом наступавших, но

остановленных немецких войск. Наступление на Ельню вел Резервный фронт, которым командовал Жуков, в составе двух армий – 24-й и 43-й. Перед началом операции была проведена мощная артподготовка. Наступление советских войск развивалось не так быстро и успешно, как надеялась Ставка, однако в итоге ельнинский выступ был ликвидирован, а город Ельня освобожден.

Сам Жуков особое внимание обращал на результат работы реактивных минометов: «Реактивные снаряды своими действиями производили сплошное опустошение. Я осмотрел районы, по которым велся обстрел, и увидел полное уничтожение оборонительных сооружений. Ушаково – главный узел обороны противника – в результате залпов реактивных снарядов было совершенно разрушено, а убежища завалены и разбиты».

Известный американский журналист Г. Солсбери утверждал: «Ничего не было страшнее во Вторую мировую войну, чем «катюши». Неистовый визг мин, устрашающий дымный след, грохот взрывов, все вокруг взрывалось в огне и громе...»

Тогда же Жуков составил заметки по итогам Ельнинской операции, в который залогом успеха назвал тщательное изучение местности, где происходят боевые действия, быстрое выявление слабых сторон противника в данной конкретной ситуации, а также умение находить нестандартные решения и свободно действовать в ночное время.

Но применять полученный опыт генералу армии Жукову пришлось уже в Ленинграде.

8 сентября 1941 года немецкие войска при поддержке финских и испанских частей замкнули кольцо окружения вокруг Ленинграда. Положение в городе стало критическим. Возглавлявшие оборону Жданов и Ворошилов слали в Москву панические телеграммы о том, что удержать Северную столицу невозможно.

Сталин вызвал Жукова с фронта и сообщил: «Вам придется лететь в Ленинград и принять от Ворошилова командование фронтом и Балтфлотом».

Вырвав листок из блокнота, Сталин размашисто написал на нем единственную фразу: «Передайте командование фронтом Жукову, а сами немедленно вылетайте в Москву» – и протянул записку самому Жукову, сказав, чтобы тот по прибытии в Ленинград лично отдал ее Ворошилову.

10 сентября Жуков с генералами Федюнинским и Хозиным вылетел в уже окруженный кольцом блокады Ленинград. Долетели благополучно, и едва приземлившись, Жуков отправился в Смольный, где застал Ворошилова и весь Военный совет Ленинградского фронта за разговором о том, что город придется сдать, а все важные объекты и корабли Балтийского флота взорвать.

Прервав обсуждение, Жуков протянул Ворошилову собственноручную записку Сталина, предписывавшую тому сдать командование новоприбывшему. После этого Жуков громко сказал, что отныне обороной города будет руководить он.

На Ленинград наступала группа армий «Север» под командованием генерал-фельдмаршала фон Лееба. Самая мощная группировка танковых и моторизованных соединений противника была размещена по направлению к Урицку, Пулковским высотам и Слуцку. Жуков видел в этом верную приметку грядущего штурма города.

12 сентября Ворошилов отправился в 54-ю армию маршала Г.И. Кулика. Генерал Федюнинский был послан Жуковым на передний край, туда, где на Пулковских высотах и под Урицком оборонялись войска 42-й армии. А командующий Балтийским флотом вице-адмирал Трибуц получил указание подвести боевые суда как можно ближе к южному берегу Финского залива, чтобы можно было использовать против немцев корабельную артиллерию.

В штабе фон Лееба в это время уже сидел специально присланный из Ставки Гитлера фельдъегерь – ждал сообщения о взятии Ленинграда, чтобы немедленно доставить эту радостную новость фюреру.

15 сентября части вермахта снова начали наступление на поселок Володарского и Урицк. Подразделения Красной армии были вынуждены отступить на южные окраины этих населенных пунктов. В этой отчаянной обстановке Жуков увидел неожиданный проблеск надежды: «...с выходом противника к поселку Володарского и Урицку левый фланг его ударной группировки оказался еще более растянутым. Мы решили использовать это выгодное для нас обстоятельство и нанести контрудар по врагу силами 8-й армии».

О своем намерении Жуков доложил в Москву и просил воздействовать на маршала Кулика, чтобы 54-я армия нанесла свой удар синхронно с защитниками Ленинграда. 16 сентября Сталин прислал Кулику телеграмму, в которой требовал «...не задерживать подготовку к

наступлению, а вести его решительно, дабы открыть сообщение с Жуковым».

19 сентября советские войска нанесли удар по флангу немецкой группировки, которая в это самое время вела активное наступление на Ленинград в районе Пулковских высот. На город здесь наступали шесть германских дивизий при мощной поддержке артиллерии и авиации. Жуков, у которого в окруженном городе не было никаких резервов, решил ослабить этот натиск, перегруппировав свои немногочисленные силы и бросив их в прорыв там, где немцы удара не ждали. 8-я армия атаковала численно превосходившего противника с такой яростью, что немецкий командующий фон Лееб был вынужден отвести от Пулковских высот мехкорпус, чтобы защитить собственные тылы.

«Лееб понимал – пока подойдут резервы, части Жукова вырвутся на тылы и перемелют все так, что вообще придется отходить от Ленинграда, – пишет Владимир Карпов в книге «Маршал Жуков». – И Лееб дает приказ снять механизированный корпус, уже нацеленный для удара там, где виделся наибольший успех, и бросает этот корпус для спасения фланга. Но именно в этом и состояла цель Жукова. Напор на Пулковском рубеже ослаб...»

54-я армия все еще медлила с ударом, способным прорвать блокадное кольцо. 20 сентября Сталин прислал Кулику новую телеграмму: «Вы очень запоздали. Надо наверстать потерянное время...». 29 сентября Кулик был снят с командования, а 54-я армию передана в подчинение Ленинградскому фронту. Жуков поставил во главе ее прилетевшего с ним генерала Хозина, которому одновременно пришлось остаться и начальником штаба фронта: не хватало не только солдат, но и командиров.

Однако силы были на исходе не только у Красной армии, но и у группы армий «Центр». Наступление вермахта остановилось. Немцы принялись копать землянки, обустроиваться на зиму. Разгневанный таким провалом Гитлер вскоре отправил фон Лееба в отставку.

По словам Жукова, «линия обороны на подступах к Ленинграду с юга стабилизировалась и осталась без существенных изменений до января 1943 года».

Но снова осложнилась ситуация на московском направлении.

На подступах к Москве

30 сентября танки Гудериана и войска 2-й армии обрушились на силы Брянского фронта. Выждав два дня, пока развернутся бои на Брянском фронте, немцы нанесли удар и по другим фронтам – Западному и Резервному. Особо тяжело Красной армии пришлось в районе Вязьмы – здесь оборона была прорвана сразу в двух местах, севернее и южнее города, в окружение на западе от Вязьмы попали 19, 20-я, 24-я, 32-я армии, значительная часть 16-й армии.

5 октября телеграфный аппарат «Бодо» донес до Жукова срочный вызов Сталина: «...можете ли вы незамедлительно вылететь в Москву?» Причина была серьезней некуда. Из Подольска от коменданта Малоярославецкого укрепрайона комбрига Елисеева поступило экстренное донесение: город Юхнов, в 85 километрах на северо-запад от Калуги, захвачен немцами, танки идут к Малоярославцу, откуда им будет открыта дорога на Подольск...

Расстояние от Малоярославца до Москвы – чуть больше ста километров, причем не по бездорожью, а по отличному шоссе. От Подольска до нынешней МКАД – порядка 30 километров. То есть выход немецких танкистов к Малоярославцу означал, что до центра Москвы им остается два-три часа пути. Войск, способных отразить удар, на этом участке не было. «Противника больше нет», – писал в дневнике начальник германского штаба сухопутных войск Гальдер.

С занятий спешно сняли курсантов двух военных училищ, находившихся в Подольске, – пехотного (две тысячи человек) и артиллерийского (полторы тысячи) и, собрав, какое нашлось, вооружение, отправили оборонять Малоярославец. Отчаянным сопротивлением «красные юнкера» задержали противника, позволив командованию выиграть немного времени.

При таких обстоятельствах Сталин вызвал в Москву Жукова. На аэродроме его встретил начальник охраны Сталина генерал Власик и привез прямо домой к Верховному. Жуков вспоминал, что когда он приехал, Сталин разговаривал с Берией и бросил фразу – на крайний случай нужно разведать возможность заключения мира.

Жуков предположил, что немецкие войска, отведенные из-под Ленинграда, в будущем будут пополнены и переброшены на московское направление.

– Кажется, они уже... – мрачно обронил Сталин.

Жуков заехал в Генштаб, где переговорил с Шапошниковым, и поехал в сторону Можайска, за которым должен был быть штаб Западного фронта. К трем часам ночи он добрался до штаба, там совещались командующий Западным фронтом Конев, начальник штаба фронта генерал Соколовский, член Военного совета Булганин и начальник оперативного отдела генерал-лейтенант Маландин. Впоследствии Жуков напишет, что они выглядели не просто усталыми, а потрясенными. Вид у них был не только усталый, но, как сказано в рукописи Жукова, какой-то «потрясенный».

И неудивительно – к вечеру 7 октября все пути на Москву, по существу, были открыты. Жуков доложил Сталину: «Главная опасность сейчас заключается в слабом прикрытии на Можайской линии. Бронетанковые войска противника могут поэтому внезапно появиться под Москвой. Надо быстрее стягивать войска, откуда только можно на Можайскую линию обороны». А сам поехал разыскивать Буденного и штаб Резервного фронта «где-то в районе Малоярославца». Ранним утром в лесу у реки Протвы нашелся штаб, но там никто не знал, где командующий. Начальник штаба фронта генерал-майор А.Ф. Анисов поведал: «Днем он был в 43-й армии. Боюсь, как бы чего-нибудь не случилось с Семеном Михайловичем...»

С Буденным ничего не случилось, если не считать того, что он уже вторые сутки не мог связаться ни с Коневым, ни с собственным штабом. Жуков отыскал его в Малоярославце – в райисполкоме и услышал, что фронта практически больше нет.

– Штаб фронта снялся в мое отсутствие, и сейчас не знаю, где он остановился, – пожаловался Буденный.

– Я его нашел в лесу налево, за железнодорожным мостом через реку Протву. Тебя там ждут. На Западном фронте, к сожалению, дела очень плохие, большая часть сил попала в окружение.

– У нас не лучше, 24-я и 32-я армии отрезаны. Вчера я сам чуть не угодил в лапы противника между Юхновом и Вязьмой. В сторону Вязьмы шли большие танковые и моторизованные колонны, видимо, для обхода города с востока.

– Ну, а кто же прикрывает дорогу от Юхнова на Малоярославец?

– Когда я ехал сюда, кроме трех милиционеров в Медыни, никого не встретил. Местные власти из Медыни ушли.

Жуков велел Буденному ехать в штаб, а сам отправился в сторону Юхнова, чтобы на месте разобраться в ситуации. То и дело приходилось тормозить и осматриваться, чтобы не угодить напрямик в расположение немецких войск. Наконец, Жуков обнаружил советскую танковую бригаду, которой командовал И.И. Троицкий, знакомый ему еще по Халхин-Голу. Танкисты сообщили, что Юхнов захвачен противником, под Калугой идут бои, а они стоят тут второй день, не получая никаких распоряжений. Жуков велел Троицкому послать вестового в штаб Резервного фронта и развернуть бригаду, чтобы прикрыть дорогу на Медынь.

А сам отправился в сторону Калуги. В пути его разыскал офицер связи, передавший приказ Сталина – 10 октября явиться в штаб Западного фронта. Вернувшись 8 октября в штаб Резервного фронта, Георгий Константинович узнал, что Буденный от командования отстранен, и на его место назначен он, Жуков. Западный и Резервный фронты отныне объединены в один Западный под его руководством.

При этом без очередного сеанса поиска виновных дело не обошлось. В штаб прибыла комиссия ГКО (Молотов, Василевский, Маленков), собиравшаяся обвинить Конева, бывшего командующего Западным фронтом, и забрать в Москву на расправу. Но Жуков не отдал Конева, заявив Сталину, что Коневу надо поручить руководство на удаленном калининском направлении. На прямой вопрос Сталина: «Почему вы защищаете Конева?» – Георгий Константинович прямолинейно ответил: «Мы с ним никогда не были друзьями. Знаю его по службе в Белорусском округе и считаю, что он справится с этими обязанностями. Кроме того, у меня сейчас других кандидатур нет». В результате Конев не стал очередной жертвой поражений Красной армии, а был утвержден заместителем Жукова на Западном фронте.

«Противник сумел пробить 500-километровую брешь в обороне советских войск, – описывает тогдашнюю ситуацию Владимир Дайнес в книге «Жуков». – Ситуация складывалась драматическая. 2-я танковая группа нацелилась на Тулу, чтобы овладеть дорогами для дальнейшего наступления на Коломну, Каширу и Серпухов. 3-я и 9-я армии намеревались уничтожить советские войска, окруженные в районе Дорогобуж, Вязьма. 4-я армия должна была наступать с рубежа Калуга – Медынь в северо-восточном направлении, захватить переправы через реку Протва у Малоярославца и Боровска. На 3-ю танковую группу

возлагался захват линии Гжатск – южнее Сычевска. 2-й армии было приказано во взаимодействии со 2-й танковой группой подавить сопротивление в районе Трубчевск, Жиздра и овладеть дорогой Рославль – Брянск».

13 октября на всех участках Западного фронта возобновились ожесточенные бои. Сплошной линии фронта не было, а обстановка менялась каждый час. Жукову было ясно, что слова о том, что от каждого подразделения сейчас зависит судьба Москвы, – не пустая риторика. Но он мог выставить против военной машины вермахта большей частью спешно собранные и подготовленные в ускоренном режиме части.

Немецкое командование было уверено, что войска не встретят серьезного противодействия, и их надо скорее сдерживать, чем подгонять: «Согласно категорическому приказу фюрера и главнокомандующего вооруженными силами войска не должны вступать в центр города Москвы. Границей для наступления и разведки является окружная железная дорога...»

18 октября 1941 года командующий Западным фронтом Жуков представил в Ставку Верховного Главнокомандования план отвода войск с Можайского оборонительного рубежа – на тот случай, если указанный рубеж удержать не удастся, как оно и произошло впоследствии. Крайний рубеж, где надлежало организовать мощную оборону и все необходимое для размещения основной массы артиллерии, был обозначен «по линии Новозавидовский – Клин – Истринское водохранилище – Истра – Жаворонки – Красная Пахра – Серпухов – Алексин». Штаб Западного фронта, в котором в самые критические для обороны Москвы дни находился сам Жуков, был расположен, по разным сведениям, в селе Перхушково или возле одноименной железнодорожной станции в деревне Власиха. В любом случае это место лишь на несколько километров отстояло от находившегося в центре линии поселка Жаворонки.

Жуков, как и в Ленинграде, взялся устанавливать в войсках жесточайшую дисциплину. 21 октября он адресует Военному совету 43-й армии распоряжение: «...В связи с неоднократным бегством с поля боя 17 и 53 стрелковых дивизий приказываю:

В целях борьбы с дезертирством выделить к утру 22.10 отряд заграждения, отобрав в него надежных бойцов за счет воздушно-

десантного корпуса.

Заставить 17 и 53 сд упорно драться, и в случае бегства выделенному отряду заграждения расстреливать на месте всех, бросающих поле боя».

А уже ранним утром следующего дня командующему 43-й армией генерал-майору Голубеву предписывается тотчас арестовать командира 17-й стрелковой дивизии, самовольно оставившей рубеж обороны, саму же дивизию «заставить вернуть утром Тарутино, во что бы то ни стало, включительно до самопожертвования».

Но немцы продолжали двигаться к Москве, хотя и не так быстро и легко, как надеялся фюрер. Тем не менее конец октября был печален для Красной армии – пришлось оставить Наро-Фоминск, Волоколамск, Рузу. Рузу, один из стариннейших форпостов Москвы, сдали, можно сказать, без боя. Для виновников это имело самые печальные последствия – командир дивизии подполковник Герасимов и комиссар дивизии бригадный комиссар Шабалов были расстреляны перед строем.

Но тем не менее, группа армий «Центр» не сумела, как планировалось, занять Москву в середине октября. И если раньше немецкие генералы именовали противостоящие им войска армией или группой армий Тимошенко, то теперь на первом плане и для них оказался Жуков.

«Когда мы вплотную подошли к Москве, настроение наших командиров и войск вдруг резко изменилось... – вспоминал генерал Блюментрит. – Командование русскими войсками, прикрывавшими Москву, теперь принял маршал Жуков. За несколько недель его войска создали глубоко эшелонированную оборону, которая проходила через лес, примыкавший к реке Нара, от Серпухова на юге до Наро-Фоминска и далее на север. Тщательно замаскированные опорные пункты, проволочные заграждения и большие минные поля теперь заполняли огромный лесной массив, прикрывавший западные подступы к столице».

Советская разведка донесла, что немцы подводят к линии фронта резервы, явно готовясь к решающему удару. Очевидно было даже, где это может произойти, – прежде всего со стороны Волоколамска, а также в районе Тулы. Город русских оружейников немцы захватить не смогли,

но вполне имели возможность обойти его стороной и ударить сразу на Каширу.

Жуков доложил об этом Сталину. Верховный потребовал сорвать готовящееся наступление противника путем нанесения упреждающих контрударов на самых угрожаемых направлениях. Он настаивал, что следует атаковать немцев около Волоколамска, одновременно ударив во фланг 4-й армии вермахта со стороны Серпухова.

Главком Западного фронта напрягся, услышав такое. Контрудары им запланированы не были, и он знал, что свободных сил для их осуществления нет. Бросать неподготовленные части без поддержки артиллерии и самолетов против сильного противника – означает наверняка потерпеть поражение.

– Какими же силами мы будем наносить эти контрудары? – спросил Жуков. – Западный фронт свободных сил не имеет. У нас есть силы только для обороны.

– В районе Волоколамска используйте правофланговые соединения армии Рокоссовского, танковую дивизию и кавкорпус Доватора. В районе Серпухова используйте кавкорпус Белова, танковую дивизию Гетмана и часть сил 49-й армии, – распорядился Сталин.

– Считаю, что этого делать сейчас нельзя, – возразил Жуков. – Мы не можем бросать на контрудары, успех которых сомнителен, последние резервы фронта. Нам нечем будет тогда подкрепить оборону войск армий, когда противник перейдет в наступление своими ударными группировками.

– Ваш фронт имеет шесть армий. Разве этого мало?

– Но ведь линия обороны войск Западного фронта сильно растянулась; с изгибами она достигла в настоящее время более 600 километров. У нас очень мало резервов в глубине, особенно в центре фронта.

– Вопрос о контрударах считайте решенным, – отмахнулся Сталин и велел снова обращаться к нему только с готовым планом их проведения. После чего бросил трубку.

Контрудары были организованы, «главным образом действовала конница», и никакого особого эффекта они не принесли. Разве что под Алексином получилось изрядно потрепать 4-ю армию, так что она не смогла потом присоединиться к наступлению на Москву.

15 ноября началось новое наступление группы армий «Центр» на Москву. Основной натиск пришелся на северо-западные рубежи столицы со стороны Калинина, Волоколамска и Рузы. Установившиеся морозы пока еще были скорее на руку немцам, чем во вред, – танки перестали застревать в грязи и не нуждались в дорогах с твердым покрытием.

Войска правого крыла Западного фронта отчаянно оборонялись. Немцы продолжали нажимать. У советского командования начали сдавать нервы. Жуков признавался, что из-за постоянных бессонных ночей иногда даже терялся счет времени. Оно разграничивалось только боевыми донесениями и звонками Верховного. Однажды глубокой ночью Сталин позвонил и спросил: «Вы уверены, что мы удержим Москву?» Жуков ответил утвердительно, но надо еще две армии и две сотни танков. Танки в тот момент взять было негде, но две резервных армии Сталин обещал помочь найти.

28 ноября немецкие войска прорвались к каналу Москва – Волга и форсировали его южнее Яхромы. 30 ноября – заняли поселок Красная Поляна возле станции Лобня Савеловской железной дороги, – менее чем в 30 километрах от Москвы. Но между этими событиями, 29 ноября, командующий группой армий «Центр» фон Бок уже поставил вопрос перед командованием сухопутных войск вермахта о приостановке немецкого наступления под Москвой и переходе к обороне. Жуков не знал о том, что фон Бок предложил прекратить наступление. Но он, видимо, почувствовал, что противник выдыхается. И сам предложил Сталину перейти в контрнаступление. За один день был разработан план, и Сталину была отправлена карта с коротким пояснением.

Предполагалось ударить в направлении на Клин, Солнечногорск и Истру, а на левом крыле фронта нанести удары по группе Гудериана с фланга и тыла. Далеко продвигаться не планировалось – лишь на 60—100 километров; на большее, по мнению Жукова, в данный момент не хватало сил. Сталин план утвердил в первоначальном виде без поправок и подписал прилагаемую карту: «Согласен. И. Сталин».

Перегруппировку перед началом контрнаступления требовалось вести максимально скрытно, одновременно отражая еще продолжавшийся натиск вермахта. Немецкие войска то и дело

прорывались на разных участках фронта. Жуков мрачно шутил: «Штопаем тришкин кафтан...»

И вот части германской армии ринулись в наступление в районе Наро-Фоминска – и на восток к Апрелевке, и на север в сторону Кубинки. Жуков помчался на передовую. На опасный участок были переброшены силы из резерва, и натиск удалось отразить. Под Кубинкой немцев остановили, а со стороны Апрелевки вдобавок нанесли контрудар.

5 декабря штаб группы армий «Центр» направил боевое распоряжение командующим 4-й армией, 4-й и 3-й танковым группам: «Начало отхода, для которого, по расчетам группы армий, потребуется две ночи, возможно, будет намечено на вечер 6 декабря, о чем будет сообщено в особом приказе...» На следующий день обещанный приказ действительно был дан. Немецкое наступление на Москву захлебнулось и остановилось.

Советские войска начали свое наступление 6 декабря в три часа утра. 11 декабря была освобождена Истра, на следующий день – Солнечногорск. Группа Гудериана начала отступать от Тулы.

Вязьма – надежда и трагедия

5 января 1942 года в Ставке прошло совещание, посвященное плану большого наступления по всему советско-германскому фронту от Черноморского побережья до Ладоги. Жуков выразил сомнения в том, что это возможно, – на северо-западе и юго-западе немцы успели обустроить мощные оборонительные рубежи. Он считал, что следовало бы сосредоточить все силы для наступления на западе, где немцы не имели глубоко эшелонированной обороны и не успели восстановить силы после декабрьского контрнаступления Красной армии.

«Мы не имели, – писал он позже, – в распоряжении фронтов полноценных танковых и механизированных соединений, а без них, как показала практика войны, проводить наступательные операции с решительными целями и с большим размахом нельзя. Опережать маневр противника, быстро обходить его фланги, перерезать тыловые пути, окружать и рассекать вражеские группировки можно только с помощью мощных танковых и механизированных соединений».

Но план наступления был принят в первоначальном виде. Сталин высказался в том духе, что немцам нельзя давать передышки, – нужно безостановочно гнать их на запад, вынуждая израсходовать все резервы. Расчет был на то, что эвакуированные на восток советские военные предприятия будут выдавать все больше и больше вооружения, а немцам неоткуда будет компенсировать потери.

Решение о наступлении было утверждено.

8 января, исполняя указанную директиву, начали наступление части Северо-Западного и Калининского фронтов. Но основные и самые тяжелые бои развернулись в зоне действия Западного фронта.

19 января 33-я армия взяла Верею. И в тот же день Ставка приказала срочно перебросить 1-ю ударную армию для усиления Северо-Западного фронта. Жуков воспротивился, говоря, что это помешает завершить наступление.

– Выводите без всяких разговоров! – рявкнул Сталин. – У вас войск много, посчитайте, сколько у вас армий...

– Товарищ Верховный Главнокомандующий, – упорствовал Жуков, – фронт у нас очень широк, на всех направлениях идут ожесточенные бои, исключаяющие возможность перегруппировок. Прошу до завершения начатого наступления не выводить 1-ю ударную армию из состава правого крыла Западного фронта, не ослаблять на этом участке нажим на врага...

Сталин швырнул телефонную трубку на рычаг и продолжать разговор не стал.

В те дни Жуков обратил внимание, что на стыке флангов наступающих 33-й и 43-й армий образовался проем, в котором сопротивление немцев было предельно ослаблено. Именно туда Жуков решил бросить войска 33-й армии, дабы они могли ударить на Вязьму. Южнее Вязьмы высадился воздушный десант, соединившийся с корпусом Белова.

20 января. Жуков – Белову

«Строжайше запрещаю переходить где-либо к обороне. Если есть щель, гоните все в эту щель и развертывайте эту щель ударом к флангам... Противник бежит по всему фронту. Давайте скорее к Вязьме».

Генералу Ефремову было адресовано не менее энергичное распоряжение: «...стремительно выходить в назначенный район; с выходом в назначенный район связаться с десантом в районе Знаменка, Желание и быть готовым, не останавливаясь, к выходу в район западнее Вязьмы. Для обеспечения действий сейчас подтягивайте армейские тылы, запасы, все материальное обеспечение и управление. Штабу армии от главной группировки не отрываться... Нажимайте. Можете отличиться на этом как никогда».

Но немецкое командование смогло перебросить под Вязьму значительные резервы. Войска Белова и Ефремова попали в окружение.

Вечером 13 апреля связь со штабом 33-й армии была полностью потеряна. 16 апреля начальник германского штаба сухопутных войск Гальдер внес в свой дневник запись: «Русская 33-я армия ликвидирована...»

Однако окруженцы еще продолжали сражаться. 19 апреля генерал Ефремов был тяжело ранен в бою и, категорически отвергнув возможность сдаться в плен, позвал к себе жену Валентину, служившую в 33-й армии мединструктором, застрелил ее и тут же застрелился сам.

Тогда же погибли командующий артиллерией армии генерал-майор Афанасьев и практически все офицеры штаба 33-й армии. Выйти к своим смогли лишь 889 военнослужащих. А погибло за время боев в тылу германской армии свыше 8 тысяч солдат и офицеров 33-й армии. Вермахт в этих же боях потерял почти 9 тысяч человек.

Немцы организовали в селе Слободка похороны генерала Ефремова с воинскими почестями. Очевидцы вспоминали, что немецкий генерал произнес перед своими солдатами речь, в которой ставил Ефремова им в пример.

Артур Шмидт, начальник штаба 5-го армейского корпуса, вспоминал: «Я приказал похоронить его на площади. Я сказал, что доблестная армия фюрера с уважением относится к такому мужеству. По моему приказу, на могилу установили табличку с русским и немецким текстом».

Среди тех, кто присутствовал при погребении Ефремова, называют полковника, впоследствии генерал-лейтенанта Густава Шмидта, командира 19-й танковой дивизии. Есть мнение, что там был также командующий 9-й армией генерал-полковник Вальтер Модель.

А выход группы Белова был обставлен по всем правилам военного искусства, включая дезинформацию. Белов подготовил фальшивый приказ о прорыве (не отсюда ли возникли потом слова о странных направлениях движения?), который был якобы случайно потерян: «Из леса выскочили два всадника, «не знавшие», что находятся на «ничьей» земле. Наше прикрытие сразу открыло сильный огонь по немцам. Гитлеровцы ответили тем же. Головной всадник пришпорил коня, галопом помчался к лесу и скрылся среди деревьев. Второй кавалерист бросился за ним, но лошадь его, убитая пулей нашего снайпера, рухнула на землю. Кавалерист притворился тяжелораненым. К нему подбежали красноармейцы и под огнем врага «спасли» своего товарища – утащили в укрытие... На лошади, убитой на «ничьей» земле, было хорошее седло, а в переметной сумке лежал планшет с ложным приказом».

Белов ушел в рейд с семью тысячами бойцов, а вывел обратно десять с лишним тысяч, собрав немало окруженцев, оставшихся за линией фронта при летнем отступлении Красной армии. Еще три тысячи, преимущественно раненых, которых до того спасали и укрывали местные жители и партизаны, было вывезено авиацией. Под руководством Белова были созданы две партизанских дивизии, оставшиеся в тылу у немцев, а это еще семь тысяч бойцов...

В 1962 году Рокоссовский, выступая перед слушателями Военной академии им. Фрунзе, одновременно упрекал Жукова в том, что он требовал наступать, не считаясь с потерями, и не смог убедить Сталина отменить приказ о наступлении: «20 декабря после освобождения Волоколамска стало ясно, что противник оправился, организовал оборону и что наличными силами продолжать наступление нельзя. Надо было серьезно готовиться к летней кампании. Но, к великому сожалению, Ставкой было приказано продолжать наступление и изматывать противника. Это была грубейшая ошибка. Мы изматывали себя. Неоднократные доклады о потерях Жуков не принимал во внимание. При наличных силах добиться решительных результатов было нельзя. Мы просто выталкивали противника. Не хватало орудий, танков, особенно боеприпасов. Пехота наступала по снегу под сильным огнем при слабой артиллерийской поддержке. Наступало пять фронтов, и, естественно, сил не хватало. Противник перешел к стратегической обороне, и нам надо было сделать то же самое. А мы наступали. В этом

была грубейшая ошибка Сталина. Жуков и Конев не смогли его переубедить».

1-ю ударную армию у Жукова забрали в надежде, что она окажется той решающей силой, которая поможет ликвидировать «Демянский котел». В зоне действия сил Северо-Западного фронта возле поселка Демянск, расположенного между озерами Ильмень и Селигер, советскими войсками были окружены основные силы 2-го армейского корпуса 16-й немецкой армии группы армий «Север». Это произошло потому, что корпус не был заблаговременно отведен в безопасное место на другой берег реки Ловать. Конфликт вокруг необходимости отвода войск стал последней каплей во взаимном недовольстве Гитлера и фон Лееба. На посту командующего группой армий «Север» фон Лееба сменил Георг фон Кюхлер. Но и ему не удалось убедить фюрера отвести войска, когда угроза окружения стала очевидной.

В результате 8 февраля части 1-го гвардейского корпуса и 34-й армии отрезали шесть немецких дивизий, в том числе знаменитую моторизованную дивизию СС «Мертвая голова». В окружение попало примерно сто тысяч человек. Командовал окруженцами граф Вальтер фон Брокдорф-Алефельд. Однако немцам удалось наладить достаточно устойчивое снабжение по воздуху – внутри кольца окружения были даже обустроены два стационарных аэродрома.

Советские зенитчики и авиация стремились этому помешать, но не слишком успешно. Количество немецких транспортных самолетов, которые были сбиты, сильно разнится в разных источниках – от двух с половиной сотен до сотни с небольшим.

Именно в воздушном бою неподалеку от Демянска 4 апреля 1942 года был сбит немцами самолет Алексея Маресьева, ставшего прообразом главного героя известной книги Бориса Полевого «Повесть о настоящем человеке»

21 марта немцы начали наступление на позиции советских войск извне – и одновременно окруженные войска пошли на прорыв из котла. Главная роль в прорыве принадлежала дивизии «Мертвая голова», потерявшей во время этой операции большинство своего состава. На прорыв окружения понадобился месяц. 21 апреля немцы смогли создать так называемый Рамушевский коридор (возле деревни Рамушево), а 5 мая они окончательно разорвали кольцо окружения.

Через год под Демянском советские войска провели еще одну наступательную операцию, но на этот раз немцы избежали окружения, отойдя за реку Ловать.

Руководивший авиационными коммуникациями под Демянском полковник люфтваффе Фриц Морцик впоследствии занимался организацией воздушного моста для окруженных немецких войск в Сталинграде. Но наученные горьким опытом советские командиры позаботились о мощном противодействии. Войскам Паулюса полковник Морцик помочь не сумел.

Однако до победы под Сталинградом Красной армии оставался еще год тяжелых испытаний.

Между Ржевом и Сталинградом

5 апреля 1942 года вождь Третьего рейха Адольф Гитлер подписал директиву, которая провозглашала одной из главных целей грядущего летнего наступления немецких войск – нефтеносные районы Кавказа.

А 11 апреля фюрер собрал на совещание командование сухопутных войск и распорядился разработать все необходимые для этого наступления документы и материалы. Операция получила кодовое название «Блау». Направление главного удара тщательно маскировалось – для этого была проведена целая кампания по дезинформации, которая называлась «Кремль». В конце мая был даже издан приказ: «Разгромить вражеские войска, находящиеся в районе западнее и южнее столицы противника, прочно овладеть территорией вокруг Москвы, окружив город, и тем самым лишить противника возможности оперативного использования этого района».

При этом были приняты меры, чтобы русская разведка не прошла мимо этого «совершенно секретного» документа. На московском направлении демонстративно велась подготовка к наступлению, над московским регионом летали самолеты фоторазведки.

Справедливости ради надо сказать, что, несмотря на всю эту активность, до советского руководства все же доходила информация об истинных намерениях Гитлера. Уже 18 марта 1942 года Главное разведывательное управление Красной армии докладывало: «...центр тяжести весеннего наступления будет перенесен на южный сектор фронта с вспомогательным ударом на севере при одновременной

демонстрации на центральном фронте против Москвы... Для весеннего наступления Германия вместе с союзниками выставит до 65 новых дивизий... Наиболее вероятный срок наступления – середина апреля или начало мая». Аналогичные сведения вскоре были добыты по линии НКВД: «Главный удар будет нанесен на южном участке с задачей прорваться через Ростов к Сталинграду и на Северный Кавказ, а оттуда по направлению к Каспийскому морю. Этим немцы надеются достигнуть источников кавказской нефти. В случае удачной операции с выходом на Волгу у Сталинграда немцы наметили повести наступление на север вдоль Волги...»

В конце марта 1942 года в Ставке состоялось совещание, на котором обсуждалась Харьковская наступательная операция. Жуков (и согласный с ним Шапошников) предлагал ограничиться активной стратегической обороной, чтобы «измотать и обескровить противника в начале лета», и только после этого перейти в наступление, а пока ограничиться наступлением в полосе Западного фронта. Его мнение было отвергнуто. Но начавшееся успешно харьковское наступление захлебнулось – со стороны его южного фланга (со стороны Краматорска) последовал удар танковой группы Клейста. Но переоценившие свои (вернее, недооценившие вражеские) силы командующий направлением Тимошенко и член Юго-Западного фронта Хрущев сделали попытку убедить Верховного Главнокомандующего в том, что опасность со стороны немецкой танковой группы преувеличена и наступление Красной армии продолжается успешно... Жуков в своих «Воспоминаниях и размышлениях» так описал этот эпизод: «Существующая версия о тревожных сигналах, якобы поступивших от Военных советов Южного и Юго-Западного фронтов в Ставку, не соответствует действительности. Я это свидетельствую, потому что лично присутствовал при переговорах Верховного».

Владимир Дайнес в биографии Жукова пишет: «Буквально с каждым днем ухудшалась ситуация на юге. Разгромив советские войска в Крыму и под Харьковом, противник полностью взял в свои руки стратегическую инициативу и стремительно двигался к Волге и на Кавказ. Воцарилась гнетущая атмосфера. В ближайшем окружении Жукова настроение резко ухудшилось: Георгий Константинович опять ходил чернее тучи, стал нервничать и порой «срывался» на подчиненных».

И неудивительно – фронтовых резервов у Ставки не осталось, тяжелое положение Красной армии вскоре могло превратиться в катастрофическое... Планируя захват нефтеносных районов Кавказа, в конце июня 1942 года немецкие войска, нанеся мощный удар по позициям Брянского и Юго-Западного фронтов, прорвали оборону Красной армии и совершили рывок в направлении Воронежа (частично захваченного 6 июля 1942 года) и к Дону. Советские войска оказались отброшенными за Дон и к середине июля вермахт, развернувший наступление в большой излучине на Сталинград, прорвал стратегический фронт нашей армии на глубину 150–400 км.

Жуков о соотношении сил

«К 22 июля в состав Сталинградского фронта входило 38 дивизий, из них только 50 процентов было укомплектовано до 6–8-тысячного состава, а остальные имели в своем составе от тысячи до трех тысяч человек. Этим малочисленным войскам пришлось развернуться на 530-километровом фронте. Всего в составе фронта в тот период насчитывалось 187 тысяч человек, 360 танков, 337 самолетов, 7900 орудий и минометов. Из них только 16 дивизий (войска 63-й и 62-й армий, две дивизии 64-й армии и по одной дивизии 4-й и 1-й танковых армий) смогли занять оборонительные позиции на главной полосе. Им противостояли войска 6-й немецкой армии, в составе которой к этому времени находилось 18 хорошо укомплектованных и технически оснащенных дивизий. Соотношение сил было в пользу противника: в людях – 1,2: 1, в танках– 2: 1, в самолетах– 3,6: 1. Только в артиллерии и минометах силы были примерно одинаковы».

Через пять дней после создания Сталинградского фронта на дальних подступах к Волге и Сталинграду передовые части 6-й германской армии столкнулись с авангардными подразделениями советских войск. Бытует история об отставшей из-за поломки «катюше»: догоняя своих ради экономии времени напрямик по степи, экипаж увидел вдали колонну немецких танков, обстрелял ее, подбив несколько машин, и умчался. Немцы остановились на сутки, выясняя обстановку, – по их разведданным, в этом районе никаких советских войск быть не могло...

Жуков в это время готовил Ржевско-Сычевскую наступательную операцию, идею которой он выдвинул еще весной, но поначалу не был услышан. Смысл ее был в том, чтобы нанести удар по вяземско-ржевской группировке вермахта силами Западного, Калининского и других прилегающих фронтов. «Главная цель состояла в том, чтобы ударами левого крыла Калининского фронта (29-я, 30-я армии, 3-я воздушная армия) и правого крыла Западного фронта (20-я, 31-я армии, 1-я воздушная армия) в общем направлении на Сычевск разгромить основные силы немецкой 9-й армии и ликвидировать ржевский выступ, с которого у немцев открывался один из кратчайших путей на Москву. Основную роль в операции предстояло сыграть Западному фронту под командованием Жукова», – пишет Дайнес.

30 июля 30-я и 29-я армии Калининского фронта начали наступление, но прорвать немецкую оборону не сумели. Но 4 августа после долгой и мощной артподготовки двинулся вперед Западный фронт – и на этот раз наступление развивалось успешно. Войска Западного фронта форсировали реку Держа, смяли немецкие боевые порядки на укрепленных рубежах, и уже к вечеру 5 августа продвинулись на 25 километров. А ширина бреши в немецких позициях составляла уже порядка 30 километров. Начальник штаба сухопутных войск вермахта Гальдер 4 августа сделал в своем знаменитом дневнике такую запись: «Противнику удалось добиться глубокого прорыва на фронте 9-й армии (кажется, наступают семь дивизий и одна танковая бригада при усиленной поддержке артиллерии) в направлении Зубцова. Против них брошены соединения 39-го корпуса в составе 5, 2, 1-й танковых и 102-й дивизий. На фронте 9-й армии у Ржева отбито несколько крупных атак».

Желая закрепить и развить успех, Ставка в тот же день, когда прорыв стал очевидным, 5 августа, передала в подчинение Жукову все войска, действовавшие в районе Ржева, и Калининский фронт в том числе. 6 августа он подкрепил наступление в направлении на Сычевск фронтовой подвижной группой в составе 6-го и 8-го танковых и 2-го кавалерийского корпусов. И, как оказалось, вовремя, поскольку немцы бросили на подмогу своей 9-й армии три танковых дивизии (о них писал Гальдер) и две пехотные, после чего был нанесен контрудар в направлении на Погорелое Городище. Но по резервам вермахта ударила советская авиация, а 7 августа около рек Вазуза и Гжать разыгралось

масштабное танковое сражение, в котором сошлись примерно полторы тысячи танков и самоходок. В процессе этой операции взять Ржев не получилось, но всё же советские войска отобрали у немцев плацдарм, захваченный теми на левом берегу Волги в районе Ржева, а также приковали к театру военных действий на этом направлении значительные силы группы армий «Центр». Немцы были вынуждены даже перебросить ко Ржеву двенадцать дивизий, уже подготовленных к отправке под Сталинград, что значительно ослабило натиск противника в Поволжье и позволило Ставке ГКО собрать там силы для ответного наступления.

23 августа 1942 года немецкие войска под командованием Паулюса смогли выйти к западной окраине Сталинграда. Но, тем не менее, первоначальный план быстрого выхода к Волге и захвата города уже был сорван яростной обороной советских войск на подступах к Сталинграду и недостатком сил, застрявших возле Ржева.

Когда стало ясно, что дальше продвинуться в рамках данной операции невозможно, Жуков лично отправился к Погорелому Городищу, чтобы оценить обстановку и прикинуть дальнейшие действия.

И тут ему позвонил Сталин, приказавший срочно передать руководство фронтом начальнику штаба, а самому мчаться в Москву.

«Сталин не сказал о назначении меня заместителем Верховного Главнокомандующего, – вспоминал Жуков. – Видимо, об этом он хотел объявить при личной встрече. Вообще Верховный по телефону говорил только то, что было крайне необходимо сказать в данный момент... Поздно вечером этого же дня прибыл в Кремль... Верховный сказал, что у нас плохо идут дела на юге и может случиться, что немцы возьмут Сталинград. Не лучше складывается обстановка и на Северном Кавказе. Он объявил, что ГКО решил назначить меня заместителем Верховного Главнокомандующего и послать в район Сталинграда. Сейчас там находятся Василевский, Маленков и Малышев... Было ясно, что предстоящая битва имеет крупнейшее военно-политическое значение. С падением Сталинграда вражеское командование получило бы возможность отрезать юг страны от центра. Мы могли также потерять и Волгу, важнейшую водную артерию страны, по которой большим потоком шли грузы с Поволжья и Кавказа.

Верховное Главнокомандование направляло в район Сталинграда все, что было тогда возможно...»

2 сентября. Жуков – Сталину

«1-я гвардейская армия 2 сентября перейти в наступление не смогла, так как ее части не сумели выйти в исходное положение, подвезти боеприпасы, горючее и организовать бой. Чтобы не допустить неорганизованного ввода войск в бой и не понести от этого напрасных потерь, после личной проверки на месте перенес наступление на 5 часов 3 сентября.

Наступление 24-й и 66-й армий назначаю на 5–6 сентября. Сейчас идет детальная отработка задач всем командным составом, а также принимаем меры материального обеспечения операции».

Но назначенное Жуковым на утро 3 сентября наступление успеха не принесло – несмотря на артиллерийскую подготовку, войскам 1-й гвардейской армии удалось пройти вперед считанные километры. Дальше продвижение застопорилось, поскольку немцы бросили против наступающих авиацию и танки.

3 сентября. Сталин – Жукову

«Положение под Сталинградом ухудшается. Противник находится в трех верстах от Сталинграда. Сталинград могут взять сегодня или завтра, если северная группа войск не окажет немедленную помощь. Потребуйте от командующих войсками, стоящих к северу и северо-западу от Сталинграда, немедленно ударить по противнику и прийти на помощь к сталинградцам.

Недопустимо никакое промедление. Промедление теперь равносильно преступлению. Всю авиацию бросьте на помощь Сталинграду. В самом Сталинграде авиации осталось очень мало».

5 сентября силами трех армий, 24, 66 и 1-й гвардейской, наступление началось. Но боеприпасов доставили недостаточно, поэтому предшествующая артподготовка опять не смогла подавить оборону немецких войск. К тому же Сталин был прав – авиации катастрофически не хватало, поэтому немцы беспрепятственно

бомбили советские позиции и пытающиеся продвинуться вперед войска.

7 сентября. Жуков – Сталину

«Для разгрома противника под Сталинградом, тех сил, которые имеются здесь, явно не хватит. Необходимо сосредоточить дополнительную группу войск с тем, чтобы в кратчайший срок нанести более сильный удар противнику...»

10 сентября. Жуков – Сталину

«Теми силами, которыми располагает Сталинградский фронт, прорвать коридор и соединиться с войсками Юго-Восточного фронта в городе нам не удастся. Фронт обороны немецких войск значительно укрепился за счет вновь подошедших частей из-под Сталинграда. Дальнейшие атаки теми же силами и в той же группировке будут бесцельны, и войска неизбежно понесут большие потери. Нужны дополнительные войска и время на перегруппировку для более концентрированного удара Сталинградского фронта. Армейские удары не в состоянии опрокинуть противника».

В ответ на сообщение от 10 сентября Сталин вызвал Жукова в Москву. Там Георгий Константинович вновь доложил о ситуации и сказал, что нужны значительные подкрепления. Он отметил, что в окрестностях Сталинграда местность плохо годится для наступления – в ровной степи нет укрытий от артиллерийского огня противника, который, напротив, имеет возможность держать оборону, засев в многочисленных узких и глубоких оврагах. А поскольку при этом в распоряжении немцев находятся господствующие над местностью высоты, то при нынешнем раскладе сил прорвать немецкий фронт невозможно.

Сталин выслушал все это и спросил:

– Что нужно Сталинградскому фронту, чтобы ликвидировать коридор противника и соединиться с Юго-Восточным фронтом?

– Минимум еще одну полнокровную общевойсковую армию, танковый корпус, три танковые бригады и не менее 400 орудий гаубичной артиллерии, – ответил Жуков. – Кроме того, на время

операции необходимо дополнительно сосредоточить не менее одной воздушной армии.

Задуманная Жуковым операция получила кодовое название «Уран». По ходу ее подготовки был создан новый Юго-Западный фронт под командованием генерала Н.Ф. Ватутина. Сталинградский фронт стал Донским, и командовал им Рокоссовский, а прежний Юго-Восточный фронт – Сталинградским под командованием генерала А.И. Ерёменко.

«Уран» готовился в глубокой тайне. Даже командующие фронтами почти до самого последнего момента не знали подробностей. В большинстве донесений наступление именовалось «переселением», а командующие значились под псевдонимами – Васильев (Сталин), Константинов (Жуков), Михайлов (Василевский) ...

А пока советским войскам приходилось драться за каждый клочок приволжской земли, изматывая и истребляя противника.

Жуков так вспоминал об этом времени: «13, 14, 15 сентября для сталинградцев были тяжелыми, слишком тяжелыми днями. Противник, не считаясь ни с чем, шаг за шагом прорывался через развалины города все ближе и ближе к Волге. Казалось, вот-вот не выдержат люди. Но стоило врагу броситься вперед, как наши славные бойцы 62-й и 64-й армий в упор расстреливали его. Руины города стали крепостью. Однако сил с каждым часом оставалось все меньше.

Перелом в эти тяжелые и, как временами казалось, последние часы был создан 13-й гвардейской дивизией А.И. Родимцева. После переправы в Сталинград она сразу же контратаковала противника. Ее удар был совершенно неожиданным для врага. 16 сентября дивизия А.И. Родимцева отбила Мамаев курган. Помогли сталинградцам удары авиации под командованием А.Е. Голованова и С.И. Руденко, а также атаки и артиллерийские обстрелы с севера войск Сталинградского фронта по частям 8-го армейского корпуса немцев.

Необходимо отдать должное воинам 24, 12-й гвардейской и 66-й армий Сталинградского фронта, летчикам 16-й воздушной армии и авиации дальнего действия, которые, не считаясь ни с какими жертвами, оказали бесценную помощь 62-й и 64-й армиям Юго-Восточного фронта в удержании Сталинграда».

А вот что писал о Сталинградской битве немецкий офицер, находившийся в армии Паулюса: «В то же время части нашего корпуса

понесли огромные потери, отражая в сентябре яростные атаки противника, который пытался прорвать наши отсечные позиции с севера. Дивизии, находившиеся на этом участке, были обескровлены, в ротах оставалось, как правило, по 30–40 солдат».

В момент затишья на командном пункте 1-й гвардейской армии собрались Жуков, Ерёменко, Хрущев, Голованов, Гордов и Москаленко – чтобы обсудить ситуацию вокруг Сталинграда и дальнейшие действия.

Жуков даже там лишнего не говорил: «Поскольку Верховный предупредил меня о сохранении в строжайшей тайне проектируемого плана большого контрнаступления, разговор велся главным образом об усилении войск Юго-Восточного и Сталинградского фронтов. На вопрос А.И. Ерёменко о плане более мощного контрудара я, не уклоняясь от ответа, сказал, что Ставка в будущем проведет контрудары значительно большей силы, но пока что для такого плана нет ни сил, ни средств».

При подготовке операции «Уран» Жуков постарался учесть недостатки недавнего контрнаступления под Москвой. Там, где должны были быть нанесены главные удары, концентрировалась артиллерия, способная подавить оборону противника и справиться с его танками. Огромные массы войск и техники перегруппировывались в обстановке глубокой тайны. Задействовано было тридцать тысяч автомобилей и почти полторы тысячи железнодорожных вагонов. Немецкая разведка не обнаружила происходившее, и к середине ноября перегруппировка была завершена. А противник пока еще утешал себя уверенностью, что «русские в ходе последних боев были серьезно ослаблены и не смогут зимой 1942/43 года располагать такими же силами, какие имелись у них в прошлую зиму».

11 ноября. Жуков – Сталину

«В течение двух дней работал у Ерёменко. Лично осмотрел позиции противника перед 51-й и 57-й армиями. Подробно проработал с командирами дивизий, корпусов и командармами предстоящие задачи по «Урану». Проверка показала: лучше идет подготовка к «Урану» у Толбухина... Мною приказано провести боевую разведку и на основе добытых сведений уточнить план боя и решение командарма...

Две стрелковые дивизии, данные Ставкой (87-я и 315-я) в адрес Ерёмченко, еще не грузились, так как до сих пор не получили транспорта и конского состава.

Из мехбригад пока прибыла только одна.

Плохо идет дело со снабжением и с подвозом боеприпасов. В войсках снарядов для «Урана» очень мало.

К установленному сроку операция подготовлена не будет. Приказал готовить на 15.11.1942 г.

Необходимо немедленно подбросить Ерёмченко 100 тонн антифриза, без чего невозможно будет бросить мехчасти вперед; быстрее отправить 87-ю и 315-ю стрелковые дивизии; срочно доставить 51-й и 57-й армиям теплое обмундирование и боеприпасы с прибытием в войска не позже 14.11.1942 г.»

12 ноября. Сталин – Жукову

«Если авиаподготовка операции неудовлетворительна у Ерёмченко и Ватутина, то операция кончится провалом. Опыт войны с немцами показывает, что операцию против немцев можно выиграть лишь в том случае, если имеем превосходство в воздухе. В этом случае наша авиация должна выполнить три задачи.

Первое – сосредоточить действия нашей авиации в районе наступления наших ударных частей, подавить авиацию немцев и прочно прикрыть наши войска.

Второе – пробить дорогу нашим наступающим частям путем систематической бомбежки стоящих против них немецких войск.

Третье – преследовать отступающие войска противника путем систематической бомбежки и штурмовых действий, чтобы окончательно расстроить их и не дать им закрепиться на ближайших рубежах обороны.

Если Новиков думает, что наша авиация сейчас не в состоянии выполнить эти задачи, то лучше отложить операцию на некоторое время и накопить побольше авиации.

Поговорите с Новиковым и Ворожейкиным, растолкуйте им это дело и сообщите мне Ваше общее мнение».

14 ноября. Жуков – Сталину

«1. За последние дни на участках Иванова (Ерёменко. – А.Г.) и Федорова (Ватутина) подхода новых резервов противника не установлено, обнаружены лишь внутренние перегруппировки и подтягивание ближе к переднему краю армейских резервов, в частности, румынской танковой дивизии на участке Романенко. В 5–6 километрах от переднего края обороны установлены мелкие группы танков, видимо, этими группами танков противник усиливает оборону своего переднего края. Противником на переднем крае устанавливается проволока, создаются минные поля.

До сих пор не подвезен антифриз, все машины заправляются водкой. Зимних масел и смазки также нет. Многие части, особенно артиллерия усиления, не получили теплого обмундирования.

2. На сегодняшний день все части Федорова вышли в исходные районы и прорабатывают свои задачи. Сейчас все работают над устройством тыла, форсируют подвоз боеприпасов, горючего и продовольствия.

В период с 9 по 12.11 авиация противника систематически наносила удары по районам сосредоточения частей Федорова. С 12.11 активность авиации резко ослабла. Из опроса пленных, захваченных на различных участках фронта Федорова, установлено, что разговоров в войсках противника о готовящемся нашем переселении нет, видимо, противник не раскрыл нашей группировки и наших намерений.

3. По состоянию частей и ходу подготовки у Иванова и Федорова срок переселения можно назначить 18 или 19 ноября. Дальше откладывать считаю нецелесообразным. О вашем решении и сроке переселения прошу меня известить.

4. 14 и 15.11 буду у Чистякова и Батова проверять ход подготовки. Вечером 16 предполагаю быть в Москве. Михайлов от Иванова прибывает к Федорову 16.11 к 12 часам».

15 ноября. Сталин – Жукову

«День переселения Федорова и Иванова можете назначить по вашему усмотрению, а потом доложите мне об этом по приезде в Москву. Если у вас возникает мысль о том, чтобы кто-нибудь из них начал переселение раньше или позже на один или два дня, то уполномочиваю вас решить и этот вопрос по вашему усмотрению...»

Жуков предложил, чтобы силы Юго-Западного фронта и 65-й армии Донского фронта двинулись в наступление 19 ноября, а Сталинградского фронта – 20 ноября. Во-первых, это позволяло сгладить разницу в расстоянии, которое надо было преодолеть войскам, выступающим из разных точек, а во-вторых, являлось дополнительным фактором, долженствующим ввести противника в заблуждение. Сталин согласился.

А 17 ноября Верховный вызвал Жукова в Ставку и приказал заняться организацией отвлекающей операции на московском направлении силами Калининского и Западного фронтов.

За операцию «Марс», проводимую опять на злосчастном ржевско-вяземском направлении, Жукова много раз упрекали – и за то, что назначенной цели она не достигла, и за немалые потери. И столь же часто маршала Победы жалели – мол, Верховный, повинувшись чему-то, подозрительно похожему на каприз, не дал Жукову снискать заслуженные лавры под Сталинградом.

Сам Жуков пишет об этом без явной обиды, более того – из его воспоминаний можно предположить, сама идея отвлекающей операции принадлежала ему, и он же предложил оставить в Сталинграде Василевского. «Чтобы не допустить переброску войск из группы армий «Центр», как я говорил, Ставка приняла решение одновременно с ходом контрнаступления в районе Сталинграда организовать наступление Западного и Калининского фронтов против немецких войск, занимавших ржевский выступ. В период с 20 ноября по 8 декабря планирование и подготовка наступления были закончены».

Ставка сознательно жертвовала оперативным успехом на западе ради стратегического – на юге: немцам была подброшена информация о начале операции «Марс», что позволило им без труда отразить удар.

А вот масштабное стратегическое наступление советских войск под Сталинградом оказалось для вермахта совершенно неожиданным: эффект внезапности был достигнут. «Мы абсолютно не имели представления о силе русских войск в этом районе, – писал генерал Йодль. – Раньше здесь ничего не было, и внезапно был нанесен удар большой силы, имеющий решающее значение».

Одновременно с этим Жуков продолжал отслеживать обстановку под Сталинградом.

28 ноября. Жуков – Сталину

«Окруженные немецкие войска сейчас, при создавшейся обстановке, без вспомогательного удара противника из района Нижне-Чирская – Котельниково на прорыв и выход из окружения не рискнут.

Немецкое командование, видимо, будет стараться удержать в своих руках позиции в районе Сталинград – Вертячий – Мариновка – Карповка – совхоз Горная Поляна и в кратчайший срок собрать в районе Нижне-Чирская – Котельниково ударную группу для прорыва фронта наших войск в общем направлении на Карповку, с тем чтобы, разорвав фронт наших частей, образовать коридор для питания войск окруженной группы, а в последующем и вывода ее по этому коридору.

При благоприятных для противника условиях этот коридор может быть образован на участке Мариновка – Ляпичев – Верхне-Чирская фронтом на север.

Вторая сторона этого коридора, фронтом на юго-восток, – по линии Цыбенко – Зеты – Гниловская – Шебалин.

Чтобы не допустить соединения нижнечирской и котельниковской группировок противника со сталинградской и образования коридора, необходимо:

– как можно быстрее отбросить нижнечирскую и котельниковскую группировки и создать плотный боевой порядок на линии Обливская – Тормосин – Котельниково. В районе Нижне-Чирская – Котельниково держать две группы танков, не меньше 100 танков в каждой в качестве резерва;

– окруженную группу противника под Сталинградом разорвать на две части. Для чего... нанести рассекающий удар в направлении Бол. Россошка. Навстречу ему нанести удар в направлении Дубининский, высота 135. На всех остальных участках перейти к обороне и действовать лишь отдельными отрядами в целях истощения и изматывания противника.

После раскола окруженной группы противника на две части нужно... в первую очередь уничтожить более слабую группу, а затем всеми силами ударить по группе в районе Сталинграда».

Жуков предвидел точно – именно так, как он описывал, командующий группой армий «Дон» Манштейн собирался провести

операцию «Зимняя гроза» и прорвать кольцо окружения вокруг армии Паулюса. Поначалу казалось, что ему это удастся, однако 16 декабря войска правого крыла Юго-Западного фронта начали наступление в районе Среднего Дона в рамках операции «Малый Сатурн». Оборона итальянских частей была прорвана, вскоре Манштейну пришлось думать уже не о Паулюсе и его войсках, а о том, как бы самому не попасть в окружение. 8 января войскам Паулюса был направлен ультиматум. Немцы его отвергли, и тогда войска Донского фронта снова двинулись в наступление. 31 января остатки южной группировки во главе с Паулюсом сдались. 2 февраля капитулировали и те, кто еще уцелел в северной группировке.

Прорыв блокады Ленинграда

Пока шло Сталинградское сражение, Жуков был занят сначала обеспечением отвлекающего маневра под Ржевом, потом Острогожско-Россошанской операцией, прошедшей более успешно, нежели «Марс», но даже ее Жукову не довелось завершить лично. Сталин отправил его проверить, что происходит на подступах к Ленинграду, где готовился прорыв блокады – операция «Искра».

Окруженный Ленинград держался уже почти полтора года.

В первых числах января 1943 года Ворошилов, бывший представителем Ставки в Ленинграде, заверил Сталина, что операция «Искра» будет проведена с блеском. Наученный горьким опытом Верховный насторожился и вызвал с Воронежского фронта Жукова, дабы тот проверил, как в реальности обстоит дело под Ленинградом.

Предчувствие не обмануло Сталина. Едва прибыв на Волховский фронт, Жуков принялся изучать обстановку и нашел изрядное количество недочетов, о чем и доложил в Москву «товарищу Васильеву».

10 января. Жуков – Сталину

«Сегодня был на командном пункте Романовского и Старикова, с которыми подробно разобрал обстановку и принятые решения. Выяснил также обстановку с командиром 128-й стрелковой дивизии и его решение на прорыв.»

Основными недочетами в решениях и в обеспечении операции считаю:

1. Дивизии, наступающие в общем направлении на Рабочий поселок № 8 в обход Синявинского узла сопротивления, не имели танков; по опорному пункту Рабочего поселка № 8 не было сосредоточено достаточно огневых средств. Отсутствие танков и ограниченное количество огневых средств не гарантировали успешного прорыва.

2. Взаимодействие на стыках армий, соединений и частей отработано слабо.

3. Расположение дивизионных резервов в боевых порядках было слишком близкое, и по существу резервы превращались во вторые эшелоны. Удаление их от первого эшелона на 1–1,5 км могло привести к большим потерям.

Кроме того, выявлен ряд мелких тактических и технических недостатков.

По всем обнаруженным недостаткам даны исчерпывающие указания Афанасьеву и командармам.

У Афанасьева, по условиям местности, очень плохое артиллерийское наблюдение, которое будет еще более ухудшаться по мере продвижения наших войск по лесистому району. Для того чтобы зря не сыпать снаряды и мины, фронту необходимо срочно придать воздухоплавательный аэростатный отряд и одно-два звена самолетов-корректировщиков.

На второй этап операции Волховскому фронту требуется дополнительно следующее количество боеприпасов: 122-мм гаубичных снарядов – 20 000; для пушек-гаубиц 152-мм – 15 000; 120-мм мин – 60 000; снарядов М-30 – 150 000; М-20 – 3000; М-13 – 3500. Эти боеприпасы необходимо получить в период с 18 по 20 января 1943 г.».

Сталин приказал немедленно устранить недостатки. И утром 12 января началась операция «Искра». Владимир Дайнес описывает случай, когда по ходу боевых действий «Жуков отправил одного проштрафившегося командира дивизии командовать полком. Во время прорыва обороны противника этот полк сыграл главную роль на участке наступления, бывший командир дивизии лично повел один из батальонов в атаку. Вечером Жуков вызвал этого офицера, поблагодарил за службу, приказал вернуться к исполнению прежних

обязанностей командира дивизии и представил за проявленную храбрость к боевой награде».

18 января войска Волховского и Ленинградского фронтов прорвали кольцо блокады и встретились. «Я увидел, – вспоминал Жуков, – с какой радостью бросились навстречу друг другу бойцы фронтов, прорвавших блокаду. Не обращая внимания на артиллерийский обстрел противника со стороны Синявинских высот, солдаты по-братски, крепко обнимали друг друга. Это была воистину выстраданная радость!»

И в тот же день был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР, согласно которому Жуков становился Маршалом Советского Союза.

На Курской дуге

«Во второй половине дня 18 марта Жуков прибыл в Курск специальным поездом, в котором были бронированный штабной вагон и две платформы, оборудованные зенитными установками, – пишет Дайнес. – Поезд этот передали в его распоряжение, видно, не случайно. Сталин, безусловно, знал, что в бесконечных воздушных перелетах жизнь заместителя Верховного Главнокомандующего несколько раз оказывалась буквально на волоске...».

Борис Соколов в книге «Неизвестный Жуков» пишет: «Л.Ф. Минюк, генерал по особым поручениям при Г.К. Жукове, вспоминал: «Командующий Голиков и член Военного совета Хрущев не могли что-либо конкретно доложить. «Эх вы, магнаты!» – только и бросил в сердцах Жуков свое привычное выражение и отвернулся.

За окном суетились, бегали, что-то грузили на машину штабисты. Прискакал на коне со вспененными боками связной, сунул кому-то пакет с донесением и умчался обратно. Творилась неразбериха – будто в предчувствии скорого нападения танков.

Жуков решительно вышел из помещения, узнал, где фронтовой узел связи, и оттуда позвонил по ВЧ Сталину, доложил обстановку и затребовал срочно двинуть из резерва Ставки все, что находится поблизости, чтобы предотвратить удар противника на курском направлении. Верховный не заставил себя ждать. Немного позже Жукову передали из Генштаба, что к району Белгорода, уже

захваченному противником, стягивались войска 21-й армии, 1-й танковой армии и 64-й армии...»

18 марта Белгород был захвачен немцами. Сталин по представлению Жукова снял с должности командующего Воронежским фронтом Голикова. Его сменил Ватутин. Главной задачей на тот момент было не допустить продвижения немцев к Курску.

Утром 24 марта Жуков с группой офицеров на вездеходах отправился на Центральный фронт, которым командовал Рокоссовский. Следующие два дня Жуков работал в штабе фронта, расположенном в населенном пункте Свобода, и по своему обычаю выезжал на передовую. «Он терпеливо выслушивал командиров, их мнения и предложения, даже если они расходились с его собственными. Зато уж если маршал принимал какое-нибудь решение, то требовал его беспрекословного выполнения. Часто общавшиеся с ним сослуживцы отмечали, что Жуков стал более сдержан и уравновешен, уже не срывался на окрики и резкие слова», – пишет Дайнес.

8 апреля 1943 года. Жуков – Сталину

«...Противник, понеся большие потери в зимней кампании 42/43 года, видимо, не сумеет создать к весне большие резервы для того, чтобы вновь предпринять наступление для захвата Кавказа и выхода на Волгу с целью глубокого обхода Москвы.

Ввиду ограниченности крупных резервов противник вынужден будет весной и в первой половине лета 1943 года развернуть свои наступательные действия на более узком фронте и решать свою задачу строго по этапам, имея основной целью кампании захват Москвы.

Исходя из наличия в данный момент группировок против нашего Центрального, Воронежского и Юго-Западного фронтов, я считаю, что главные наступательные операции противник развернет против этих трех фронтов, с тем чтобы, разгромив наши войска на этом направлении, получить свободу маневра для обхода Москвы по кратчайшему направлению.

...Видимо, в первом этапе противник, собрав максимум своих сил, в том числе до 13–15 танковых дивизий, при поддержке большого количества авиации нанесет удар своей орловско-кромской

группировкой в обход Курска с северо-востока и белгородско-харьковской группировкой в обход Курска с юго-востока.

Вспомогательный удар с целью разрезания нашего фронта надо ожидать с запада из района Ворожбы, что между реками Сейм и Псел, на Курск с юго-запада. Этим наступлением противник будет стремиться разгромить и окружить наши 13, 70, 65, 38, 40-ю и 21-ю армии...

...Надо ожидать, что противник в этом году основную ставку при наступательных действиях будет делать на свои танковые дивизии и авиацию, так как его пехота сейчас значительно слабее подготовлена к наступательным действиям, чем в прошлом году.

В настоящее время перед Центральным и Воронежским фронтами противник имеет до 12 танковых дивизий и, подтянув с других участков 3–4 танковые дивизии, может бросить против нашей курской группировки до 15–16 танковых дивизий общей численностью до 2500 танков.

...Для того чтобы противник разбился о нашу оборону, кроме мер по усилению ПТО (противотанковая оборона. – В.Д.) Центрального и Воронежского фронтов, нам необходимо как можно быстрее собрать с пассивных участков и перебросить в резерв Ставки на угрожаемые направления 30 полков ИПТАП (истребительно-противотанковые артиллерийские полки. – В.Д.); все полки самоходной артиллерии сосредоточить на участке Ливны – Касторное – Старый Оскол. Часть полков желательна сейчас же дать на усиление Рокоссовскому и Ватутину и сосредоточить как можно больше авиации в резерве Ставки, чтобы массированными ударами авиации во взаимодействии с танками и стрелковыми соединениями разбить ударные группировки и сорвать план наступления противника...

Переход наших войск в наступление в ближайшие дни с целью упреждения противника считаю нецелесообразным. Лучше будет, если мы измотаем противника на нашей обороне, выбьем его танки, а затем, введя свежие резервы, переходом в общее наступление окончательно добьем основную группировку противника».

М. Кайден в книге «Тигры горят» отмечал: «При изучении подготовки русских к битве под Курском ясно одно – немцы давно имели репутацию готовившихся к сражению методически, эффективно,

не упуская ничего. Теперь русские превзошли врага в детальной и основательной подготовке... Под твердым руководством Жукова русские трудились круглосуточно, наполняя людскими и материальными ресурсами Курский выступ... Жуков, тщательно следящий за всеми перипетиями боя, определяет момент – немецкое наступление выдохлось. Именно в этот момент Жуков и бросит свои армии на орды вермахта».

5 июля 1943 года началась великая битва на Курской дуге, которая оказалась одним из решающих сражений Великой Отечественной и всей Второй мировой войны. Во время этой военной операции произошло и самое грандиозное в истории танковое сражение, в нем было задействовано шесть тысяч танков.

«Итак, прогнозы Жукова опять оказались верными, – пишет Владимир Дайнес. – При этом, как видно из его доклада Сталину, многие сведения он черпал, находясь в гуще войск, на переднем крае обороны. А ведь это всегда было связано с большим риском для жизни. Об одном таком эпизоде вспоминает Бедов:

«Как сейчас помню день 11 июля 1943 года на Курской дуге. Прежде чем отдать приказ Ставки о наступлении Брянскому фронту, Жуков приехал к месту намеченного удара. Машину оставили в леске, примерно в километре от передовой. Далее он пошел пешком с командующим фронтом М.М. Поповым. Уже у самой передовой сказал:

– Теперь вы останьтесь, а я один...

Надо было ему убедиться, что местность для рывка танков выбрана без ошибки. Пополз. Я – за ним. У нейтральной полосы Жуков внимательно осмотрел местность. Вдруг начали рваться мины – видно, немцы заметили нас. Одна – впереди, другая – сзади.

– Третья будет наша! – крикнул Жуков.

Я рванулся и накрыл маршала своим телом. Мина разорвалась в четырех метрах, к счастью, на взгорке – осколки верхом пошли. Но взрывом нас сильно потрянуло – мы оба были контужены. Георгий Константинович потерял слух на одно ухо. Осмотревший его в Москве профессор сказал, что надо лечь в госпиталь.

– Какой госпиталь! Будем лечиться на месте, – ответил Жуков».

11 июля. Жуков – Сталину

«Подготовка по «Кутузову» полностью закончена. Сегодня проводили силовую разведку с целью уточнения переднего края обороны противника. По докладам командармов и командиров соединений на всех этих направлениях считаю, что наши части находятся перед передним краем. На самом деле сегодняшние действия усиленных батальонов показали, что первые траншеи противником занимались небольшими подразделениями. Все действовавшие батальоны сегодня первую траншею захватили. В соответствии с уточненным передним краем противника сейчас вносятся поправки для артиллерии и авиации на период артподготовки».

12 июля двинулся в наступление Брянский фронт. Немцы начали переброску резервов, но тогда пошли вперед войска Центрального фронта. На Воронежском фронте ситуация для советских войск складывалась пока еще сложно. Именно тут 11–12 июля около Прохоровки произошло знаменитое танковое сражение. «На всех участках фронта шли ожесточенные, кровавые бои, – писал впоследствии Жуков, – горели сотни танков и самоходных орудий. Над полем боя стояли тучи пыли и дыма. Это был переломный момент в сражении на белгородском направлении».

Была спешно разработана совместная операция войск Воронежского и Степного фронтов (кодовое название «Полководец Румянцев») по разгрому белгородско-харьковской группировки. Организовали дезинформацию, а кроме того партизаны одновременно с началом наступления организовали в тылу массовые нападения на транспортные узлы, коммуникации и гарнизоны.

5 августа был освобожден Белгород. В Москве прогремел первый победный салют. 23 августа войска Степного фронта вошли в Харьков, завершив тем самым операцию «Полководец Румянцев», да и собственно Курскую битву. Наконец-то появились возможности для перехода в общее наступление, которое бы позволило освободить Левобережную Украину и выйти на Днепр.

20 октября 1943 года на основании приказа Ставки Верховного Главнокомандования на юго-западном направлении вместо Воронежского фронта был создан Первый Украинский фронт. Это оперативно-стратегическое объединение войск просуществовало до 10 июня 1945 года. Первый Украинский фронт возглавил генерал армии

Ватутин, командовавший им до своей гибели весной 1944 года. После Ватутина (он попал в засаду, был тяжело ранен и вскоре скончался) фронт возглавил Жуков, впоследствии передавший командование Коневу. Первыми операциями с участием фронта были Киевская наступательная и Киевская оборонительная операции, а финальными – Берлинская и Пражская.

Битва за Днепр

24 октября 1943 года маршал Жуков и командовавший 1-м Украинским фронтом генерал армии Ватутин представили Верховному Главнокомандующему доклад, анализирующий обстановку на букринском плацдарме на правом берегу Днепра, где Красная армия испытывала большие трудности. В докладе говорилось, что пересеченная местность затрудняет применение танков, которые необходимы для взлома мощной обороны противника. Необходимо также обеспечить бесперебойную доставку боеприпасов в большом количестве: «Прорыв обороны противника нашими войсками проводился дважды, и оба раза первая линия обороны противника была прорвана с продвижением каждый раз на 6–8 км вперед. Однако оба раза развить прорыв не удалось из-за недостатка боеприпасов, которые полностью расходовались на прорыв первой линии обороны».

В ночь на 25 сентября 1943 года советские войска начали высадку воздушного десанта в Букринской излучине Днепра. Целью операции было – захватить плацдарм на берегу и удержать его до подхода основных сил, чтобы обеспечить переправу войск. Но из-за спешки в организации и недостаточно внимательной разведки операция оказалась неудачной. Высадка производилась чересчур рассредоточенно, а немцы успели перебросить в этот район две дивизии, которые встретили самолеты и парашютистов сильным зенитным огнем. В результате десантникам, кто не погиб в первые же минуты, пришлось небольшими группами сражаться в окружении превосходящих сил противника. В начале октября командир 5-й гвардейской воздушно-десантной бригады подполковник Сидорчук сумел собрать часть разрозненных групп в Каневском лесу и связаться со своими за линией фронта.

25 октября 1943 года под личным руководством маршала Жукова началась переброска войск на так называемый лютежский плацдарм на берегу Днепра. Одной из главных задач была дезинформация противника – чтобы немцы думали, что новое наступление советских войск на Киев будет по-прежнему вестись с букринского плацдарма. Расстояние между плацдармами составляло около двухсот километров. Была построена временная дорога, по которой по ночам перемещались войска. На переброску понадобилась неделя. На лютежском плацдарме были сосредоточены 38-я армия под командованием генерала Москаленко, 3-я гвардейская танковая армия генерала Рыбалко, 5-й гвардейский танковый корпус генерала Кравченко... Артиллерия имела две тысячи орудий и минометов плюс пятьсот «катюш».

30 октября 1943 года Жуков доложил Верховному Главнокомандующему, что он внимательно проверил новый план наступления на Киев с букринского плацдарма. Сталин настаивал, что украинскую столицу надлежит взять не позже первой недели ноября – к грядущей годовщине Октябрьской революции. Директива Ставки гласила, что придется «пойти на жертвы, имея в виду, что эти жертвы будут во много раз меньше тех, которые придется затратить, если эта операция затянется».

Жуков докладывал, что план, подготовленный Ватутиным, он считает «вполне законченным», и по этому случаю «дал командармам дивизии и корпусов практические указания по подготовке и проведению предстоящей операции».

5 ноября 1943 года немецкая армия начала отступление из Киева. К этому моменту уже двое суток продолжалось мощное наступление войск 1-го Украинского фронта с лютежского плацдарма, предваренное массированной артиллерийской подготовкой. 5 ноября 3-я гвардейская танковая армия перерезала шоссе Киев – Житомир. Руководство находившихся в Киеве сил вермахта, опасаясь окружения, приказало оставить город. Фельдмаршал Манштейн сообщал, что 7-й армейский корпус «был отброшен из Киева на юг, и ему удалось задержать продвижение противника лишь в 50 километрах ниже города». К утру 6 ноября Киев советские войска полностью освободили Киев, о чем Жуков и Ватутин «с величайшей радостью» доложили Верховному Главнокомандующему.

Белорусская операция

30 мая 1944 года Сталин утвердил план операции «Багратион». Началу операции предшествовала тщательная подготовка. Жуков в начале июня приехал в войска и, объезжая район за районом, изучал ситуацию на каждом конкретном участке фронта, после чего проводил совещания, на которых обсуждалась обстановка и прорабатывались детали предстоящего наступления. Он постоянно подчеркивал важность тщательной и постоянной разведки обороны противника, памятуя о неудачном начале Днепровской операции.

Одновременно с этим велась масштабная кампания по дезинформации противника. Там, где планировалось наступление, – демонстративно строились оборонительные рубежи. Вопросы наступления по радио не обсуждались. Войска перемещались только по ночам. А план операции «Багратион» в полной мере был известен лишь Сталину, Жукову, Василевскому и еще трем высшим офицерам.

При этом на правом крыле 3-го Украинского фронта на север от Кишинева, наоборот, имитировалась подготовка наступательных действий. Создавалось впечатление, что в этом районе сосредоточены значительные силы – ради этого в местах, доступных для немецкой разведки, были даже выставлены макеты танков и орудий.

В середине июня были проведены штабные игры на тему грядущей операции. 22 июня, по воспоминаниям Жукова, «оба фронта провели разведку боем. В результате удалось уточнить расположение огневой системы противника непосредственно на его переднем крае и расположение некоторых батарей, которые раньше не были известны».

Операция «Багратион» началась 23 июня.

«Когда готовилось решение о прорыве обороны, командующий 3-й армией генерал-лейтенант А.В. Горбатов предложил нанести удар танковым корпусом Б.С. Бахарова несколько севернее – из лесисто-болотистого района, где, по его данным, была очень слабая оборона противника, – писал Жуков в «Воспоминаниях и размышлениях». – С А.В. Горбатовым не согласились и приказали ему готовить прорыв на участке, указанном командованием фронта, так как иначе пришлось бы передвигать на север и главный удар 48-й армии.

Началось сражение. Прорыв обороны противника развивался медленно. Видя это, А.В. Горбатов обратился с просьбой разрешить ему

выполнить свой первоначальный план и нанести удар танковым корпусом севернее. Я поддержал предложение А.В. Горбатова».

Эти слова создают впечатление, будто маршал почти и не волновался тогда. О его внешней невозмутимости вспоминали и другие участники событий.

«В этой обстановке, – вспоминал маршал артиллерии Н.Д. Яковлев, – командарм А.В. Горбатов, человек, прошедший уже немалый армейский путь и хорошо понимавший всю сложность ратного труда, вел себя сдержанно, пожалуй, даже спокойно. И в этом спокойствии чувствовалась его твердая уверенность в том, что командиры корпусов, дивизий и полков его армии, несмотря ни на что, достойно выполняют свой воинский долг. Поэтому старался не особенно-то тревожить их телефонными звонками, а терпеливо ждал дальнейшего развития событий. Г.К. Жуков тоже ничем не выдал своего волнения. Он даже не беспокоил командарма, а, прогуливаясь по рожице, в которой располагался НП армии, лишь изредка интересовался сообщениями о боевой обстановке в целом на фронте и у соседа – в войсках 2-го Белорусского фронта. Так же выдержанно вел себя весь день, вечер и ночь, а потом даже и следующий день. Такому хладнокровию можно было только позавидовать».

25 июня войска 1-го Прибалтийского фронта и 3-го Белорусского фронта окружили под Витебском пять немецких дивизий, а на следующий день освободили сам город. 27 июня войска 1-го Белорусского фронта проделали то же самое под Бобруйском – а когда поступили сведения, что окруженная группировка готовит прорыв, ее просто разнесли бомбами.

«Операция вполне удалась, – констатировал Жуков. – Противник был опрокинут, и танкисты Б.С. Бахарова, выигрывая фланг группировки противника, стремительно двинулись к Бобруйску, отрезая немцам единственный путь отхода через реку Березину.

После этого удачного маневра наших войск противник начал отход с рубежа Жлобин – Рогачев, но было уже поздно. Единственный мост у Бобруйска 26 июня был в руках танкистов Б.С. Бахарова.

Танковый корпус М.Ф. Панова, выйдя в район северо-западнее Бобруйска, отрезал все пути отхода противнику, находившемуся в самом городе.

Таким образом, 27 июня в районе Бобруйска образовалось два котла, в которых оказались немецкие войска 35-го армейского и 41-го танкового корпусов общей численностью до 40 тысяч человек.

Мне не довелось наблюдать, как проходила ликвидация противника в Бобруйске, но я видел, как шел разгром немцев юго-восточнее его. Сотни бомбардировщиков 16-й армии С.И. Руденко, взаимодействуя с 48-й армией, наносили удар за ударом по группе противника. На поле боя возникли сильные пожары: горели многие десятки машин, танков, горюче-смазочные материалы. Все поле боя было озарено зловещим огнем. Ориентируясь по нему, подходили все новые и новые эшелоны наших бомбардировщиков, сбрасывавших на противника бомбы разных калибров. Весь этот жуткий «хор» дополнялся артиллерийским огнем 48-й армии...»

28 июня советские войска уже обошли группу армий «Центр» с обоих флангов и вышли на позиции для удара в сторону Минска. Гитлер тем временем заменил командующего Буша на другого генерал-фельдмаршала – Моделя. «Мы, откровенно говоря, несколько удивлялись их грубо ошибочным маневрам, которые обрекали войска на катастрофический исход, – комментировал ситуацию Жуков. – Вместо быстрого отхода на тыловые рубежи и выброски сильных группировок к своим флангам, которым угрожали советские ударные группировки, немецкие войска втягивались в затяжные фронтальные сражения восточнее и северо-восточнее Минска».

8 июля 1944 года группировка немецких войск из 4-й армии, окруженная в ходе операции по освобождению Минска, официально капитулировала. До этого в течение нескольких дней окруженцы пытались прорваться вслед за своими более удачливыми, то есть успевшими отступить на запад, собратьями. 5 июля из минского котла была послана последняя отчаянная радиограмма, адресованная командованию группы армий «Центр»: «Сбросьте с самолета хотя бы карты местности, или вы уже списали нас?»

Боеприпасы у немцев кончались, а попытки пойти на прорыв с холодным оружием оказывались тщетными. Высшие офицеры оказались в числе тех, кто успел спастись бегством, поэтому командование теми, кто был заперт в Минском котле, принял на себя командир 12-го армейского корпуса В. Мюллер. Понимая, что при

непрерывном обстреле и бомбежках его люди обречены, он организовал еще две попытки прорыва, которые сорвались.

Утром 8 июля Мюллер отправился к советским позициям и сдался представителям 121-го стрелкового корпуса 50-й армии. Сразу же после этого он издал приказ, предписывающий его подчиненным организованно последовать его примеру. Под Минском попали в плен более 35 тысяч немецких солдат.

На пороге Варшавы

Порой Жукову приходилось решать вроде бы чисто военные задачи, но на самом деле имевшие ярко выраженный политический подтекст. Так было в августе 1944 года, когда именно ему пришлось выбирать – посылать своих солдат в бой, понимая, что выполнить боевую задачу они не сумеют, потому что устали и не имеют необходимой поддержки, или разочаровать Сталина. Выбор не просто нелегкий – смертельно опасный. Но Жуков, которого так часто обвиняют в жестокости и склонности к тому, чтобы завалить противника трупами, предпочел рискнуть собственной головой перед гневом Верховного.

А ситуация была отчаянная.

1 августа 1944 года в Варшаве началось восстание против немецких оккупантов. Его организаторами были командование Армии крайовой и представители польского правительства в изгнании, находившегося в Лондоне. Восставшие рассчитывали на быстрое наступление советских войск. Но одновременно с этим уже в то время существовала версия, что эмиссары правительства в изгнании рассчитывали, что если не вся Польша, то как минимум Варшава будет освобождена силами самих поляков, что подчеркнет независимость страны и снимет угрозу установления советской власти.

Западная пресса упрекала советских руководителей за то, что войска Красной армии не спешат оказать помощь повстанцам.

Тем временем Сталин велел Жукову оценить ситуацию на подступах к Варшаве и понять, можно ли оказать необходимую военную поддержку повстанцам. Оказалось, что в тот момент это практически невозможно: «Чтобы оказать помощь восставшим варшавянам, советские и польские войска были переправлены через

Вислу и захватили в Варшаве Набережную. Однако со стороны Бур-Комаровского вновь не было предпринято никаких попыток установить с нами взаимодействие. Примерно через день немцы, подтянув к Набережной значительные силы, начали теснить наши части. Создалась тяжелая обстановка. Мы несли большие потери. Обсудив создавшееся положение и не имея возможности овладеть Варшавой, командование фронта решило отвести войска с Набережной на свой берег».

Жуков в своих мемуарах предельно лаконичен: «По заданию Верховного к Бур Комаровскому были посланы два парашютиста офицера для связи и согласования действий, но он не пожелал их принять».

Оценив происходящее на фронте, он был вынужден констатировать, что немедленное наступление не имеет шансов на успех. Войска измотаны, коммуникации растянуты. Еще до получения известий о начале восстания стало ясно, например, что танкам не хватает горючего. Следовало дать передышку, подтянуть тылы и только тогда начинать наступление на Варшаву.

Жуков высказал свое мнение Сталину в телефонном разговоре. Верховный был явно недоволен, приказал Жукову вернуться в Москву и доложить всё лично.

«Я развернул карту и начал докладывать, – вспоминал Жуков. – Вижу, И.В. Сталин нервничает: то к карте подойдет, то отойдет, то опять подойдет, пристально всматриваясь своим колючим взглядом то в меня, то в карту, то в К.К. Рокоссовского. Даже трубку отложил в сторону, что бывало всегда, когда он начинал терять хладнокровие и контроль над собой.

– Товарищ Жуков, – перебил меня В.М. Молотов, – вы предлагаете остановить наступление тогда, когда разбитый противник не в состоянии сдержать напор наших войск. Разумно ли ваше предложение?

– Противник уже успел создать оборону и подтянуть необходимые резервы, – возразил я. – Он сейчас успешно отбивает атаки наших войск. А мы несем ничем не оправданные потери...

– Вы поддерживаете мнение Жукова? – спросил И.В. Сталин, обращаясь к К.К. Рокоссовскому.

– Да, я считаю, надо дать войскам передышку и привести их после длительного напряжения в порядок.

– Думаю, что передышку противник не хуже вас использует, – сказал Верховный. – Ну а если поддержать 47-ю армию авиацией и усилить ее танками и артиллерией, сумеет ли она выйти на Вислу между Моддином и Варшавой?

– Трудно сказать, товарищ Сталин, – ответил К.К. Рокоссовский. – Противник также может усилить это направление.

– А вы как думаете? – обращаясь ко мне, спросил Верховный.

– Считаю, что это наступление нам не даст ничего, кроме жертв, – снова повторил я».

Сталин гневался, выгонял военачальников из кабинета «подумать еще»... Жуков не знал, о чем пишут западные газеты, прямо называвшие советского лидера предателем, который не делает ничего, чтобы помешать фашистам подавить Варшавское восстание и истребить его участников. Сталина такая репутация вовсе не устраивала, посему он снова и снова требовал от Жукова и Рокоссовского организовать немедленное наступление. Но, в конце концов, был вынужден согласиться с их доводами и объявить свое решение: советским войскам оставаться пока в обороне.

Помощь восставшим, тем не менее, оказывалась – с самолетов в занятые ими кварталы Варшавы сбрасывали оружие, продовольствие, медикаменты. Однако восстание потерпело поражение, слишком значительные силы были направлены немцами против его участников. Генерал Комаровский капитулировал и получил для себя самолет, на котором отправился в Швейцарию. Его люди, те, кто уцелел, оказались в концлагере под Варшавой. Партизаны Армии Людовой сдаться отказались и, продолжая сражаться, уходили из города по подземным коммуникациям...

Сражение за Берлин

После того, как советскими войсками в январе 1945 года был прорван вислинский оборонительный рубеж немцев, германское командование спешно приступило к строительству оборонительных сооружений на территории самой Германии. С особой интенсивностью оборонительные работы развернулись с выходом войск 1-го Белорусского фронта на реку Одер и войск 1-го Украинского фронта на реку Нейсе, когда под непосредственную угрозу были поставлены не

только центральные районы, но и сама столица нацистской Германии. Для строительства прочной обороны было привлечено большое количество военнопленных и мобилизовано местное немецкое население. Города Губен, Форст и Мускау, входящие в систему главной полосы обороны, были превращены в сильные узлы сопротивления. Все здания были приспособлены к обороне, все улицы перекопаны баррикадами толщиной до 2–3 м, а подступы к городам прикрывались 4–5 линиями траншей. Дороги, проходившие по лесам, были перекрыты завалами, местами перекопаны и заминированы. На всех дорогах было построено большое количество баррикад с выдвигными воротами для прикрытия проезжей части. Вдоль дорог были оборудованы огневые позиции для артиллерии и «фаустников».

Для разгрома мощной берлинской группировки немцев советское командование сосредоточило 2,5 млн человек; 41,6 тыс. орудий и минометов; 6250 танков и самоходок; 7,5 тыс. боевых самолетов. Основная роль в операции отводилась 1-му Белорусскому фронту под командованием Г.К. Жукова.

Столица Третьего рейха была превращена в неприступный (как уверял фашистский пропагандист Геббельс) укрепленный район, помимо возведенных баррикад повсеместно использовались подземные укрепления, на улицах висели трупы немецких солдат и офицеров с привязанными трафаретами: «Я – дезертир».

Берлинская наступательная операция Красной армии началась 16 апреля 1945 года. Через день под натиском превосходящих сил (и преимуществ в боевой технике) Восточный фронт вермахта рухнул, столица рейха Берлин оказалась окружена. 20 апреля в городе начались уличные бои, и многие вожди Третьего рейха поспешили покинуть свою осажденную столицу.

Для того, чтобы пробиться к рейхсканцелярии и бункеру Гитлера, частям Красной армии пришлось прорывать глубоко эшелонированную фашистскую оборону, для чего использовались сформированные по приказу командующего 1-м Белорусским фронтом маршалом Г.К. Жуковым «группы разрушения». Перед штурмом очередного городского квартала все здания, улицы и перекрестки подвергались интенсивной артиллерийской обработке, и только после этого в бой вступали штурмовые подразделения.

2 мая 1945 года войска Первого Белорусского фронта под командованием Маршала Советского Союза Жукова и войск Первого Украинского фронта под командованием Маршала Советского Союза И. Конева разгромили фашистские войска в столице Германии. В 15.00 остатки берлинского гарнизона под командованием генерала Вейдлинга капитулировали.

8 мая 1945 года в предместье Берлина Карсхорсте в 22 часа 43 минуты по местному времени представителями Третьего рейха был подписан Акт о безоговорочной капитуляции фашистской Германии. От Советского Союза документ подписал маршал Жуков.

Психолог Карина Сарсенова специально для этой книги так анализирует характер маршала Георгия Жукова: «Природа Жукова – быть воином. Смысл его жизни – победа. Жизнь для него – постоянное сражение. Люди такого уровня, как Жуков, не могут оцениваться как хорошие или плохие. Они на своем месте. И все черты их характера, все сложности устройства психики подчиняются той миссии, которой им надлежит служить».

После войны маршал Победы оказался в опале – причиной того называют иногда ревность Сталина к его всенародной популярности. Незадолго до смерти вождь вернул Жукова в Москву, но дальнейшая карьера хоть и привела маршала на пост министра обороны, однако, как оказалось, ненадолго. В 1957 году он был снят со всех постов и отправлен в отставку.

Скончался Георгий Константинович Жуков 18 июня 1974 года.

Родион Малиновский. От Одессы до Вены

Маршал Советского Союза Родион Яковлевич Малиновский родился 22 ноября 1898 года в Одессе. Будучи подростком, работал приказчиком в магазине. После начала Первой мировой войны шестнадцатилетний Малиновский сумел уговорить солдат, отправляющихся на фронт, взять его с собой. По прибытии был зачислен подносчиком патронов в пулеметную команду 256-го Елисаветградского пехотного полка. Через несколько месяцев ранен и награжден Георгиевским крестом 4-й степени. Зачисленный в состав экспедиционного корпуса Русской армии во Франции и отличившись в боях на Западном фронте, ефрейтор Малиновский удостоен двух французских наград. Поступил добровольцем в Иностранский легион, участвовал в боевых действиях. Вернулся в революционную Россию в октябре 1919 года, вступил в Красную армию, сражался против войск Колчака.

После завершения Гражданской войны обучался в школе младшего начсостава, затем командовал пулеметным взводом, пулеметной командой, стал помощником командира и затем – командиром стрелкового батальона. После окончания в 1930 года Военной академии имени Фрунзе Малиновский вышел на полковой уровень, став начальником штаба кавалерийского полка, затем – офицером штабов Северо-Кавказского и Белорусского военных округов, был назначен начальником штаба кавалерийского корпуса. Во время Гражданской войны в Испании под псевдонимом «полковник Малино» Малиновский являлся в 1937–1938 годах военным советником республиканского правительства страны, которое наградило его двумя орденами. В 1939 году Малиновский, будучи старшим преподавателем Военной академии имени Фрунзе, передавал свой опыт молодым командирам.

В начале войны

К 22 июня 1941 года генерал-майор Малиновский командовал 48-м стрелковым корпусом Одесского военного округа. Приграничные сражения в Молдавии периода с 22 июня по 26 июля 1941 года (в немецкой военной историографии – операция «Мюнхен») в первые дни

разворачивались относительно благополучно для советских войск. В-первых, атакующие силы немцев и румын: 11-я немецкая армия (командующий генерал-полковник Ойген фон Шоберт), 3-я румынская (командующий корпусной генерал Петре Думитреску) и 4-я румынская (командующий корпусной генерал Николае Чуперца) армии, 4-й немецкий авиационный корпус (командир генерал-лейтенант Курт Пфлюгбейль) – не смогли в этом регионе заставить части Красной армии врасплох. Руководство Одесского военного округа еще до получения из Москвы в ночь на 22 июня директивы о приведении войск в боевую готовность распорядилось занять позиции на границе и рассредоточить авиацию по запасным аэродромам. Тогда же штаб округа был переведен в полевой командный пункт под Тирасполем.

Поступившая директива, среди прочего, гласила: «Задача наших войск – не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения», однако войска Одесского округа были сразу подняты по тревоге.

А во-вторых, поначалу немцы отводили южному направлению второстепенную роль, предполагалось сковывать здесь советские силы, пока группа армий «Юг» не продвинется достаточно далеко в направлении главного удара по Украине. Румынскими войсками здесь руководил лично сам Антонеску. Интенсивное наступление в направлении Яссы – Бельцы началось утром 2 июля.

5 июля командующий Южным фронтом Тюленев без согласования с Москвой приказал отвести войска за Днестр и организовать оборону по линии укрепленных районов. Но Ставка разрешила отвести только правый фланг 18-й армии, приказав бросить остальные силы в контрнаступление.

Утром 8 июля 48-й стрелковый корпус, которым командовал Малиновский, вместе с другими частями атаковал наступающего противника. Генерал Ойген фон Шоберт даже запросил у начальства разрешения остановить наступление.

Отбросить немцев и румын обратно за реку Прут оказалось невозможно, но двое суток яростных встречных боев задержали две армии противника, позволив советской 18-й армии отойти в полном порядке и занять Могилёв-Подольский укрепленный район.

В ходе отступления под натиском превосходящих сил противника Малиновский смог сохранить основные силы корпуса. В августе 1941

года был назначен командующим 6-й армией. 9 ноября произведен в генерал-лейтенанты, а в декабре был назначен командующим Южным фронтом.

Барвенково-Лозовская операция

В январе 1942 года войска Южного фронта в ходе Барвенково-Лозовской операции нанесли поражение немцам в районе Харькова и оттеснили их на сто километров. Подготовка к этой операции, проведенной силами Южного и Юго-Западного (командующий – Ф.Я. Костенко) фронтов, началась в первых числах января 1942 года. Изначально планировалось прорвать оборону противника между Балаклеей и Артёмовском, выйти в тыл донбасско-таганрогской группировки, прижать её к берегу Азовского моря и уничтожить. Это означало, что Красной армии придется форсировать реку Северский Донец в невыгодных условиях, наступая с левого пологого берега на высокий берег, занятый противником, а именно – 17-й полевой армией под командованием Германа Гота. Кроме нее в группу армий «Юг» входили 6-я армия Фридриха Паулюса и 1-я танковая армия Эвальда фон Клейста.

Утром 18 января войска Юго-Западного и Южного фронтов пошли в наступление на участке от Балаклеи до Славянска и прорвали оборону противника. К вечеру 23 января был взят город Барвенково, где тотчас был оборудован вспомогательный пункт управления наступающими войсками. Ожесточенные бои велись на берегах реки Самара, которую части Красной армии форсировали или пытались форсировать в нескольких местах. 4-я гвардейская (132-я) танковая бригада перерезала автодорогу Краматорск – Петропавловка. Точки активного сопротивления противника, если не удавалось подавить его сразу, старались окружить и обойти. В наступлении участвовали моторизованные, кавалерийские и пехотные части. Причем, несмотря на очевидную значимость техники в этой войне, конники достаточно часто достигали успеха. Так 27 января 34-я кавалерийская дивизия 5-го кавалерийского корпуса форсировала реку Бык и захватила село Криворожье, разгромив немецкую пехоту.

В связи с угрозой прорыва советских войск со стороны Лозовой Герман Гот перевел свой штаб из Павлограда в Красноармейское, где

базировались значительные силы. А кому-то из руководства немецких частей пришлось и лично сражаться, подобно командиру 134-го полка 44-й пехотной дивизии Бойсу. «Насколько ожесточенные шли бои на этом участке фронта, – пишет военный историк из Германии П. Карелл, – свидетельствует тот факт, что полковник Бойс лично и его штаб неоднократно отбивались в ближнем бою с пистолетами и ручными гранатами. В конце концов русский лыжный батальон достиг важной дороги Балаклея – Яковенков на южном фланге боевой группы и закрепился в огромных соломенных скирдах. Бойс атаковал его со своим последним резервом, чтобы избавить боевую группу от смертельной опасности окружения. Русские не сделали ни шагу назад».

Дмитрий Рябышев, который в это время командовал 57-й армией в составе Южного фронта, впоследствии писал в своей книге «Первый год войны»: «Наши войска освободили города Барвенково, Лозовая и более 400 населенных пунктов, нанесли врагу большие потери. Не считая того, что было уничтожено в ходе боев, войска захватили 658 орудий, 40 танков и бронемашин, 843 пулемета, 331 миномет, 6013 автомашин, 573 мотоцикла, 1095 велосипедов, 23 радиостанции, более 100 тысяч мин, около 80 тысяч снарядов, более миллиона патронов, свыше 23 тысяч ручных гранат, 430 вагонов с боеприпасами и военными грузами, 8 эшелонов с военно-хозяйственным имуществом, 24 склада с разными военными запасами, 2400 повозок, 2800 лошадей. При этом полностью были разгромлены 298, 68 и 257-я пехотные дивизии, 236-й противотанковый полк, 179-й пехотный полк 57-й пехотной дивизии, венгерский кавалерийский полк. Разгромлен штаб 257-й пехотной дивизии и захвачены ее штабные документы, знамена 457-го и 516-го пехотных полков. Кроме того, нанесены значительные потери 44-й и 295-й пехотным дивизиям и некоторым частям 62, 46 и 94-й пехотных дивизий. За это время немцы потеряли свыше 25 тысяч убитыми, несколько тысяч фашистов попало в плен. В пехотных дивизиях гитлеровцев осталось от 30 до 50 процентов штатного состава».

Но в полной мере воплотить в реальность план операции советским войскам не удалось – окружение немецкой группировки не состоялось. Однако в этом районе были скованы значительные силы противника, в том числе и спешно переброшенные сюда подкрепления. Тем временем советское контрнаступление под Москвой успешно

развивалось. Психологический эффект тоже оказался заметным. «Кое-кто из строевых офицеров был настроен мрачно, – писал в мемуарах полковник Адам из 6-й немецкой армии. – У многих солдат не осталось и следа от прежнего подъема, от веры в победу, воодушевлявшей их в первый год войны. Достоверно было одно: Гитлер и главное командование сухопутных сил сознательно или невольно лгали, когда бахвалились перед всем миром, что Красная армия разбита. Разбитая армия не может без передышки атаковать в разных местах посреди зимы».

Харьковская катастрофа

Спустя четыре месяца в ходе Харьковской операции советские войска под командованием Малиновского, понесшие большие потери, отступили от Харькова к Дону.

Еще в конце марта 1942 года, когда в Ставке проходило совещание, посвященное Харьковской наступательной операции, мнения о ее целесообразности разделились. Жуков и Шапошников были против, считая, что надо развить уже достигнутый успех Западного фронта. Сталин, поддержавший предложение командующего Юго-Западным направлением Тимошенко, дал указание считать операцию внутренним делом Юго-Западного направления и Генштабу в ее ход не вмешиваться. За проявленную на совещании «строптивость» Жуков по приказу Ставки был понижен – из его подчинения был выведен Калининский фронт, а руководимое Жуковым Западное направление были ликвидировано...

Но зато для поощрения Тимошенко, Баграмяна и Хрущева (руководства Юго-Западного направления) Сталин устроил прием, на который своеговольного Жукова не пригласили. У вождя, лично ведшего праздничное застолье, нашлись добрые слова и пожелания для каждого из присутствующих. Напоследок Сталин огласил «один весьма актуальный документ» – знаменитое письмо запорожских казаков турецкому султану, потребовавшему от них покорности: «А какой же ты, к бесу, рыцарь, если не можешь прибить голой задницей ежа!»

Как свидетельствует в своих воспоминаниях Баграмян, «по возвращении в свой штаб генерал-лейтенант Р.Я. Малиновский 6 апреля издал оперативную директиву. В ней указывалось, что

противник в полосе действия фронта усиливает свою группировку на красноармейском и славянско-краматорском направлениях за счет подвоза пополнения из глубины и переброски сил с других направлений. Делался также очень важный вывод о возможности его активных действий в барвенковском направлении.

Основная задача войск Южного фронта этой директивой была определена так: армии фронта прочно закрепляются на занимаемых рубежах, обеспечивая своим правым крылом наступление войск Юго-Западного фронта на харьковском направлении и левым крылом прикрывая ворошиловградское и ростовское направления».

Но вскоре советскому вождю и его сподвижникам стало не до смеха, поскольку наступление не только не достигло заданных целей, но и обернулось большими потерями. Удар танковой группы фон Клейста по южному флангу оказался роковым. Причем было потеряно время – когда войска еще можно было отвести благополучно, командование убеждало Ставку, что все идет по плану.

Операция закончилась тяжелым поражением Красной армии, крупная группировка советских войск попала в окружение. Потери обоих фронтов (Юго-Западного и Южного) составили 277 тысяч человек, из которых более 170 тыс. человек – безвозвратные.

На подступах к Сталинграду

После харьковской катастрофы по приказу Ставки Малиновский, снятый с должности командующего фронтом, получил назначение с понижением – командующим 66-армией. Возглавлявший в то время Донской фронт, в состав которого и входила эта армия, Рокоссовский вспоминал: «Прибыв на командный пункт 66-й армии, я не застал там командарма. Встретивший меня начальник штаба армии генерал Ф.К. Корженевич доложил, что командарм убыл в войска... Меня несколько удивило, что командующий армией отправился в войска, не дождавшись меня, хотя и знал, что я к нему выехал. Корженевич хотел вызвать командарма на КП, но я сказал, что сам найду его, а заодно и познакомлюсь с частями...»

Рокоссовский долго искал Малиновского – на КП батальона того не оказалось, сообщили, что он находится в одной из рот, куда комфронтом и отправился: «Нужно сказать, что в этот день здесь шла

довольно оживленная артиллерийско-минометная перестрелка, и было похоже на то, что противник подготавливает вылазку в ответ на атаку, проведенную накануне войсками армии. Где в рост по ходу сообщения, а где и согнувшись в три погибели по полузасыпанным окопам, добрел я до самой передовой. Здесь и увидел среднего роста коренастого генерала. После церемонии официального представления друг другу и краткой беседы я намекнул командарму, что вряд ли есть смысл ему лазать по ротной позиции, и порекомендовал выбрать более подходящее место, откуда будет удобнее управлять войсками. Родион Яковлевич Малиновский замечание выслушал со вниманием. Угрюмое лицо его потеплело.

– Я сам это понимаю, – улыбнулся он. – Да уж очень трудно приходится, начальство нажимает. Вот я и отправился подальше от начальства.

Расстались мы друзьями, достигнув полного взаимопонимания. Конечно, на армию возлагалась непосильная задача, командарм понимал это, но обещал сделать все от него зависящее, чтобы усилить удары по противнику».

Затем Малиновский был назначен заместителем командующего войсками Воронежского фронта. А в ноябре 1942 года получил назначение на должность командующего войсками 2-й гвардейской армии.

И вот к Родиону Яковлевичу пришла первая громкая слава – на ростовском направлении войска под его командованием (и по личной инициативе) сумели отразить удар группировки немецкого генерала Манштейна, двигавшегося в направлении Сталинграда, чтобы прорвать кольцо советских войск вокруг 6-й армии Фридриха Паулюса. 12 февраля 1943 года Малиновскому было присвоено звание генерал-полковника.

На Запад!

Сталин в феврале 1943 года вновь вернул Малиновского на должность командующего войсками Южного фронта. На этом посту ему удалось освободить Ростов-на-Дону. С марта 1943 года он командовал войсками Юго-Западного фронта, в октябре 1943 года переименованного в 3-й Украинский фронт. 28 апреля 1943 года

Малиновскому было присвоено звание генерала армии. Под командованием Малиновского войска провели ряд важных наступательных операций.

Так, 13 августа 1943 года наступлением правого крыла Юго-Западного фронта началась Донбасская операция. Был форсирован Северский Донец и, наконец-то во взаимодействии с частями Степного фронта окончательно освобожден многострадальный Харьков. А 30 августа советские войска одновременной атакой с суши и десантом с моря взяли Таганрог, окружив и уничтожив 29-й немецкий корпус. Под угрозой оказалась вся группа армий «Юг». Гитлер разрешил Манштейну отвести войска за Днепр. Манштейн вспоминал: «Начатый в соответствии с этим приказом отход на линию Мелитополь – Днепр под натиском превосходящих сил противника является, пожалуй, самой тяжелой операцией, проведенной группой армий во время кампании 1943–1944 годов».

Именно тогда во всей красе предстала тактика выжженной земли. По словам Манштейна, «в зоне 20–30 км перед Днепром было разрушено, уничтожено или вывезено в тыл все, что могло помочь противнику немедленно продолжить свое наступление на широком фронте по ту сторону реки, то есть всё, что могло явиться для него укрытием или местом расквартирования, и все, что могло обеспечить его снабжение, в особенности продовольственное снабжение его войск». Но, тем не менее, части Красной армии нагнали отступающих, изрядно увеличив их потери. В итоге была освобождена Кубань, Донецкий бассейн, советские войска вышли на линию Днепропетровск – Мелитополь.

После этого войска под командованием Малиновского продолжали освобождение Украины в ходе Нижне-Днепровской, Запорожской, Никопольско-Криворожской операций. Подразделения Манштейна сопротивлялись отчаянно, ибо Гитлер приказал держаться изо всех сил. Прежде всего, за Никополь с его марганцевыми месторождениями.

О том, действительно ли место добычи этой легирующей добавки для производства стали было так важно для германской военной промышленности, единого мнения не существует. Но Гитлер заявлял об исключительной важности этого района: «Что же касается никопольского марганца, то его значение для нас вообще нельзя выразить словами. Потеря Никополя означала бы конец войны».

Поэтому генералы не смогли убедить его отдать без особых боев такой неудобный для обороны Никополь. «Тяжелым поражением, ненамного уступавшим по своим масштабам катастрофе 8-й армии, – писал К. Типпельскирх, – ознаменовалось начало февраля и на южном фланге 1-й танковой армии, когда удерживаемый немецкими войсками выступ в районе Никополя подвергся ударам русских войск с севера и с юга. Марганцевые рудники в районе города Марганец, восточнее Никополя, оборона которых являлась основной причиной удержания тактически невыгодного выступа, и сам Никополь, включая также атакованный с юга плацдарм на левом берегу Днепра, 8 февраля были потеряны. Одновременно русские прорвались на Апостолово и угрожали зажатым в районе Никополя немецким дивизиям с тыла. Последним лишь ценою очень тяжелых потерь удалось отступить в район южнее Кривого Рога».

Но, увы, с освобождением Никополя 8 февраля война еще не была окончена. 28 марта Красная армия освободила Николаев, потом Очаков. Впереди была Одесса, родной город Малиновского. Она была освобождена ночным штурмом 10 апреля 1944 года. Наступательную операцию провели части 3-го Украинского фронта. В тылу фашистов сражались одесские подпольщики и партизаны – в катакомбах и окрестностях оккупированной немцами Одессы действовали шесть партизанских отрядов, общим числом до двадцати тысяч бойцов. С моря наступающих поддерживали корабли Черноморского флота. Наличие естественных водных преград – Тилигульского, Аджалыкского и Большого Аджалыкского, Куяльницкого лиманов – немцы старались использовать для организации обороны. Но штурм начался одновременно с суши, воздуха и моря, причем удары наносились точно, поскольку наступающие старались избежать разрушения города. После ожесточенных боев в течение двух дней Одесса была окончательно очищена от оккупантов.

В мае Малиновский приказом Ставки был назначен командующим 2-м Украинским фронтом, нанеся поражение немецкой группе армий «Южная Украина». 10 сентября 1944 года Малиновский был удостоен звания Маршала Советского Союза.

6 августа 1944 года заместитель народного комиссара обороны СССР Маршал Советского Союза А. Малиновский подписал Приказ № 0244 «О порядке направления в действующую армию офицеров,

осужденных военными трибуналами с применением отсрочки исполнения приговора до окончания войны». В нем указывалось: «В штрафные батальоны действующей армии не направлять офицеров, осужденных военными трибуналами без лишений воинских званий, если совершенные ими преступления не являются тяжкими. Этих офицеров использовать на офицерских должностях в боевых частях действующей армии с понижением по должности на одну ступень». Совершенствование военной техники заставило командование понять, что рисковать квалифицированными офицерами будет неразумно. Таким образом, время штрафбатов в Красной армии подходило к концу.

Ясско-Кишинёвская операция

20 августа 1944 года мощной артиллерийской подготовкой началась Ясско-Кишинёвская операция, которую иногда пышно называют как Ясско-Кишинёвские Канны. Она была направлена против немецко-румынской группировки, прикрывавшей балканское направление. Целью было освобождение Молдавии и принуждение Румынии к выходу из войны. Ясско-Кишинёвская операция входит в число так называемых «десяти сталинских ударов» и считается одной из самых удачных советских операций во время Великой Отечественной войны.

2-й Украинский фронт, возглавляемый Малиновским, составляли 27-я армия, 40-я армия, 52-я армия, 53-я армия, 4-я гвардейская армия, 7-я гвардейская армия, 6-я танковая армия, 18-й отдельный танковый корпус и конно-механизированная группа. Авиационную поддержку фронту оказывала 5-я воздушная армия.

Участник тех событий И.М. Новохацкий в своей книге «Воспоминания командира батареи» так описывал результаты артобстрела перед началом наступления: «Когда мы двинулись вперед, то на глубину примерно десять километров местность была черной. Оборона противника практически была уничтожена. Вражеские траншеи, вырытые в полный рост, превратились в мелкие канавы, глубиной не более чем по колено. Блиндажи были разрушены. Иногда попадались чудом уцелевшие блиндажи, но находившиеся в них солдаты противника были мертвы, хотя не видно было следов ранений.

Смерть наступала от высокого давления воздуха после разрывов снарядов и удушья».

24 августа был завершён первый этап стратегической операции двух фронтов – прорыв обороны и окружение ясско-кишинёвской группировки немецко-румынских войск. В окружении оказалось 18 дивизий. 31 августа 1944, через 2 дня после окончания операции, советские войска вошли в Бухарест.

Битва за Будапешт

После того, как Малиновский успешно провёл Дебреценскую операцию, началась кровопролитная битва за Будапешт, закончившаяся разгромом немецко-венгерской группировки врага.

Специфика сражения за Будапешт заключается в том, что помимо военных интересов (скорейшего разгрома Германии и её союзников) в судьбу этой столицы вмешался и политический фактор. С 8 по 18 октября 1944 года проходили переговоры английского премьер-министра Уинстона Черчилля с И. Сталиным, на которых обсуждались советские и британские интересы в послевоенной Восточной Европе. Советская «доля» в Венгрии составляла 50 %, но поскольку вождь СССР слишком произвольно трактовал так называемые «интересы безопасности», то он вовсе не собирался в точности соблюдать достигнутые договорённости. Поэтому после завершения переговоров Сталин поставил перед Генеральным штабом вопрос – насколько возможно немедленно захватить Будапешт. Несмотря на предостережения начальника Генштаба генерала армии Антонова, Сталин лично вечером 28 октября 1944 года позвонил маршалу Родиону Малиновскому.

«Сталин: Надо как можно скорее в течение нескольких последующих дней захватить Будапешт, столицу Венгрии. Это надо непременно сделать. В состоянии ли Вы провести эту операцию?»

Малиновский: Это задание можно было бы выполнить за пять дней, но при условии, что будет подтянут 4-й механизированный гвардейский корпус 46-й армии...

Сталин: Ставка не может дать вам этих пяти дней. Поймите же, наконец, что мы должны захватить Будапешт как можно скорее

из политических соображений.

Малиновский: Я прекрасно понимаю, что скорейшее взятие Будапешта является безотлагательным как раз по политическим причинам. Но мы сможем рассчитывать на успех, если только в операции будут принимать силы 4-го гвардейского корпуса.

Сталин: Ни при каких условиях мы не можем согласиться с отсрочкой наступления... Наступление на Будапешт должно начаться безотлагательно.

Малиновский: Если Вы дадите мне пять дней, то в последующие пять дней я возьму Будапешт. Если же мы предпримем штурм безотлагательно, то 46-я армия, в силу недостаточности сил, не сможет нанести стремительный удар, а в итоге увязнет в продолжительных боях на подступах к венгерской столице. Иными словами говоря: она будет не в состоянии взять Будапешт.

Сталин: Почему Вы так упрямо отстаиваете свою позицию? Очевидно, вы не полностью понимаете политическую значимость немедленного военного наступления на Будапешт.

Малиновский: Я осознаю, какое большое политическое значение имеет взятие Будапешта. И именно по этой причине я прошу пять дней.

Сталин: Настоящим я приказываю Вам завтра же начать наступление на Будапешт».

После этого Сталин повесил трубку, а Малиновский начал подготовку к взятию Будапешта. Это был первый в истории Красной армии штурм одного из крупнейших европейских городов – и, что характерно, столицы последнего союзника Третьего рейха.

По плану, составленному Малиновским, на следующий же день части 2-го Украинского фронта должны были выйти на позиции Надькорош – Лайошмиже – Ижак, а через несколько часов 7-я гвардейская армия должна была в ходе развертывавшего наступления форсировать реку Тиссу южнее города Сольнок. Затем прорвавший позиции вражеских войск 4-й моторизованный гвардейский корпус при поддержке 23-м стрелкового корпуса должен был ворваться в Будапешт, не дав возможности немецко-венгерским войскам перегруппироваться для обороны города.

Но этот план, разработанный Малиновским «под давлением» Сталина, был нереальным – и, несмотря на мужество и воинские умения, проявленные советскими солдатами и офицерами, он так и не привел к молниеносному взятию Будапешта. Будапештская операция стала для Красной армии одной из самых кровопролитных за всю Великую Отечественную войну...

Дело было и в том, что еще за три дня до начала советского наступления, оценив его угрозу, командование германских войск в Венгрии начало перегруппировку своих частей. В район города Кечкемет были перебазированы две танковые дивизии (23-я и 24-я, а затем и 13-я танковая дивизия), моторизованная дивизия «Фельдхеррхалле», 8-я кавалерийская дивизия СС «Флориан Гейер». По плану, разработанному генерал-полковником Гансом Фриснером, командующим группой армий «Юг», подразделения Красной армии должны были быть отброшены за реку Тиссу, которую надлежало оперативно превратить в мощный оборонительный рубеж против наступления советских войск.

Кроме того, еще 21 сентября 1944 года, выполняя приказ Главного командования сухопутных сил, Фриснер начал организацию строительства глубоко эшелонированной системы обороны на территории Венгрии. Один из этих рубежей – «Аттила», располагавшийся к востоку от Будапешта, был занят венгерским I армейским корпусом с приданными ему подразделениями полиции. В саму столицу немцы перебросили 503-й батальон «тигров» и части 24-й танковой армии. Рубеж состоял из противотанковых рвов, земляных и деревянных оборонительных сооружений.

Но этих мер было недостаточно, и поэтому через четыре дня после начала обустройства обороны по плану Фриснера начальник Генерального штаба венгерской армии Янош Вёрёш обратился к начальнику Генерального штаба сухопутных войск Германии Гейнцу Гудериану с предостережением: «Если в ближайшее время 3-я венгерская армия не получит значительного подкрепления, то ее ожидает скорейший крах. В данном случае перед врагом открывается прямая дорога в сердце страны, на город Будапешт». Спустя месяц генерал-полковник Фриснер, сомневающийся в способности находившихся под его командованием немецких и венгерских войск удержать венгерскую столицу в боях с превосходящими силами

Красной армии, обратился к Гудериану с личным посланием, прося о помощи. До советского наступления оставалось два дня.

Начавшееся 29 октября в два часа дня после непродолжительной артиллерийской подготовки наступление Красной армии поначалу разворачивалось успешно. Войска 37-го стрелкового и 2-го механизированного корпусов, двигавшиеся в направлении Кечкемета, прорвали оборону венгерской армии, продвинулись за день на 25 км. Попытка 24-й немецкой танковой дивизии нанести контрудар по прорвавшимся советским войскам провалилась. 30 октября 7-я гвардейская армия сумела форсировать реку Тису и медленно двинулась вперед. На следующий день части Красной армии захватили Кечкемет, а потом, как пишет историк Кристиан Унгвари в книге «Осада Будапешта»: «1 ноября Малиновский отдал приказ 4-му гвардейскому механизированному корпусу и 23-му стрелковому корпусу в течение трех дней захватить Будапешт, не дав немецким войскам произвести перегруппировку. Бронетехника и пехота, перевозимая на грузовиках и повозках с лошадьми, должны были внезапно форсировать Дунай и окружить Будапешт с юга. В то же время 2-й гвардейский механизированный корпус получил задачу обойти город с востока. Поскольку основные силы советских фронтов все еще находились на расстоянии 40–50 км от Пешта (*восточная часть Будапешта, отделенная от западной, Буды, Дунаем*), а на той стороне, где располагался Буда, не было советских плацдармов, на практике план исходил из того, что можно было легко и беспрепятственно совершить «прогулку» внутрь венгерской столицы».

Первые советские танки Т-34 появились 2 ноября примерно в 10 км от Будапешта. На следующий день подразделения 4-го гвардейского механизированного корпуса прорвали оборону на участке 22-й кавалерийской дивизии СС, но были отброшены группой венгерских парашютистов под командованием майора Э. Ташшоньи. Тем временем подразделениям 2-го механизированного корпуса удалось, разгромив отряд венгерской полиции, захватить населенные пункты Юллё, Дьял, Пештсентимр, Монор и Вечеш. Два последних кавалеристы СС при поддержке 12-й венгерской пехотной дивизии смогли отбить.

5 ноября победоносное наступление советских танков приостановилось. Многие боевые машины были подбиты из вражеских

орудий, погибли и пехотинцы. Экипажи стали испытывать нехватку не только в боеприпасах, но и топливе и горюче-смазочных материалах. Но самая большая опасность заключалась в том, что передовые части 2-го Украинского фронта оказались под угрозой двумя танковыми немецкими дивизиями, 1-й и 3-й. Затем атаки на рубеж «Аттила» продолжила советская пехота, чьи прорывы были ликвидированы отрядами венгерских парашютистов. Тем временем неприятель подтянул для усиления обороны три танковые и одну моторизованную дивизию.

Но поскольку приказ Верховного никто не мог отменить, то исполнение невозможной задачи продолжилось. Те самые пять дней, которые запросил Малиновский у Сталина на подготовку наступления, и не получил, могли быть использованы немецкими и венгерскими войсками для укрепления обороны Будапешта.

Битва за венгерскую столицу, в результате которой из войны был выбит последний союзник Гитлера, длилась почти столько же, сколько бои в Сталинграде, а потери Красной армии под Будапештом сопоставимы с потерями в Берлинской операции. С момента появления наших танков на окраинах венгерской столицы до завершения уличных боев прошло 102 дня. Для сравнения – Берлин был взят за две недели, а Вена – всего за шесть суток. Ожесточение боев и потери сторон при штурме Будапешта были так велики, что западные историки называют эту операцию «Сталинградом на берегах Дуная».

Лейтенант зенитной артиллерии Денеш Хорват вспоминал много позже: «После того, как немецкие пехотинцы получили информацию из командного пункта, в районе 21 часа они должны были прибыть в место, где располагалась наша артиллерия. Задача батареи состояла в том, чтобы удержать данный рубеж. После того, как я сам вернулся из немецкого командного пункта, мне предстояло сформировать «пожарную команду» из шести орудийных расчетов. Вахмистр Герхард сообщил, что по шоссе к нашей огневой позиции приближалась неорганизованная группа составом в 150–200 человек. Я запретил Герхарду открывать огонь, так как приближающимися были немецкие солдаты, которые прикрывали ночью позиции нашей батареи. Но когда до этой группы оставалось метров 100, взлетевшая в небо осветительная ракета показала нам, что это были русские солдаты. В тот же самый момент на нас обрушили огонь из минометов и была

открыта сильная пальба из стрелкового оружия. Нас атаковали. Мы опешили, но успели дать отпор. Когда мы оборонялись, из Тёрекбалина («Великий вал») прибыла немецкая пехота. Но она оказалась настолько небоеспособной, что в основном лишь прикрывала отход орудийных расчетов. Между тем русские солдаты, которые ворвались на наши позиции, смогли взять в плен множество артиллеристов».

После окружения города немецкие и венгерские войска продолжали оборону и лишь 11 февраля 1945 года предприняли попытку прорыва. Как пишет Кристиан Унгвари, «попытка прорыва из города была одним из самых ужасных событий не только в битве за Будапешт, но и во всей Второй мировой войне... сумело прорваться менее 3 процентов. 45 процентов погибло, а остальные, многие с тяжелыми ранениями, попали в плен... Битва за Будапешт запомнилась как одна из самых кровопролитных осад города за время Второй мировой войны в Европе».

Лишь к 13 февраля сражение за Будапешт завершилось победой сил Красной армии. Венгрия вышла из войны...

Венская операция

Затем войска под командованием Малиновского провели Венскую операцию. 5 апреля 1945 год Красная армия вышла к Вене с юга и юго-востока. Начались ожесточенные бои, продвижение было медленным. В сложившейся обстановке Малиновский распорядился перебросить к австрийской столице 6-ю гвардейскую танковую армию, поставив ей задачу обойти город и нанести удар с запада и северо-запада.

7 апреля главные силы 9-й гвардейской армии и соединения 6-й гвардейской танковой армии преодолели лесистые взгорья Винервальда и вышли к Дунаю, стягивая если не сплошное кольцо окружения, то почти замкнутую окружность с востока, юга и запада. Штурм Вены завершился успехом 13 апреля.

Во время советско-японской войны Малиновский командовал Забайкальским фронтом, принявшим активное участие в разгроме Квантунской армии. После капитуляции Японии Малиновский был назначен командующим войсками Забайкальско-Амурского военного округа, а затем – главнокомандующим войсками Дальнего Востока. Весной 1956 года Малиновского назначили заместителем министра

обороны СССР, Главнокомандующим Сухопутными войсками СССР. 26 октября 1957 года Малиновский был назначен министром обороны СССР.

Умер Родион Малиновский 31 марта 1967 года.

Андрей Ерёменко. Генерал обороны

Андрей Иванович Ерёменко родился 14 октября 1892 года в селе Марковка (ныне – Луганской области) в бедной крестьянской – «вдовьей горемычной» – семье. До четырнадцати лет обучался в сельской школе, затем работал. В двадцать один год был призван в российскую императорскую армию, произведен в ефрейторы. Служил в 168-м Миргородском пехотном полку (командир – полковник Александр Дмитриевич Терлецкий, дислокация – Киев), входившем в 42-ю пехотную дивизию 9-го армейского корпуса.

Сам военачальник так в своих мемуарах (*Ерёменко А.И.* В начале войны. М.: Наука, 1965) описывает начало Первой мировой войны: «1914 год... Первые бои с немцами в составе 168-го Миргородского пехотного полка. Из строя выбыл командир взвода, на эту должность временно назначили ефрейтора Ерёменко. Помню, как сейчас, взвод под моей командой по условленному сигналу поднялся в атаку в 9 часов утра. Сначала мы двигались ускоренным шагом, затем побежали. Неприятно «пели» пули и «визжали» снаряды. И вот уже атакующий взвод с криком «ура» в злобной ярости ворвался во вражескую траншею. Началась рукопашная. Страшное зрелище, когда неприятели всаживают друг в друга штыки. Я не помню, сколько на моем счету было убитых немцев. Командир должен был служить примером для солдат, и я эту заповедь выполнял. Русские были мастерами штыкового боя. В рукопашной мы всегда побеждали. Так было и на этот раз. Но мне не повезло. В третьей траншее противника выстрелом в упор я был тяжело ранен, пуля прошла насквозь и задела легкие. Атака 31 августа 1914 года запомнилась на всю жизнь. После лазаретов и госпиталей вновь действующая армия...»

Ерёменко отважно сражался на Юго-Западном и Румынском фронтах, участвовал в наступлениях, осаждал австрийскую крепость Перемышль, сражался в Карпатах, неоднократно рисковал жизнью в конной разведке. После Февральской революции Ерёменко был избран в полковой комитет от эскадрона конной разведки. В это время полк, в котором сражался Ерёменко, находился на румынской земле, и именно комитетчики, по словам Ерёменко, взяв на себя командные функции,

смогли с боями вывести за Днестр отряды, не дав румынским властям их разоружить и интернировать.

Вернувшись после Октябрьской революции в родное село, весной 1918 года Ерёменко вместе с другими бывшими фронтовиками организовал партизанский отряд для борьбы с войсками Германской империи, оккупировавшими родную Луганщину и вывозившими все ценное в Германию. Позже, в декабре 1918 года, отряд, численность которого превышала триста бойцов, влился в Красную армию. Военный талант Ерёменко проявился в годы Гражданской войны – он сражался с белогвардейцами в составе прославленной 14-й кавалерийской дивизии А.Я. Пархоменко, входившей в состав легендарной Первой Конной армии С.М. Буденного. Ерёменко в ней занимал должность командира взвода с сентября по декабрь 1919 года, затем был назначен начальником разведки кавалерийской бригады, а с марта по апрель 1920 года был начальником штаба бригады. Участвовал в боях с войсками Деникина, Пилсудского, Врангеля, отрядами Махно. Был ранен. Награжден 15 июня 1926 года орденом Красного Знамени.

Ерёменко постоянно стремился повышать свои военные знания – неслучайно в воспоминаниях он отмечал, что «нелегко было, имея за плечами церковно-приходское училище и полковую школу царской армии, исполнять обязанности начальника бригадной разведки, а затем начальника штаба полка, помощника командира полка по строевой части, начальника штаба бригады, командира полка». После окончания Гражданской войны Ерёменко был слушателем Ленинградской Высшей кавалерийской школы, а потом в 1923 году продолжил обучение на Ленинградских кавалерийских курсах усовершенствования командного состава. Его однокурсник Иван Баграмян вспоминал: «Из всех нас, пожалуй, самым упорным был Андрей Иванович Ерёменко. С редким трудолюбием осваивал он довольно обширную и насыщенную учебную программу. Настойчивость и неутомимость остались у него на всю жизнь и с особой силой проявились в Великую Отечественную войну».

После окончания курсов в декабре 1925 года Ерёменко был назначен на должность начальника штаба 79-го кавалерийского полка в 1-й бригаде 14-й кавалерийской дивизии. В декабре 1929 года Ерёменко был назначен на должность командира 79-го (позже – 55-го) полка 14-й кавалерийской дивизии. Спустя два года Ерёменко закончил курсы командиров-единоначальников при Военно-политической академии

РККА имени Толмачёва. В 1935 году закончил Военную академию имени М.В. Фрунзе, Ерёменко было присвоено воинское звание полковника. В январе 1936 году Ерёменко был назначен помощником командира 22-го кавалерийского полка 23-й кавалерийской дивизии 7-го кавалерийского корпуса, через полгода, получив повышение, стал командиром полка.

В июне 1938 года он был назначен на должность командира 6-го кавалерийского корпуса, в который были включены части Первой Конной армии. Корпус располагался в Белорусском военном округе. После начала Второй мировой войны и разгрома Польши корпус под командованием Ерёменко участвовал в походе Красной армии в Западную Белоруссию.

4 июня 1940 года Ерёменко был произведен в генерал-лейтенанты, и через пять месяцев назначен командующим войск Северо-Кавказского военного округа, но так и успел приступить к исполнению служебных обязанностей, потому что по приказу руководства Красной армии был через несколько дней назначен командующим 1-й Краснознаменной армией на Дальнем Востоке.

За три дня до начала Великой Отечественной войны Ерёменко получил назначение на должность командующего 16-й армией. Армия, сформированная в июле 1940 года в Забайкальском военном округе, состояла из 32-го стрелкового и 5-го механизированного корпусов, 126-го корпусного артиллерийского полка и 112-го отдельного зенитно-артиллерийского дивизиона. Задачей армии была защита советской границы в Забайкалье. 25 мая командование 16-й армией получило приказ передислоцироваться на Украину. Через три недели в Бердичев прибыли первые армейские части 109-й моторизованной дивизии 5-го механизированного корпуса.

На Западном фронте

Но Ерёменко не успел вступить в командование 16-й армией – 22 июня 1941 года после нападения Германии на СССР он был вызван обратно в Москву. Дорога на поезде и самолете заняла несколько дней. Прямо с аэродрома он отправился в Наркомат обороны к маршалу С.К. Тимошенко, где и узнал в полной мере, что именно творится на фронтах: «Когда С.К. Тимошенко кратко охарактеризовал обстановку и

показал на карте, какую территорию мы уже потеряли, я буквально не поверил своим глазам». Особо напряженная ситуация сложилась в зоне действия Западного фронта.

– Вот, товарищ Ерёменко, – сказал Тимошенко, – картина вам теперь ясна.

– Да, печальная картина, – только и смог ответить Ерёменко.

– Генерал армии Павлов и начальник штаба фронта отстранены от занимаемой должности. Решением правительства вы назначены командующим Западным фронтом, начальником штаба фронта – генерал-лейтенант Г.К. Маландин. Немедленно выезжайте оба на фронт.

– Какова задача фронта?

– Остановить наступление противника.

Получив предписание о назначении, Ерёменко в ночь на 29 июня вместе с Маландиным отправился к Могилёву, где в лесу находился штаб фронта.

«Директива № 14

*Штаб Западного фронта Могилёв 1.7.41 года 17 часов 45 минут
Карта 1: 500 000*

1. Противник захватил Минск и стремится выйти на Днепр, направил основные усилия на Могилёв и Жлобин.

Основная группировка противника отмечена до 1000–1500 танков восточнее Минска и до 100 танков прорвались через Березину в районе Бобруйска.

2. Справа и слева фланги открыты.

Задачи армий фронта не допустить противника выйти на рубеж Днепра и до 7.7 удерживать рубеж реки Березина на фронте Борисов, Бобруйск, Паричи, обеспечивая себя от обхода танков справа севернее Борисова.

Прорвавшиеся танки в районе Бобруйска уничтожить.

3. 13-й армии в составе 50, 64, 100, 108 и 161-й стрелковых дивизий, отрядов Борисовского гарнизона, 7-й противотанковой бригады, сводного отряда кавалерии, управлений 2 и 44-го стрелковых корпусов, 31-го кап РГК в ночь на 3.7 отойти и упорно оборонять рубеж реки Березина на фронте Холхолица, Борисов, Бродец, имея 50-ю

сд в резерве в районе Погодища и 7-ю противотанковую бригаду в районе Погост.

Выход частей на указанный рубеж осуществить с таким расчетом, чтобы до 2.7 удерживать промежуточный рубеж Холхолица, Смаков, Слободки, Черповец. Граница слева – Становичи, Червень, Быхов.

4. 4-й армии в составе 55 и 156-й сд, сводных 42 и 6-й сд, 20-го мк и четырех отрядов заграждения в ночь на 3.7 отойти на рубеж р. Березина и упорно оборонять фронт Бродец, Бобруйск, обратив особое внимание на противотанковую оборону в направлении Свислочь, Могилёв, используя отряды заграждения, не пропустить на линию Слобода, П. Городок, Озерцы.

Отход провести с таким расчетом, чтобы до 2.7 удержать промежуточный рубеж Черем, Осиповичи.

5. Командиру 17-го мк к 3.7 вывести корпус в район Колбы, Слобода, Сума, где привести части в порядок. 4.7 быть готовым к действиям в направлении Бобруйска для захвата последнего во взаимодействии с 204-й вдб и 34-й сд.

6. Командующему ВВС:

Прикрыть отход и сосредоточение войск на рубеж реки Березина.

Быть готовым обеспечить атаку 17-го мк и 155-й сд в направлении Бобруйска с воздуха, действуя в непосредственной связи с атакующими по пехоте и танкам противника. [84]

Рядом повторных вылетов уничтожить противника на Бобруйском аэродроме и танковые колонны противника восточнее и западнее Бобруйска у Смолевичей и Борисова.

7. Командный пункт 13-й армии 4.7 Герин, 4-й армии Рогачев.

8. КП штаба фронта лес 12 км северо-восточнее Могилёва.

Примечание: По изучении и усвоении директивы таковую уничтожить.

Командующий фронтом Ерёменко

Член Военного совета Фоминых

Начальник штаба Маландин».

4 июля 3-я танковая группа под командованием Гота вышла к Лепелю и Полоцку. Часть 2-й танковой группы Гудериана в то же самое время прорвалась в район Быхова. Это создавало большую угрозу

всему правому крылу Западного фронта, особенно 22-й армии. «... представлялось наиболее целесообразным нанесение короткого удара при вклинении противника в нашу оборону, – писал в своих воспоминаниях Ерёменко. – Я считал, что нанесение глубокого контрудара механизированными корпусами далеко за пределами нашей обороны, при котором была неизбежна их изоляция от других войск, отсутствие прикрытия с воздуха с помощью авиации и зенитной артиллерии, и поддержки со стороны пехоты и артиллерии, едва ли приведет к успеху».

7 июля в зоне действий 22-й армии начались бои. Ерёменко распознал намерение немцев создать очередной котел: удар в центре был вспомогательным, он должен был приковать подразделения к линии фронта в этой точке и вынудить советское командование подвести сюда же резервы. Спустя сутки-двое начинали действовать силы на флангах, обходя группировку и замыкая кольцо окружения.

Через несколько дней сам Ерёменко неожиданно оказался не просто на переднем краю, а в зоне прорыва немецких войск в направлении Витебска. Он приехал в штаб 19-й армии, который находился в лесу севернее Рудни, а потом вместе с командующим армией Коневым отправился в передовые части – Конев под Витебск, командующий фронтом под Сураж, где стрелковая дивизия вела бой в окружении. Перегруппировав все нашедшиеся части, чтобы прикрыть незащищенный фланг, Ерёменко вернулся в штаб армии, где его ждала неприятная новость: «Генерал-майор Рубцов доложил мне, что получен приказ, в котором для развертывания 19-й армии указывался новый рубеж, отнесенный вглубь на 50–60 км. Приказ вносил страшную путаницу в управление войсками, так как некоторые дивизии уже вступили в бой, а теперь их нужно было отводить... Без всяких на то оснований врагу оставлялась территория в 50–60 км глубиной».

Дозвониться до Тимошенко возможности не было, пришлось ехать обратно в штаб фронта.

– Андрей Иванович, – сказал маршал, – видимо, произошло какое-то досадное недоразумение, прошу вас, поезжайте быстрее обратно и восстановите положение.

Ерёменко помчался обратно, сумев перехватить часть войск на магистрали Витебск – Смоленск. «Мы выбрали свой передовой командный пункт в одном километре северо-западнее Рудни, в 150 м от

шоссейной дороги на Витебск. Оперативная группа 19-й армии находилась в сторону Смоленска на удалении 18–19 км. Противник наносил удар в двух направлениях: Витебск – Велиж и Витебск – Демидов... Солнце уже стояло совсем низко над горизонтом, когда в районе Рудни появились немецкие танки. Шли они по дороге в направлении города, вблизи которого был мой командный пункт. Услышав стрельбу, не похожую на стрельбу полевой артиллерии, я послал офицера связи на легковой машине вперед, чтобы выяснить, что там происходит. В 3 км от моего командного пункта на повороте шоссе он столкнулся в упор с немецкой танковой колонной, впереди которой на легковой машине ехали три фашистских офицера».

Связист, выскочив из своей машины, метнул гранату в противника и напрямик через поле, маскируясь в высокой ржи, бегом кинулся к командному пункту.

Тогда же столкнулся с немцами и Конев – он тоже ехал на машине к переднему краю, где фронт, как оказалось, был прорван, и буквально в последний момент заметил идущие навстречу чужие танки. Конев бросился к ближайшей противотанковой батарее, организовав обстрел танков.

«На подступах к Рудне головные танки вновь задержались, открыв прицельный огонь по станции и городу, – вспоминал Ерёменко. – Остановилась и развернулась следовавшая за танками колонна мотопехоты. Заработали станковые пулеметы. Немецкие автоматчики двигались прямо на нас. Оставалась единственная возможность: выбраться на север. Впереди было открытое пространство метров в 150–200. Я сказал шоферу Демьянову, чтобы он сделал несколько резких поворотов в сторону, пока мы не въедем в рожь... Фашисты никак не думали, что у них под носом находится командный пункт заместителя командующего фронтом. Орудия танков и пулеметы не были повернуты в нашу сторону, и наш маневр удался. Вслед нам раздалось несколько автоматных очередей. Спаслись все». Правда, как выяснилось, Конев уже успел доложить в штаб фронта о гибели Ерёменко.

Сходная ситуация разыгралась и позже, 6 октября уже на Брянском фронте: «Я знакомился с последними данными обстановки, нанесенными на карту, когда оперативный дежурный, быстро войдя ко мне, доложил: «Товарищ командующий, танки противника идут прямо

на КП и уже находятся в 200 метрах от нас». Я выскочил на крыльцо домика и увидел, что танки подходят к КП». При этом командный пункт работал – в нем находились оперативные документы, была связь по прямому проводу с Москвой и со всеми штабами армий, то есть захвата КП допускать было нельзя. «Я возглавил личный состав штаба и охраны. Мы вступили в бой с мотопехотой врага, следовавшей за танками на автомашинах. Противник был ошеломлен и понес потери. На помощь нам подошли три танка, а затем два артиллерийских дивизиона и 300 бойцов мотострелкового подразделения танковой бригады. Тем временем аппаратура связи была снята и вывезена на новый КП, все оперативные документы спасены».

Но это было позже, а тогда под Рудней Ерёменко оказался одним из первых, кто смог увидеть в действии знаменитые потом «катюши». Получив телефонограмму: «Предполагается широко применить в борьбе против фашистов «эресы» и в связи с этим испробовать их в бою. Вам выделяется один дивизион М-8. Испытайте его и доложите свое заключение», – Ерёменко, по его собственным словам, долго думал, что же это такое может быть. Ни он, ни окружавшие его офицеры такого слова даже не слышали. Хотя, когда оснащенный загадочным оружием дивизион прибыл на позиции, Ерёменко вспомнил, что еще до войны видел нечто подобное, являясь председателем государственной комиссии по испытанию новых видов оружия. «Новое оружие мы испытали под Рудней. 15 июля 1941 года во второй половине дня непривычный рев реактивных мин потряс воздух. Как краснохвостые кометы, метнулись мины вверх. Частые и мощные разрывы поразили слух и зрение сильным грохотом и ослепительным блеском. Эффект одновременного разрыва 320 мин в течение 10 секунд превзошел все ожидания. Солдаты противника в панике бросились бежать. Попятились назад и наши солдаты, находившиеся на переднем крае вблизи разрывов (в целях сохранения тайны никто не был предупрежден об испытаниях)».

«Разбить подлеца Гудериана»

В начале августа, когда Ерёменко занимался обороной Соловьевской переправы, он внезапно получил приказ явиться в штаб фронта, находившийся тогда в Касне, в 20 км севернее Вязьмы. Прибыв

по вызову, он узнал от Тимошенко, что его ждет новое назначение и теперь следует ехать в Ставку Верховного Главнокомандования.

В воспоминаниях Василевского этот момент отображен так: «С целью ликвидации угрозы, нависшей над войсками Центрального и правого крыла Юго-Западного фронта, и прикрытия направления на Брянск 14 августа Ставка приняла решение образовать Брянский фронт в составе 13-й и 50-й армий. Командующим фронтом был назначен генерал-лейтенант А.И. Ерёменко... Верховный Главнокомандующий весьма тепло и радушно встретил Андрея Ивановича, расспросил его о здоровье, поинтересовался его впечатлениями о противнике, мнением об основных причинах наших серьезных неудач на фронте. А.И. Ерёменко держался с большим достоинством, очень находчиво отвечал на все вопросы. Да, сказал он, враг, безусловно, очень силен и сильнее, чем мы ожидали, но что бить его, конечно, можно, а порою и не так-то уж сложно».

Сталин указал, что немецкое командование, скорее всего, намерено теперь нанести удар в сторону Москвы, как обычно, используя сильные танковые группировки, с севера – через Калинин и с юга – через Брянск и Орел. На брянском направлении, прикрытом слабыми и редкими подразделениями Центрального фронта, должен был действовать Гудериан со своей 2-й танковой группой.

Ерёменко получил назначение на должность командующего Брянским фронтом и строгое указание: разбить Гудериана. Тогда же был определен состав войск Брянского фронта: 50-я армия, командующим которой назначался генерал-майор М.П. Петров (восемь стрелковых и одна кавалерийская дивизии), 13-я армия – командующий генерал-майор К.Д. Голубев (восемь стрелковых, одна танковая и две кавдивизии, две бригады 4-го воздушно-десантного корпуса); плюс резерв в составе 3 стрелковых и кавалерийской дивизии.

Ерёменко уверенно пообещал «в ближайшие же дни, безусловно» разбить основные силы Гудериана. Сталин остался доволен и даже сказал вслед Ерёменко: «Вот тот человек, который нам нужен в этих сложных условиях».

Через десять дней между Сталиным и Ерёменко состоялся еще один разговор, который Василевский передавал так:

– У меня есть к вам несколько вопросов, – сказал Сталин. – Не следует ли расформировать Центральный фронт, 3-ю армию соединить

с 21-й и передать в ваше распоряжение соединенную 21-ю армию? Мы можем послать вам на днях, завтра, в крайнем случае послезавтра, две танковые бригады с некоторым количеством КВ в них и 2–3 танковых батальона; очень ли они нужны вам? Если вы обещаете разбить подлеца Гудериана, то мы можем послать еще несколько полков авиации и несколько батарей РС. Ваш ответ?

– Мое мнение о расформировании Центрального фронта таково: в связи с тем, что я хочу разбить Гудериана и безусловно разобью, то направление с юга нужно крепко обеспечивать, – отозвался Ерёменко. – А это значит – прочно взаимодействовать с ударной группой, которая будет действовать из района Брянска. Поэтому прошу 21-ю армию, соединенную с 3-й, подчинить мне... Я очень благодарен вам, товарищ Сталин, за то, что Вы укрепляете меня танками и самолетами. Прошу только ускорить их отправку, они нам очень и очень нужны. А насчет этого подлеца Гудериана, безусловно, постараемся разбить, задачу, поставленную вами, выполнить, то есть разбить его. У меня к Вам больше вопросов нет...

После этого Сталин упразднил Центральный фронт, передав его войска Брянскому фронту. А не увидев стремительного результата, начал выражать недовольство, 2 сентября передав Ерёменко телефонограмму: «Ставка все же недовольна вашей работой. Несмотря на работу авиации и наземных частей, Почеп и Стародуб остаются в руках противника. Это значит, что вы противника чуть-чуть пощипали, но с места сдвинуть его не сумели. Ставка требует, чтобы наземные войска действовали во взаимодействии с авиацией, вышибли противника из района Стародуб, Почеп и разгромили его по-настоящему. Пока это не сделано, все разговоры о выполнении задания остаются пустыми словами. Ставка приказывает: Петрову оставаться на месте и всеми соединенными силами авиации способствовать решительным успехам наземных войск. Гудериан и вся его группа должна быть разбита вдребезги. Пока это не сделано, все ваши заверения об успехах не имеют никакой цены. Ждем ваших сообщений о разгроме группы Гудериана».

13 октября Ерёменко, чьи войска во время Вяземской операции сражались в окружении, был ранен... «Мы спаслись чудом, – признавался он, – так как самолет точно пикировал на нас, а мы стояли рядом с домиком, у большой сосны. Я, облокотившись на сосну,

наблюдал в бинокль за действиями наших войск и противника... В это время пикировщик врага уложил бомбу в 3 м от нас, но она разорвалась с противоположной стороны сосны. Это и спасло нас. Взрывной волной и осколками меня оглушило и сбilo с ног». Ерёменко был доставлен в Москву и помещен в госпиталь, находившийся в здании Тимирязевской академии.

По зимним лесам

После того, как 23 декабря 1941 года Ерёменко доложил в Ставку о своем выздоровлении, спустя несколько часов его принял Сталин и сообщил, что выбрал его для выполнения очень важной задачи. По приказу Ставки было начато формирование ударной армии, которая и должна была прорвать вражескую оборону, вбив клин между немецкими войсками, действовавшими на Московском и Ленинградском стратегических направлениях. Командиром этой армии, получившей название 4-й ударной, и располагавшейся на левом крыле Северо-Западного фронта, и был назначен Ерёменко.

4-я ударная армия была сформирована базе 27-й армии и усилена дивизиями, прибывшими из резерва Главного командования. По данным советской военной разведки, 4-й ударной армии противостояла 123-я пехотная дивизия вермахта, кавалерийская бригада СС, части 253-й пехотной дивизии, разведывательные отряды 12, 123 и 225-й пехотных дивизий вермахта.

9 января 1942 года 4-я ударная армия перешла в наступление – началась Торопецко-Холмская операция. Вступив бой в Калининской области, советские войска сражались в Смоленской и Витебской областях. Красной армии пришлось продвигаться вперед, по лесисто-болотистой и лесисто-озерной местности, причем температура в январе 1941 года доходила до -30° , а глубина снежного покрова в отдельных местах превышала метр. Кроме того, в ходе операции у 4-й армии возникали проблемы и со снабжением.

Как отмечал в своих воспоминаниях Ерёменко, в «Журнале боевых действий войск 4-й ударной армии» за 8 января имеется запись: «В 360-й стрелковой дивизии на 9 января 1942 года продовольствия нет». Запись с подобным текстом относится и к положению в 332-й стрелковой дивизии.

Следуя приказу командования Северо-Западного фронта, 4-я ударная армия наносила два удара – на правом фланге армии и более сильный – в центре. Ерёменко, настаивавший на нанесении одного удара, считал, что нанесение двух ударов «распыляло силы армии». Позже его мнение подтвердилось...

В течение двух первых дней наступления войсками 4-й ударной армии был прорван основной оборонительный рубеж неприятеля на главном направлении и занят город Пено, являвшийся одним из важнейших опорных баз немцев, связующим звеном между 16-й и 9-й армиями вермахта. Советские войска на главном направлении продвинулись вперед почти тридцать километров, уничтожив и захватив в плен несколько сот вражеских солдат и офицеров, и неприятельские склады с боеприпасами. 15 января началась атака города Андреаполя. Через несколько часов боев вражеская группировка, оборонявшая город, была уничтожена. Фронт обороны немцев был прорван. Войска 4-й ударной армии вышли на рубеж Дмитрово, Быстри, Рогово, Соболево, Голенищево, Мальцево, Дубровки, продвинувшись в результате наступления на 70 км. Но в начале февраля 4-й армии пришлось вступить в схватку со свежими силами вермахта, и только через день положение на фронте стабилизировалось.

В ходе наступления, с 9 января по 5 февраля, 4-й ударной армии под командованием Ерёменко удалось, как он сам отмечал в мемуарах, вклиниться «в стык между группами армий «Центр» и «Север», перерезав две рокады: Великие Луки – Торопец – Нелидово – Невель и Велиж – Духовщина – Ярцево. Армия вышла в такой район, который являлся наиболее выгодным для нанесения ударов по флангу и тылу войск противника, действовавших как на Московском, так и на Ленинградском стратегических направлениях... За 28 дней наступления войска прошли с боями по прямой 250–300 км, освободили около 3 тыс. населенных пунктов и ряд городов, нанесли серьезный урон крупным силам противника в составе до восьми дивизий. Только убитыми враг потерял не менее 11–12 тыс., не считая пленных. Армия за время наступления захватила большие трофеи: около 300 орудий, такое же примерно количество минометов, около 400 пулеметов, свыше 1200 автомашин, 2 тыс. лошадей, около 1000 мотоциклов, около 1000 велосипедов, 300 железнодорожных вагонов, около 100 платформ,

богатейшие склады боеприпасов и продовольствия. За время операций было сбито 40 самолетов противника. Наши потери в обеих операциях были в несколько раз меньше».

К этому времени здоровье Ерёменко заметно ухудшилось из-за недолеченной раны на ноге. Поэтому он был отозван с фронта и снова помещен в тот же госпиталь, где лечился сразу после ранения. После выздоровления был назначен командующим фронтом, действовавшим в междуречье Дона и Волги. Начиналась Сталинградская битва.

Битва за Сталинград

12 июля 1942 года на базе полевого управления войск Юго-Западного фронта под командованием Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко был образован Сталинградский фронт.

23 июля Гитлер издал директиву № 45, посвященную продолжению операции «Брауншвейг», то есть летней кампании 1942 года: «На долю группы армий «Б», как указывалось ранее, выпадает задача наряду с оборудованием оборонительных позиций на р. Дон нанести удар по Сталинграду и разгромить сосредоточившуюся там группировку противника, захватить город, а также перерезать перешеек между Доном и Волгой. Вслед за этим танковые и моторизованные войска должны нанести удар вдоль Волги с задачей выйти к Астрахани и парализовать там также движение по главному руслу Волги».

Ерёменко столкнулся с тем, что противодействовать этому немецкому наступлению некоторые командиры намерены по классической схеме «Сильный удар с фланга – сковывание с фронта». Но ему самому такой подход казался неоправданно рискованным, ибо сил у Красной армии было не так много, чтобы распылять их. Ерёменко считал необходимым напротив максимально концентрировать войска.

Обстановка непрерывно обострялась. Вермахт, а именно 6-я армия и 4-я танковая армия намеревались нанести удар южнее и севернее Сталинграда, а потом окружить держащие оборону войска. Поддержку с воздуха оказывал 4-й воздушный флот, усиленный 8-м авиационным корпусом. 31 июля 4-я танковая армия открыла наступление с плацдарма в районе Цимлянская. Советская 64-я армия была вынуждена отойти за Дон. 51-я армия удерживать оборону на растянутом

в 200 км фронте не могла. Немцы захватили ряд плацдармов на левом берегу Дона.

Ночью 1 августа 1942 года генерал-полковник Ерёменко был вызван в Кремль к Сталину. Ему было предложено возглавить один из двух фронтов, которые были образованы после решения о разделе Сталинградского фронта. Через три дня прилетевший в Сталинград Ерёменко встретился с Н.С. Хрущевым, который был членом Военного совета Сталинградского фронта. Юго-Восточный фронт под командованием Ерёменко был создан 5 августа и первоначально включал в себя 51-ю, 57-ю и 64-ю армии.

Сталинградские рубежи обороны стали создаваться еще в июне, но лишь с началом боевых действий темпы их сооружения ускорились. Оценивая готовность Сталинграда к отражению вражеского натиска, Ерёменко сделал неутешительные выводы: «Городской обвод совершенно не был сделан. Городские же здания вообще остались непригодными к обороне. Слабость инженерного оборудования обводов заключалась еще и в том, что устойчивость их мы строили на системе дзотов и дотов; практика же военных действий заставила нас ввести траншейную систему обороны, многополосную, с развитыми ходами сообщения, с опорными пунктами и узлами сопротивления».

При этом он отмечал, что в западной прессе, прежде всего немецкой, не раз появлялись публикации, в которых Сталинград именовался крепостью в прямом смысле слова. Как свидетельствовал впоследствии генерал Ханс Дёрр, несмотря на то, что подступы к городу прикрывали позиции полевого типа, «немецкая пропаганда называла эти полевые позиции «внутренним и внешним крепостным поясом» и создала у многих впечатление о Сталинграде как о крепости. Этот термин даже часто применялся к Сталинграду. Это все не соответствовало действительности и привело лишь к тому, что главное командование германской армии сделало из падения этой «крепости» *point d'honneur*».

6 августа немецкие войска с танками и авиацией атаковали левый фланг 64-й армии между Абганерово и Тингута. Эти атаки поддерживались большими массами танков и ударами авиации. Ерёменко описывал ситуацию так: «К моменту моего вступления в командование Юго-Восточным фронтом противнику уже удалось пробить нашу оборону на внешнем Сталинградском обводе и

продвинуться на одном участке за этот рубеж. Враг находился в 30 километрах от Сталинграда».

При этом в городе царил если не хаос, то изрядная неразбериха. Единственная автомагистраль, получившая статус военной автомобильной дороги (ВАД), настолько славилась пробками и авариями, полным отсутствием регулировщиков, что породила поговорку «ВАД – сущий ад». Начальника гарнизона, который занимался бы организацией перемещения войск и прочими неотложными вопросам, в городе не было совсем, причем назначить его, когда в городе на равных правах существовали два фронта, было затруднительно. Ерёменко обратился в Ставку с просьбой решить эту проблему.

Но оборону города надо было организовывать срочно. «За один день 7 августа были собраны все имевшиеся резервы и средства, – вспоминал Ерёменко. – Пришлось забрать танковые и артиллерийские подразделения даже с пунктов формирования, пополнить ими части левого фланга 64-й армии, чтобы иметь возможность организовать контрудар против вражеских сил, прорвавшихся через внешний обвод в районе разъезда «74 км». В созданную для контрудара группировку вошли 13-й танковый корпус (38 танков), 133-я танковая бригада (21 танк) и 204-я стрелковая дивизия».

9 августа был нанесен контрудар по группировке, прорвавшейся в районе разъезда «74 км». Атаковали не по упоминавшейся классической схеме, а прямо в лоб наступающим, причем тремя эшелонами. Первый составляли танки 13-го танкового корпуса и 133-й танковой бригады, во втором эшелоне находились четыре истребительно-противотанковых артиллерийских полка, в третьем – два полка (4-й и 5-й) «катюш». В бой вступали в обратном порядке: сначала по немцам ударили «катюши», потом заговорила артиллерия, и наконец вперед пошли танки. Немецкое продвижение на какое-то время застопорилось, но потом к частям вермахта подоспело подкрепление. Станция, точнее разъезд «74 км», неоднократно переходила из рук в руки, бои в этом районе описаны в романе Василия Гроссмана «За правое дело». Ерёменко считал это литературное произведение очень правдивым.

Впрочем, несмотря на яростное сопротивление защитников Сталинграда, ситуация оставалась очень опасной. На левом фланге

Сталинградского фронта обстановка постоянно ухудшалась: 7 августа в полосе 62-й армии перешла в наступление 6-я армия Паулюса, ударившая с севера и юга под основание выступа, занимаемого Красной армией на правом берегу Дона.

Ставка, осознав необходимость улучшения взаимодействия между фронтами, с 10 августа передала Сталинградский фронт в подчинение Ерёменко.

Директива Ставки № 170562.

«1. С 6 часов 10 августа подчинить Сталинградский фронт командующему Юго-Восточным фронтом генерал-полковнику Ерёменко, оставив за т. Ерёменко командование и Юго-Восточным фронтом по совместительству.

2. Назначить заместителем к тов. Ерёменко по Юго-Восточному фронту генерал-лейтенанта тов. Голикова, освободив его от обязанностей командующего 1-й гвардейской армией.

3. Назначить генерал-майора т. Москаленко командующим 1-й гвардейской армией.

4. Назначить командира 10-й дивизии войск НКВД подполковника Сараева начальником гарнизона г. Сталинграда.

5. Иметь в виду, как т. Ерёменко, так и т. Гордову, что оборона Сталинграда и разгром врага, идущего с запада и с юга на Сталинград, имеет решающее значение для всего нашего советского фронта.

Верховное Главнокомандование обязывает как генерал-полковника Ерёменко, так и генерал-лейтенанта Гордова не щадить сил и не останавливаться ни перед какими жертвами для того, чтобы отстоять Сталинград и разбить врага.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. Сталин

А. Василевский».

Был также наконец-то назначен начальник Сталинградского гарнизона – полковник Сараев. В подчинение Сталинградскому фронту была передана Волжская военная флотилия под командованием контр-адмирала Рогачева. Ее бронекатера патрулировали реку, предотвращая проникновение к Волге мелких групп противника, и поддерживали

войска огнем; тральщики чистили фарватер от мин вплоть до самой Астрахани.

Ерёменко, по его признанию, старался «прибрать к рукам», все, что имело отношение к обороне Сталинграда или могло при этом пригодиться. В первую очередь, конечно, оценивались силы и возможности войск обоих подчиненных ему фронтов. «Выявились как наиболее боеспособные соединения: 126-я стрелковая дивизия, 204-я стрелковая дивизия, 133-я танковая бригада, 20-я истребительно-противотанковая бригада...»

13 августа Ерёменко отдал приказ, в котором особо отметил значение разведки и то, что на данный момент войска фронта ведут ее совсем не так интенсивно, как следовало бы.

«...2. Войска Юго-Восточного и Сталинградского фронтов еще плохо ведут разведку, а подчас и совсем не ведут ее, порою не зная, что за противник находится перед фронтом полков и дивизий. В условиях маневренной войны противник часто делает перегруппировки на открытой местности днем, а наша разведка и наблюдение всех видов умудряются не заметить этих действий противника, из-за чего, применяя широкий маневр, противник часто появляется там, где его не ожидают.

3. Командиры полков, дивизий и высшие штабы, равно как и начальники разведотделов и отделений, уделяют недостаточное внимание этому важнейшему виду боевого обеспечения боевой деятельности войск и плохо руководят разведкой, поручая это дело малоопытным командирам.

4. Следует помнить, что «у страха глаза велики»; иногда группа смелых разведчиков может быть принята противником за целую роту и даже больше, а два-три танка – за танковый батальон и больше, тем более в условиях пыльных дорог.

5. Нужно так активизировать нашу разведку, чтобы она дышать не давала врагу, проникала бы во все щели, дезорганизовывала бы его управление, связь, боевые порядки, тылы, изматывала врага, не давала ему покоя ни днем, ни ночью...

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Немедленно приступить на обоих фронтах к ведению систематической, непрерывной, организованной разведки противника

всеми видами и способами: наблюдением, засадами, поисками, лазутчиками, рейдами, боем, посылкой дивизионной и армейской агентуры в тыл врага и т. д.

2. В каждой дивизии на своем участке ежедневно иметь контрольных пленных, трофеи и документы...»

Разведчики вдохновились, и некоторые эпизоды их деятельности не только обеспечивали поступление информации о передвижении войск противника, но и приносили трофеи, захваченные при обстоятельствах, порой весьма занятных.

Так, лейтенант 7-й авиаполевой дивизии люфтваффе Лаурент писал в своем дневнике о том, как его подразделение лишилось новейшей передвижной радиостанции, которую один из офицеров сопровождал на фронт: «Неожиданный разрыв снаряда перед радиатором заставил его и двух радистов выскочить из машины и укрыться в ближайшем окопе. В это время показался русский танк. Он медленно подъехал к рации и остановился около нее. Люк открылся, из танка выходит человек с концом троса в руках и привязывает эту новую прекрасную машину к своему танку, затем возвращается назад; и вот танк неторопливо разворачивается и медленно уходит восвояси, дав для острастки еще выстрел по злополучным радистам, которые, выпучив глаза, смотрят на все это и бездействуют, как обалдевшие. Они лишились всего, в увезенной машине остались даже кисточки для бритья и носки. Но хуже всего то, что теперь нужно идти пешком, разыскивать начальника, которому предназначалась радиостанция, и доложить ему о случившемся. Безумная выходка со стороны русских, но что поделаешь!...» Ерёменко, вспоминая об этом, сожалел, что в те безумные дни запомнил, как звали командира танка. Кстати, упомянутый дневник немецкого офицера тоже был захвачен в числе трофеев во время вылазки советских разведчиков.

В ночь на 14 августа Ерёменко отправился в штаб Сталинградского фронта, дабы подробно изучить ситуацию там. И обнаружил «два полка артиллерии резерва Главного командования, два отдельных танковых батальона, минометные гвардейские полки и несколько истребительно-противотанковых полков, т. е. основные средства борьбы против танков. И все это держалось на участке 21-й армии, по сути дела, в бездействии, в то время как противник наседал на 62-ю армию...» Был

срочно отдан приказ о перегруппировке, хотя было ясно, что времени может не хватить: наступление противника ожидалось в ближайшие часы. И эта информация оказалась верной: «Противник действительно не дал нам и 12 часов времени, начав свое наступление на рассвете 15 августа против войск 4-й танковой армии, и нанес удар в направлении Трехостровской. Части, перебрасывавшиеся с правого крыла Сталинградского фронта в новые районы, с ходу вступали в бой и отражали удары противника. Большинство же из них даже при невероятном напряжении не успели прибыть вовремя».

23 августа войска вермахта, сосредоточенные на левом берегу Дона, перешли в наступление и ударили в стык 4-й танковой и 62-й армий. Отбить атаку не удалось, в тот же день на участке Латашанка, Рынок немцы прорвались к Волге. Ерёменко приказал поднять всю авиацию и атаковать подступающие колонны танков и мотопехоты.

Сталин прислал радиограмму: «Противник прорвал ваш фронт небольшими силами. У вас имеется достаточно сил, чтобы уничтожить прорвавшегося противника. Соберите авиацию обоих фронтов и навалитесь на прорвавшегося противника. Мобилизуйте бронепоезда и пустите их по круговой железной дороге Сталинграда. Пользуйтесь дымами в изобилии, чтобы запутать врага. Деритесь с прорвавшимся противником не только днем, но и ночью. Используйте всю артиллерийские и эрэсовские силы».

В 18 часов вечера того же дня немцы начали ковровую бомбардировку Сталинграда. Вспыхнули многочисленные пожары, которые вскоре слились в огненный смерч, превративший город в единое горнило, где пылал даже камень. Ерёменко и Хрущев, выйдя с КП, увидели чудовищную картину. «Многое пришлось пережить в минувшую войну, но то, что мы увидели 23 августа в Сталинграде, поразило нас как тяжелый кошмар, – вспоминал Ерёменко. – Бесперывно то там, то здесь взметались вверх огненно-дымные султаны бомбовых разрывов. Из района нефтехранилищ огромные столбы пламени взмывали к небу и обрушивали вниз море огня и горького, едкого дыма. Потоки горячей нефти и бензина устремлялись к Волге, горела поверхность реки, горели пароходы на сталинградском рейде, смрадно чадил асфальт улиц и тротуаров, мгновенно, как спички, вспыхивали телеграфные столбы. Здания ватной фабрики, расположенные против командного пункта, были объаты пламенем и

клубами дыма; многие из них рухнули, изуродованные скелеты других страшно дымились; служивший квартирой Никите Сергеевичу домик, в котором я бывал в первые дни моего пребывания в городе, взлетел на воздух... Воздух сделался горячим, едким, горьким. Дышать было очень трудно».

Ночью Ерёменко доложил Сталину об обстановке в городе:

– Положение в Сталинграде тяжелое, о чем я уже донес вам. Нами принимаются все меры, чтобы отстоять Сталинград. Но у городского руководства, которое к нам обращалось, есть мнение о необходимости эвакуации ряда предприятий за Волгу и подготовки к взрыву ряда других. Мы с Никитой Сергеевичем этого мнения не разделяем.

– Я не буду обсуждать этот вопрос, – отрезал Верховный. – Следует понять, что если начнется эвакуация и минирование заводов, то эти действия будут поняты как решение сдать Сталинград. Поэтому ГКО запрещает подготовку к взрыву предприятий и их эвакуацию.

25 августа в Сталинграде было объявлено осадное положение.

Одним из важных факторов Ерёменко считал группировку артиллерии и управление артиллерийским огнем. Он распорядился создать три артиллерийских группы фронтового подчинения. Таковых было создано три: группа тяжелой дальнобойной артиллерии (тяжелых 120-мм минометов); группа реактивных установок М-13 и тяжелых гвардейских минометов; группа артиллерии из состава противовоздушной обороны Сталинграда, которая по необходимости наносила удар по наземным войскам, а потом возвращалась к прямым обязанностям по борьбе с самолетами. Неожиданно для Ерёменко его начинание наткнулось на противодействие командующего артиллерией Юго-Восточного фронта генерала Тарановича, а потом и маршала артиллерии Воронова: «Вы затеяли создание каких-то фронтовых артиллерийских групп – это неправильно, мы вас не поддерживаем в этом вопросе. Это суцая чепуха». Ерёменко обратился за помощью к Сталину, тот пообещал вмешаться.

Сражение в городской черте Сталинграда продолжалось с 13 сентября по 19 ноября. По мнению Ерёменко, критическим временем была середина сентября – с 14 сентября, когда начались бои в районе Мамаева кургана, на берегу Царицы, в районе элеватора. 17 сентября началась яростная битва за вокзал Сталинград-I, который четыре раза

переходил из рук в руки, и к вечеру немцев оттуда окончательно выбили за железную дорогу.

30 сентября 1942 года фронт, располагавшийся к северу от Сталинграда, был переименован в Донской и передан в подчинение нового командующего – Рокоссовского, а Юго-Восточный фронт, все время оборонявший Сталинград, получил наименование Сталинградского и остался в подчинении Ерёменко.

19 ноября 1942 года начался решающий этап Сталинградской битвы – наступление Красной армии, которое готовилось в глубокой тайне и носило кодовое название «Уран». В нем участвовали силы трех фронтов – Юго-Западного, Сталинградского и Донского, которыми командовали соответственно генералы Ватутин, Ерёменко и Рокоссовский. Главной целью первого этапа операции было окружение группировки немецких войск в районе Сталинграда, что и было исполнено 23 ноября, когда возле хутора Советский встретились войска 4-го танкового корпуса Юго-Западного фронта и 4-го механизированного корпуса Сталинградского фронта. В окружение попали 22 немецких дивизии и более полутора сотен отдельных частей и подразделений

Попытки прорвать кольцо окружения оказались тщетными, группировка Паулюса была разгромлена.

На завершающем этапе войны Ерёменко командовал 4-м Украинским фронтом. Но Сталин не раз говорил, что считает его «генералом обороны», поскольку именно оборонительные операции ему особо удавались.

После окончания Великой Отечественной войны генерал армии Ерёменко был назначен командующим Прикарпатского военного округа, через несколько месяцев он получил назначение на должность командующего Западно-Сибирским военным округом, а в 1953 году стал командующим Северо-Кавказским военным округом. 11 марта 1956 года военачальнику было присвоено звание Маршала Советского Союза. Через три года Ерёменко получил назначение на должность генерального инспектора Группы генеральных инспекторов Министерства обороны Советского Союза.

Скончался маршал Ерёменко 19 ноября 1970 года, в годовщину начала наступления советских войск под Сталинградом.

Семен Тимошенко. Маршал и нарком

Семен Константинович Тимошенко родился 18 февраля 1895 года в селе Фурманка Аккерманского уезда Бессарабской губернии в семье крестьянина-бедняка. После окончания сельской школы в 1907 году не стал продолжать образование, а пошел работать. В декабре 1914 года был призван в ряды российской армии, в следующем году сдал экстерном за три класса городского училища, закончил полковую пулеметную школу. Был рядовым пулеметной команды, отличился в боях на фронтах Юго-Западном и Западном фронтах Первой мировой войны. За проявленную храбрость был удостоен Георгиевских крестов трех степеней. В 1918 году вступил в Красную армию, был назначен командиром взвода, а затем – эскадрона. Спустя несколько месяцев после вступления был назначен командиром 1-го конно-гвардейского Крымского полка, вошедшего в состав 10-й армии (командир – К.Е. Ворошилов), сражавшейся с белогвардейцами за город Царицын. Затем Тимошенко был назначен командиром кавбригады, а через год – назначен командиром кавалерийской дивизией. В ходе Гражданской войны был пять раз ранен, но продолжал оставаться в строю. В 1920—1930-х годах неоднократно обучался на различных курсах: Высших военно-академических курсах; курсах командиров-единоначальников при Военно-политической академии имени Н.Г. Толмачева. Помимо этого занимался самообразованием.

В 1933–1937 годах Тимошенко был заместителем командующего войсками Белорусского, а затем – Киевского военных округов. С 1937 по 1939 год командовал войсками Северо-Кавказского, Харьковского, Киевского военных округов. 8 февраля 1938 года Тимошенко было присвоено воинское звание командарм 1-го ранга.

В войне с Финляндией был командующим Северо-Западным фронтом, войска которого после затяжных боев осуществили прорыв «линии Маннергейма». 21 марта 1940 года за «образцовое выполнение заданий командования и проявленные при этом отвагу и героизм» Тимошенко было присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

7 мая 1940 года Тимошенко получил назначение на высшую военную должность СССР – он стал народным комиссаром обороны.

Ему также в этот же день было присвоено и высшее воинское звание – Маршал Советского Союза. Перед началом Великой Отечественной войны занимался совершенствованием боевой подготовки Красной армии, ее техническим переоснащением.

Предчувствие войны

23 декабря 1940 года приступило к работе расширенное заседание Главного военного совета, которое открыл Тимошенко. Среди выступавших были начальник Генерального штаба генерал армии К.А. Мерецков («Итоги и задачи боевой подготовки Красной армии и оперативной подготовки высшего начальствующего состава»); Г.К. Жуков («Характер современной наступательной операции»), Д.Г. Павлов («Использование механизированных соединений в современной наступательной операции»), П.В. Рычагов («Военно-воздушные силы в наступательной операции в борьбе за господство в воздухе») и другие. Сам нарком обороны Тимошенко выступил 31 декабря с заключительной речью, в которой он сформулировал три основных вывода. В первом из них говорилось, что в возможном вооруженном столкновении Советскому Союзу придется сражаться с коалицией государств и поэтому необходима мощная военная экономика и готовность всего народа защищать Родину. Во втором выводе Тимошенко подчеркивал, что главным способом ведения боевых действий должно быть наступление, которое является действенным инструментом для достижения победы. Поэтому необходимо своевременное и взаимосвязанное применение всех видов вооруженных сил и родов войск, прежде всего механизированных и авиационных соединений. При этом, как отметил Тимошенко, важнейшими формами стратегических действий правомерно считать фронтальный удар, двухсторонний охват, отсекающий фланговый удар. В своем третьем выводе нарком обороны страны не мог не уделить внимание собственно обороне, причем упорной и активной, способной противостоять массированным танковым ударам врага, как в тактической, так и в оперативных инстанциях. Поэтому Тимошенко сказал следующее: «Вывод о кризисе современной обороны не обоснован. Успех немецких войск на Западе был обусловлен тем, что они не встретили должного отпора, который мог бы быть им оказан при

надлежащем использовании противником существующих средств обороны (механизации оборонительных работ, разнообразного арсенала инженерных средств, мощных огневых противотанковых средств)». Помимо этого, в заключительной речи наркома были приведены нормативы плотностей сил и средств, даны рекомендации по наиболее целесообразному их использованию в различных условиях, обсуждались варианты наступления. Насколько Тимошенко сформулировал правильно положения, следуя которым Советский Союз менее чем через полгода выступил в мировую войну? Спорить с мнением наркома было чревато неприятностями, но отдельные выводы, сделанные Тимошенко, многие командиры уже в начале следующего, рокового 1941 года оспаривали в кулуарных разговорах.

С чем же военные были не согласны, что позже было подтверждено Историей? Тимошенко утверждал, что опыт войны в Европе не дал ничего нового в стратегии, но именно Германия, разгромившая Польшу и Францию, использовала свои стратегические разработки против СССР. Кроме того, возникли вопросы и по реальности приведенных наркомом расчетных нормативов по плотности танков на участках прорыва, по инженерному оборудованию глубоко эшелонированной обороны. По мнению некоторых военачальников, Тимошенко считал свой опыт при прорыве линии Маннергейма в советско-финской войне эталонным, а действия советских подразделений при штурме – образцом, на который нужно ориентироваться в дальнейшем при взятии укрепленных линий. Разумеется, на заседании не нашлось места передовым идеям, всего несколько лет назад выдвинутым высшими советскими военачальниками, попавшими под маховик сталинских репрессий, и в итоге провозглашенными «врагами народа» – М.Н. Тухачевским, А.И. Егоровым, И.Э. Якиром. 23 февраля 1939 года был расстрелян маршал Егоров, сформулировавший в своей работе «Основы операции и боя» (переведенной на немецкий и французский языки) принципы организации и ведения оборонительной операции.

Необходимо отметить, что Тимошенко, оценивая растущую потребность Красной армии в опытных и талантливых военачальниках, предпринимал шаги по их возвращению в строй, в том числе – из тюрем и лагерей. По ходатайству наркома обороны более двухсот командиров, в основном высшего начальствующего состава, было

возвращено в строй. Среди них были К.К. Рокоссовский, А.В. Горбатов, А.В. Голубев, Н.А. Эрнест. помимо этого, заступничество Тимошенко предотвратило арест и расправу над Л.А. Говоровым и другими военачальниками. С большинством из вернувшихся в строй нарком обороны встречался лично, определяя при этом назначения для их дальнейшей службы. Так, освобожденный после пересмотра дела 5 марта 1941 года генерал А.В. Горбатов в своих мемуарах «Годы и войны» так описывает разговор с Тимошенко: «Встреча с Маршалом Советского Союза С.К. Тимошенко была сердечной. Я доложил о своем возвращении из «продолжительной и опасной командировки».

– Рад видеть вас, Александр Васильевич, живым. Ну, а здоровье будет! Отдыхайте, поправляйтесь, а там и за работу. Я дал уже указание о восстановлении вас в кадрах армии и о выплате содержания по занимаемой должности за все тридцать месяцев.

Мы получили путевки в подмосковный санаторий «Архангельское». Через месяц, окрепшие, уехали продолжать свое лечение и отдых в Кисловодск... На вторичный прием к наркому я явился уже другим человеком...

– Пойдете пока на должность заместителя командира стрелкового корпуса, чтобы оглядеться и ознакомиться со всеми новшествами. А там видно будет.

Затем нарком информировал меня о сложности международной обстановки.

– Видимо, мы находимся в предвоенном периоде, работать придется всюю, – сказал он на прощание и пожелал успеха в работе».

В начале июня 1941 года состоялся разговор между наркомом Тимошенко и ранее находившимся в заключении К.К. Рокоссовским, назначенным командиром 9-го механизированного корпуса. Он задал наркому вопрос – не придется ли в ближайшее время драться с Гитлером, на что Тимошенко, по словам Рокоссовского, ответил:

– Судя по всему, придется... Так что, Константин Константинович, незамедлительно отправляйтесь к новому месту службы и готовьтесь...

Наркому Тимошенко приходилось заниматься не только кадрами, но и контролем за военным строительством. Так, в феврале 1941 года командующий Западным Особым военным округом генерал армии Павлов направил донесение Сталину, Молотову и Тимошенко, в котором обращал внимание руководства на состояние дорог в западных

областях СССР. Кроме того, Павлов подчеркивал, что «необходимо западный театр военных действий по-настоящему привести в действительно оборонительное состояние путем создания ряда оборонительных полос на глубину 200–300 километров, построив противотанковые рвы, надолбы, плотины для заболачивания, эскарпы, полевые оборонительные сооружения». Спустя несколько дней командующий Западным военным округом генерал армии Д.Г. Павлов получил в ответ от наркома Тимошенко директиву о первоочередных мерах.

*ДИРЕКТИВА НАРКОМА ОБОРОНЫ СССР И НАЧАЛЬНИКА
ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ
ЗАПОВО*

«№ 503859/сс

С целью прикрытия от мобилизации, сосредоточения и развертывания войск округа, к 20 мая 1941 г. лично Вам, с начальником штаба и начальником оперативного отдела штаба округа, разработать:

а) детальный план обороны государственной границы от Канчиаместис до оз. Свитез (иск.);

б) детальный план противовоздушной обороны...

Задачи обороны:

1. Не допустить вторжения как наземного, так и воздушного противника на территорию округа.

2. Упорной обороной укреплений по линии госграницы прочно прикрыть от мобилизации, сосредоточения и развертывания войск округа.

3. Противовоздушной обороной и действиями авиации обеспечить нормальную работу железных дорог и сосредоточения войск.

4. Всеми видами разведки округа своевременно определить характер сосредоточения и группировку войск противника.

5. Активными действиями авиации завоевать господство в воздухе и мощными ударами по основным железнодорожным узлам, мостам, переправам и группировкам войск нарушить и задержать сосредоточения и развертывания войск противника.

6. Не допустить сбрасывания и высадки на территории округа воздушных десантников и диверсионных групп противника.

Оборону государственной границы организовать, руководствуясь следующими основными указаниями:

1. В основу обороны положить упорную оборону укрепленных районов и созданных по линии госграницы полевых укреплений с использованием всех сил и возможностей для дальнейшего развития их. Обороне придать характер активных действий. Всякие попытки противника к прорыву обороны немедленно ликвидировать контратаками корпусных и армейских резервов...

Район прикрытия № 4—4 армии.

Состав: управление 4 армии; управление 28 стр. корпуса; 6, 42, 75 и 100 стр. дивизии;

управление 14 мех. корпуса; 22 и 30 танковые дивизии; 205 моторизованная дивизия;

гарнизон Брестского укрепленного района; 10 смешанная авиационная дивизия; пограничные части.

Первый мобэшелон 100 стр. дивизии вывести в район Черемха не позднее 4 дня мобилизации.

Начальник района – Командующий 4 армии. Граница слева – граница с. Ково.

Задача – прочной обороной Брестского укрепленного района и полевых укреплений по восточному берегу р. Буг, прикрыть сосредоточение и развертывание армии...

3. План прикрытия вводится в действие при получении шифрованной телеграммы за моей, члена Главного Военного совета, начальника Генерального штаба подписями следующего содержания: «Приступить к выполнению плана прикрытия 1941 г.»...

Подлинный подписали:

Народный комиссар обороны СССР

Маршал Советского Союза С. Тимошенко

Начальник Генерального штаба КА генерал армии Г. Жуков».

На первомайском военном параде народный комиссар обороны Маршал Советского Союза С.К. Тимошенко выступил с речью, в которой было следующее заявление: «Боеспособность наших вооруженных сил была испытана уже не раз. За истекший год она стала значительно выше. Красная армия и Военно-Морской Флот неуклонно улучшают методы своей выучки на основе опыта современной войны».

Но при этом советское военное командование, выполняя волю Сталина, до последнего момента старалось своими действиями не дать Гитлеру повода для обвинения немцами СССР в нарушение договора о ненападении между Германией и Советским Союзом (пакта Молотова – Риббентропа). Поэтому решения об организации вооруженного отпора немецким агрессорам было принято, когда уже стало понятно, что это не провокация (как поначалу думали в Москве), а начало войны.

Но среди советского руководства в то время была распространена и другая точка зрения – если и начнется война с немцами, то вести ее будем на вражеской территории. Вторгшиеся немецкие части будут отброшены контрударными Красной армией, которая, дойдя до Варшавы, вступит на земли Германии.

Об этом были выпущены пропагандистские романы, где советские войска доблестно громили злых врагов. Но на что рассчитывали отечественные военачальники?

15 мая 1941 года нарком обороны страны маршал С.К. Тимошенко подписал «Соображения по плану стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза», отражающие один из вариантов возможных действий.

«I. Учитывая, что Германия в настоящее время держит свою армию отобюролизованной, с развернутыми тылами, она имеет возможность предупредить нас в развертывании и нанести внезапный удар, – указывалось в этом документе. – Чтобы предотвратить это, считаю необходимым ни в коем случае не давать инициативы действий германскому командованию, упредить противника в развертывании и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания и не успеет еще организовать фронт и взаимодействие родов войск.

II. Первой стратегической целью Красной армии поставить – разгром главных сил немецкой армии, развертыванием южнее Брест-Демблин и выходом к 30-му дню севернее рубежа Остроленка, р. Нарев, Ловочь, Крейцбург, Опельон, Оломоуц. Последующая стратегическая цель – наступать из района Катовицы в северном или северо-западном направлениях, разгромить силы врага центра и северного крыла германского фронта и овладеть территорией бывшей Польши и Восточной Пруссии.

Ближайшая задача – разбить германские армии восточнее р. Висла и на краковском направлении выйти на р. р. Нарев, Висла, овладеть районом Катовицы, для чего:

а) Главный удар силами Юго-Западного фронта нанести в направлении Краков, Катовице, отрезав Германию от южных союзников.

б) Вспомогательный удар левым крылом Западного фронта нанести в направлении на Варшаву, Демблин с целью сковывания варшавской группировки противника и овладения Варшавой, а также содействия Юго-Западному фронту в разгроме люблинской группировки.

в) Вести активную оборону против Финляндии, Венгрии, Румынии и быть готовыми нанести удары против Румынии...»

Документ вызвал негодование Сталина, заявившего:

– Это все Тимошенко, он настраивает всех к войне, надо бы его расстрелять, но я его знаю как хорошего вояку еще с гражданской войны...

– Вы же сказали всем, что война неизбежна, на встрече с выпускниками академий, – попытался защититься Тимошенко.

Сталин фыркнул:

– Вот видите, Тимошенко здоровый и голова большая. А мозги, видимо, маленькие... Это я сказал для народа, надо их бдительность поднять, а вам надо понимать, что Германия никогда не пойдет одна воевать с Россией. Это вы должны понимать.

Несмотря на недовольство вождя, Тимошенко продолжил развертывание войск. С 12 июня по приказу наркома обороны началось выдвижение части войск приграничных военных округов ближе к государственной границе. Спустя несколько часов Тимошенко в присутствии Жукова в телефонном разговоре со Сталиным попросил у того разрешения дать указание войскам приграничных округов о приведении их в боевую готовность и развертывании первых эшелонов по планам прикрытия.

– Подумаем, – ответил Сталин.

Спустя несколько часов Тимошенко и Жуков, доложив Сталину о тревожных событиях на границе, аргументировали этим необходимость срочного приведения приграничных войск в полную боевую готовность.

– Вы предлагаете провести в стране мобилизацию, поднять сейчас войска и двинуть их к западным границам? Это же война! Понимаете вы это оба или нет!?

Спустя годы Тимошенко по-другому описывал эту ситуацию: «Прохаживаясь мимо нас, Сталин бегло просмотрел полученные материалы, а затем небрежно бросил их на стол со словами: «А у меня другие документы», – и показал пачку бумаг, содержащих, как он подчеркнул, иные сведения. Зная мнение Сталина, что в ближайшие месяцы войны не будет, и стремясь угодить ему, начальник разведывательного управления Голиков начисто отметал правдивость и достоверность всех объективных донесений...»

5 мая НКГБ СССР направил в ЦК ВКП(б), СНК СССР и НКВД СССР секретное сообщение: «...«Старшина» (оперативный псевдоним Х. Шульце-Бойзена, резидента советской разведки) сообщил из Берлина: «Штаб германской авиации на случай войны с СССР наметил к бомбардировке первой очереди ряд пунктов на советской территории с целью дезорганизации подхода резервов с востока... Военные действия против СССР предполагают начать с бомбардировки этих пунктов...»

29 мая 1941 года в Главное разведывательное управление поступило сообщение от военного атташе из Бухареста, который так описывал сформировавшееся в тот момент в странах Оси настроение: «...Война против СССР вообще не представляет проблемы с военной точки зрения. В два-три месяца немецкие войска будут стоять на Урале. Механизированная русская армия поставит себя под удар немецкого наступления в западной части СССР и будет там разбита наголову в кратчайший срок, так как Красная армия со своим устаревшим броневым оружием и устаревшей авиацией не будет в состоянии устоять перед наступающим и превосходящим количественно немецким оружием, которое далеко ее превосходит. В немецких посвященных кругах нет ни одного человека, который имел хотя бы малейшее сомнение в немедленной победе над СССР».

Маршал Василевский в своих воспоминаниях подчеркивал, что нарком пытался доказать Сталину, что немцы готовятся к войне: «Тимошенко бесконечное количество раз докладывал ему о сосредоточении немецких войск и о необходимости принятия мер к усилению боеготовности, но неизменно получал в ответ категорическое

запрещение... Пользуясь своим правом наркома, он стремился сделать все, что мог, в обход этих запретов». Небезынтересно и мнение Жукова о нарконе: «Тимошенко в некоторых сочинениях оценивается совершенно неправильно, изображают его чуть ли не как человека безвольного и заискивающего перед Сталиным. Это неправда...»

«Разрешаю переход госграницы...»

Но Сталин слишком верил, что «обхитрил» Гитлера и выиграл необходимое время для перевооружения Красной армии. В результате слишком многие части Красной армии в ночь на 22 июня 1941 года были захвачены врасплох, не смогли удержать предписанные им рубежи и тем более – перейти в контратаку. Но Маршал Советского Союза Тимошенко, занимавший высший военный пост, подписал в первый день Великой Отечественной войны директиву, в которой требовал контратаковать и уничтожить вторгшиеся вражеские группировки:

ДИРЕКТИВА НАРОДНОГО КОМИССАРА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР

«№ 3

2 июня 1941 года

1. Противник, нанеся удары из сувалкинского выступа на Олита и из района Замостье на фронте Владимир-Волынский, Радзехов, вспомогательные удары в направлениях Тильзит, Шауляй и Седлец, Волковыск, в течение 22.6, понес большие потери, достиг небольших успехов на указанных направлениях. На остальных участках госграницы с Германией и на всей госгранице с Румынией атаки противника отбиты с большими для него потерями.

2. Ближайшей задачей на 23–24.6 ставлю:

а) концентрическими сосредоточенными ударами войск Северо-Западного и Западного фронтов окружить и уничтожить сувалкинскую группировку противника и к исходу 24.6 овладеть районом Сувалки; б) мощными концентрическими ударами механизированных корпусов, всей авиацией Юго-Западного фронта и других войск 5 и 6А окружить и уничтожить группировку противника,

наступающую в направлении Владимир-Волынский, Броды. К исходу 24.6 овладеть районом Люблин.

3. ПРИКАЗЫВАЮ:

а) Армиям Северного фронта продолжать прочное прикрытие госграницы. Граница слева – прежняя. б) Армиям Северо-Западного фронта, прочно удерживая побережье Балтийского моря, нанести мощный контрудар из района Каунас во фланг и тыл сувалкинской группировке противника, уничтожить ее во взаимодействии с Западным фронтом и к исходу 24.6 овладеть районом Сувалки. Граница слева – прежняя. в) Армиям Западного фронта, сдерживая противника на варшавском направлении, нанести мощный контрудар силами не менее двух мехкорпусов и авиации во фланг и тыл сувалкинской группировки противника, уничтожить ее совместно с Северо-Западным фронтом и к исходу 24.6 овладеть районом Сувалки. Граница слева – прежняя. г) Армиям Юго-Западного фронта, прочно удерживая границу с Венгрией, концентрическими ударами в общем направлении на Люблин силами 5 и 6А, не менее пяти мехкорпусов и всей авиации фронта, окружить и уничтожить группировку противника, наступающую на фронте Владимир-Волынский, Крыстынополь, к исходу 26.6 овладеть районом Люблин. Прочно обеспечить себя с краковского направления. д) Армиям Южного фронта не допустить вторжения противника на нашу территорию. При попытке противника нанести удар в черновицком направлении или форсировать рр. Прут и Дунай мощными фланговыми ударами наземных войск во взаимодействии с авиацией уничтожить его; двумя мехкорпусами в ночь на 23.6 сосредоточиться в районе Кишинев и лесов северо-западнее Кишинева.

4. На фронте от Балтийского моря до границы с Венгрией разрешаю переход госграницы и действия, не считаясь с госграницей.

5. Авиации Главного командования:

а) поддержать Северо-Западный фронт одним вылетом 1-го ав. корп. ДД и Западный фронт одним вылетом 3-го ав. корп. ДД на период выполнения ими задачи по разгрому сувалкинской группировки противника; б) включить в состав Юго-Западного фронта 18-ю авиадивизию ДД и поддержать Юго-Западный фронт одним вылетом 2-го ав. корпуса ДД на период выполнения им задачи по разгрому люблинской группировки противника; в) 4-й ав. корпус ДД оставить в

моем распоряжении в готовности содействовать главной группировке Юго-Западного фронта и частью сил Черноморскому флоту.

Народный комиссар обороны СССР

Маршал Советского Союза С. Тимошенко

Член Главного Военного Совета

Маленков

Начальник Генерального штаба РККА

генерал армии Жуков».

Начальник штаба Юго-Западного фронта генерал Максим Алексеевич Пуркаев предложил на срочном собранном Военном совете фронта организовать оборону по линии прежней государственной границы, где имелись обустроенные укрепрайоны, способные задержать продвижение войск врага. А уже потом, подтянув необходимые силы, начать контрнаступление. Это предложение многим показалась разумным, но в полученной директиве отхода на оборонительный рубеж не предусматривалось – только контрудар, и поэтому это предложение было отвергнуто, что в дальнейшем привело к многочисленным потерям Красной армии при попытке нанесения непродуманного контрудара.

В Москве после начала войны было принято постановление Совета народных комиссаров и ЦК ВКП(б) о создании Ставки Верховного Главного командования (Ставки ВГК), ставшей чрезвычайным органом высшего военного управления. Официальным руководителем (председателем) Ставки являлся нарком обороны СССР маршал С. К. Тимошенко (поскольку И. Сталин в первых заседаниях не участвовал), а в состав входили Сталин, Жуков, Молотов, Ворошилов, Буденный, Кузнецов. На заседаниях Тимошенко и Жуков докладывали об обстановке на фронтах. Адмирал Н.Г. Кузнецов в своих воспоминаниях (*Кузнецов Н.Г. Накануне. М.: Воениздат, 1989*) отмечал, что «председательство наркома обороны СССР маршала С.К. Тимошенко было лишь номинальным. Как члену Ставки, мне пришлось присутствовать только на одном из этих заседаний, но нетрудно было заметить: нарком обороны не подготовлен к той должности, которую занимал. Да и члены Ставки тоже. Функции каждого были не ясны – положения о Ставке не существовало. Люди, входившие в ее состав, совсем и не собирались подчиняться наркому обороны. Они требовали

от него докладов, информации, даже отчета о его действиях. С.К. Тимошенко и Г.К. Жуков докладывали о положении на сухопутных фронтах...».

Штаб Западного фронта, потерявший возможность управления войсками, не мог выполнить поставленные перед ним Тимошенко и Жуковым задачи. 29 июня 1941 года разъяренный Сталин вместе с другими членами Политбюро приехал в Наркомат обороны и потребовал подробного доклада по ситуации на Западном фронте. Тимошенко, Жуков и Ватутин приступили к докладу, попутно объяснив, что информация неполная и не всегда достоверная, поскольку со многими частями и подразделениями Западного фронта нет связи. Ее восстановление требует некоторого времени.

– Если связи нет, как вы собираетесь руководить войсками?! – заорал Сталин.

19 июля вместо Ставки Главного командования во главе с Тимошенко была создана Ставка Верховного Главнокомандования под началом Сталина. В этот же день Сталин стал наркомом обороны СССР, а Тимошенко был назначен его заместителем.

Стоять насмерть

Еще ранее, 2 июля 1941 года, в связи с разгромом армий Западного фронта, Тимошенко был назначен командующим войсками Западного фронта. Он командовал этим фронтом до 19 июля, а затем – с 30 июля по 12 сентября. Одновременно 10 июля 1941 года Тимошенко возглавил Главное командование войсками Западного направления и оставался в должности главнокомандующего направления до 10 сентября, когда произошло упразднение Главного командования. Пытаясь остановить наступление немецких танковых дивизий, Тимошенко использовал 5-й и 7-й мехкорпуса, в своей Директиве № 16 в ночь на 5 июля приказав: «Подготовить контрудар 7-м и 5-м механизированными корпусами во взаимодействии с авиацией в направлениях Островно и Сенно, для чего 7-й механизированный корпус сосредоточить в районе Лиозно и 5-й механизированный корпус в районе Девино, ст. Стайки, Ореховск. Успех развивать 7-м механизированным корпусом в направлении Камень, Кубличи и 5-м механизированным корпусом – на Лепель...»

Лепельский контрудар продолжался с 6 по 10 июля. Согласно данным, которые приводит военный историк А.В. Исаев, в обоих мехкорпусах насчитывалось порядка 1400 танков, из которых только 47 – KV и 49 – Т-34.

Им противостояли 7-я танковая дивизия под командованием генерал-майора Г. фон Функа; 17-я танковая дивизия под командованием генерал-майора К. фон Вебера. 9 июля в бой вступила подоспевшая 12-я танковая дивизия под командованием генерал-майора Й. Гарпе.

Советские войска не уступали немцам в численности боевой техники, но в большинстве красноармейских танков не было двухсторонней связи и поэтому из-за отсутствия взаимодействия между отечественными мехкорпусами и даже отдельными танковыми дивизиями боевые действия свелись к разрозненным боям на реке Черногоstica, в районе Сенно (в полосе наступления 7-го мехкорпуса) и в районе Толпино, Цотово (в полосе наступления 5-го мехкорпуса). Кроме того, в немецких танковых дивизиях у многих уже был большой боевой опыт и слаженность танковых экипажей в бою.

После неудачной атаки 6 августа командующий 20-й армией (входившей в 7-й мехкорпус) генерал-лейтенант П.А. Курочкин докладывал маршалу С.К. Тимошенко: «Отсутствие успеха в корпусе объясняю неумением командования организовать бой, отсутствием взаимодействия между артиллерией и танками, слабой работой штабов, недостаточной поддержкой и прикрытием со стороны авиации, позволяющей авиации противника безнаказанно бомбардировать части корпуса...» К вечеру 6 июля войска 5-го мехкорпуса смогли продвинуться в направлении Лепеля на 13–15 км. Через день 5-й мехкорпус был атакован 7-й и 17-й немецкими танковыми дивизиями со стороны Сенно во фланг и тыл, передовые части мехкорпуса попали в окружение.

Тимошенко вызвал в ночь на 8 июля на фронтовой командный пункт командующего 13-й армией для доклада. В воспоминаниях С.П. Иванова, в то время занимавшего должность начальника оперативного отдела этой армии, описано поведение наркома в ту нелегкую пору: «На рассвете мы с генералом Филатовым (генерал-лейтенант П.М. Филатов, командующий армией, через несколько часов был смертельно ранен и скончался в Москве 14 июля. – *Примеч. авт.*) на его броневишке

добрались до Смоленска. Без труда нашли в Гнездово санаторий, где в двухэтажном главном корпусе располагался штаб фронта. Маршала Тимошенко в кабинете не было. Адъютант сказал, что с минуты на минуту он появится. И действительно, вскоре Тимошенко вошел в приемную. Я тогда впервые увидел Семена Константиновича. Он отличался кавалергардским ростом и телосложением, говорил рокочущим баритоном с заметным украинским акцентом. Заслушав доклад, маршал уточнил задачи армии... Нарком размеренно вышагивал по кабинету на своих длинных прямых ногах и не приказывал, а как бы внушал Филатову, что армия должна сделать все возможное и невозможное, сбить в полосе своих действий темп наступления вражеской танковой армады...

9 июля пришел приказ вывести мехкорпуса из боя. Контратака корпусов закончилась неудачей.

Войска Западного фронта под командованием Тимошенко сражались с немцами в Смоленском сражении. Именно по приказу Тимошенко 14 июля 1941 года впервые в Великой Отечественной войне был применен новый вид оружия – экспериментальная батарея реактивных установок, впоследствии любовно названных красноармейцами «катюшами». До наших дней дошел доклад Тимошенко в Ставку о том огневом ударе, который нанесла по врагу батарея под командованием капитана И.А. Флерова: «5-я армия товарища Курочкина, сдерживая атаки противника, нанесла поражение двум немецким дивизиям, в том числе вновь прибывшей на фронт 5-й пехотной дивизии, наступавшей на Рудню. Особенно эффективны были действия батареи РС, которая тремя залпами по сосредоточенному в Рудне противнику нанесла ему такие потери, что он весь день вывозил раненых и подбирал убитых, остановив наступление».

Но «катюши» все же не могли исправить создавшегося на фронте положения, и к началу августа для Тимошенко стало очевидным – не удастся у вермахта отбить Смоленск. Поэтому он принял решение вывести из образовавшегося полуокружения части 16-й и 20-й армий по соловьевской и ратчиновской переправам, для чего и был нанесен контрудар группы генерала Рокоссовского по врагу. В результате принятых маршалом Тимошенко мер переправившиеся на восточный берег Днепра войска смогли занять к 5 августа заранее подготовленный

рубеж обороны в полосе Холм-Жирковский, Ярцево, Ельня. Тем самым удалось спасти основные силы Западного фронта.

Понеся большие потери, в ходе боев в июле – сентябре 1941 года советские войска сковали немецкие войска, рвущиеся к Москве, и дали возможность Красной армии подготовиться к обороне столицы. В своих воспоминаниях маршал Жуков, в то время занимавший пост начальника Генерального штаба, так в разговоре со Сталиным оценивал Тимошенко как полководца и командующего Западным фронтом: «Маршал Тимошенко командует фронтом менее четырех недель. В ходе Смоленского сражения хорошо узнал войска, увидел, на что они способны. Он сделал все, что можно было сделать на его месте, и почти на месяц задержал противника в районе Смоленска. Думаю, что никто другой больше не сделал бы. Войска верят в Тимошенко, а это главное».

Жуков также описывает совещание у Сталина, куда из военачальников были вызваны он и Тимошенко: «Когда мы вошли в комнату, за столом сидели почти все члены Политбюро. И.В. Сталин, в старой куртке, стоял посередине комнаты и держал погасшую трубку в руках – верный признак плохого настроения.

– Вот что, – сказал И.В. Сталин. – Политбюро обсудило деятельность Тимошенко на посту командующего Западным фронтом и считает, что он не справился с возложенной на него задачей в районе Смоленска. Мы решили освободить его от обязанностей. Есть предложение на эту должность назначить Жукова. Что думаете вы? – спросил И.В. Сталин, обращаясь ко мне и к наркому.

С.К. Тимошенко молчал. Да и что, собственно, он мог ответить на это несправедливое обвинение?

– Товарищ Сталин, – сказал я, – частая смена командующих фронтами тяжело отражается на ходе операций. Командующие, не успев войти в курс дела, вынуждены вести тяжелейшие сражения. Маршал Тимошенко командует фронтом менее четырех недель. В ходе Смоленского сражения хорошо узнал войска, увидел, на что они способны. Он сделал все, что можно было сделать на его месте, и почти на месяц задержал противника в районе Смоленска. Думаю, что никто другой больше не сделал бы. Войска верят в Тимошенко, а это главное. Я считаю, что сейчас освободить его от командования фронтом несправедливо и нецелесообразно.

М.И. Калинин, внимательно слушавший, сказал:

– А что, пожалуй, Жуков прав.

И.В. Сталин не спеша раскурил трубку, посмотрел на других членов Политбюро и сказал:

– Может быть, согласимся с Жуковым?

– Вы правы, товарищ Сталин, – раздались голоса, – Тимошенко может еще выправить положение.

Нас отпустили, приказав С.К. Тимошенко немедленно выехать на фронт.

Когда мы возвращались обратно в Генштаб, С.К. Тимошенко сказал:

– Ты зря отговорил Сталина. Я страшно устал от его дерганья.

– Ничего, Семен Константинович, кончим войну, тогда отдохнем, а сейчас скорее на фронт».

Главком Юго-Западного направления

13 сентября 1941 года маршал Тимошенко был назначен главнокомандующим войсками Юго-Западного направления, заменив на этом посту маршала Буденного. Несмотря на то, что впоследствии Буденного упрекали (как правило, заочно), что он «отстал» от развития современной стратегической и тактической мысли, в сентябре 1941 года тот, как позже было подтверждено Историей, правильно настаивал на сдаче Киева. Поначалу его «сменщик» Тимошенко пытался, следуя указаниям Сталина, удерживать Киев, но после тщательного анализа обстановки Тимошенко принял решение согласиться с мнением штаба фронта об оставлении Киева. Но вывести войска из удара уже не успели, в результате чего большая часть войск Юго-Западного фронта оказалась в окружении, а само управление фронта при попытке вырваться из окружения было разгромлено. В плен попало свыше полумиллиона советских воинов.

Остатки сил Юго-Западного фронта отошли на рубеж восточнее Курска, Харькова, Изюма, где были пополнены новобранцами очередного года рождения, и 30 сентября Тимошенко возглавил воссозданный Юго-Западный фронт, оборонявшийся на южном фланге советско-германского фронта, и командовал им до 18 декабря 1941 года. Членом Военного совета фронта был секретарь ЦК КП(б) Украины

Н.С. Хрущев. К удачным операциям, проведенным под командованием Тимошенко, можно отнести освобождение Ростова-на-Дону, взятого немецкими войсками (3-й танковым корпусом 1-й танковой армии под командованием Э. фон Макензена в составе 13-й и 14-й танковых дивизий, 60-й моторизованной пехотной дивизии и 1-й дивизии СС) 20 ноября 1941 года. Через 8 дней город был у немцев отбит, что стало одной из первых побед Красной армии.

Сообщив по телефону Сталину об освобождении Ростова-на-Дону, называвшегося «воротами» Северного Кавказа, Тимошенко услышал от довольного вождя: «Будем за ваше здоровье сегодня пить». Так родилась традиция – Верховный Главнокомандующий Сталин своими особыми приказами поздравлял войска фронтов, отличившиеся при освобождении крупных городов.

Вновь командующим Юго-Западного фронта Тимошенко был назначен 8 апреля 1942 года. Но еще почти за два месяца до этого, 18 февраля, в кругу боевых товарищей, собравшихся отметить сорокасемилетие маршала, Тимошенко заявил: «Подкопим силы, подготовим войска, создадим две сильные группировки и ударим по войскам фон Бока со стороны Волчанска, и с юга, с барвенковского выступа». В разработке плана Харьковской операции участвовал генерал И.Х. Баграмян, член Военного совета направления Н.С. Хрущев, командующие войсками Южного и Юго-Западного фронтов генералы Р.Я. Малиновский и Ф.Я. Костенко. В документе, отправленном Тимошенко в Ставку, содержались предложения по стратегическим планам войск фронтов Юго-Западного направления на весну 1942 года: «Задачи, поставленные на зимний период 1942 года, войсками Юго-Западного направления еще полностью не выполнены, – отмечалось в нем. – Они взяли в свои руки инициативу действий, нанесли противнику чувствительные потери, освободили от немецко-фашистских оккупантов значительную территорию. Особенно эффективными оказались действия на стыке Юго-Западного и Южного фронтов, где удалось прорвать укрепленную полосу противника, нанести ему значительные потери, лишить врага важнейшей железнодорожной магистрали Харьков – Донбасс, угрожать глубокому тылу его основной группировки, действующей в Донбассе и Таганрогском районе. Войска заняли весьма выгодное положение для развития наступления на Харьков». Сталин утвердил план операции.

Маршал Баграмян в своих мемуарах рассказал о том, как готовилась та операция: «10 апреля маршал С.К. Тимошенко издал оперативную директиву согласно которой войска Юго-Западного направления начали перегруппировку и сосредоточение сил. Конкретные задачи армиям Юго-Западного фронта в предстоящей операции были поставлены еще в первых числах апреля. А 28 апреля Маршал Советского Союза С.К. Тимошенко издал новую оперативную директиву с внесением некоторых изменений и уточнений в эти задачи. В ней отмечалось, в частности, что противник, удерживая занимаемый рубеж обороны, продолжает накопление резервов в районе Харькова, и делался важный вывод о том, что с наступлением сухой погоды возможна его попытка ликвидировать барвенковский выступ. Военный совет направления в период подготовки операции обсуждал вопрос оперативного обеспечения наступления левого крыла Юго-Западного фронта на Харьков. Не исключалось, что в ходе операции противник может предпринять удар с юга под основание барвенковского выступа с использованием при этом конфигурации линии фронта, чтобы сорвать наступление нашей южной ударной группировки на Харьков».

Руководство действиями советских войск осуществляли: главнокомандующий войсками Юго-Западного направления Маршал Советского Союза Тимошенко, начальник штаба – генерал-лейтенант И.Х. Баграмян, член Военного совета – Н.С. Хрущёв. Южным фронтом командовал генерал-лейтенант Р.Я. Малиновский.

12 мая Красная армия в ходе Харьковской операции перешла в наступление. Через семь дней боевые действия достигли апогея.

Баграмян так описывал создавшуюся ситуацию: «Группа Клейста с бешеным упорством продолжала рваться на север, в сторону Чепеля. Одновременно с чугуевского выступа Паулюс бросил обе свои танковые дивизии в южном направлении. Невзирая на героическое сопротивление наших войск, врагу удалось к исходу дня перерезать последние коммуникации, связывавшие войска 6-й и 57-й армий с тылом. Исходя из сложившейся обстановки, главком С.К. Тимошенко решил ударную группировку 38-й армии, предназначавшуюся ранее для наступления из Волхова Яра на Змиев, использовать для восстановления коммуникаций войск барвенковского выступа в районе Савинц.

В течение 23–24 мая бои на плацдарме продолжали оставаться предельно ожесточенными. Враг изо всех сил стремился расширить коридор, отсекавший советские войска от переправ через Северский Донец, а они делали все возможное, чтобы прорвать кольцо окружения и отойти на левый берег реки.

Поскольку на действия наших частей и соединений отрицательно влияло отсутствие единого командования, маршал С.К. Тимошенко принял решение войска 6-й, 57-й армий и армейской группы генерала Л.В. Бобкина свести воедино под общим командованием генерал-лейтенанта Ф.Я. Костенко. Главной задачей этой южной группы войск, как ее называли, было ударом в направлении Савинцы прорвать кольцо окружения и выйти на левый берег Северского Донца. Одновременно с этим войска левого крыла 38-й армии, усиленные сводным танковым корпусом, получили приказ наступать навстречу частям, прорывавшимся из окружения.

В ночь на 24 мая спешно производились перегруппировка и сосредоточение частей и соединений для выполнения поставленной задачи. Но утром к выполнению задачи удалось приступить лишь частично, так как с рассветом враг возобновил наступление на широком фронте, стремясь расчлнить окруженную группировку на отдельные, изолированные друг от друга части». В результате в плен более 200 тысяч солдат и офицеров Красной армии, оборона советских войск в полосе Южного и Юго-Западного фронтов оказалась ослабленной и вермахт начал наступление на Кавказ и на Волгу.

17 июля Тимошенко сняли с должности командующего фронтом и через три дня вызвали в Ставку, где ему пришлось в течение шести часов отчитываться о своих действиях, приведших к таким потерям. Была сделана попытка обвинить в планировании неудачной операции Баграмяна, но в ответ Сталин жестко подчеркнул: «Понятно, что дело здесь не только в тов. Баграмяне. Речь идет также об ошибках всех членов Военного совета и прежде всего тов. Тимошенко и тов. Хрущева... Поэтому вы должны учесть допущенные вами ошибки и принять все меры к тому, чтобы впредь они не имели места».

Кроме того, свое расследование в отношении Тимошенко начали и особисты – так в Москву была отправлена телеграмма начальника особого отдела НКВД Юго-Западного фронта старшего майора госбезопасности Н.Н. Селивановского, в которой он отмечал, что «в

беседе с Хрущевым у нас сложилось подозрение о возможности измены Тимошенко... Я решил выслать оперативную группу из ответственных работников для организации за ним наблюдения и предотвращения возможной измены». Видимых последствий это сообщение для Тимошенко не имело.

В результате разгрома советских войск под Харьковом войска вермахта захватили Ростов-на-Дону. Планируя захват нефтеносных районов Кавказа, в конце июня 1942 года немецкие войска, нанеся мощный удар по позициям Брянского и Юго-Западного фронтов, прорвали оборону Красной армии и совершили рывок в направлении Воронежа (частично захваченного 6 июля 1942 года) и к Дону. Советские войска оказались отброшенными за Дон, и к середине июля вермахт, развернувший наступление в большой излучине на Сталинград, прорвал стратегический фронт нашей армии на глубину 150–400 км. Возникла непосредственная угроза захвата немцами Северного Кавказа.

28 июля Сталин как народный комиссар обороны СССР подписал лично им написанный приказ № 227 «Ни шагу назад!».

ПРИКАЗ НАРОДНОГО КОМИССАРА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР

О мерах по укреплению дисциплины и порядка в Красной армии и запрещении самовольного отхода с боевых позиций

«№ 227

28 июля 1942 года

г. Москва

Враг бросает на фронт все новые силы и, не считаясь с большими для него потерями, лезет вперед, рвется в глубь Советского Союза, захватывает новые районы, опустошает и разоряет наши города и села, насилует, грабит и убивает советское население. Бои идут в районе Воронежа, на Дону, на юге у ворот Северного Кавказа. Немецкие оккупанты рвутся к Сталинграду, к Волге и хотят любой ценой захватить Кубань, Северный Кавказ с их нефтяными и хлебными богатствами. Враг уже захватил Ворошиловград, Старобельск, Россошь, Купянск, Валуйки, Новочеркасск, Ростов-на-Дону, половину Воронежа. Часть войск Южного фронта, идя за паникерами, оставила Ростов и Новочеркасск без серьезного сопротивления и без приказа Москвы, покрыв свои знамена позором.

Население нашей страны, с любовью и уважением относящееся к Красной армии, начинает разочаровываться в ней, теряет веру в Красную армию, а многие из них проклинают Красную армию за то, что она отдает наш народ под ярмо немецких угнетателей, а сама утекает на восток.

Некоторые неумные люди на фронте утешают себя разговорами о том, что мы можем и дальше отступить на восток, так как у нас много территории, много земли, много населения и что хлеба у нас всегда будет в избытке.

Этим они хотят оправдать свое позорное поведение на фронтах. Но такие разговоры являются насквозь фальшивыми и лживыми, выгодными лишь нашим врагам.

Каждый командир, красноармеец и политработник должны понять, что наши средства не безграничны. Территория Советского государства – это не пустыня, а люди – рабочие, крестьяне, интеллигенция, наши отцы, матери, жены, братья, дети. Территория СССР, которую захватил и стремится захватить враг, – это хлеб и другие продукты для армии и тыла, металл и топливо для промышленности, фабрики, заводы, снабжающие армию вооружением и боеприпасами, железные дороги. После потери Украины, Белоруссии, Прибалтики, Донбаса и других областей у нас стало намного меньше территории, стало быть, стало намного меньше людей, хлеба, металла, заводов, фабрик. Мы потеряли более 70 миллионов населения, более 800 миллионов пудов хлеба в год и более 10 миллионов тонн металла в год. У нас нет уже теперь преобладания над немцами ни в людских резервах, ни в запасах хлеба. Отступить дальше – значит загубить себя и загубить вместе с тем нашу Родину. Каждый новый клочок оставленной нами территории будет всемерно усиливать врага и всемерно ослаблять нашу оборону, нашу Родину.

Поэтому надо в корне пресекать разговоры о том, что мы имеем возможность без конца отступить, что у нас много территории, страна наша велика и богата, населения много, хлеба всегда будет в избытке. Такие разговоры являются лживыми и вредными, они ослабляют нас и усиливают врага, ибо если не прекратим отступление, останемся без хлеба, без топлива, без металла, без сырья, без фабрик и заводов, без железных дорог.

Из этого следует, что пора кончить отступление.

Ни шагу назад! Таким теперь должен быть наш главный призыв.

Надо упорно, до последней капли крови защищать каждую позицию, каждый метр советской территории, цепляться за каждый клочок советской земли и отстаивать его до последней возможности.

Наша Родина переживает тяжелые дни. Мы должны остановить, а затем отбросить и разгромить врага, чего бы это нам ни стоило. Немцы не так сильны, как это кажется паникерам. Они напрягают последние силы. Выдержать их удар сейчас, в ближайшие несколько месяцев – это значит обеспечить за нами победу.

Можем ли выдержать удар, а потом и отбросить врага на запад? Да, можем, ибо наши фабрики и заводы в тылу работают теперь прекрасно, и наш фронт получает все больше и больше самолетов, танков, артиллерии, минометов.

Чего же у нас не хватает?

Не хватает порядка и дисциплины в ротах, батальонах, полках, дивизиях, в танковых частях, в авиаэскадрильях. В этом теперь наш главный недостаток. Мы должны установить в нашей армии строжайший порядок и железную дисциплину, если мы хотим спасти положение и отстоять нашу Родину.

Нельзя терпеть дальше командиров, комиссаров, политработников, части и соединения которых самовольно оставляют боевые позиции. Нельзя терпеть дальше, когда командиры, комиссары, политработники допускают, чтобы несколько паникеров определяли положение на поле боя, чтобы они увлекали в отступление других бойцов и открывали фронт врагу.

Паникеры и трусы должны истребляться на месте.

Отныне железным законом дисциплины для каждого командира, красноармейца, политработника должно являться требование – ни шагу назад без приказа высшего командования.

Командиры роты, батальона, полка, дивизии, соответствующие комиссары и политработники, отступающие с боевой позиции без приказа свыше, являются предателями Родины. С такими командирами и политработниками и поступать надо, как с предателями Родины.

Таков призыв нашей Родины.

Выполнить этот призыв – значит отстоять нашу землю, спасти Родину, истребить и победить ненавистного врага.

После своего зимнего отступления под напором Красной армии, когда в немецких войсках расшаталась дисциплина, немцы для восстановления дисциплины приняли некоторые суровые меры, приведшие к неплохим результатам. Они сформировали более 100 штрафных рот из бойцов, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, поставили их на опасные участки фронта и приказали им искупить кровью свои грехи. Они сформировали, далее, около десятка штрафных батальонов из командиров, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, лишили их орденов, поставили их на еще более опасные участки фронта и приказали им искупить кровью свои грехи. Они сформировали, наконец, специальные отряды заграждения, поставили их позади неустойчивых дивизий и велели им расстреливать на месте паникеров в случае попытки самовольного оставления позиций и в случае попытки сдаться в плен. Как известно, эти меры возымели свое действие, и теперь немецкие войска дерутся лучше, чем они дрались зимой. И вот получается, что немецкие войска имеют хорошую дисциплину, хотя у них нет возвышенной цели защиты своей родины, а есть лишь одна грабительская цель – покорить чужую страну, а наши войска, имеющие возвышенную цель защиты своей поруганной Родины, не имеют такой дисциплины и терпят ввиду этого поражение.

Не следует ли нам поучиться в этом деле у наших врагов, как учились в прошлом наши предки у врагов и одерживали потом над ними победу?

Я думаю, что следует.

Верховное Главнокомандование Красной армии приказывает:

1. Военным советам фронтов и прежде всего командующим фронтам:

а) безусловно ликвидировать отступательные настроения в войсках и железной рукой пресекать пропаганду о том, что мы можем и должны якобы отступить и дальше на восток, что от такого отступления не будет якобы вреда;

б) безусловно снимать с поста и направлять в Ставку для привлечения военному суду командующих армиями, допустивших самовольный отход войск с занимаемых позиций, без приказа командования фронта;

в) сформировать в пределах фронта от одного до трех (смотря по обстановке) штрафных батальона (по 800 человек), куда направлять средних и старших командиров и соответствующих политработников всех родов войск, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, и поставить их на более трудные участки фронта, чтобы дать им возможность искупить кровью свои преступления против Родины.

2. Военным советам армий и прежде всего командующим армиями:

а) безусловно снимать с постов командиров и комиссаров корпусов и дивизий, допустивших самовольный отход войск с занимаемых позиций без приказа командования армии, и направлять их в военный совет фронта для предания военному суду;

б) сформировать в пределах армии 3–5 хорошо вооруженных заградительных отряда (до 200 человек в каждом), поставить их в непосредственном тылу неустойчивых дивизий и обязать их в случае паники и беспорядочного отхода частей дивизии расстреливать на месте паникеров и трусов и тем помочь честным бойцам дивизий выполнить свой долг перед Родиной;

в) сформировать в пределах армии от пяти до десяти (смотря по обстановке) штрафных рот (от 150 до 200 человек в каждой), куда направлять рядовых бойцов и младших командиров, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, и поставить их на трудные участки армии, чтобы дать им возможность искупить кровью свои преступления перед Родиной.

3. Командирам и комиссарам корпусов и дивизий:

а) безусловно снимать с постов командиров и комиссаров полков и батальонов, допустивших самовольный отход частей без приказа командира корпуса или дивизии, отбирать у них ордена и медали и направлять их в военные советы фронта для предания военному суду;

б) оказывать всяческую помощь и поддержку заградительным отрядам армии в деле укрепления порядка и дисциплины в частях.

Приказ прочесть во всех ротах, эскадронах, батареях, эскадрильях, командах, штабах.

Народный комиссар обороны

И. СТАЛИН».

Впервые после начала войны власть решилась сказать всю правду о реальном положении на фронтах. Дальнейшее отступление Красной армии грозило Советскому Союзу утратой национальной независимости и государственного суверенитета.

Представитель Ставки

В июле 1942 года Тимошенко был назначен командующим Сталинградским фронтом, а в октябре стал командующим войсками Северо-Западного фронта, проведя две наступательные операции в ходе осуществления плана «Полярная Звезда» – Демянскую операцию и Старорусскую операцию. В ходе Демянской наступательной операции, длившейся с 15 по 28 февраля 1943 года, войска Северо-Западного фронта и Особой группы генерал-полковника М.С. Хозина пытались разгромить части 16-й немецкой армии группы армий «Север» и полностью освободить Ленинградскую область. В ходе боев удалось изгнать немецкие войска с демянского плацдарма. 1 марта 1943 года Совинформбюро под заголовком «Ликвидация укрепленного плацдарма противника в районе Демянска» сообщило: «За восемь дней боев войска, неотступно преследуя противника, освободили 302 населенных пункта, в том числе город Демянск и районные центры Лычково, Залучье. Очищена от противника территория площадью 2350 квадратных километров. За восемь дней боев наши войска захватили в плен 3000 немецких солдат и офицеров... Противник оставил на поле боя более 8000 трупов».

Но задачи, которые были поставлены Тимошенко Ставкой, так и не были решены. Не увенчалась успехом и Старорусская наступательная операция, длившаяся с 4 по 19 марта 1943 года. В ходе боев, продвинувшись всего на 20 км, войска Северо-Западного фронта потеряли убитыми более тридцати тысяч солдат и офицеров. 13 марта маршал Тимошенко был снят с поста командующего Северо-Западным фронтом. Больше в Великой Отечественной войне маршал Тимошенко фронтами не командовал...

С марта 1943 и до 9 мая 1945 года Тимошенко был представителем Ставки Верховного командования и занимался координацией действий фронтов. Среди проведенных при его участии успешных операций – Новороссийско-Таманская, в ходе которой были разгромлены немецкие

войска на Кубани и Таманском полуострове. Как пишут биографы Тимошенко – Р.М. Португальский, А.С. Доманк и А.П. Коваленко в книге «Маршал С.К. Тимошенко», «в ходе развернувшегося весной и летом 1943 года наступления части Северо-Кавказского фронта приблизились к располагавшемуся между Азовским Черным морями на подступах к Таманскому полуострову вражескому укрепленному рубежу – «Голубой линии», состоящему из двух оборонительных полос общей глубиной, трех рубежей в глубине и отсеченных позиций. Каждая полоса обороны была оборудована опорными пунктами, насыщенными дотами, дзотами, пулеметными площадками, орудийными окопами, которые связывались между собой системой траншей и ходов сообщения. Главная полоса обороны, имевшая глубину до семи километров, и состоявшая из трех-четырех позиций, которые к тому же были прикрыты минными полями и несколькими рядами (от трех до шести) проволочных заграждений. На расстоянии десяти километров от нее проходила вторая полоса. Помимо инженерных сооружений, занявшим оборону немцам «помогала» и местная природа – северный участок обороны был полон болотами, плавнями, лиманами, а южный участок «Голубой линии» пролегал по труднодоступной горно-лесистой местности. Первые попытки советских войск преодолеть «Голубую линию» не увенчались успехом...

Оборону «Голубой линии» несли части 17-й немецкой армии под командованием генерала инженерных войск (с 30 января 1944 года – генерал-полковника) Эрвина Густав Йенеке, участвовавшего в Харьковской операции 1942 года и Сталинградской битве. 17-я армия входила в состав группы армий «А» под командованием Эвальда фон Клейста.

В начале осени 1943 года в ходе Новороссийско-Таманской операции 18-я армия прорвала немецкую «Голубую линию» и совместно с кораблями Черноморского флота нанесла главный удар на Новороссийск и далее на Верхнебаканский и Анапу. 16 сентября 1943 года Новороссийск был освобожден. Затем части 18-й армии участвовали в Керченско-Эльтигенской десантной операции...»

Весной 1944 года маршал Тимошенко как представитель Ставки Верховного Главнокомандования занимался координацией действий армий 2-го и 3-го Прибалтийских фронтов. После окончания Великой

Отечественной войны был назначен командующим войсками последовательно Барановичского (с марта 1946 года – Белорусского), Южно-Уральского, Белорусского военных округов. В апреле 1960 года зачислен в Группу генеральных инспекторов Министерства обороны СССР

Умер Семен Константинович Тимошенко 31 марта 1970 года.

Кирилл Мерецков. Маршал северных направлений

7 июня 1897 года в небольшой деревеньке под Рязанью в бедной крестьянской семье родился Кирилл Афанасьевич Мерецков, известный отечественный военачальник, Маршал Советского Союза.

После окончания четырех классов уехал в Москву на заработки, трудился слесарем, учился в вечерней школе, начал участвовать в революционном подполье. В 1918 году вступил в Красную армию, 24 ноября стал слушателем Академии Генерального штаба, через пять месяцев был назначен помощником начальника штаба 14-й стрелковой дивизии. Сражался на разных фронтах, был ранен. В мае 1919 года получил назначение на должность начальника штаба по разведке 4-й дивизии 1-й Конной армии. В декабре 1921 года закончил Академию Генерального штаба, после чего стал начальником штаба 1-й Сибирской кавалерийской дивизии. В феврале 1923 года занял должность помощника начальника штаба 15-го стрелкового корпуса, через восемь месяцев стал начальником штаба 9-й Донской стрелковой дивизии.

С июля 1924 по апрель 1932 года служил в штабе Московского военного округа: начальником мобилизационного отдела, помощником начальника штаба округа, заместителем начальника штаба округа, командиром и военкомом 14-й стрелковой дивизии, начальником штаба округа. 4 апреля 1932 года получил назначение на должность начальника штаба Белорусского военного округа. 25 декабря 1934 года Мерецков был назначен начальником штаба Особой Краснознаменной Дальневосточной армии. 22 марта 1936 года назначен в распоряжение наркома обороны Советского Союза, в сентябре того же года под псевдонимом отправлен в Испанию с целью оказания помощи правительству в борьбе с мятежниками под командованием генерала Франко, в том числе – организацией обороны Мадрида.

Мерецков был советским советником второго уровня (советники в службах Генерального штаба и Генерального военного комиссариата республиканской армии Испании). В мае 1937 года вернулся из Испании, был назначен заместителем начальника Генерального штаба. 22 февраля 1938 года Мерецкову было присвоено воинское звание

«комкор». Через семь месяцев он получил назначение на должность командующего Приволжского военного округа. В январе 1939 года переведен на должность командующего войсками Ленинградского военного округа. В декабре 1939 года, помимо этой должности, был назначен командующим 7-й армией (в советско-финской войне).

Финская война

Красная армия наступала на Карельском перешейке, с боями преодолевая укрепления линии Маннергейма. Но, несмотря на проявленное советскими воинами мужество, преодолеть с ходу укрепления и победить финские войска, приведя к власти просоветское (уже сформированное) правительство, не удалось. Кроме того, после повторного обращения Мерецкова в Главное разведывательное управление выяснилось, что в первоначальных данные ГРУ были сильно занижены данные о реальной мощи этой финской оборонительной системы, для штурма которой потребовались не только свежие силы Красной армии, но и учет конструктивных особенностей финских укреплений.

13 марта 1940 года в ходе ночного штурма советскими войсками по приказу Мерецкова был занят город Выборг, между тем как 12 марта уже был заключен мирный договор между Советским Союзом и Финляндией. 21 марта командарм 2-го ранга Мерецков был удостоен звания Героя Советского Союза.

16 апреля 1940 года в ЦК ВКП(б) состоялось совещание, на котором подводились итоги этой зимней войны. Мерецков делал доклад «Об опыте боевых действий против Финляндии», в котором заявил следующее: «...Наши уставы основаны на опыте маневренного периода мировой войны и совершенно не давали представления о войне в позиционных условиях при наличии долговременных сооружений... Нашей разведке нужно нас широко информировать. Я думаю, что можно давать нам информацию о том, что делается у наших соседей... По сведениям, которые имеются, нам нужно знать, что из себя представляют современные полосы обороны в Европе, можно ли сравнивать полосу Зигфрида с полосой Маннергейма... Все это должно лечь в основу оперативной подготовки начальников и тактической подготовки войск... Необходимо полученный опыт использовать при

постройке наших укрепленных районов... Нет у нас настоящей войсковой разведки, так же как, к сожалению, и агентурной...»

Заключительную речь произнес Сталин. В ее тексте, впервые опубликованном спустя более полувека, в 1996 году, генсек привел множество критических замечаний, связанных с первым, неудачным периодом войны и ошибками, допущенными советским командованием.

Позже и сам Мерецков в своих воспоминаниях, книге «На службе народу», развенчивал многочисленные мифы, связанные с советско-финской войной и военной статистикой: «Хочу остановиться также на схемах, которые бытуют в некоторых военно-исторических сочинениях. Из них следует, что против Финляндии в период кампании действовали шесть советских армий. Отсюда можно сделать вывод о решающем превосходстве наших сил с самого начала. Но это не так. Наступить на мощную оборонительную полосу было трудно. Поэтому мы стремились создать превосходство наступающих сил в решающем месте, каким была линия Маннергейма, за счет других участков. К концу операции, в марте 1940 года, оно составило 23: 10 по пехоте, 28: 10 по артиллерии и абсолютное по танкам. Но в декабре 1939 года такого превосходства еще не имелось. Естественно, пополнения и подкрепления шли сюда непрерывно, хотя и не все они были использованы должным образом... Возвращаясь к вопросу о шести советских армиях, замечу, что армией в полном смысле этого слова была вначале только 7-я, возглавляемая командармом 2-го ранга, автором этих строк. Она занимала крайний левый фланг фронта. Правее нее находилась группа комкора В.Д. Грендаля из трех дивизий. В конце декабря ее развернули в 13-ю армию. На других направлениях действовали небольшие общевойсковые группы. Позднее им присвоили, после соответствующего переформирования, названия 8, 9 и 14-й армий. Наконец, в феврале 1940 года севернее Ладожского озера развернули 15-ю армию. Все эти войска собирались превращать в полноценные армии весной на случай, если военные действия затянутся. В разгар ожесточенных сражений на линии Маннергейма такая нежелательная возможность уже не исключалась, хотя ранее речь шла всего о неделях боев. Однако до разгара весны все же дело не дошло...»

Начальник Генштаба

Из финской войны руководство СССР сделало необходимые выводы, и начались перестановки в военной элите страны. 4 июля 1940 года Мерецкову было присвоено звание генерала армии. Через два месяца после этого он был назначен начальником Генерального штаба.

18 сентября 1940 года нарком обороны Тимошенко и начальник Генерального штаба Мерецков представили Сталину и Молотову доклад, в котором излагались основы стратегического развертывания войск Красной армии на западных и восточных границах страны. Доклад был составлен с учетом большой вероятности того, что в ближайшие два года начнется война на западе, которой может сопутствовать и нападение с востока, со стороны Японии. На западе самым вероятным противником была Германия. Авторы доклада предположили, что основным направлением немецкого удара будет путь на Минск. При этом финские войска могут пойти на Ленинград, а румынские – поддержать немцев на южном направлении. Авторы доклада строили варианты обороны на том, что атаку удастся быстро отразить и перейти в контрнаступление.

В первых числах января 1941 года в Генштабе была проведена первая из оперативно-стратегических игр, основанных на материалах совещания и отображавших в том числе и последние действия немецких войск в Европе. Так эти события описывает военный историк Владимир Дайнес: «В ходе первой игры в течение 2–6 января «восточными» (Северо-Западный фронт) командовал генерал Д.Г. Павлов (в то время – командующий войсками Западного Особого военного округа), а «западными» (Северо-Восточный фронт вероятного противника в войне) – Г.К. Жуков. По условиям игры «западные» в союзе с «северо-западными», «северными» и «юго-западными» выступили против «восточных». Они упредили «восточных» в развертывании и 15 июля 1941 года начали наступление. Почему наступление условного противника началось именно 15 июля? Этот срок советское руководство считало наиболее вероятным началом нападения Германии на СССР.

Учитывая, что фронт «восточных» приобрел общее превосходство над «западными», Павлов принял решение разгромить их до подхода резервов противника. Поначалу атакующие удары «восточных»

возымели успех, но затем ситуация изменилась. Подтянув резервы, Жуков сформировал крупную группировку войск и мощным ударом прорвал фронт «восточных». Одновременно контрударом были разгромлены силы «восточных», переправившиеся через Западный Буг, а затем была окружена и уничтожена еще одна крупная группировка противника. Еще около 20 стрелковых дивизий и четыре танковые бригады «восточных» к моменту окончания первой игры оказались под угрозой полного окружения и разгрома.

В ходе второй игры роль Жукова изменилась – теперь он командовал Юго-Западным фронтом «восточных». По условиям второй игры на стороне «западных» действовали теперь два фронта – Южный и Юго-Восточный. Войска Южного фронта возглавлял Ф.И. Кузнецов (командующий войсками Прибалтийского Особого военного округа), Юго-Восточного – Д.Г. Павлов. По легенде игры «западные» в союзе с «юго-западными» и «южными» начали войну против «восточных», перейдя в наступление двумя упомянутыми фронтами.

И вновь Жуков продемонстрировал недюжинный оперативный талант, стремясь, прежде всего, бить противника по частям, не допуская соединения его ударных группировок. Умело концентрируя собственные силы, нанося удары в стыки противостоящих соединений, используя ложные маневры, он, в конце концов, разъединил армии «западных» на отдельные оперативные группы и подготовил внушительный удар стратегического значения».

Разбор оперативно-стратегических игр проводил лично Сталин. На этот раз он был явно не в духе и произнес две-три резкие реплики в адрес докладчика – начальника Генштаба Мерецкова. Тот явно стушевался и начал сбиваться. Сталин был раздосадован неудачей «восточных» в первой игре и объяснением Мерецкова, что «западные» в начале игры имели большое преимущество, особенно в танках и авиации. По воспоминаниям Жукова, Сталин остановил его: «Откуда вы берете такое соотношение? Не забывайте, что на войне важно не только арифметическое большинство, но и искусство командиров и войск».

Павлова, начавшего говорить, Сталин перебил:

– В чем кроются причины неудачных действий войск «красной» стороны?

– В военных играх так бывает, – Павлов попытался перевести ситуацию в шутивное русло.

– Командующий войсками округа должен владеть военным искусством, уметь в любых условиях находить правильные решения, чего у вас в проведенной игре не получилось, – вознегодовал Сталин.

После этого Жуков попросил слова и сообщил, что, по его мнению, «...в Белоруссии укрепленные рубежи (УРы) строятся слишком близко к границе, и они имеют крайне невыгодную оперативную конфигурацию, особенно в районе белостокского выступа. Это позволит противнику ударить из района Бреста и Сувалки в тыл всей нашей белостокской группировки. Кроме того, из-за небольшой глубины УРы не могут долго продержаться, так как они насквозь простреливаются артиллерийским огнем».

По поводу УРов тут же началась перепалка между Жуковым, Молотовым и Ворошиловым. Жуков продолжать выступление не стал.

– Беда в том, что мы не имеем настоящего начальника Генерального штаба. Надо заменить Мерецкова, – бросил Сталин». Но есть и другая, немного отличающаяся в «интонациях» от жуковской, формулировка завершения этой истории с совещанием и отставкой Мерецкова, изложенная им самим.

«Мне было предложено охарактеризовать ход декабрьского сбора высшего командного состава и январской оперативной игры, – вспоминал Мерецков. – На все отвели 15–20 минут. Когда я дошел до игры, то успел остановиться только на действиях противника, после чего разбор фактически закончился, так как Сталин меня перебил и начал задавать вопросы.

Суть их сводилась к оценке разведывательных сведений о германской армии, полученных за последние месяцы в связи с анализом ее операций в Западной и Северной Европе. Однако мои соображения, основанные на данных о своих войсках и сведениях разведки, не произвели впечатления. Тут истекло отпущенное мне время, и разбор был прерван. Слово пытался взять Н.Ф. Ватутин. Но Николаю Федоровичу его не дали. И.В. Сталин обратился к народному комиссару обороны. С.К. Тимошенко меня не поддержал».

Последние мирные часы

Более никто из присутствовавших военачальников слова не просил. Сталин прошелся по кабинету, остановился, помолчал и сказал: «Товарищ Тимошенко просил назначить начальником Генерального штаба товарища Жукова. Давайте согласимся!» После четырех месяцев руководства Генеральным штабом Мерецкова снова назначили на прежнюю должность заместителя народного комиссара обороны СССР по боевой подготовке. В этот период он много времени проводил в поездках по военным округам (Ленинградском, Киевском и Западном), часто бывал на проводимых в них военных учениях. Именно во время проверки в Западном особом округе боеготовности авиации (по распоряжению Сталина) Мерецков увидел собственными глазами, как на аэродром во время военных учений приземлился немецкий самолет. В ходе служебного расследования выяснилось, что командующий округом, по указанию начальника Гражданской авиации СССР, разрешил принимать на данном военном аэродроме немецкие пассажирские самолеты. Мерецков отправил о неправильных действиях командования военной авиацией округа телеграмму на имя Сталина. До начала Великой Отечественной войны оставалось всего несколько дней...

За несколько часов до нападения Германии на СССР Мерецкова вызвал его непосредственный начальник, нарком обороны Тимошенко и заявил:

– Возможно, завтра начнется война! Вам надо быть в качестве представителя Главного командования в Ленинградском военном округе. Его войска вы хорошо знаете и сможете при необходимости помочь руководству округа. Главное – не поддаваться на провокации.

– Каковы мои полномочия в случае вооруженного нападения? – спросил я.

– Выдержка, прежде всего. Суметь отличить реальное нападение от местных инцидентов и не дать им перерасти в войну. Но будьте в боевой готовности. В случае нападения сами знаете, что делать.

Итак, продолжает действовать прежняя установка. Сохранить мир для страны, насколько удастся: на год, на полгода, на месяц. Соберем урожай. Возведем новые оборонные предприятия. Вступят в строй очередные механизированные корпуса. Наладим производство быстроходных самолетов. Быть может, улучшится международная обстановка...»

В ночь на 22 июня 1941 года Мерецков ехал в Ленинград. Но, прибыв утром в северную столицу, он услышал по радио выступление народного комиссара иностранных дел В.М. Молотова о злодейском нападении фашистской Германии на СССР и вместе с сопровождающими отправился в штаб Ленинградского военного округа. В своих воспоминаниях Мерецков описывает, как ему сообщили, что накануне его приезда в Ленинград из Наркомата обороны в штаб округа «поступила директива о приведении войск в боевую готовность в связи с возможным началом войны. За истекшее время соединения, части и подразделения округа стали подтягиваться ближе к государственной границе и занимать укрепленные районы, но делали это медленно, так как директива требовала, чтобы войска оставались рассредоточенными и продвигались скрытно. Постепенно налаживалась противовоздушная оборона. В целом округ не сумел выполнить все требуемое. Даже приведение войск в боевую готовность осуществлялось довольно робко: не позволял последний пункт директивы, которым запрещалось проводить без особого распоряжения какие бы то ни было другие мероприятия».

Примерно часов в восемь утра округ получил из Москвы вторую директиву. Но осуществить ее практически не представлялось возможным, так как она касалась фактически лишь тех армий, которые уже вели бои с противником на Северо-Западном, Западном и Юго-Западном фронтах. Специальным пунктом директива запрещала нам переходить государственную границу там, где враг не нарушил ее, причем особо указывалось, что наша авиация не должна совершать воздушные налеты на территорию Финляндии. Опять Ленинградский округ мог только ожидать развития событий.

«Взяв всю ответственность на себя, я дал указание форсировать приведение войск в боевую готовность и запросить сведения о положении на флангах округа. Северный флот, которым командовал контр-адмирал А.Г. Головкин, сообщил, что моряки настороже, но у них пока спокойно. Балтийский флот под командованием вице-адмирала В.Ф. Трибуца вел боевые действия на море. Из сухопутных баз на побережье Латвии поступали разноречивые сведения. Однако со стороны устья Невы Ленинграду пока ничто не угрожало. Наконец удалось связаться со штабом Прибалтийского особого военного округа. К телефону подошел заместитель командующего округом Е.П.

Сафронов. Он сообщил, что согласно ранее утвержденному плану войска округа 22 июня должны были проводить боевые стрельбы. Поэтому многие части и подразделения в момент начала войны находились на стрельбищах или по дороге к ним. А те части, которые стояли неподалеку от границы, ведут тяжелый встречный бой с противником. Связь имеется далеко не со всеми, не только со сражающимися частями, но и с находящимися в других пунктах округа. Командующий войсками округа генерал-полковник Ф.И. Кузнецов вчера вечером был близ границы и даже дал дополнительные указания о проведении боевых стрельб. Сейчас же неизвестно, где он находится.

Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР во многих областях, в том числе и Ленинградской, было введено военное положение. Все военные комиссариаты получили приказ призвать в армию военнообязанных четырнадцати возрастов, от 23 до 36 лет включительно. Ленинградским заводам было дано указание широко развернуть военное производство. А пока мы собирали оружие в военкоматах, клубах, спортивных обществах и на окружных складах, налаживали его учет и распределение. Меня особенно беспокоило то, что в округе мало самолетов и танков. В связи с этим группе офицеров штаба округа я поручил подсчитать, чего и сколько может понадобиться округу при различных ситуациях: если Финляндия выступит тотчас, выступит позднее или не выступит совсем; если нам пришлют подкрепление, не пришлют его или мы сами должны будем помогать другим округам и т. д.

В мирное время невозможно предусмотреть все комбинации, которые могут возникнуть после начала войны, особенно когда сама война идет не так, как предполагали. В таких случаях нужно проявлять максимальную) оперативность и перестраивать планы в соответствии с конкретными обстоятельствами.

К вечеру 22 июня положение в Прибалтике не улучшилось. Тем не менее округ наряду с другими округами и фронтами получил третью директиву наркома обороны. Сражавшимся соединениям предписывалось перейти к наступлению и разгромить агрессора. В части, касавшейся нас, говорилось о том, что границу следует держать на замке, не допуская вторжения врага в глубь советской территории».

На Северо-Западном фронте

Утром второго дня войны, получив срочный вызов в столицу, Мерецков, назначенный постоянным советником при Ставке Главного командования, уехал в Москву. А там, вызванный в Кремль на совещание к Сталину, Мерецков был арестован сотрудниками госбезопасности по обвинению в участии в антисоветской военной организации и отправлен во внутреннюю тюрьму НКВД. Показания против него были даны арестованными сослуживцами еще в 1937–1938 годах. Отчаявшись дождаться советского правосудия, Мерецков, обвиняемый по статье 58 (пункт 1), 28 августа 1941 года обратился из Лефортовской тюрьмы с письмом к Сталину, прося направить его на фронт, где он сможет принести пользу в борьбе с врагом.

6 сентября Мерецкова освободили с формулировкой «на основании указаний директивных органов по соображениям особого порядка». Поскольку следственное дело Мерецкова было 25 января 1955 года уничтожено, остается лишь предполагать, что Мерецкова выпустили из тюрьмы по личному указанию Сталина, прочитавшего его письмо, но документов, подтверждающих этот факт, в архивах не найдено. В своих воспоминаниях о нахождении под стражей он ничего не сообщал...

В сентябре 1941 года выпущенный из тюрьмы Мерецков был принят Сталиным, а 9 сентября направлен представителем Ставки Верховного Главнокомандования на Северо-Западный фронт, а через пятнадцать дней возглавил 7-ю Отдельную армию. Ее сложное в то время положение так описывает в своих мемуарах Мерецков: «...когда гитлеровцы пошли на штурм Ленинграда, финны резко усилили нажим на 7-ю армию и рассекли ее войска на три группы. В результате боев центр позиций армии глубоко выгнулся на восток. Находившиеся здесь соединения раздвоились на Южную группу, прикрывавшую устье Свири, и Петрозаводскую. Третья группа была отрезана от основных сил, когда финны прорвались к Кондопоге, и отошла на северо-восток. Там она и осталась под названием Медвежьегорской».

С Медвежьегорской группой из-за дальности расстояния связь осуществлялась слабо. Радиостанций у нас было очень мало. В нужном количестве радиотехника попала в войска гораздо позднее. Связь между двумя другими группами грозила вот-вот прекратиться, так как финны выходили уже на берег Онежского озера в районе селения Шелтозеро. Скорее вывести Петрозаводскую группу из-под удара, чтобы ее не сбросили в воду, и передислоцировать на юг, а там организовать

прочную оборону по реке Свирь – вот что подсказывала обстановка. Действовать надо было немедленно, и я 24 сентября взял командование 7-й армией на себя... Сразу же приступили к решению главной задачи – к организации планомерного отвода войск... Отводя войска, мы старались создать на Свири такую линию обороны, которая стала бы для Карельской армии финнов непреодолимой.

Напор врага был очень сильным. Главнокомандующий финской армией барон Маннергейм, согласовав свои планы с немецкими, поставил перед своими войсками задачу нанести 7-й армии два мощных удара. Один из них, по его расчетам, должен был привести к прорыву через Свирь на юго-запад и соединению с гитлеровцами у Волхова; другой – к прорыву на юго-восток и выходу через район озера Белое к Вологде. С этой целью против 7-й армии противник сначала сосредоточил четыре дивизии и три бригады, а затем перебросил с Карельского перешейка еще одну немецкую пехотную дивизию, четыре финские дивизии и две егерские бригады. Теперь враг наступал силами девяти дивизий и пяти бригад, не считая ряда вспомогательных частей. У нас же ему противостояли четыре стрелковые дивизии, одна дивизия народных ополченцев и два отряда из нескольких полков. Противник значительно превосходил нас и в авиации...

Перегруппировка и отход наших войск были делом не простым. 25 сентября враг захватил селение Половина недалеко от Петрозаводска. Группа войск противника «Олонец» стояла у Лодейного Поля. Вдоль железной дороги на Петрозаводск с юга, через Ладва-Ветка, наступали 7-я пехотная дивизия и двухбригадная группа егерей «Л». В конце сентября вражеские клещи сомкнулись у Петрозаводска, и 2 октября город пал. В то же время враги стали с ходу форсировать Свирь. Они сумели это сделать на нашем правом фланге, где оборонительная линия еще не была готова, и захватили плацдарм в районе от Булаевской до Подпорожья. Затем начались кровопролитные бои, продолжавшиеся три недели. За это время противнику удалось продвинуться всего лишь на 8—15 километров. После этого фронт здесь окончательно стабилизировался и оставался на этом рубеже вплоть до лета 1944 года.

Три месяца вела наша 7-я армия на Ладожско-Онежском перешейке изнурительные бои. Советские войска несли немалые потери, но еще большие потери были у противника. Не добившись поставленной цели, он был вынужден отказаться от осуществления

своих планов и перейти более чем на два с половиной года к обороне. Врагам не удалось взять Ленинград, не удалось создать прочную блокаду вокруг города, не удалось прорваться к Вологде и выйти на оперативный простор южнее Онежского озера. Карельская армия финнов, усиленная немецкими частями, была обескровлена и измотана в сражении».

В ноябре 1941 года Мерецков вступил в командование войсками 4-й отдельной армии, участвовавшей в Тихвинской наступательной операции. Тихвин, районный центр Ленинградской области, был захвачен немецкими войсками, выполнявшими задание Гитлера – стремительной атакой на Тихвин и Волхов окружить Ленинград вторым блокадным кольцом и соединиться на Свири с финской армией.

Маршал Василевский описывал ситуацию так: «Было ясно, что с падением Тихвина появилась угроза прорыва немцев с юга в тыл 7-й отдельной армии, которая на реке Свирь затормозила наступление финнов. Соединение немцев с финнами означало не только двойное кольцо блокады вокруг Ленинграда, но и позволяло фашистскому командованию организовать общее наступление на Вологду. Однако войска 7-й отдельной армии под командованием К.А. Мерецкова, возглавившего по указанию Ставки одновременно и 4-ю армию, сумели стабилизировать положение. Немецкие войска были основательно измотаны изнурительными боями в лесисто-болотистой местности. Растянутые на 350-километровом фронте от Мги через Волхов, Тихвин до Новгорода, они подвергались непрерывным ударам наших войск».

Поэтому и советская Ставка, понимающая роль Тихвина, требовала от Мерецкова освободить город. Мерецков постепенно сжимал вокруг него кольцо окружения, и в три часа ночи на 9 декабря 1941 года Тихвин был освобожден, о чем на следующий день объявило Совинформбюро.

12 декабря Мерецков был вызван в Москву и принят Сталиным. Мерецкову было объявлено, что в целях объединения армий, действующих к востоку от реки Волхов, принято решение о создании Волховского фронта и назначении его командующим. В задачи фронта входило: помешать наступлению противника на Ленинград, а в дальнейшем при участии Ленинградского фронта разгромить врага и прорвать блокаду северной столицы. Мерецков убыл в штаб фронта, и, как он пишет в воспоминаниях, «поздно вечером 17 декабря мы

получили оперативную директиву Ставки, согласно которой войска фронта должны были наносить главный удар в центре, в направлении на Грузино, Сиверскую, Волосово, глубоко обходя Ленинград с юга. Для выполнения этой задачи предназначались 59-я и 2-я ударная армии. Правофланговой 4-й армии предстояло наступать в общем направлении на Кириши, Тосно и во взаимодействии с 54-й армией Ленинградского фронта окружить и уничтожить противника, выдвинувшегося севернее Мги к Ладожскому озеру. Левофланговая 52-я армия получила задачу овладеть Новгородом, а затем, наступая на Сольцы, обеспечивать продвижение Волховского фронта на северо-запад.

Первыми нанесли удар по врагу войска Ленинградского фронта (55-я армия генерал-майора В.П. Свиридова). 20 декабря они атаковали противника с целью выйти в тыл его мгинской группировке, но сумели продвинуться незначительно, после чего перешли к обороне. Позже начали наступательные действия бойцы 54-й армии того же фронта. Оторванная от других армий своего фронта, 54-я не смогла четко взаимодействовать с ними. Ее войскам следовало бы взаимодействовать с войсками нашего фронта, со своими непосредственными соседями, однако нам эта армия не подчинялась.

Но вот передовые части 4-й армии, а немного позже и 52-й, подошли к реке Волхов. В последующие дни они захватили севернее Грузино и в районе устья реки Тигода три небольших плацдарма, которые из-за малых размеров и открытого характера местности не могли служить местом для накопления сил и дальнейшего развития наступления. Атаки с целью расширения этих плацдармов не достигали цели. В свою очередь противнику на восточном берегу реки Волхов удалось удержать за собой два значительных тактических плацдарма: у Киришей и Грузино.

В этой обстановке хотелось приостановить наступление 4-й и 52-й армий, привести их в порядок, пополнить людьми, вооружением и с подходом 59-й и 2-й ударной армий снова атаковать противника. Однако, стремясь как можно быстрее прорвать блокаду Ленинграда, положение которого было исключительно тяжелым, Ставка считала, что наступление войск Волховского фронта должно развиваться без оперативной паузы. От нас неоднократно требовали ускорить подготовку к наступлению всеми силами и как можно скорее преодолеть рубеж реки Волхов. Это требование наиболее ясно было

выражено в директиве Ставки командующему Волховским фронтом от 24 декабря 1941 года. Не довольствуясь директивными указаниями, Ставка в конце декабря направила на Волховский фронт своего представителя Л.З. Мехлиса, который ежечасно подгонял нас.

Декабрь был на исходе, а сосредоточение войск 59-й и 2-й ударной армий затягивалось. К 25 декабря, по плану Генерального штаба, должны были сосредоточиться первые эшелоны этих армий, а прибыла только одна дивизия. Между тем атаки 4-й и 52-й армий становились все слабее и слабее. В первых числах января стало очевидным, что на сосредоточение резервных армий потребуется еще несколько дней. Я испытывал в то время двойное чувство: радость в связи с предстоящим наступлением и тревогу от того, что необеспеченное наступление сорвется, а это обернется тяжелыми последствиями. По моей просьбе срок перехода в наступление всеми силами фронта был перенесен на 7 января 1942 года. Это облегчало сосредоточение, но прорыв с ходу теперь отпадал, так как противник основательно закрепился за рекой и на плацдармах и организовал систему огня. Можно было продолжать операцию, лишь прорвав вражескую оборону.

Все понимали важность предстоявшего наступления и делали все возможное, чтобы как можно лучше подготовиться к нему. Офицеры штаба фронта были направлены в войска. Одни принимали прибывающие соединения и выводили их в районы сосредоточения, другие обеспечивали оборудование исходных позиций, третьи занимались накоплением материально-технических средств. Тем не менее, к назначенному сроку фронт не был готов к наступлению. Причиной явилась опять-таки задержка сосредоточения войск. В 59-й армии прибыли к сроку и успели развернуться только пять дивизий, а три дивизии находились в пути. Во 2-й ударной армии исходное положение заняли немногим больше половины соединений. Остальные соединения, армейская артиллерия, автотранспорт и некоторые части следовали по единственной железной дороге. Не прибыла и авиация...

Не менее важной причиной, препятствовавшей своевременному началу наступления, явилось то, что к началу января 1942 года фронт, по существу, не имел своего тыла. За такой короткий срок существования фронтового объединения мы физически не могли собрать в нужных районах тыловые части и учреждения, организовать пути подвоза и накопить материальные средства. Все снабжение войск

осуществлялось напрямую: центр – армия, минуя фронтовое звено. Для 4-й и 52-й армий это было даже хорошо, но для вновь прибывавших – плохо. Их подвижные запасы находились еще в пути, а фронт пока ничем помочь им не мог.

Накопление боеприпасов и материально-технических средств проходило крайне медленно. К началу января войска имели, помнится, не более одной четверти боекомплекта и совершенно незначительные запасы продовольствия и фуража. Снабжение войск фронта оставалось неудовлетворительным еще продолжительное время. Причин тому было три: нарушение графика подачи снабженческих эшелонов, слишком большая растяжка путей подвоза и почти полное отсутствие автотранспорта. Гужевой транспорт, являвшийся в подготовительный период основным, ввиду больших расстояний от пунктов снабжения до районов сосредоточения не мог справиться даже с подвозом фуража. Один его оборот обычно занимал несколько суток.

Неподготовленность операции предопределила и ее исход. Перешедшие 7 января в наступление войска фронта враг встретил сильным минометным и пулеметным огнем, и наши части вынуждены были отойти в исходное положение. Тут выявились и другие недостатки. Боевые действия показали неудовлетворительную подготовку войск и штабов. Командиры и штабы не сумели осуществлять управление частями и организовать взаимодействие между ними.

Чтобы устранить выявленные недочеты, Военный совет фронта попросил Ставку отложить операцию еще на три дня. Но и этих дней оказалось недостаточно. 10 января между Ставкой и Военным советом фронта состоялся разговор по прямому проводу. Он начался так: «У аппарата Сталин, Василевский. По всем данным, у вас не готово наступление к 11-му числу. Если это верно, надо отложить еще на день или на два, чтобы наступать и прорвать оборону противника».

Чтобы подготовить наступление по-настоящему, требовалось по меньшей мере еще 15–20 суток. Но о таких сроках не могло быть и речи. Поэтому мы с радостью ухватились за предложенную Ставкой отсрочку наступления на два дня. В ходе переговоров выпросили еще один день. Начало наступления, таким образом, было перенесено на 13 января 1942 года.

Между тем, пока шло не в меру затянувшееся сосредоточение наших войск, противник готовился к обороне. Немецкой разведке удалось обнаружить не только подготовку фронта к наступлению, но и довольно точно установить основное направление наступления. Приведу здесь запись из попавшего в наши руки журнала боевых действий группы армий «Север» за январь: «Разведка ясно показывает направление главного удара противника перед фронтом 126-й пехотной дивизии и перед правым флангом 215-й пехотной дивизии. Кроме того, крупные приготовления к наступлению отмечаются возле плацдармов Грузино и Кириши, а также на северо-восточном участке армии, по обе стороны от Погостья».

Получив такие сведения, гитлеровское командование приняло соответствующие меры. Как мы установили из допросов пленных, оно произвело перегруппировку, заменив потрепанные в боях под Тихвином соединения полнокровными. Сильно ослабленные танковые и моторизованные дивизии 39-го моторизованного корпуса, выведенные в район Любани, спешно приводились в порядок, пополнялись людьми и техникой. Фашисты создали оборону значительной глубины.

Когда мы сопоставили собранные разведывательные сведения, стало ясно, что противник ожидал наступления наших войск на хорошо подготовленных позициях, оборудованных системой узлов сопротивления и опорных пунктов, с большим количеством дзотов и пулеметных площадок. Передний край немецкой обороны в основном проходил по западному берегу реки Волхов. Ее зеркало простреливалось плотным косоприцельным и фланговым огнем. По насыпи железнодорожной линии Кириши – Новгород проходил второй оборонительный рубеж. Он представлял собой линию укрепленных населенных пунктов при организованной огневой связи между ними. Все пространство между Волховом и железнодорожной линией было густо покрыто колючей проволокой, завалами, минными и фугасными полями. Оперативную глубину обороны составляла система узлов, оборудованных главным образом в населенных пунктах. Оборона поддерживалась мощной артиллерией и довольно сильной авиацией. Всего перед нашим фронтом насчитывалось тринадцать дивизий противника. Почти все они были полностью укомплектованы, хорошо

подготовлены и обеспечены в достаточном количестве оружием и боеприпасами.

Каков же был Волховский фронт перед наступлением? На его правом крыле стояла 4-я армия, имея ударную группировку на своем левом фланге. Все соединения этой армии, за исключением двух дивизий, были сильно ослаблены предыдущими боями и едва насчитывали по 3500–4000 человек. Кроме того, не хватало артиллерии, минометов, автоматического оружия. Неукомплектованность частей и соединений, а также недостаток оружия не давали армии преимущества над противником. Левее нее развернулась 59-я армия, имея ударную группировку против вражеского плацдарма у Грузино. Примерно половина ее соединений, ранее участвовавших в боях, была значительно ослаблена. И все же по составу эта армия являлась самой сильной. 2-я ударная армия имела преимущественно бригадную организацию. Она состояла из одной стрелковой дивизии и семи стрелковых бригад, развернутых по восточному берегу реки Волхов, а по численности равнялась лишь стрелковому корпусу. Опыта ведения боевых действий у нее еще не было. Наконец, от левого фланга 2-й ударной армии до озера Ильмень располагалась 52-я армия с ударной группировкой на своем правом фланге. Ее дивизии ощущали большой некомплект в личном составе и нехватку артиллерии, минометов и автоматического оружия.

В резерве фронта стояли две сильно ослабленные кавалерийские дивизии и четыре отдельных лыжных батальона. Второго эшелона фронт вообще не имел. Наращивать первоначальный удар с целью развития успеха в глубине обороны противника и наносить завершающий удар было нечем. Все надежды мы возлагали на ту общевойсковую армию, которую Ставка обещала выделить для нас из своего резерва к моменту переправы войск фронта на противоположный берег реки Волхов.

Главные усилия фронт сосредоточивал в направлении шоссе и железной дорог Москва – Ленинград. Преимущество этого направления перед другими состояло в том, что оно имело лучшие пути и выводило прямо к Ленинграду. Ставка была права, нацеливая нас на это направление. Но в то же время я знал, что это направление противником было укреплено лучше других. Здесь враг имел долговременные огневые точки и держал основную массу артиллерии.

Река Волхов с широкими и открытыми поймами хотя и замерзла, но без надежного подавления огневых средств противника представляла собой труднопреодолимое препятствие. Наши же артиллерийские и авиационные возможности были недостаточными.

Общее соотношение сил и средств к середине января складывалось, если не учитывать танковых сил, в пользу наших войск: в людях – в 1,5 раза, в орудиях и минометах – в 1,6 и в самолетах – в 1,3 раза. На первый взгляд это соотношение являлось для нас вполне благоприятным. Но если учесть слабую обеспеченность средствами вооружения, боеприпасами, всеми видами снабжения, наконец, подготовку самих войск и их техническую оснащенность, то наше «превосходство» выглядело в ином свете. Формальный перевес над противником в артиллерии сводился на нет недостатком снарядов. Какой толк от молчащих орудий? Количество танков далеко не обеспечивало сопровождение и поддержку даже первых эшелонов пехоты. 2-я ударная и 52-я армии вообще к началу наступления не имели танков. Мы уступали противнику и в качестве самолетов, имея в основном истребители устаревших конструкций и ночные легкие бомбардировщики По-2.

Наши войска уступали врагу в техническом отношении вообще. Немецкие соединения и части по сравнению с нашими имели больше автоматического оружия, автомобилей, средств механизации строительства оборонительных сооружений и дорог, лучше были обеспечены средствами связи и сигнализации. Все армии фронта являлись у нас чисто пехотными. Войска передвигались исключительно в пешем строю. Артиллерия была на конной тяге. В обозе преимущественно использовались лошади. В силу этого подвижность войск была крайне медленной».

Катастрофа под Мясным Бором

13 января 1942 года советские войска перешли в наступление. Авангарды 2-й ударной армии пересекли реку Волхов и освободили несколько населенных пунктов. Через неделю вышли ко второму оборонительному рубежу немцев, располагавшемуся вдоль железной и шоссейных дорог Чудово – Новгород, но захватить его с ходу не

удалось. После трех дней боев армии все же удалось прорвать вражескую полосу обороны и овладеть Мясным Бором.

И тут начинается история трагедии 2-й ударной армии, до сих вызывающей споры специалистов, кто же был из советских командующих виноват в ее разгроме.

В начале апреля 1942 года Мерецков направил своего заместителя (с 8 марта – заместителя командующего войсками Волховского фронта) генерал-лейтенанта А.А. Власова во главе специальной комиссии Волховского фронта во 2-ю ударную армию для оценки положения дел в ней. В течение трех дней комиссия собирала информацию, а потом вернулась в штаб фронта, где 8 апреля и был зачитан доклад о найденных в частях недостатках. Во 2-й армии остался А.А. Власов – ее командир генерал Н.К. Клыков серьезно заболел и был отправлен на самолете в тыл. А вскоре Совет Волховского фронта во главе с Мерецковым поддержал идею назначить Власова командующим – поскольку у него был опыт выведения войск из окружения.

Сам Мерецков его деятельность оценивает невысоко: «Как он вел себя в течении полутора месяцев, когда являлся моим заместителем... Этот авантюрист, начисто лишенный совести и чести, и не думал об улучшении дела на фронте. С недоумением наблюдал я за своим заместителем, отмалчивавшимся на совещаниях и не проявлявшим никакой инициативы. Мои распоряжения Власов выполнял очень вяло. Во мне росли раздражение и недовольство. В чем дело, мне тогда было неизвестно. Но создавалось впечатление, что Власова тяготит должность заместителя командующим фронтом, лишенная ясно очерченного круга обязанностей, что он хочет получить «более осязаемый» пост...»

Но и Власов уже в немецком плену высказался о Мерецкове достаточно критично: «Эгоист... Очень нервная, рассеянная личность. Спокойная беседа между командующим фронтом и командующими армиями была почти невозможна».

Как известно, Мерецков пытался деблокировать окруженную в районе Мясного Бора 2-ю ударную армию. 21 июня 1942 года был пробит узкий, меньше километра шириной, коридор, который удалось удержать два дня, а потом, после продолжительных боев, к утру 24 июня открыть вновь. Но уже через день спасительный коридор был окончательно перекрыт. Из окружения успело выйти около

шестнадцать тысяч человек, после чего разразилась печально известная катастрофа под Мясным Бором.

Путь в Норвегию

8 июля 1942 года Мерецков снова был назначен командующим войсками Волховского фронта. В 1943 году войска под командованием Мерецкова отличились при прорыве блокады Ленинграда в ходе операции «Искра». В январе 1944 года Волховский фронт сыграл большую роль в победе в Ленинградско-Новгородской операции.

20 февраля Волховский фронт был упразднен, а Мерецков получил назначение командующим войсками Карельского фронта. Как пишет в своих воспоминаниях Мерецков, «Ставка сформулировала в общих чертах стоявшую перед Карельским фронтом задачу: за летне-осеннюю кампанию 1944 года освободить Карелию и очистить от немецко-фашистских войск Петсамскую (Печенгскую) область в ходе широких наступательных действий. Так как Карельский фронт длительное время стоял в обороне и в связи с этим его войска и командиры не имеют опыта крупных наступательных операций, то наряду со сменой командования Ставка решила перебросить в Карелию еще и Управление Волховским фронтом. Приход новых и опытных сил должен был активизировать боевые действия. Командующему же надлежало как можно скорее разобраться в обстановке, изучить наступательные возможности фронта и к концу февраля представить свои соображения по разгрому немецко-финских войск.

На Мурманском направлении действовала 14-я армия, на Кандалакшском – 19-я, на Ухтинском – 26-я, на Медвежьегорском – 32-я, по реке Свирь стояла 7-я армия. Позиции армий перехватывали в основном дороги и прилегающие к ним полосы местности, удобные для движения войск или маневрирования. А между ними пролегали обширные безжизненные пространства, покрытые дикими скалами, девственными лесами и топкими болотами. Через эти «ничейные» земли разведывательные подразделения проникали в тыл, нападали на вражеские коммуникации, штабы и узлы связи, взрывали склады и собирали информацию. На северном участке фронта (Мурманское, Кандалакшское и Ухтинское направления) против наших войск действовали немецкие корпуса 20-й лапландской армии. На юге нам

противостояли финляндские войска». Успешно проведя Свирско-Петрозаводскую операцию и Петсамо-Киркенесскую операцию, нанеся поражения финским и немецким войскам на Северном направлении, Мерецков заставил Финляндию начать мирные переговоры с СССР. 26 октября 1944 года Мерецкову были присвоено высшее воинское звание – Маршала Советского Союза. Закончил он Великую Отечественную войну на территории Норвегии, был награжден высшими орденами этой страны.

В апреле 1945 года Мерецков был назначен командующим Приморской группой войск на Дальнем Востоке, в июле – стал командующим 1-м Дальневосточным фронтом, нанеся главный удар по японским войскам в Маньчжурии. Участвовал во главе сводного полка Карельского фронта в Параде Победы. В сентябре 1945 года стал командующим войсками Приморского военного округа. Позже был командующим войсками Московского, Беломорского, Северного военных округов. 15 августа 1955 года назначен помощником министра обороны СССР по высшим военно-учебным заведениям.

Умер Кирилл Афанасьевич Мерецков 30 декабря 1968 года.

Иван Баграмян. Теоретик и практик наступлений

Иван Христофорович Баграмян родился 20 ноября (2 декабря) 1897 года в селе Чардахлы Елизаветпольской губернии. Учился поначалу в церковно-приходской школе, потом в железнодорожном училище. Как вспоминал он сам, «...с большим старанием и усердием учился в двухклассном ж. д. училище, а затем при большом материальном напряжении для родителей – в Тифлисском ж. д. техническом училище. Оба училища окончил с отличными оценками». Вскоре после окончания учебы Баграмян добровольно пошел в армию, служил в пехоте, а затем в Кавказском запасном кавалерийском полку. В 1917 году окончил школу прапорщиков.

В декабре 1920 года вступил в Армянскую Красную армию. Когда завершилась Гражданская война, Баграмян окончил курсы усовершенствования комсостава, а в 1923 году стал командиром Ленинанканского кавалерийского полка. Через год получил направление в Высшую кавалерийскую школу в Ленинграде, где учился вместе с Георгием Жуковым, Константином Рокоссовским, Андреем Ерёмченко...

На этом его образование не завершилось – в начале 1930-х Баграмян успешно окончил курсы усовершенствования высшего начсостава и поступил в Военную академию им. М.В. Фрунзе.

Занимал должность начальника штаба 5-й кавалерийской дивизии в Киевском военном округе. Благополучно пережил период чисток и репрессий – есть мнение, что это произошло благодаря заступничеству Микояна. Полковник Баграмян в 1936 году оказался в числе первых слушателей Академии Генерального штаба, а после окончания был оставлен в ней, как преподаватель кафедры тактики высших соединений.

Тревожное ожидание

В своих воспоминаниях, а именно в книге «Так начиналась война», Баграмян писал, что преподавательская работа довольно быстро стала его тяготить: «...как кочевника тянет в путь с насиженного места, так и

меня, большую часть жизни проведшего в гуще кипучей армейской жизни с ее непрерывными учениями и походами, неудержимо потянуло в привычную стихию». Имело значение и то, что преподаватели не могли похвастаться карьерным ростом, «в то время как в войсках их ученики совершали головокружительные взлеты». Один из старинных друзей, выслушав сетования Баграмяна на кабинетную жизнь, посоветовал ему обратиться за помощью к однокашнику по Высшей кавалерийской школе – генералу Жукову, только что назначенному командующим в Киевский военный округ. Баграмян написал Жукову письмо: «Вся армейская служба прошла в войсках, имею страстное желание возвратиться в строй... Согласен на любую должность».

Вскоре он получил ответ о своем назначении на должность начальника оперативного отдела штаба 12-й армии Киевского особого военного округа. Одним из первых дел, которым ему пришлось заняться на новом месте, была подготовка доклада для намеченного на декабрь 1940 года совещания высшего командного состава Красной армии. Жуков должен был выступить там с докладом «Характер современной наступательной операции».

– Догадался захватить с собой академические разработки? – спросил он Баграмяна.

– Захватил, товарищ командующий.

– Ну вот, – оживился Жуков, – поможешь в подготовке доклада.

«Все должно строиться на учете реальных возможностей, – говорилось в докладе. – Успехи немцев на Западе, основанные на массированном применении танковых и моторизованных войск и авиации, заставляют о многом задуматься. У нас, к сожалению, пока нет таких крупных оперативных механизированных соединений. Наши механизированные корпуса находятся еще только в стадии формирования. А война может вспыхнуть в любую минуту. Мы не можем строить свои оперативные планы, исходя из того, что будем иметь через полтора-два года. Надо рассчитывать на те силы, которыми наши приграничные округа располагают сегодня».

В то время в СССР господствовала доктрина наступательной войны. Даже во Временном Полевом уставе РККА, принятом в 1936 году и действовавшем даже в начале Великой Отечественной войны, были такие слова: «Всякое нападение на социалистическое государство

рабочих и крестьян будет отбито всей мощью вооруженных сил Советского Союза, с перенесением военных действий на территорию врага. Боевые действия Красной армии будут вестись на уничтожение». А в проекте Полевого устава, который должен был заменить этот временный, то же самое выразалось еще резче: «Если враг навяжет нам войну, Рабоче-Крестьянская Красная армия будет самой нападающей из всех когда-либо нападающих армий. Войну мы будем вести наступательно, с самой решительной целью полного разгрома противника на его же территории».

Баграмян отмечал, что оперативный отдел штаба 12-й армии тогда, в октябре 1940 года, состоял преимущественно из молодых офицеров, можно сказать, недавних курсантов. «С началом второй мировой войны Красная армия росла столь бурно, – пояснял он, – что даже крупные штабы приходилось пополнять вчерашними лейтенантами. Сделать из них опытных операторов могло лишь время да упорная учеба».

Баграмян инспектировал войска, размещенные в приграничных районах Западной Украины, в Карпатах. Ожидание войны было главным фактором, определяющим и ход боевой подготовки, и настроение мирных местных жителей. И первый вопрос, который задавали «пану командиру» крестьяне – будет ли война? «Я составил подробный отчет о поездке. Отметил отдельные недостатки, положительно отозвался о боевой выучке частей. Горячо настаивал на скорейшем переформировании ряда стрелковых дивизий нашей армии в горнострелковые. Вспоминаю сейчас об этом с горечью: с началом войны нашим горнострелковым дивизиям пришлось сражаться на равнине. Труд по их переформированию был затрачен впустую...»

В ноябре 1940 года Баграмян стал начальником оперативного отдела, заместителем начальника штаба КОВО. Новый 1941 год начался для него и всех его сослуживцев под знаком того же тревожного ожидания и надежд, что открытого столкновения с Германией всё же пока не произойдет. Но ни весна, ни начавшееся лето не принесли успокоения, скорее наоборот: «Нарастал поток тревожных донесений из армий. Среди запросов, полученных 19 июня, мне запомнилась телеграмма нового командующего 12-й армией генерала Понеделина. Он спрашивал командующего, в каких случаях зенитная артиллерия может открыть огонь, если немецкие самолеты вторгнутся в

наше воздушное пространство. Генерал Кирпонос приказал начальнику штаба ответить так: «Огонь можно открывать:

- а) если будет дано особое распоряжение Военного совета округа;
- б) при объявлении мобилизации;
- в) при вводе в действие плана прикрытия, если при этом не будет особого запрещения;
- г) Военному совету 12-й армии известно, что мы огонь зенитной артиллерией по немецким самолетам в мирное время не ведем».

В тот же день была получена телеграмма из Москвы, предписывавшая создать фронтовое управление и к 22 июня перебросить его в Тарнополь.

«У нас уже все было продумано заранее. По нашим расчетам, все фронтовое управление перевезти автотранспортом было не только трудно, но и слишком заметно. Поэтому было решено использовать и железную дорогу. Командующий округом приказал железнодорожный эшелон отправить из Киева вечером 20 июня, а основную штабную автоколонну – в первой половине следующего дня».

– А как насчет войск? – поинтересовался Баграмян у начальника штаба.

– Пока поступило распоряжение лишь относительно окружного аппарата управления. А вам нужно, не теряя времени, подготовить всю документацию по оперативному плану округа, в том числе и по плану прикрытия госграницы, и не позднее двадцать первого июня поездом отправить ее с надлежащей охраной в Генеральный штаб. После этого вместе со своим отделом выедете вслед за нами на автомашинах, чтобы не позднее семи часов утра двадцать второго июня быть на месте в Тарнополе.

Битва за Киев

Исполняя этот приказ, Баграмян тронулся в путь со штабной колонной, но из-за технических неисправностей и иных непредвиденных помех темп движения оказался медленнее, чем рассчитывали, поэтому раннее утро рокового 22 июня застало колонну у городка Броды. «Возвратившись в голову колонны, я собирался уже подать сигнал «Вперед», как вдруг в воздухе над Бродами послышался гул. Все подняли головы, взглядываясь в небо. Мы знали, что здесь у нас

аэродром, на котором базируются истребители и штурмовики. Что-то рано наши летчики начали свой трудовой день...

Но слышались гулкие взрывы. Земля под ногами вздрогнула. Кто-то закричал:

– Смотрите! Смотрите! Пожар!..

За Бродами поднимались клубы дыма. Наметанный глаз автомобилистов определил: загорелся склад с горючим. Все замерли в тревожном молчании. Обожгла мысль: «Неужели война?!»

Последние сомнения покинули нас, когда мы увидели самолеты с черной свастикой на плоскостях...»

В первый день войны одной из острых проблем стало отсутствие связи между подразделениями. Обустроив командный пункт в Тарнополе, конечно же, предусмотрели несколько каналов связи – телефон, телеграф, радио, – однако все они были рассчитаны на стационарные линии, которые были сразу же нарушены. Это означало отсутствие информации о том, что на самом деле происходит на переднем крае. А учитывая крепко укоренившуюся установку на то, что война будет вестись малой кровью и на чужой территории, – первый день войны был отмечен иллюзиями, что атакующие силы вермахта можно отбросить к границе немедленно. Отсюда и директива, предписывавшая обрушиться на врага всеми силами...

Сил не хватало. И чем больше информации о происходящем стекалось в штаб Юго-Западного фронта, в который был преобразован Киевский военный округ, тем очевиднее это становилось. «По-видимому, Ставка уже не рассчитывала, что у нас хватит сил разгромить ударную группировку группы армий «Юг» и пробиться к границе, – вспоминал Баграмян. – Об этом свидетельствовала и телеграмма с требованием передать командирам 87-й и 124-й стрелковых дивизий, которые все еще продолжали сражаться у границы, приказ: «Оставить технику, закопав ее, и с ручным оружием пробиваться лесами на Ковель».

Баграмян занимал в первый период войны должность начальника оперативного отдела штаба Юго-Западного фронта. Он принимал участие в организации первых крупных контрударов советских мехкорпусов в районе Дубно, Ровно и Луцка. Но тем не менее остановить продвижение немецкой армии не удалось даже на старой

границе. 6 июля 1941 года 1-я танковая группа фон Клейста пробила брешь в советской обороне на линии прежних укрепрайонов.

«Прибыли в Бровары часов в 9 утра, когда штаб фронта уже несколько успел обжиться на новом месте, – писал в мемуарах Баграмян. – В отделах и управлениях шла напряженная работа. Все были чем-то встревожены.

– Что случилось? – спросил я.

– Фашистские танки у Киева!

Да, невеселые дела. Мы давно уже знали о прорыве фронта, но весть о появлении фашистских танков у Киева подействовала на нас угнетающе. А каково будет услышать это жителям города... Ведь они считали (так оно и было в действительности), что в последние дни ожесточенные бои шли вдали от Киева, на линии старых укрепленных районов...

– Какие немецкие части подошли к городу? – спросил командующий.

– Пока установлена тринадцатая танковая дивизия.

– По Житомирскому шоссе отмечается непрерывное выдвижение танковых колонн к Киеву, – вставил генерал Астахов.

– По-видимому, это остальные дивизии третьего моторизованного корпуса из танковой группы Клейста, – предположил Пуркаев».

Киевская стратегическая оборонительная операция оказалась неудачной. Решение Ставки об отводе войск долго не принималось, более того, Сталин и слышать не хотел о том, чтобы оставить Киев. «Фашисты не сумели на плечах отходивших дивизий 64-го стрелкового корпуса прорваться к Киеву. Тогда они подтянули тяжелую артиллерию, сосредоточили на узком фронте ударную группировку генерала Обстфельдера в составе более четырех дивизий, усиленных значительным количеством танков, и 4 августа возобновили наступление на Киевский укрепрайон с юго-запада и юга. На поддержку своих сухопутных частей генерал Рейхенау бросил довольно сильную группировку бомбардировщиков».

Прорыв из окружения

Но в конечном итоге, отступление было разрешено, однако это распоряжение опоздало. В окружение попали не только сразу четыре

армии, но и все руководство Юго-Западного фронта. Эту трагическую эпопею Баграмян впоследствии описал во всех подробностях. Сам он был с докладом в штабе Юго-Западного направления, но вернулся к своим окруженным войскам на самолете. «Военный совет и штаб фронта тронулись в путь в ночь на 18 сентября. Было решено пробиваться через Лохвицу. Для большей маневренности управление фронта разделялось на два эшелона. Автор этих строк следовал в первом эшелоне, в который входили Военный совет, основная часть штаба, политуправление, начальники родов войск и служб. Из деревни Верхояровка взяли курс на Пирятин, где был мост через реку Удай».

Окруженные войска постоянно подвергались атакам немецкой авиации, и хотя потери были незначительными, но, по словам Баграмяна, в ходе одного из налетов было потеряно последнее средство связи с подразделениями и штабом главкома – бомба уничтожила радиостанцию.

Наконец, стала очевидной необходимость решительного броска к своим. «В одной из хат Кирпонос собрал руководящий состав, оказавшийся в Городище. Генерал Тупиков доложил обстановку. Враг обступает со всех сторон. По южному берегу реки Удай, у устья которой мы находимся, немцы укрепляют оборону фронтом на север; восточный берег реки Многа занимают танковые и моторизованные части Гудериана; к северу и северо-западу от нас все крупные населенные пункты тоже захвачены противником».

Решено было идти на прорыв, причем Баграмяну приказано было возглавить одну из групп прикрытия, взяв под свое начало роту НКВД. «...Построил свое войско. Сто пятьдесят молодцов – залюбуешься: бравые, подтянутые. Мне, пожалуй, повезло больше всех – в моем распоряжении был настоящий боеспособный отряд. Я взял с собой и большинство офицеров нашего оперативного отдела – образовал отделение управления».

Но внезапно Кирпонос вновь подозвал Баграмяна и сказал:

– Из Мелехи выступил крупный отряд фашистских мотоциклистов. Форсировав реку Многа, он сбил наши подразделения, занимавшие вот те высоты, и вот-вот может прорваться сюда. Немедленно разверните свой отряд и атакуйте противника. Ваша задача: овладеть грядой этих высот, захватить мост через реку и двигаться на Сенчу. Выполняйте!

Баграмян бросился к своему отряду, наскоро объяснил задачу и быстро повел их в атаку на восточные холмы. «Завидя нас, с земли поднимаются люди. Это бойцы подразделений, вытесненных с холмов противником. Обрадованные, они вливаются в наши цепи. Отряд растет, как снежный ком. Слышу громкий крик:

– Товарищи, с нами генерал! Вперед!

Вот мы и на вершине холма. То, что не доделала пуля, довершают штык и приклад. Гитлеровцев полегло много... К счастью, фашисты не успели взорвать мост. Он в наших руках. Темно уже, но кругом пылают стога сена. Это прекрасный ориентир для наших главных сил. Но они что-то медлят...»

Какое-то время Баграмян еще ждал, собирая в свой отряд многочисленных окруженцев из разных подразделений. Но вот вернулся посланный для связи с командующим офицер, который доложил, что за авангардом никто не следует. Штабная колонна ушла в другом направлении. «Ничего не могу понять. Но нам приказано двигаться на Сенчу, и мы пойдем туда. Возможно, штаб фронта следует туда другой дорогой. Миновать Сенчу он не может: там мост через Сулу».

После нескольких суток опасного пути по тылам противника и ничейной земле возглавляемый Баграмяном сводный отряд благополучно добрался до своих. «В Гадяче мы пытались узнать о судьбе штабной колонны, с которой мы разминулись. Но никто ничего определенного сказать не мог». Судьба командующего и остальных стала известна Баграмяну только позднее, когда он встретился с собственным заместителем подполковником И.С. Глебовым и другими товарищами по штабу фронта. На вопрос, почему колонна штаба фронта замешкалась в Городищах и не последовала за передовым отрядом, Глебов с некоторым удивлением отозвался:

– А разве генерал Кирпонос не предупредил вас? Ведь он же рассчитывал демонстративной атакой вашего отряда в направлении Сенчи лишь отвлечь внимание противника. Колонна тем временем должна была двинуться на север и форсировать Многу у деревни Вороньки...

Далее Глебов рассказал, что начало было удачным. Колонна прошла вдоль правого берега Многи, были захвачены Вороньки, успешно проведена переправа. На рассвете 20 сентября окруженцы

оказались у хутора Дрюковщина, что в 15 км на юго-запад от Лохвицы. Остановились на дневку в роще Шумейково. В колонне штаба фронта находились генерал-полковник М.П. Кирпонос, члены Военного совета фронта М.А. Бурмистенко, дивизионный комиссар Е.П. Рыков, генерал-майоры В.И. Тупиков, Д.М. Добыкин, А.И. Данилов, В.В. Панюхов, командующий 5-й армией генерал-майор М.И. Потапов, члены Военного совета этой армии дивизионный комиссар М.С. Никишев, бригадный комиссар Е.А. Кальченко, начальник штаба армии генерал-майор Д.С. Писаревский...

«Рощу рассекал овраг. Транспорт и люди рассредоточились по его кромке. Боевые машины заняли позиции на опушке. К сожалению, по-прежнему давала себя знать недостаточная организованность отряда. Оборону заняла лишь охрана Военного совета фронта, которую возглавлял подполковник Глебов, и охрана штаба 5-й армии во главе с майором Владимирским. Многие офицеры разбрелись по хатам хутора, чтобы умыться, раздобыть продуктов и немного отдохнуть».

Но немцы уже обнаружили место расположения штабной колонны. Вскоре и дозорные, и догнавшие колонну отставшие по пути солдаты докладывали об одном – со всех сторон идут танки, приближаются мотоциклисты и пехота. «Минут через двадцать враг атаковал рощу с трех сторон. Танки вели огонь из пушек и пулеметов, за ними шли автоматчики. В гром и треск вплетались редкие выстрелы наших пушек – их было мало, да и приходилось беречь каждый снаряд».

Командующий Кирпонос погиб в том бою – он был смертельно ранен во время минометного обстрела и через несколько минут скончался. Когда стемнело, генерал Тупиков повел людей на прорыв – шли молча, без выстрелов, практически сразу врукопашную. Прежде чем окружавшие злосчастную рощу немцы успели понять, что происходит, части окруженных удалось вырваться из кольца. Среди прорвавшихся был и подполковник Глебов, рассказывавший об этом Баграмяну. Но многие погибли в ту ночь, подобно генералу Тупикову, или в бою, продолжавшемся около рощи еще сутки.

Зимние контрудары 1941-го

6 ноября 1941 года И.Х. Баграмян был награжден своим первым орденом Красного Знамени. Во время битвы за Москву он занимался

разработкой и осуществлением успешного контрудара в районе Ельца, когда была стремительно прорвана оборона немцев, захвачена техника и пленные. В своих мемуарах Баграмян описывал весьма колоритные эпизоды: «Немецкий капитан так промерз, что продолжал трястись мелкой дрожью даже в жарко натопленном помещении. Одет он был весьма импозантно: на хромовые сапоги натянуты чехлы, сшитые из овчины, поверх офицерской фуражки – пуховый платок.

– Вы что, капитан, в таком виде и перед своим начальством являетесь? – с едва заметной усмешкой спросил Костенко.

Выслушав перевод, капитан стал торопливо развязывать платок. Долго путался с крепко затянутым узлом. Стащив наконец платок и скомкав его, капитан извинился: он так внезапно оказался в плену, что никак не может прийти в себя... Не прошло и двух часов, и не только из гвардейской дивизии, но и из кавалерийского корпуса, как из рога изобилия, потекли донесения об освобождении одного населенного пункта за другим».

Было проведено и контрнаступление Красной армии в районе Ростова-на-Дону, в ходе которого город был освобожден. 27 декабря 1941 года Баграмян был присвоено звание генерал-лейтенанта, и он был назначен начальником штаба Юго-Западного направления. В этом качестве он участвовал в подготовке Барвенково-Лозовской операции, которая позволила войскам Юго-Западного и Южного фронтов в начале 1942 года прорвать немецкую оборону на фронте протяженностью 100 км и продвинуться на сотню километров западнее.

«Тов. Баграмян не удовлетворяет Ставку...»

Но весной 1942 года, после того как в апреле Баграмян был при сохранении прежней должности назначен и начальником штаба Юго-Западного фронта, удача отвернулась от него. Он был одним из тех, кто разрабатывал Харьковскую наступательную операцию, стоившую Красной армии многих жертв. Хотя поначалу наступление разворачивалось вполне благополучно, но контрудар, нанесенный немцами, оказался сокрушительным. «В 13 часов на командном пункте фронта раздался очередной телефонный звонок, и я услышал в трубке встревоженный голос Кирилла Семеновича, – описывал происходившее тогда Баграмян. – Он докладывал, что противник при мощной

поддержке авиации наносит контрудар крупными силами танков во фланг наступающим войскам армии в общем направлении на Старый Салтов. Как выяснилось позже, гитлеровцы сумели сосредоточить в течение ночи и первой половины дня 13 мая две подвижные группировки для нанесения контрудара по 38-й армии».

В одну из упомянутых Баграмяном группировок входили 3-я танковая дивизия и два полка 71-й пехотной дивизии, наносившие удар со стороны села Приволье. А вторая группировка в составе 23-й танковой дивизии и одного полка 44-й пехотной дивизии атаковала удар со стороны Запорожного. Каждая из группировок имела порядка 150–200 танков, которые шли в сопровождении пехоты и при массовой поддержке авиации. Ударная группа 38-й армии не выдержала такого натиска и была отброшена на восточный берег реки Большая Бабка.

После войны Баграмян уделил немало внимания анализу причин провала Харьковской операции: «Общая глубина обороны не превышала 3–4 километров, особенно слабо была организована противотанковая оборона. Все это позволило противнику относительно быстро сломать сопротивление армии и легко проникнуть в ее оперативную глубину. Штаб Южного фронта не уделил должного внимания разведке и не смог правильно оценить группировку противника и его намерения.

Наконец, – и это, пожалуй, главное, – по инициативе генерала Ф.М. Харитонова, одобренной командующим фронтом, без разрешения главнокомандующего войсками направления в период с 7 по 15 мая была проведена не отвечающая обстановке частная операция в полосе 9-й армии, целью которой было овладение сильно укрепленным узлом сопротивления в районе Маяков. Для ее осуществления были привлечены значительные силы, в том числе почти все армейские резервы и 5-й кавалерийский корпус, составлявший резерв фронта».

Все эти резервы, писал Баграмян, прежде всего, предназначались для отражения возможного прорыва противником обороны 9-й армии на барвенковском направлении. В результате и сама операция в районе Маяков оказалась безуспешной, и резервы, привлеченные для ее проведения, понесли большие потери, а самое главное – они не успели перегруппироваться и занять место для обороны к началу наступления подразделений фон Клейста.

«Очень прискорбно, но мы узнали о мощном ударе врага на южном фланге барвенковского выступа лишь вечером 17 мая, – утверждал Баграмян. – Командование Южного фронта, потеряв связь с подчиненными войсками, более или менее разобралось в обстановке и сообщило о ней главному только к исходу дня. К этому времени своим танковым кулаком Клейст не только завершил прорыв нашей тактической обороны, но и добился успехов оперативного значения».

Харьковская катастрофа открыла немецкой армии путь на Кавказ и к Сталинграду.

Юго-Западное направление было ликвидировано. Разгневанный Верховный Главнокомандующий обвинил Баграмяна в провале операции. От трибунала и приговора его спас Жуков, напомнивший Сталину о том, что в провале Харьковской операции виноваты также и Ставка, и Генштаб. Учитывая, что Жуков в начале года неоднократно возражал против неподготовленного наступления в целом и Харьковской операции в частности, однако Ставка и лично Сталин настояли на своем, сейчас к мнению будущего маршала Победы прислушались. За другого военачальника, обвиненного в срыве операции, – генерал-майора Харитонов, чьи войска оказались на самом острие атаки, когда группировка фон Клейста двинулась в наступление, заступился Василевский. Он, по его собственным словам, «...зная всю историю этой операции и истинные причины ее неудач, доложил Сталину, что вина Харитонова в данном случае является относительной, и просил не только не отдавать его под суд, а как хорошего военачальника назначить командующим войсками армии».

Тем не менее, Сталин отправил руководству Юго-Западного фронта беспощадное письмо: «Мы здесь в Москве – члены Комитета Обороны и люди из Генштаба решили снять с поста начальника штаба Юго-Западного фронта тов. Баграмяна. Тов. Баграмян не удовлетворяет Ставку не только как начальник штаба, призванный укреплять СВЯЗЬ И РУКОВОДСТВО армиями, но не удовлетворяет Ставку и как простой информатор, обязанный честно и правдиво сообщать в Ставку о положении на фронте.

Более того, т. Баграмян оказался неспособным извлечь урок из той катастрофы, которая разразилась на Юго-Западном фронте. В течение каких-либо трех недель Юго-Западный фронт, благодаря своему легкомыслию, не только проиграл наполовину выигранную

Харьковскую операцию, но успел еще отдать противнику 10–20 дивизий. Это катастрофа, которая по своим пагубным результатам равносильна катастрофе с Ренненкампом и Самсоновым в Восточной Пруссии. После всего случившегося тов. Баграмян мог бы при желании извлечь урок и научиться чему-либо. К сожалению, этого пока не видно. Теперь, как и до катастрофы, связь штаба с армиями остается неудовлетворительной, информация недоброкачественная...

Тов. Баграмян назначается начальником штаба 28-й армии. Если тов. Баграмян покажет себя с хорошей стороны в качестве начальника штаба армии, то я поставлю вопрос о том, чтобы дать ему потом возможность двигаться дальше. Понятно, что дело здесь не только в тов. Баграмяне. Речь идет также об ошибках всех членов Военного совета и, прежде всего, тов. Тимошенко и тов. Хрущёва. Если бы мы сообщили стране во всей полноте о той катастрофе с потерей 18–20 дивизий, которую пережил фронт и продолжает еще переживать, то я боюсь, что с Вами поступили бы очень круто...»

Полоса неудач для Баграмяна продолжалась – 28-я армия действовала под Россошью, к моменту появления Баграмяна состояние ее было плохим, в результате 7 июля 1942 года немцы заняли Россошь без особого труда. Баграмян снова чудом избежал трибунала и был отправлен на Западный фронт в качестве заместителя командующего 61-й армии. Вскоре, 13 июля 1942 года, он сменил назначенного командующим фронтом К.К. Рокоссовского на посту командующего 16-й армией.

16-я армия осенью и зимой 1942–1943 годов вела боевые действия вполне успешно, хотя и ей приходилось нелегко. «Внезапно, враг прорвал оборону соседней с нами 61-й армии в ее центре и продвинулся к северо-западу на 25 километров, выйдя к реке Жиздра на участке Восты, Бело-Камень. Три стрелковые дивизии генерала П.А. Белова оказались отрезанными от основных сил. Одновременно другая группировка вражеских войск нанесла удар на участке нашей левофланговой 322-й стрелковой дивизии, оборонявшей рубеж по реке Рессета протяжением 17–18 километров, фронтом на запад. Удар этот пришелся по обоим флангам соединения. Враг, как видно, стремился в последующем выйти к реке Жиздра и сомкнуться со своей основной ударной группировкой, действовавшей против армии П.А. Белова. Воины 322-й оказали врагу упорное сопротивление. Мы ввели

армейские резервы, и все же противнику ценой больших потерь удалось выйти к Жиздре на участке Гретня, Восты. 322-я стрелковая дивизия потерпела значительный урон, но окружения избежала, отойдя на реку Жиздра».

В августе 1942 года удалось отбить наступление немецких сил, а в феврале – марте 1943 года – провести Жиздринскую наступательную операцию, в ходе которой была прорвана мощная оборона в районе города Жиздры. Среди прочих воспоминаний о том периоде Баграмян особо выделял в своих мемуарах встречу с лучшими снайперами Западного фронта: «Многие из бойцов на этом слете подробно и интересно рассказывали о приемах «охоты» за фашистами. Как правило, каждый снайпер, прежде чем выйти на задание, тщательно готовился... Выступавшие на слете снайперы демонстрировали свои образцы самодельных ложных мишеней и приемы вызова по ним огня из расположения противника... Слет проходил на лесной поляне, снайперы расселись кто на пеньке, кто просто на траве в маскировочных халатах, украсившись ветками и хвоей. Когда я подходил к месту слета, то в первый момент опешил – людей не было видно, казалось, что поляна поросла кустарником».

Орловская операция

16 апреля 1943 года 16-я армия была удостоена звания гвардейской, став отныне 11-й гвардейской армией. А Баграмян был награжден орденом Кутузова 1-й степени. Но горький опыт харьковской катастрофы уже не позволял ему соглашаться с теми, кто считал, что теперь уже немецкая армия полностью разгромлена. «Почти все наступательные действия на западном направлении весной 1943 года носили отпечаток торопливости, спешки, – отмечал он. – Тогда у всех нас были еще свежи достигнутые под Сталинградом блестящие победы Красной армии, положившие начало массовому изгнанию фашистских оккупантов с советской земли. В той обстановке многим казалось, что моральный дух врага надломлен и если не дать ему опомниться, непрерывно наносить удары на все новых и новых направлениях, то он вскоре будет окончательно сокрушен. К сожалению, даже у некоторых командующих войсками фронтов появилось такое ошибочное

убеждение и настойчивое желание поскорее добиться успехов, подобных сталинградскому триумфу».

Сделал выводы из прежних неудач и сам Сталин, который в приказе № 95 от 23 февраля 1943 года особо указывал, что рано еще думать, будто «...с гитлеровской армией покончено и Красной армии остается лишь преследовать ее до западных границ страны... Думать так – значит переоценивать свои силы, недооценить силы противника и впасть в авантюризм. Враг потерпел поражение, но он еще не побежден. Немецко-фашистская армия переживает кризис ввиду полученных от Красной армии ударов, но это еще не значит, что она не может оправиться. Борьба с немецко-фашистскими захватчиками еще не кончена, она только разворачивается и разгорается. Глупо было бы полагать, что немцы покинут без боя хотя бы километр нашей земли...»

Весной 1943 года Иван Христофорович был приглашен к участию в разработке плана Орловской наступательной операции, получившей кодовое название «Кутузов». Штабная работа шла на фоне необычайного затишья на фронтах, которое сам Баграмян отобразил в воспоминаниях: «Мне хорошо запомнилась весна 1943 года. Выдалась она ранней, за несколько дней дороги стали непролазными из-за распутицы. Казалось, именно она послужила причиной наступившего затишья. И не только у нас, на Западном фронте. Из оперативных сводок мы знали, что такая же необычная для войны тишина (относительная, конечно: на фронте всегда стреляют) воцарилась везде – от Заполярья до Новороссийска. Это было тем более неожиданным, что всю минувшую зиму бои не затухали...»

Конечно, в этом затишье всем виделось предвестие новой грозы. Гадали лишь, где именно она грянет. «Пожалуй, той весной все – от маршала до красноармейца – с тревожной пытливостью вглядывались в карту, – вспоминал Баграмян. – Линия фронта рассекала ее причудливо изогнутой чертой. Начинаясь от Баренцева моря западнее Мурманска, она почти вертикально опускалась на юг к Великим Лукам, там под углом в 45 градусов поворачивала на юго-восток к Новосилю и огибала занятый фашистами Орел. Потом эта змейка тянулась на запад, чтобы восточнее Севска отвесно спуститься на юг к Сумам и снова устремиться на восток, а обогнув Белгород, опять преломиться под прямым углом и возле Чугуева повернуть на юго-восток. Таким образом, линия фронта образовала глубокие выступы в обе стороны.

Логика подсказывала: именно здесь, на этих выступлениях, должны начаться основные события приближающейся летней кампании. И не только потому, что выступы и зигзаги в линии фронта облегчали удары с флангов. Эти крупные изгибы охватывали районы, очень важные в стратегическом отношении, где была наиболее развитая сеть дорог, где сосредоточивались самые крупные и боеспособные группировки войск обеих сторон».

При планировании Орловской операции Баграмян предложил в самом ее начале окружить и уничтожить болховскую группировку вермахта, чтобы помешать свободному отходу всей орловской группировки. Это мнение шло вразрез с точкой зрения других участников работы над планом операции: «Командующий Западным фронтом генерал-полковник В.Д. Соколовский и командующий Брянским фронтом генерал-лейтенант М.А. Рейтер выработали согласованное предложение об организации наступления. Нашей 11-й гвардейской армии, имевшей в своем составе девять стрелковых дивизий, два танковых корпуса и другие средства усиления, предстояло прорвать оборону противника южнее Козельска и развить удар строго на юг – на Хотынец, с тем чтобы выйти во фланг и глубокий тыл орловской группировки немцев. После прорыва вражеской обороны из-за нашего левого фланга должны были выдвинуться вперед три дивизии соседней с нами 61-й армии Брянского фронта. Их задача – свертывать оборону противника, обеспечивая наше наступление с востока».

И тут Баграмян в который раз вспомнил о неудаче под Харьковом: «Вместе с начальником штаба армии генерал-майором И.Т. Гришиным мы подолгу просиживали над картами и расчетами. У Ивана Тихоновича был солидный опыт и командной, и штабной работы. Чем больше мы вникали в дело, тем яснее видели уязвимые места в наметках штаба фронта, касающихся задач 11-й гвардейской».

Я знал, как трудно организовать взаимодействие соединений, выполняющих одну оперативную задачу, но входящих в армии разных, пусть и соседствующих фронтов, тем более в наступлении, когда войска должны быстро реагировать на обстановку, когда необходим стремительный маневр силами и средствами... Возможно ли в этих условиях организовать достаточно тесное взаимодействие между

фланговыми армиями двух фронтов? К сожалению, рассчитывать на это не приходилось».

Внушало опасения и направление наступления – строго на юг, на Хотынец. Внешне замысел выглядел эффектно, ведь планировалось окружить всю орловскую группировку противника. Однако Баграмян показалось, что разработчики не учитывают то, насколько крупные силы сосредоточены в орловском выступе и сколь прочна здешняя оборона немцев. «Что, если мы глубоко продвинемся, а войска Центрального фронта не подспеют? Разбросав силы на большом пространстве, армия в этом случае неизбежно потеряла бы свою наступательную мощь и сама в конечном счете могла стать объектом сильных фланговых ударов, что угрожало ей отсечением от своих. Жизнь показала, что операция на окружение обычно удается в том случае, если после прорыва вражеской обороны наступающие войска выходят на оперативный простор и получают возможность быстро преодолеть значительные расстояния, а затем создать внутренний и внешний фронты окружения раньше, чем враг сумеет собрать силы для парирования удара».

Расчеты и анализ сложившейся обстановки подсказывали, что надеяться на тесное взаимодействие с ударной группировкой Центрального фронта частям 11-й армии не приходится. Там и без того хватало сложных задач, ведь противостоять Центральному фронту должны были 9-я армия под командованием Вальтера Моделя и часть сил 2-й армии группы армий «Центр», получившие задачу совместно с 4-й танковой армией оперативной группы «Кемпф» окружить и уничтожить советские войска на Курском выступе. Из этого следовало, что войска Центрального фронта неминуемо будут втянуты в тяжелые оборонительные бои, и было бы неосторожностью рассчитывать, что после этого они сумеют быстро преодолеть 120 километров, отделяющих их от Хотынца.

«По-видимому, замысел операции родился под впечатлением сталинградского контрнаступления, в котором ударные группировки двух фронтов – Юго-Западного и Сталинградского, – пройдя навстречу друг другу более 200 километров, замкнули кольцо окружения в точно назначенном пункте, – констатировал Баграмян. – Но под Сталинградом удар наносился по слабым флангам противника, а маневр на окружение осуществлялся по его тылам, куда он не мог перебросить резервы: их

поглотили бои на улицах огромного города. В районе Орла обстановка сложилась совсем по-другому. Противник имел здесь прочную долговременную оборону и мощную группировку, которая сама готовилась наступать. Это в какой-то мере напоминало ситуацию, в которой мы оказались под Харьковом весной 1942 года. Тогда мы тоже планировали удар по группировке врага, которая сама изготавилась к наступлению. Недостаточный учет реального соотношения сил привел нас тогда к неудаче».

Поэтому командующий 11-й армией стал настаивать на корректировке плана наступления: «Лучше было бы ограничиться скромнее по масштабу, но более реальной задачей: сходящимися ударами нашей 11-й гвардейской из района к югу от Козельска и 61-й армии Брянского фронта с северо-востока окружить и уничтожить болховскую группировку противника, прикрывавшую с севера 9-ю армию Моделя. Для этого желательно было подчинить командованию 11-й гвардейской все силы, которые должны наступать с жиздринского плацдарма, то есть все двенадцать стрелковых дивизий, в том числе три дивизии соседа, а 61-ю армию усилить несколькими дивизиями и одним танковым корпусом из резерва Ставки». По мнению Баграмяна, разгром болховской группировки образовал бы в обороне противника такую брешь, которую вряд ли можно было быстро закрыть. А значит, тем самым создавались благоприятные условия для дальнейшего продвижения советских войск на юг, во фланг и тыл орловской группировки врага.

Сталину идея Баграмяна понравилась, а возражения, мол, командарм хочет заполучить под свое начало как можно больше сил, Верховный отмел одной фразой: конечно, он заботится о своей армии, ведь ему же отвечать придется в случае неудачи...

12 июля войска Брянского фронта, в том числе и возглавляемая Баграмяном 11-я гвардейская армия, начали Орловскую операцию. «Стремясь скрыть от врага момент перехода в атаку пехоты и танков, мы наметили план артподготовки: сначала короткий, всего пять минут, но мощный огневой налет, затем двадцатиминутная пауза, а после нее – контроль пристрелки. Гитлеровцы выйдут из укрытий, займут места в траншеях, а мы еще около часа будем вести стрельбу на разрушение и подавление. И только потом, после залпа четырехсот пятидесяти «катюш», обрушим на врага всю силу огня. Через пятнадцать минут

пойдет пехота. Бушующий огневой вал будет постепенно продвигаться в глубину. За ним последуют пехота и танки».

11-я армия ударила немцам во фланг, прорвав их оборону и двинувшись в южном направлении. Спешно переброшенные из соседних районов войска не смогли даже замедлить это продвижение. Тем временем в наступление пошли войска Центрального фронта. 29 июля Красная армия освободила Болхов, а 5 августа – Орел.

За проведение Орловской операции 27 августа 1943 года Баграмян был награжден орденом Суворова 1-й степени, ему было присвоено звание генерал-полковник. 17 ноября он стал генералом армии, а через день был назначен командующим войсками 1-го Прибалтийского фронта. В декабре его войска осуществили Городокскую наступательную операцию, в ходе которой были окружены и уничтожены четыре дивизии вермахта, ликвидирован Городокский выступ противника и созданы благоприятные условия для наступления на Витебск.

Белорусская операция

Наступление на Витебск развивалось трудно – поначалу войска застряли в районе Езерица в так называемом «Невельском мешке», да и предпринятая в феврале – марте 1944 года войсками 1-го Прибалтийского фронта совместно с войсками Западного фронта Витебская операция ситуацию улучшила, но к освобождению Витебска не привела.

К летней кампании 1944 года была разработана операция «Багратион» – под этим название скрывалась масштабная Белорусская стратегическая наступательная операция.

Чтобы освободить Белоруссию, ликвидировав выступ, которые немцы называли «балконом», надо было одолеть группу армий «Центр», которой в то время командовал генерал-фельдмаршал Э. Буш. А это было, с учетом частей, находившихся на правом фланге группы армий «Север» и левом фланге группы армий «Северная Украина», ни много ни мало – миллион двести тысяч военнослужащих, девять с половиной тысяч орудий и минометов, девять сотен танков и почти полторы тысячи самолетов. Основные направления, где можно было наступать, – в районах Полоцка, Витебска, Орши, Могилёва, Бобруйска

и Ковеля, – были надежно прикрыты. Немцы обустроили эшелонированную оборону на протяжении почти трехсот километров в глубину.

К 20 мая был готов план советского наступления, который предполагал одновременный прорыв немецкой обороны на шести участках фронта с последующим расчленением противостоящей группировки и уничтожением ее по частям. Советское командование намеревалось ударить по значительным фланговым группировкам около Витебска и Бобруйска и совершить энергичный бросок в сторону Минска, около которого планировалось окружить основные силы врага.

Владимир Дайнес в книге «Георгий Жуков» приводит такие данные о задействованных в этой операции силах: «К операции привлекались 1-й Прибалтийский (генерал армии И.Х. Баграмян), 3-й Белорусский (генерал-полковник, с 26 июня – генерал армии И.Д. Черняховский), 2-й Белорусский (генерал-полковник, с 28 июля – генерал армии Г.Ф. Захаров), 1-й Белорусский (генерал армии, с 29 июня – Маршал Советского Союза К.К. Рокоссовский) фронты и Днепровская военная флотилия (капитан 1-го ранга В.В. Григорьев). Общая численность войск составляла более 2,4 миллиона человек, на их вооружении было 36 тысяч орудий и минометов, 5200 танков и САУ. Операцию «Багратион» поддерживали 5300 самолетов 1-й (генерал-полковник авиации Т.Т. Хрюкин), 3-й (генерал-полковник авиации Н.Ф. Папивин), 4-й (генерал-полковник авиации К.А. Вершинин), 6-й (генерал-полковник авиации Ф.П. Польшин) и 16-й (генерал-полковник авиации С.И. Руденко) воздушных армий. К ее проведению привлекалась также авиация дальнего действия (маршал, с 19 августа – Главный маршал авиации А.Е. Голованов) – 1007 самолетов и авиация войск ПВО страны – 500 истребителей».

В рамках операции «Багратион» было намечено тесное взаимодействие регулярных войск с партизанами. Недаром еще за два года до того, 30 мая 1942 года, возглавлявший Государственный Комитет Обороны Сталин подписал постановление о создании Центрального штаба партизанского движения при Ставке Верховного Главнокомандования. Этот штаб был создан для координации партизанского движения во всех областях Советского Союза, оккупированных врагом, а также для более полного и оперативного снабжения подразделений Красной армии оперативной информацией о

действиях и расположении частей неприятеля. Поэтому помимо начальника штаба, доверенного лица Сталина Пантелеймона Пономаренко, поставленного на эту должность ЦК ВКП(б), в состав штаба входили Т.Ф. Корнев, представлявший Разведывательное управления НКО, и В.Т. Сергиенко, представлявший НКВД.

Поскольку штабу подчинялись республиканские и областные партизанские штабы, то появилась возможность прекращать излишнее «геройство» и самоуправство отдельных командиров партизанских отрядов, координировать их действия между собой, а также осуществлять более планомерные поставки оружия, боеприпасов и прочего с Большой земли, и помогать заброшенным на вражескую территорию группам и отдельным сотрудникам НКВД.

Операцию «Багратион» начали войска 1-го Прибалтийского фронта, проведя Витебско-Оршанскую наступательную операцию. Идея Баграмяна заключалась в том, чтобы наносить основной удар не с удобного плацдарма в центре фронта, а на правом фланге, где простирались обширные болота. Открытая местность вроде бы не способствовала скрытой подготовке удара, однако немецкое командование, считавшее точно так же, наступления Красной армии с этой стороны не опасалось. А войска 1-го Прибалтийского фронта, быстро миновав болота и заболоченные поймы рек, прорвали немецкую оборону под Витебском. Вскоре была форсирована Западная Двина и окружена крупная группировка вермахта западнее Витебска. 26 июня были освобождены Витебск и Жлобин, 27 июня – Орша, 28 июня – Лепель.

И сразу же началась Полоцкая операция, нацеленная на один из крупных узлов немецкой обороны. За ней последовала Шяуляйская операция, в ходе которой была освобождена большая часть Латвии и Литвы, а советские войска, выйдя к Рижскому заливу, окружили то, что осталось от группы армий «Север».

За руководство войсками во время этой кампании Баграмян получил звание Героя Советского Союза.

На Кёнигсберг!

Осенью 1944 года, развивая предыдущие успехи, войска 1-го Прибалтийского фронта провели Рижскую операцию. «В период

подготовки наступления 43-й и 4-я ударной армий на Ригу нам предстояло провести целый ряд весьма сложных мероприятий. В их числе была и подготовка к форсированию рек Мемеле и Лиелупе. Необходимо было собрать огромное количество переправочных средств, подготовить строительство мостов, переправ. И тут у нашего начальника инженерных войск генерала В.В. Косырева зародилась великолепная идея. Пришел он однажды ко мне вместе с начальником штаба фронта и, весь сияя от радости, предложил перекрыть реки Мемеле и Муша (обе они впадают в Лиелупе) выше участка форсирования плотинами. В результате этого уровень воды в них должен понизиться и реки можно будет преодолеть вброд». Поначалу идея показалась авантюрной, но все же Баграмян ее одобрил и сам регулярно ездил смотреть, как строятся плотины. И затея увенчалась успехом – когда плотины в нужный момент были закрыты, «от саперов поступило донесение о том, что уровень воды в обеих реках упал до 30–50 сантиметров». Войска двинулись вперед на Ригу. А потом, перегруппировавшись, части 1-го Прибалтийского фронта нанесли стремительный удар на Мемель (ныне – Клайпеда). Баграмян организовал быстрое и скрытное (войска двигались только ночью) перемещение своих сил, успешно перебросив на 200 километров три общевойсковые и одну танковую армию, а также множество отдельных соединений и частей. 5 октября войска 1-го Прибалтийского фронта начали наступление и в районе Шяуляя прорвали оборону противника, а уже 10 октября вышли в районе Мемеля на побережье Балтийского моря. В окружение попали свыше 30 немецких дивизий.

9 ноября 1944 года И.Х. Баграмян был награжден вторым орденом Красного Знамени.

24 февраля 1945 года вместо 1-го Прибалтийского фронта была создана Земландская оперативная группа войск во главе с Баграмяном, который тогда же стал заместителем командующего 3-м Белорусским фронтом маршала Василевского.

Задачей Земландской группы был штурм Кёнигсберга, который и начался 6 апреля 1945 года. Через три дня гарнизон этой цитадели Восточной Пруссии капитулировал.

26 апреля 1945 года Баграмян сменил Василевского на посту командующего 3-м Белорусским фронтом. Им была завершена операция по ликвидации окруженной группировки вермахта.

После Победы, 9 июля 1945 года Баграмян был назначен командующим войсками вновь созданного Прибалтийского военного округа.

Впоследствии он оказался одним из немногих военачальников, кого не затронуло «трофейное дело» 1948 года. У него на даче даже провели обыск, но ничего не обнаружили. По свидетельству академика Абрама Алиханова, «...на высшем военном совете Сталин иронизировал: мол, один только товарищ Баграмян оказался чист на руку».

Звание Маршала Советского Союза Иван Баграмян получил в 1955 году. 8 июня 1956 года он возглавил Высшую военную академию им. Ворошилова (с 1958 года – Военная академия Генерального штаба).

Скончался Иван Христофорович Баграмян 21 сентября 1982 года.

Борис Шапошников. Создатель современной школы генштабистов

Маршал Советского Союза Борис Михайлович Шапошников родился 2 октября 1882 года в Златоусте. После окончания в 1903 году по 1-му разряду Московского Алексеевского военного училища был произведен в чин подпоручика и начал офицерскую службу в 1-м Туркестанском стрелковом батальоне в Ташкенте, командовал там полуротой. В 1907 году выдержал сложные испытания при поступлении в Академию Генерального штаба (Императорской Николаевской военной академии). В годы обучения (1907–1910) проявил «отличные успехи в науках» и после окончания был произведен в штабс-капитаны.

В своих «Воспоминаниях о службе» военачальник впоследствии подробно описал систему подготовки в царской Академии Генерального штаба, изучаемые предметы и преподавателей, систему отбора лучших офицеров: «Когда вспыхнула мировая война, германское учение о войне, которое преподносил нам Незнамов (профессор, преподававший стратегию. – *Примеч. авт.*), пригодились всем молодым офицерам Генерального штаба. Если для генералов русской армии, воспитанных на стратегии Леера и Михневича, действия немцев в мировой войне были каким-то откровением, то для капитанов русского Генерального штаба они были не новы... На дополнительный курс переводились офицеры, которые предназначались для службы в Генеральном штабе». С Шапошниковым вместе учился Врангель, «яркий гвардеец», которого на курсе не любили.

Шапошников продолжил воинскую службу в Ташкенте, командовал ротой. В 1912 году был назначен старшим адъютантом штаба 14-й кавалерийской дивизии в Ченстохов. С первых дней Первой мировой находился на фронте, являлся адъютантом штаба 14-й кавалерийской дивизии (Западный фронт), затем – помощником старшего адъютанта разведотдела штаба 12-й армии (Северо-Западный фронт), начальником штаба Отдельной сводной казачьей бригады, командиром Мингрельского гренадерского полка. 16 января 1918 года «по болезненному состоянию был эвакуирован» и через два месяца

деобилизовался из армии по болезни. Весной этого же года вступил в Красную армию, написав в своем ходатайстве о приеме на службу следующее: «Как бывший полковник Генерального штаба, я живо интересуюсь вопросом о создании новой армии, и как специалист, желал бы принести посильную помощь в этом серьезном деле».

«Штаб – первейший орган»

22 марта 1918 года был назначен помощником начальника Оперативного управления штаба Высшего военного совета, затем – начальником разведотдела Штаба РСФСР. Служил в Военном отделе Высшей военной инспекции РККА, весной 1919 года занимал должность первого помощника начальника штаба наркомвоенмора Украинской ССР. 15 августа 1919 года был назначен начальником Разведывательного отделения, а с 12 октября – начальником Оперативного управления Полевого штаба Реввоенсовета Республики. По словам самого Шапошникова, «штабная работа должна помогать командиру организовывать бой; штаб – первейший орган, с помощью которого командир проводит в жизнь свои решения... В современных условиях без четко сколоченного штаба нельзя думать о хорошем управлении войсками». В ноябре 1922 года Шапошников был командирован в Швейцарию военным экспертом советской делегации на Лозаннскую конференцию.

Именно Шапошников, как крупный военный специалист, разрабатывал в годы Гражданской войны для Красной армии многие важнейшие планы кампаний, директивы и приказы, распоряжения фронтам и армиям. После окончания боевых действий он был назначен 1-й помощником начальника Штаба РККА, через четыре года был назначен командующим войсками Ленинградского, а спустя год – Московского военных округов. В 1928 году стал начальником Штаба РККА. Выпустил трехтомный фундаментальный труд «Мозг армии». Книга не только четко определяла место Генерального штаба в системе стратегического руководства войсками, его структуру, порядок организации его работы, но перечисляла требования, которые предъявлялись современными войнами к органам оперативного управления и их работникам.

В октябре 1930 года решением ЦК ВКП(б) Шапошников был принят в партию без прохождения кандидатского стажа. В своем заявлении о приеме в партию он 28 сентября 1930 года писал: «Тринадцать лет идя рука об руку в своей работе с Всесоюзной Коммунистической партией, проводя за это время неуклонно линию партии во всей своей жизни, борясь вместе с ней на фронтах гражданской войны за дело Ленина, я прошу, если окажусь достойным, принять меня в ряды Всесоюзной Коммунистической партии, дабы до конца своей жизни трудом и кровью защищать дело пролетариата в ее железных рядах».

В июне 1931 года утвержден Реввоенсоветом СССР почетным красноармейцем 56-го кавалерийского полка 10-й Майкопской дивизии и 166-го стрелкового полка 56-й стрелковой Московской дивизии.

С 1932 по 1935 год являлся начальником, военным комиссаром и профессором Военной академии имени М.В. Фрунзе. В июне 1935 года Шапошникову было присвоено ученое звание профессора высших военно-учебных заведений, а в ноябре – звание командарма 1 ранга. В этом же году Шапошников был председателем военной комиссии на маневрах Чехословацкой армии.

Два года Шапошников был командующим войсками Ленинградского военного округа.

Начальник Генерального штаба

10 мая 1937 года был назначен начальником Генерального штаба. По словам А.М. Василевского, запечатленным в книге «Полководцы и военачальники Великой Отечественной»: «В течение своей службы – сначала начальником Штаба РККА, а спустя несколько лет начальником Генерального штаба – Б.М. Шапошников последовательно решал вопросы, связанные с централизацией в руководстве Вооруженными Силами, боролся за осуществление четкой регламентации штабной службы на всех уровнях. Основные мысли, высказанные Б.М. Шапошниковым в труде «Мозг армии», нашли отражение в ряде его докладов командованию Красной армии и Советскому правительству о реорганизации центрального военного аппарата, в проектах переустройств Генерального штаба РККА накануне и в ходе Великой Отечественной войны, в директивах об организации полевого

управления войск. Ими он руководствовался при подборе кадров для Генерального штаба и воспитании у них необходимых качеств советского штабного работника. Б.М. Шапошников был последовательным сторонником объединения управления Вооруженными Силами в Генеральном штабе. В этих вопросах он выступал не только как военачальник, предлагающий реализовать какую-либо частную идею в боевой подготовке или в организационной структуре того или иного войскового организма, а как государственный деятель, проявляющий заботу о необходимом пересмотре взглядов на всю структуру рабочего аппарата верховного командования и его роль в руководстве жизнью и боевой деятельностью Вооруженных Сил в целом. В практической своей деятельности как командующий войсками округа Борис Михайлович также выступал новатором. Командуя войсками Ленинградского военного округа в 1925–1927 годах, он стал инициатором разработки методики проведения войсковых учений и маневров с участием посредников и нейтральной связью. Этот опыт внедрялся им и в Московском военном округе, а затем стал достоянием всех округов».

Генерал армии А.В. Хрулев так в своих воспоминаниях оценивал эту деятельность Шапошникова: «Сильной стороной Бориса Михайловича являлось умение организовать подготовку высших начальников и высших штабов. Военные игры он всегда проводил на сложном оперативном фоне, основу которого составлял, как правило, какой-либо исторический факт. На разборе игры он до мельчайших подробностей разбирал ошибки сторон и в заключение указывал, как следовало бы проводить эту операцию в современных условиях с современными техническими средствами. Военные игры, которые организовывал Б.М. Шапошников, были исключительно поучительными...»

Необходимо отметить, что благодаря своей феноменальной памяти Шапошников мог, не пользуясь записями, провести разбор крупных и сложных учений или без карты заслушать доклад о боевой обстановке, наизусть помня расположение войск и важные особенности рельефа местности.

Шапошников стал одним из немногих бывших офицеров царской армии, кому удалось не попасть в жернова сталинских репрессий, но и даже в конце 1930-х годов стать доверенным помощником вождя. Но

цену за это пришлось заплатить немалую, выражая свою лояльность к власти и осуждение ее жертв. Так, в июне 1937 года Шапошников входил в состав Специального судебного присутствия, которое осудило к смертной казни М.Н. Тухачевского, И.Э. Якира, И.П. Уборевича и других.

Перед началом войны с Финляндией Генеральный штаб проделал большую работу – был разработан подробный план боевых действий, предусматривающий быстрый разгром финской армии. Но для этого Шапошников предлагал использование резервов не только Ленинградского военного округа. Сталин выбрал другой, более «оптимистичный» план, разработанный командованием Ленинградского военного округа с участием заместителей наркома обороны командарма 1-го ранга Г.И. Кулика и армейского комиссара 1-го ранга Л.З. Мехлиса. Согласно этому плану, 7-я армия под командованием командарма 2-го ранга К.А. Мерецкова должна была за две недели прорывать линии Маннергейма на Карельском перешейке и разгромить главные силы финской армии. После того, как попытка реализовать этот план провалилась, что стоило жизни тысячам советских воинов и падению престижа Красной армии на международной сцене, в конце декабря 1939 года операция («маленькая победоносная война») была приостановлена, Сталин вернулся к плану, разработанному под руководством Шапошникова.

В декабре 1939 года Шапошников был награжден орденом Ленина за успешную работу по руководству оперативной деятельностью Красной армии. 7 мая 1940 года Шапошникову было присвоено звание Маршала Советского Союза. Но вскоре в связи с подведением итогов советско-финской войны в советской военной элите по приказу Сталина начались перемены. Маршал Василевский в своих мемуарах так описывает отставку Шапошникова в августе 1940 года с должности начальника Генерального штаба и назначение вместо него генерала армии К.А. Мерецкова: «О том, что предшествовало перемещению Б.М. Шапошникова, я знаю со слов Бориса Михайловича. Как он рассказывал, И.В. Сталин, специально пригласивший его для этого случая, вел разговор в очень любезной и уважительной форме. После советско-финского вооруженного конфликта, сказал он, мы переместили Ворошилова и назначили наркомом Тимошенко. Относительно Финляндии вы оказались правы: обстоятельства

сложились так, как предполагали вы. Но это знаем только мы. Между тем всем понятно, что нарком и начальник Генштаба трудятся сообща и вместе руководят Вооруженными Силами. Нам приходится считаться, в частности, с международным общественным мнением, особенно важным в нынешней сложной обстановке. Нас не поймут, если мы при перемещении ограничимся одним народным комиссаром. Кроме того, мир должен был знать, что уроки конфликта с Финляндией полностью учтены. Это важно для того, чтобы произвести на наших врагов должное впечатление и охладить горячие головы империалистов. Официальная перестановка в руководстве как раз и преследует эту цель.

– А каково ваше мнение? – спросил Сталин.

Исключительно дисциплинированный человек, Борис Михайлович ответил, что он готов служить на любом посту, куда его назначат. Вскоре на него было возложено руководство созданием оборонительных сооружений, он стал заместителем наркома обороны и направлял деятельность Главного военно-инженерного управления и управления строительства укрепленных районов.

Для нас, работников Генштаба, причина перевода Б.М. Шапошникова на другую должность осталась непонятной. Не скрою, мы очень сожалели об этом. Каждый из нас отлично сознавал, какой весомый багаж ценных знаний, особенно в области оперативного искусства, и какой богатейший опыт штабной службы приобрели мы, работая с Борисом Михайловичем и повседневно учась у него».

В августе 1940 года Шапошников был назначен на должность заместителя народного комиссара обороны СССР по сооружению укрепленных районов. После того, как СССР присоединил страны Прибалтики, западные области Украины, Белоруссии и Бессарабию, прежняя оборонительная «линия Сталина» потеряла свое военное значение. Рубеж обороны был перемещен на 300 километров западнее, где и возникла «линия Молотова», простиравшаяся от Балтийского моря до Карпат, и состоявшая из 13 укрепленных районов.

Но к началу Великой Отечественной войны было завершено строительство только 880 из 5807 долговременных оборонительных сооружений. Готовность укрепрайонов к обороне составляла порядка 20 процентов.

Какова роль Шапошникова в подготовке СССР к Великой Отечественной войне с точки зрения стратегического планирования? Именно Шапошников был одним из главных авторов глубоко аргументированного оперативного плана стратегического развертывания Вооруженных Сил, разработанного Генштабом. Шапошников, говоря о предполагаемом направлении главного удара, утверждал, что «основным наиболее политически выгодным для Германии, а следовательно, и наиболее вероятным является первый вариант ее действий – с развертыванием главных сил немецкой армии к северу от устья реки Сан». Поэтому в документе предлагалось развернуть наши главные силы в полосе от побережья Балтийского моря до Полесья, то есть на участке Северо-Западного и Западного фронтов. Второй вариант, предусматривающий сосредоточение основных сил Германии к югу от Полесья, считался менее вероятным, и поэтому для обеспечения безопасности южного направления должны были обеспечить два советских фронта, но с меньшим, чем в первом варианте, количеством сил и средств.

В сентябре 1940 года план стратегического развертывания был предоставлен Сталину. Он отказался его утверждать, потребовав переделать – в соответствии с пожеланиями советского вождя наиболее опасным стратегическим направлением было признано юго-западное – Украина. Но, как позже выяснилось, именно на западном (а не юго-западном) направлении вермахт сосредоточил самую мощную группировку, что и стало одной из главных причин поражений Красной армии в начальном периоде войны.

Кроме того, как отмечал в своих воспоминаниях маршал Бирюзов, «маршал Б.М. Шапошников вносил очень ценные предложения о дислокации войск в западных пограничных округах. Он предлагал основные силы этих округов держать в рамках старой государственной границы за линией мощных укрепленных районов, а во вновь освобожденные области Западной Белоруссии и Западной Украины, а также в Прибалтику выдвинуть лишь части прикрытия, способные обеспечить развертывание главных сил в случае внезапного нападения. Однако с этим разумным мнением опытного военачальника тогда не считались. В непосредственной близости от новой границы оказались даже те соединения, которые находились еще в стадии формирования и были не полностью укомплектованы личным составом

и техникой... Это обстоятельство в какой-то мере повлияло на развитие событий после вероломного нападения фашистской Германии на Советский Союз».

В первые дни Великой Отечественной войны Шапошников трудился в Совете по эвакуации при СНК СССР. 23 июня 1941 года Шапошников был включен в состав организованного при Ставке Главного командования института постоянных советников, затем в течение нескольких июльских дней был начальником штаба главкома Западного направления. Вскоре вернулся на должность начальника Генерального штаба. И.В. Сталин предпочел использовать командный опыт Г.К. Жукова, занимавшего эту должность, непосредственно в войсках. Во главе всего штабного аппарата встал тот, кто в те месяцы мог, пожалуй, лучше, чем кто-либо, обеспечить бесперебойное и организованное его функционирование.

В своих воспоминаниях Маршал Советского Союза К.А. Мерецков писал о трудностях работы Генерального штаба: «В первые дни войны Генеральный штаб не всегда точно знал обстановку на фронтах. Каждый вечер его генералы докладывали работникам наркомата о ходе боевых действия... Маршалу Советского Союза Б.М. Шапошникову, назначенному начальником Генерального штаба, приходилось переживать горькие минуты. В высшей степени деликатный, Борис Михайлович часто брал на себя вину подчиненных за несвоевременную информацию. Однажды утром в Ставке я присутствовал при докладе общей обстановки на фронтах. Шапошников сказал, что, несмотря на принятые меры, с двух фронтов так и не поступило сведений.

Сталин спросил:

– Вы наказали людей, которые не желают нас информировать о том, что творится у них на фронтах?

Добрейший Борис Михайлович с достоинством ответил, что он обоим начальникам штабов фронтов объявил выговор. Судя по выражению лица и тону голоса, это дисциплинарное взыскание он приравнивал чуть ли не к высшей мере наказания. Сталин хмуро улыбнулся:

– У нас выговор объявляют в каждой ячейке. Для военного человека это не наказание.

Но Шапошников напомнил старую военную традицию: если начальник Генерального штаба объявляет выговор начальнику штаба

фронта, виновник должен тут же подать рапорт об освобождении его от занимаемой должности.

Сталина, видимо, удовлетворил такой ответ, и он приказал лишь предупредить всех начальников штабов, что за подобные проступки Ставка будет применять строгие меры...»

Исследователь Арти Д. Александер отмечает, что «сразу после повторного назначения на должность начальника Генерального штаба маршал Б.М. Шапошников утверждал планы операции «Согласие» (разработанные генерал-майором Ф.И. Толбухиным, который в это время был начальником штаба Закавказского военного округа (ЗакВО) по совместному вводу советских и английских войск на территорию Ирана 25 августа 1941 года, а затем курировал ситуацию. Так, С.М. Штеменко (ставший впоследствии генералом армии, начальником Генштаба – заместителем министра Вооруженных сил СССР и начальником Главного разведывательного управления ГШ ВС СССР), с августа 1941 года служивший заместителем начальника Ближневосточного направления Оперативного управления Генштаба (в звании полковника), писал в своих мемуарах, что в его обязанности входило регулярно докладывать по иранской ситуации после ввода в страну советских войск лично Б.М. Шапошникову».

В должности начальника Генерального штаба Шапошников принял активное участие в подготовке и проведению зимнего 1941–1942 гг. контрнаступления Красной армии. Именно под руководством Шапошникова Генеральный штаб стал центром оперативно-стратегического планирования, все важнейшие вопросы которого предварительно обсуждали в Ставке при участии начальника Генштаба.

Генеральный штаб во главе с Шапошниковым разрабатывал предложения (многие из которых, к сожалению, были так и не учтены) по осуществлению Смоленского оборонительного сражения и контрнаступления под Москвой. Роль Шапошникова в планировании Московской стратегической наступательной операции трудно недооценить. В него маршал вложил весь свой полководческий талант и выдающиеся организаторские способности. Как пишет военный историк Алексей Исаев в книге «Краткий курс истории ВОВ. Наступление маршала Шапошникова»: «Если бы немецкие генералы знали, что за части шли по Красной площади 7 ноября 1941 года, то их ужасу и досаде за не принятые верховным командованием меры не

было бы предела. По брусчатке в парадных колоннах шагали бойцы и командиры 332-й Ивановской стрелковой дивизии им. М.В. Фрунзе. Они символизировали вершину айсберга, о который подобно «Титанику» разбился немецкий «блицкриг». Дивизия была одной из многих других дивизий и бригад, формировавшихся, проходивших интенсивное обучение от Москвы до Урала и Сибири осенью 1941 года. Менее чем через два месяца после того знаменитого парада по всему фронту от Ладоги до Черного моря началось крупномасштабное советское зимнее наступление, организованное с помощью этих соединений. Шагавшая по Красной площади 332-я стрелковая дивизия полковника С.А. Князькова вступила в бой даже не на подступах к Москве. Она совершила 400-километровый марш к Осташкову и приняла участие в самом успешном наступлении зимы 1941/42 года, Торопецко-Холмской операции. В ходе этого наступления 4-я ударная армия А.И. Ерёменко, в состав которой была включена 332-я стрелковая дивизия, через леса по глубокому снегу вышла к Витебску и на долгие полтора года словно дамоклов меч нависла над Смоленском.

Авторство плана наступления, предпосылки к которому были созданы еще в период, когда судьба столицы висела на волоске, несомненно, принадлежит Маршалу Советского Союза Б.М. Шапошникову».

Но порой вопросы стратегии и тактики перемешивались с фактором личных отношений и поддержания своего начальствующего статуса. Сталин лично уважал Шапошникова как стратега и как человека, преданного воинскому долгу. Так, А.М. Василевский замечал, что только ему одному (Шапошникову) Верховный разрешал курить в своем рабочем кабинете, а в разговоре с ним никогда не повышал голоса. «Но это чисто внешняя сторона их отношений. Главное же заключается в том, что предложения Шапошникова, всегда глубоко продуманные и глубоко аргументированные, как правило, не встречали особых возражений».

При этом Сталин первоначально относился со скептицизмом к деятельности советского Генерального штаба, и Шапошникову потребовалось много усилий, чтобы разубедить вождя, представляющего Генштаб как «канцелярщину», как он его называл. Только после возвращения Шапошникова на должность начальника Генерального штаба советский вождь постепенно стал с большим

вниманием прислушиваться к рекомендациям и мнению Бориса Михайловича и даже придерживаться неписаного правила – принимать важное стратегическое решение только после того, как предварительно выслушивал об этом обстоятельный доклад начальника Генштаба, не всегда, впрочем, соглашаясь с Шапошниковым.

Но в годы Великой Отечественной войны Шапошникову пришлось столкнуться и с другой проблемой, о которой Рокоссовский рассказал в своих мемуарах. Он во время описываемых событий (середина ноября 1941 года) был командующим 16-й армией Западного фронта: «К этому времени бои в центре и на левом крыле шли в 10–12 километрах западнее Истринского водохранилища. Само водохранилище, река Истра и прилегающая местность представляли прекрасный рубеж, заняв который заблаговременно, можно было, по моему мнению, организовать прочную оборону, притом небольшими силами. Тогда некоторое количество войск мы вывели бы во второй эшелон, создав этим глубину обороны, а значительную часть перебросили бы на клинское направление.

Всесторонне все продумав и тщательно обсудив со своими помощниками, я доложил наш замысел командующему фронтом и просил его разрешить отвести войска на истринский рубеж, не дожидаясь, пока противник силою отбросит туда обороняющихся и на их плечах форсирует реку и водохранилище.

Ко всему сказанному выше в пользу такого решения надо добавить и то, что войска армии понесли большие потери и в людях и в технике. Я не говорю уже о смертельной усталости всех, кто оставался в строю. Сами руководители буквально валились с ног. Поспать иногда удавалось накоротке в машине при переездах с одного участка на другой.

Командующий фронтом не принял во внимание моей просьбы и приказал стоять насмерть, не отходя ни на шаг.

На войне возникают ситуации, когда решение стоять насмерть является единственно возможным. Оно, безусловно, оправданно, если этим достигается важная цель – спасение от гибели большинства или же создаются предпосылки для изменения трудного положения и обеспечивается общий успех, во имя которого погибнут те, кто должен с самоотверженностью солдата отдать свою жизнь. Но в данном случае позади 16-й армии не было каких-либо войск, и если бы

обороняющиеся части погибли, путь на Москву был бы открыт, чего противник все время и добивался.

Я считал вопрос об отходе на истринский рубеж чрезвычайно важным. Мой долг командира и коммуниста не позволил безропотно согласиться с решением командующего фронтом, и я обратился к начальнику Генерального штаба маршалу Б.М. Шапошникову. В телеграмме ему мы обстоятельно мотивировали свое предложение. Спустя несколько часов получили ответ. В нем было сказано, что предложение наше правильное и что он, как начальник Генштаба, его санкционирует.

Зная Бориса Михайловича еще по службе в мирное время, я был уверен, что этот ответ безусловно согласован с Верховным Главнокомандующим. Во всяком случае, он ему известен.

Мы немедленно подготовили распоряжение войскам об отводе ночью главных сил на рубеж Истринского водохранилища. На прежних позициях оставлялись усиленные отряды, которые должны были отходить только под давлением противника.

Распоряжение было разослано в части с офицерами связи.

Настроение у нас поднялось. Теперь, думали мы, на истринском рубеже немцы сломают себе зубы. Их основная сила – танки упрутся в непреодолимую преграду, а моторизованные соединения не смогут использовать свою подвижность. Радость, однако, была недолгой. Не успели еще все наши войска получить распоряжение об отходе, как последовала короткая, но грозная телеграмма от Жукова. Приведу ее дословно: «Войсками фронта командую я! Приказ об отводе войск за Истринское водохранилище отменяю, приказываю обороняться на занимаемом рубеже и ни шагу назад не отступать. Генерал армии Жуков».

Что поделаешь – приказ есть приказ, и мы, как солдаты, подчинились. В результате же произошли неприятности. Как мы и предвидели, противник, продолжая теснить наши части на левом крыле, отбросил их на восток, форсировал с ходу Истру и захватил на ее восточном берегу плацдармы. Южнее же Волжского водохранилища он прорвал оборону на участке 30-й армии и стал быстро продвигаться танковыми и моторизованными соединениями, расширяя прорыв. Его войска выходили во фланг и в тыл оборонявшейся у нас на правом фланге 126-й стрелковой дивизии, а она и до этого была сильно

ослаблена и еле сдерживала наседавшего врага. Одновременно был нанесен удар из района Теряевой Слободы, и немецкие танки с пехотой двинулись к Солнечногорску, обходя Истринское водохранилище с севера».

Учитель маршалов и генералов

Уже после окончания войны Жуков, которого Шапошников сменил на должности начальника Генерального штаба, с похвалой отзывался о роли Бориса Михайловича как в разработке стратегически планов, так и в руководстве работой Генштаба: «Зная дело Генштаба до тонкостей, он быстро провел ряд организационных мероприятий, способствовавших улучшению работы этого главного рабочего органа Ставки. Большое личное трудолюбие и умение Б.М. Шапошникова работать с людьми оказали заметное влияние на рост общего искусства управления войсками в действующей армии и особенно со стороны Генштаба».

Да и Рокоссовский не раз удостоился похвалы Жукова и даже сожаления, что в то трудное для всей страны время приходилось никого не жалеть. А по поводу того самого отвода 16-й армии за Истру Жуков потом соглашался, что отвод облегчал ее войскам выполнение боевой задачи. Но при этом отходе, по словам Жукова, возникала другая опасность – оголялся правый фланг соседней (с 16-й) 5-й армии, что открывало немецким войскам дорогу к Москве.

Учениками Шапошникова считали себя маршалы А.М. Василевский (приглашенный в 1937 году Борисом Михайловичем в Генштаб на работу) и И.Х. Баграмян, составивший перечень сделанного Шапошниковым на посту начальника Генштаба: была восстановлена практически бесперебойная связь с войсками, Ставка получила возможность координации действий фронтов и армий, возможность скорейшего подтягивание резервов из глубины страны, и многое другое.

Заслуга Шапошникова и в том, что в очень непростое для страны военное время он сумел возглавить очень сложный процесс улучшения стратегического руководства войсками. Под его руководством разработано и введено в действие положение, которое регламентировало работу фронтовых управлений и управлений Генерального штаба. Согласно этому регламенту, боевые донесения и

оперативные сводки штабы фронтов теперь передавали в Генеральный штаб не позднее 2 часов ночи ежедневно, а спешные, особо важные – лично дежурному заместителю начальника Генштаба. Своевременный доклад систематической и оперативной информации о положении на фронтах был необходим для руководства Красной армией.

Шапошников принимал самое активное участие в разработку плана стратегической обороны советских войск на весну – лето 1942 года, в который позже был внесен ряд непродуманных изменений...

Дело в том, что в январе Сталин, переоценивший силы Красной армии и недооценивший военную мощь Германии после Московского наступления, решил, не слушая ничьих советов, провести наступательные операции по большей части советско-германского фронта. Проведя анализ ситуации и реальных возможностей СССР, а точнее – отсутствие необходимых для наступления резервов, людских и военной техники, Генеральный штаб предложил Верховному Главнокомандующему сначала перейти к активной стратегической обороне, чтобы измотать врага, и только потом, накопив резервы, перейти в масштабное наступление. Но в данном случае Сталин к мнению Шапошникова не прислушался, что в итоге привело к неоправданным человеческим жертвам.

11 мая 1942 года Шапошников, болевший туберкулезом, попросил об освобождении, по состоянию здоровья, с поста начальника Генштаба. Просьба была удовлетворена, он был переведен на должность заместителя наркома обороны СССР. Новым начальником Генерального штаба стал ученик Шапошникова – будущий маршал Василевский, по мнению многих советских военачальников, являющийся одним из наиболее достойных представителей «шапошниковской школы». В своих мемуарах он писал о Шапошникове: «... занимаясь разработкой военной теории, он неустанно стремился довести до широких кругов командного состава последние достижения военной науки. Будучи начальником Генштаба, он регулярно выступал с докладами на курсах усовершенствования командного состава, при разборах войсковых маневров, учений и всюду на конкретных примерах умело наставлял высший командный состав в теории штабной службы, прививал культуру руководства. В его итоговых разборах военных игр, полевых поездках, войсковых учениях и маневрах всегда и всеми чувствовалась меткость его наблюдений. Он

детально разбирал действия «воюющих сторон», четко формулировал выводы, которые следовало сделать для дальнейшего повышения боеготовности войск, оперативной подготовки командного состава и штабов.

Б.М. Шапошников обладал всеми необходимыми качествами для работы в Генеральном штабе: отличным знанием военного дела, большой эрудицией, огромным трудолюбием и высоким чувством ответственности. Опыт крупной оперативно-штабной работы в годы первой мировой и гражданской войн, высокое доверие со стороны Центрального Комитета партии и Советского правительства позволили Б.М. Шапошникову превратить Генеральный штаб в подлинный центр руководства военным планированием, боевой и оперативной подготовкой Красной армии. Его личный пример влиял на подчиненных. Выдержанность, вежливость и скромность, такт в общении с людьми, дисциплинированность и предельная исполнительность – все это воспитывало у лиц, работавших под его началом, чувство собственного достоинства, ответственность и точность, высокую культуру поведения. Подчеркну, что Б.М. Шапошников являлся олицетворением долга. В безупречном, инициативном и своевременном выполнении заданий партии и правительства по укреплению обороноспособности страны он видел свою первейшую обязанность и самый смысл существования Генерального штаба...»

На посту заместителя наркома обороны Шапошников курировал деятельность военных академий, подготовку военных кадров и разработку новых боевых уставов и наставлений, а также составление истории еще идущей Великой Отечественной войны.

Сталин, по достоинству оценивая его стратегический талант и знания, нередко обращался к Шапошникову за советом, приглашал в Ставку и на заседания ГКО. В июне 1943 года Шапошников стал начальником Военной академии Генерального штаба. Через три месяца решением Политбюро ЦК партии утвержден членом Комиссии по вопросам перемирия (впоследствии Комиссии по перемирию с Германией и Комиссии по перемирию с Финляндией, Венгрией и Румынией).

По мнению генерала армии Г.К. Маландина, профессора, ставшего в 1958 году начальником Военной академии Генерального штаба,

«приход в академию 25 июня 1943 года Б.М. Шапошникова – крупнейшего военного специалиста и военного ученого, обладавшего большими педагогическими и методическими навыками, талантливого организатора, человека большого личного обаяния – сразу сказался на всех сторонах ее деятельности. Его руководство, в котором сочетались квалифицированные указания, действенный контроль, внимание и доверие к подчиненным, улучшило работу кафедр, отделов и служб академии, подняло на новую ступень качество учебного процесса и подготовку профессорско-преподавательского состава». Недаром именно в Академии Генерального штаба обучались многие будущие советские прославленные военачальники.

Тяжелые военные условия, связанные с большой ответственностью, и почти круглосуточная работа подорвали здоровье Шапошникова. Он скончался 26 марта 1945 года, не дожив полтора месяца до победы. Он стал единственным Маршалом Советского Союза, умершим в ходе Великой Отечественной войны.

Александр Василевский. Координатор наступлений

Маршал Советского Союза Александр Михайлович Василевский родился 16 сентября 1895 года в селе Новая Гольчиха Кинешемского уезда. После окончания Кинешемского духовного училища продолжил обучение в Костромской духовной семинарии, держал экзамены экстерном. В феврале 1915 года поступил в Алексеевское военное училище и после окончания ускоренного четырехмесячного курса обучения в мае получил чин прапорщика и был направлен на Юго-Западный фронт, где получил назначение на должность полуротного командира роты 409-го Новохоперского полка 103-й пехотной дивизии 9-й армии. В 1916 году назначен командиром роты, принявшей участие в прославленном Брусиловском прорыве. Назначен командиром батальона, произведен в штабс-капитаны. После Октябрьской революции уволился из армии и, вернувшись в родные места, занимался сельским хозяйством, работал инструктором всеобщего и учителем.

В апреле 1919 года Василевского призвали в Красную армию, где он вскоре прошел все ступени командирского становления, от помощника командира взвода до командира полка. Василевский, назначенный помощником командира полка 11-й Петроградской дивизии, принимал участие в борьбе с белополяками, а затем – с бандитами в Смоленской губернии. Командовал полками, руководил дивизионной школой младших командиров. Обучался на стрелково-тактических курсах усовершенствования комсостава РККА им. III Коминтерна «Выстрел». Был переведен на штабную работу, с 1931 года служил в Управлении боевой подготовки РККА, являлся редактором «Бюллетеня боевой подготовки», был одним из разработчиков «Инструкции по ведению глубокого общевойскового боя», «Инструкции по взаимодействию пехоты, артиллерии, танков и авиации в современном общевойсковом бою» и «Наставлении по службе войсковых штабов». В 1934 году назначен начальником отдела боевой подготовки Приволжского военного округа. В ноябре 1936 года зачислен в Академию Генерального штаба, после ее окончания

назначен на должность начальника кафедры тыла академии, затем переведен в Генштаб – начальником отделения оперативной подготовки командного состава.

Переговоры в Берлине

16 августа 1938 года Василевскому присвоили очередное воинское звание – комбриг. Спустя несколько месяцев он был назначен заместителем начальника Оперативного управления Генштаба и принял активное участие в разработке первоначального плана советско-финской войны, не утвержденного командованием. В мае 1940 года Василевскому было присвоено звание командира дивизии, и он назначен первым заместителем начальника Оперативного управления. Участвовал в переговорах в составе делегации под руководством В.М. Молотова с правительством Третьего рейха.

Визит в Берлин осенью 1940 года Василевский подробно описал в своих воспоминаниях: «Специальным поездом, шедшим вне расписания, делегация выехала 9 ноября. Ее сопровождал в том же поезде немецкий посол в СССР граф фон дер Шуленбург. С Москвою поддерживалась постоянная радиосвязь. В первый же день поездки помощник В.М. Молотова И.И. Лапшов пригласил В.М. Злобина и меня к главе делегации. Из состоявшейся беседы нам нетрудно было уяснить, что переговоры в Берлине будут носить чисто политический характер и что основной целью нашей поездки является стремление Советского правительства определить дальнейшие намерения Гитлера и содействовать тому, чтобы как можно дольше оттянуть германскую агрессию».

На этих переговорах, равно как и на других, менее официальных, речь шла и об условиях, на которых Советский Союз мог бы примкнуть к странам Оси. Василевский в своих мемуарах описывает ситуацию идеологически правильно для послевоенного времени, то есть пишет о «грязной игре» противоположной стороны и «провокационном плане» раздела мира между Германией, Италией, Японией и СССР, который, разумеется, был отвергнут. «Не найдя общего языка, стороны разошлись. А вечером состоялся прием в советском посольстве на Унтер-ден-Линден. Явились рейхсмаршал Г. Геринг, заместитель Гитлера по руководству нацистской партией Р. Гесс, министр

иностранных дел фон Риббентроп и другие. Не успели усесться за стол, как раздался вой воздушной тревоги: к Берлину приближались английские самолеты. Прием был прерван».

Планы противодействия

После возвращения Василевский являлся одним из участников-разработчиков оперативных планов стратегического развертывания Красной армии на северном, северо-западном и западном направлениях в случае начала боевых действий против германской армии. Он вспоминал, что, по мнению Сталина, «Германия постарается направить в случае войны основные усилия не в центре того фронта, который тогда возникнет по линии советско-германской границы, а на юго-западе, с тем чтобы прежде всего захватить у нас наиболее богатые промышленные, сырьевые и сельскохозяйственные районы». В соответствии с этим Генштабу было поручено так подправить план развертывания, чтобы в нем было предусмотрено сосредоточение мощной группировки войск на Юго-Западном направлении.

Не случайно немецкие военачальники потом вспоминали, что в указанном регионе Красная армия в первые дни войны имела чуть ли не двукратное превосходство в силах.

Василевский, уже зная, как началась война и скольких потерь стоила, решительно критиковал в своих мемуарах идею размещения аэродромов и складов поблизости от тогда еще новой западной границы СССР. «Генеральный штаб и лица, непосредственно руководившие в Наркомате обороны снабжением и обеспечением жизни и боевой деятельности войск, считали наиболее целесообразным иметь к началу войны основные запасы подальше от государственной границы, примерно на линии реки Волги. Некоторые же лица из руководства наркомата (особенно Г.И. Кулик, Л.З. Мехлис и Е.А. Щаденко) категорически возражали против этого. Они считали, что агрессия будет быстро отражена и война во всех случаях будет перенесена на территорию противника... а раз это так, то и склады должны быть уже в мирное время придвинуты поближе к войскам».

В то же время разрабатывалась и концепция «упреждающего удара», впрочем, отвергнутая Сталиным. Но тезис о войне на чужой территории по-прежнему имел много сторонников. Василевский много

внимания уделял процессу подготовки, тренировки и обучения войск. В качестве практических мероприятий предусматривалось проведение зимою в каждой армии и округе армейского предназначения оперативной игры на тему армейской оборонительной операции, а в штабах округов фронтового предназначения – фронтовой оборонительной операции. Летом армии и округа осуществляли на тех же основаниях армейские или фронтовые двусторонние полевые учения. Основной, конечно, была наступающая сторона, а противоположная решала задачи оборонительного характера.

«Однако нельзя не сказать при этом, что правильная в принципе установка на то, чтобы вести войну на территории агрессора, что при нападении врага на СССР боевые действия советских войск должны быть до предела решительными, кое-где пропагандировалась односторонне, что, как уже говорилось, способствовало распространению иллюзий легкой победы в войне», – констатировал Василевский.

Неизбежность войны была очевидна, поэтому Генштаб разработал мобилизационный план. К началу вражеского наступления предусматривался выход на территорию приграничных округов войск, подаваемых из глубины СССР. Предполагалось также, что наши войска вступят в войну во всех случаях полностью изготовившимися и в составе предусмотренных планом группировок, что отмобилизование и сосредоточение войск будет произведено заблаговременно.

Как известно, это сделать не успели. Хотя с середины мая 1941 года по директивам Генерального штаба началось выдвижение ряда армий – общим числом до 28 дивизий – из внутренних округов в приграничные, положив тем самым начало выполнению плана сосредоточения и развертывания советских войск на западных границах. В мае и начале июня 1941 года на учебные сборы было призвано из запаса около 800 тысяч человек, и все они были направлены на пополнение войск приграничных западных военных округов и их укрепленных районов.

В мае – июне 1941 года по железной дороге на рубеж рек Западная Двина и Днепр были переброшены 19-я, 21-я и 22-я армии из Северо-Кавказского, Приволжского и Уральского военных округов, 25-й стрелковый корпус из Харьковского военного округа, а также 16-я армия из Забайкальского военного округа на Украину, в состав

Киевского, особого военного округа. 27 мая Генштаб дал западным приграничным округам указания о строительстве в срочном порядке полевых фронтовых командных пунктов, а 19 июня – вывести на них фронтовые управления Прибалтийского, Западного и Киевского особых военных округов. Управление Одесского округа сумело добиться такого разрешения ранее, что и обеспечило там не такое ошеломляющее начало войны.

Василевский признавался, что ему неоднократно приходилось выслушивать вопросы, почему при очевидно близком начале войны войска приграничных округов не были заблаговременно приведены в боевую готовность. «Само по себе приведение войск приграничной зоны в боевую готовность является чрезвычайным событием, и его нельзя рассматривать как нечто рядовое в жизни страны и в ее международном положении... преждевременная боевая готовность Вооруженных Сил может принести не меньше вреда, чем запоздание с ней. От враждебной политики соседнего государства до войны нередко бывает дистанция огромного размера». При этом маршал считает, что информация разведки доходила до Сталина не всегда в полном объеме и достаточной убедительности, а начальника Генштаба она и вовсе могла миновать: «Начальник разведуправления, являясь одновременно и заместителем наркома обороны, предпочитал выходить с докладом о разведанных непосредственно на Сталина, минуя начальника Генштаба. Если бы Г.К. Жуков был в курсе всей важнейшей развединформации, при его положении и характере, он, наверное, смог бы делать более точные выводы из нее и более авторитетно представлять эти выводы И.В. Сталину и тем самым в какой-то мере повлиять на убеждение И.В. Сталина, что мы в состоянии оттянуть сроки начала войны...»

«Всесторонне знать и правильно оценивать...»

С 1 августа 1941 года Василевский стал начальником оперативного управления и заместителем начальника Генерального штаба. Принимал активное участие в организации обороны Москвы. «Ставка и Генштаб помещались тогда на Кировской улице, откуда быстро и легко можно было во время бомбежки перебраться на станцию метро «Кировская», закрытую для пассажиров. От вагонной колеи ее зал отгородили и

разделили на несколько частей. Важнейшими из них являлись помещения для И.В. Сталина, генштабистов и связистов».

Советское руководство отнюдь не было уверено, что Москву удастся отстоять. 15 октября было принято постановление ГКО «Об эвакуации столицы СССР г. Москвы». 16 октября началась массовая эвакуация из Москвы. Постановление предписывало переправить в город Куйбышев (ныне – Самара) иностранные посольства и советское правительство.

После этого в городе вспыхнула паника. Рядовые граждане, будучи уверены, что о них никто заботиться не будет, бросились спасаться самостоятельно. Личных машин почти ни у кого не было – люди пытались брать штурмом немногочисленные и набитые до отказа поезда, шли пешком прочь из города по Щелковскому шоссе... Возникла опасность, что толпы беженцев помешают подвозу войск.

17 октября 1941 года была издана директива Ставки Верховного Главнокомандования о формировании самостоятельного Калининского фронта, который должен был объединить войска, действовавшие в направлении на Осташков, Ржев и Калинин (ныне – Тверь). Под директивой стояла подпись Василевского. Вновь созданный фронт был напрямую подчинен Ставке.

ДИРЕКТИВА СТАВКИ О СОЗДАНИИ КАЛИНИНСКОГО ФРОНТА

«Командующим Северо-Западным, Западным фронтами

Зам. командующего Западным фронтом т. КОНЕВУ

17 октября 41 г. 18 час. 30 мин.

В целях удобства управления войсками калининского направления Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Войска, действующие на осташковском, ржевском направлениях и в районе Калинина, выделить в самостоятельный Калининский фронт с непосредственным подчинением его Ставке Верховного Главнокомандования.

2. В состав войск Калининского фронта включить 22, 29 и 30 А Зап. фр., 183, 185 и 246 сд, 46 и 54 кд, 46 мотоциклетный полк и 8 тбр Сев. – Зап. фронта.

3. Командующим Калининским фронтом назначить генерал-полковника Конева. На усиление штаба фронта обратить штаб 10 армии. Штаб фронта развернуть в районе Бежецка.

4. Разгранлинии: с Сев. – Зап. фр. – Пошехонье – Володарск, ст. Остолопово, ст. Академическая, оз. Истомино, все для Калининского фронта включительно; с Зап. фронтом – ст. Берендеево, ст. Вербилки, ст. Решетникове, ст. Князьи Горы, Сычевка, все для Зап. фр. включительно.

5. Очередная задача фронта – очистить от войск противника район Калинина и ликвидировать во взаимодействии с Западным и Сев. – Зап. фронтами попытки противника обойти Москву с севера.

Ставка Верховного Главнокомандования

Сталин

Василевский».

Во время эвакуации из столицы Генштаба (с 16 октября по конца ноября) Василевский руководил в Москве оперативной группой (1-м эшелоном Генерального штаба) из десяти человек для обслуживания Ставки. По словам самого Василевского, в составе обязанностей было следующее: «всесторонне знать и правильно оценивать события на фронте; постоянно и точно, но без излишней мелочности, информировать о них Ставку; в связи с изменениями во фронтовой обстановке своевременно и правильно вырабатывать и докладывать Верховному Главнокомандованию свои предложения; в соответствии с принимаемыми Ставкой оперативно-стратегическими решениями быстро и точно разрабатывать планы и директивы; вести строгий и непрерывный контроль за выполнением всех решений Ставки, а также за боеготовностью и боеспособностью войск, формированием и подготовкой резервов, материально-боевым обеспечением войск».

За их успешное выполнение 28 октября 1941 года Василевскому было присвоено звание генерал-лейтенанта. Во время болезни начальника Генерального штаба Б.М. Шапошникова, с 29 ноября по 10 декабря 1941 года, Василевский исполнял его обязанности, в том числе – во время подготовки и начала контрнаступления под Москвой. «Замысел контрнаступления на Центральном направлении сводился к тому, чтобы ударами войск правого и левого крыла Западного фронта во взаимодействии с Калининским и Юго-Западным фронтами разгромить ударные группировки врага, стремившиеся охватить Москву с севера и юга. Ставка заранее довела до командующих Западным и Юго-Западным фронтами общие задачи, потребовала от них конкретных

предложений по их реализации. Основную роль в этом историческом контрнаступлении должен был сыграть и сыграл в действительности Западный фронт. 30 ноября командующий этим фронтом Г.К. Жуков прислал в Генштаб план контрнаступления Западного фронта и попросил меня «срочно доложить его народному комиссару обороны т. Сталину и дать директиву, чтобы можно было приступить к операции, иначе можно запоздать с подготовкой». К этому прилагалась объяснительная записка за подписями Г.К. Жукова, члена военного совета фронта Н.А. Булганина, начальника штаба фронта В.Д. Соколовского и план-карта».

Как известно, контрнаступление началось в намеченные сроки – и именно в тот момент, когда измотанные тяжелыми боями, холодом и бездорожьем немецкие войска утратили способность к наступательным действиям. А когда, развивая успех, двинулись в дальнейшее наступление части Северо-Западного и Калининского фронтов, на их намеченном пути не оказалось серьезных сил, поэтому советским войскам удалось достаточно быстро выйти на подступы к Великим Лукам, зайдя в тыл немецкой группировке.

Основные и самые тяжелые бои шли в зоне действия Западного фронта. 9 января распоряжением Военного совета Западного фронта был подтвержден появившийся ранее запрет на «лобовые атаки укрепленных противником населенных пунктов».

10 января командующие фронтами и командармы получили директивное письмо Ставки Верховного Главнокомандования, в котором содержалась инструкция по способу ведения наступательных действий с учетом опыта первых месяцев войны и декабрьского контрнаступления.

*ДИРЕКТИВНОЕ ПИСЬМО
СТАВКИ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДОВАНИЯ
«№ 03*

10 января 1942 г. 1 ч. 50 м.

После того как Красной армии удалось достаточно измотать немецко-фашистские войска, она перешла в контрнаступление и погнала на запад немецких захватчиков.

Для того, чтобы задержать наше продвижение, немцы перешли на оборону и стали строить оборонительные рубежи с окопами,

заграждениями, полевыми укреплениями. Немцы рассчитывают задержать таким образом наше наступление до весны, чтобы весной, собрав силы, вновь перейти в наступление против Красной армии. Немцы хотят, следовательно, выиграть время и получить передышку.

Наша задача состоит в том, чтобы не дать немцам этой передышки, гнать их на запад без остановки, заставить их израсходовать свои резервы еще до весны, когда у нас будут новые большие резервы, а у немцев не будет больше резервов, и обеспечить таким образом полный разгром гитлеровских войск в 1942 году.

Но для осуществления этой задачи необходимо, чтобы наши войска научились взламывать оборонительную линию противника, научились организовывать прорыв обороны противника на всю ее глубину и тем открыли дорогу для продвижения нашей пехоты, наших танков, нашей кавалерии. У немцев имеется не одна оборонительная линия, они строят и будут иметь скоро вторую и третью оборонительные линии. Если наши войска не научатся быстро и основательно взламывать и прорывать оборонительную линию противника, наше продвижение вперед станет невозможным

Можно ли сказать, что наши войска уже научились взламывать и прорывать оборонительную линию противника?

К сожалению, нельзя сказать этого с полным основанием. Во всяком случае, далеко еще не все наши армии научились прорывать оборонительную линию противника.

Что необходимо для того, чтобы обеспечить прорыв оборонительной линии противника на всю ее глубину?

Для этого требуется, по крайней мере, два условия: во-первых, нужно заменить в практике наших армий и фронтов действия отдельными дивизиями, расположенными цепочкой, действиями ударных групп, сосредоточенными в одном направлении, и, во-вторых, необходимо заменить так называемую артиллерийскую подготовку артиллерийским наступлением.

1. Действия ударными группами. Большинство наших армий, к сожалению, еще не научилось взламывать и прорывать при нашем наступлении оборонительную линию противника. Наши войска наступают обычно отдельными дивизиями или бригадами, расположенными по фронту в виде цепочки. Понятно, что такая организация наступления не может дать эффекта, так как не дает

нам перевеса сил на каком-либо участке. Такое наступление обречено на провал. Наступление может дать должный эффект лишь в том случае, если мы создадим на одном из участков фронта большой перевес сил над силами противника. А для этого необходимо, чтобы в каждой армии, ставящей себе задачу прорыва обороны противника, была создана ударная группа в виде трех или четырех дивизий, сосредоточенных для удара на определенном участке фронта. В этом первейшая задача командования армии, ибо только таким образом можно обеспечить решительный перевес сил и успех прорыва обороны противника на определенном участке.

То же самое нужно сказать о задачах командования фронта при организации прорыва и наступления, при этом понятно, что ударная группировка фронта должна состоять не из нескольких дивизий, а из нескольких армий, ибо прорыв в пределах фронта является более мощной и широкой операцией, требует гораздо больше сил, чем наступление в пределах армии.

2. Организация артиллерийского наступления. В деле прорыва обороны противника и организации наступления против противника артиллерия имеет решающее значение. Без серьезной и длительной помощи артиллерии, сосредоточенной на одном каком-либо участке, прорыв обороны противника и организация наступления невозможны.

У нас нередко бросают пехоту в наступление против оборонительной линии противника без артиллерии, без какой-либо поддержки со стороны артиллерии, а потом жалуются, что пехота не идет против обороняющегося и окопавшегося противника. Понятно, что такое «наступление» не может дать желательного эффекта. Это не наступление, а преступление – преступление против Родины, против войск, вынужденных нести бессмысленные жертвы.

В чем должна состоять артиллерийская поддержка пехоты при наступлении?

Под артиллерийской поддержкой пехоты у нас обычно понимают артиллерийскую подготовку перед наступлением. Обычно артиллерия ведет огонь перед наступлением пехоты полчаса, час, иногда два часа и больше, а потом артиллерия перестает действовать, предоставляя пехоте наступать, несмотря на то, что оборона противника еще не разрушена на всю ее глубину, а артиллерийские точки и пулеметные гнезда противника еще не подавлены. Это называется

«артиллерийской подготовкой». Не трудно понять, что такая артиллерийская поддержка недостаточна, а наступление при такой недостаточной поддержке не может дать желательного эффекта. Этим, собственно, и объясняется, что наши наступательные операции против обороны противника довольно часто выдыхаются, несмотря на наличие «артиллерийской подготовки», причем для того, чтобы наступление сделать эффективным, приходится несколько раз повторять так называемую «артиллерийскую подготовку».

Из этого следует, что так называемая «артиллерийская подготовка», как средство артиллерийской поддержки наступления пехоты, уже не отвечает требованиям войны, отжила свой век и должна быть отброшена.

Чтобы артиллерийскую поддержку сделать действительной, ... эффективным, нужно от практики артиллерийской подготовки перейти к практике артиллерийского наступления.

Что это означает?

Это означает, во-первых, что артиллерия не может ограничиваться разовыми действиями в течение часа или двух часов перед наступлением, а должна наступать вместе с пехотой, должна вести огонь при небольших перерывах за все время наступления, пока не будет взломана оборонительная линия противника на всю ее глубину.

Это означает, во-вторых, что пехота должна наступать не после прекращения артиллерийского огня, как это имеет место при так называемой «артиллерийской подготовке», а вместе с наступлением артиллерией, под гром артиллерийского огня, под звуки артиллерийской музыки.

Это означает, в-третьих, что артиллерия должна действовать не вразброс, а сосредоточенно, и она должна быть сосредоточена не в любом месте фронта, а в районе действия ударной группы армии, фронта и только в этом районе, ибо без этого условия немислимо артиллерийское наступление.

Любая наша армия, как бы она ни была бедна артиллерией, могла бы сосредоточить в районе действия своей ударной группы 60–80 орудий, обратив на это дело армейский артиллерийский полк и взяв у своих дивизий, скажем, по две батареи дивизионной артиллерии и десятка два-три 120-мм минометов. Сформированная таким образом

группа артиллерии была бы вполне достаточна для того, чтобы взломать оборону противника и оказать таким образом неоценимую артиллерийскую поддержку ударной группе армии. Если этого не делают наши армии, то это происходит потому, что они недооценивают великое значение массированного артиллерийского огня для наступления пехоты.

Любой наш фронт, как бы он ни был беден артиллерией, точно так же мог бы сосредоточить в районе действий ударной группы фронта 150–200 орудий, обратив на это дело свой фронтовой артиллерийский резерв и взяв у ряда своих армий их армейские артиллерийские полки и хотя бы одну треть их дивизионной артиллерии. Сформированная таким образом группа артиллерии была бы вполне достаточна для того, чтобы взломать оборону противника в районе фронта. Если этого не делают наши фронты, то это происходит потому, что они недооценивают великое значение массированного артиллерийского огня для наступления пехоты.

Выводы:

1) Противник перешел на оборону и строит оборонительные укрепленные линии с целью задержать продвижение Красной армии.

2) Красная армия не может дать врагу передышки, – она должна наступать и гнать противника на запад.

3) Чтобы успешно наступать, мы должны взламывать и прорывать оборону противника.

4) Чтобы взламывать и рвать оборону противника, надо нам научиться действовать ударными группами в районе армии, в районе фронта.

5) Чтобы ударные группы имели успех, они должны иметь серьезную артиллерийскую поддержку за все время прорыва обороны противника на всю ее глубину.

6) Чтобы обеспечить пехоте такую артиллерийскую поддержку, нужно перейти от практики «артиллерийской подготовки» к практике артиллерийского наступления.

7) Чтобы артиллерийское наступление стало эффективным, командующие армиями и фронтами должны сосредоточить основную массу артиллерии в районе действия их ударных групп.

8) Только соединенные действия ударной группы пехоты и массовой артиллерии могут обеспечить успех наступления.

*Ставка Верховного Главнокомандования
И. СТАЛИН
А. ВАСИЛЕВСКИЙ».*

К 20 января были освобождены Руза и Можайск. Следующей целью была Вязьма. 27 января кавалерийский корпус генерала Белова начал наступать около Юхнова, вскоре выйдя к Вязьме с юга. Там же вели бои части 33-й армии под командованием генерала Ефремова.

Наступление войск Западного фронта в районе Волоколамска развивалось успешно. Войсками 20-й армии был занят стратегически выгодный плацдарм на западном берегу реки Лама, а Волоколамское шоссе позволяло оперативно подвозить всё необходимое.

Тяжелое лето 1942 года

С середины апреля по начало мая 1942 года Василевский был отправлен в качестве представителя Ставки на Северо-Западный фронт, где советские войска пытались ликвидировать демянский плацдарм. Позже вместе с командующим Волховского фронта Мерецковым пытался организовать выход из окружения частей 2-й ударной армии.

В мае Красную армию поджидали следующие тяжелые испытания. Попытка освободить Крым провалилась. Василевский был свидетелем того, с каким гневом обрушивался Верховный на тамошнего представителя Ставки – Мехлиса. Сталин писал ему: «На Крымском фронте Вы – не посторонний наблюдатель, а ответственный представитель Ставки, отвечающий за все успехи и неудачи фронта и обязанный исправлять на месте ошибки командования. Если «вся обстановка показывала, что с утра противник будет наступать», а Вы не приняли всех мер к организации отпора, ограничившись пассивной критикой, то тем хуже для Вас... Вы требуете, чтобы мы заменили Козлова кем-либо вроде Гинденбурга. Но Вы не можете не знать, что у нас нет в резерве Гинденбургов. Дела у вас в Крыму несложные, и Вы могли бы сами справиться с ними. Если бы Вы использовали штурмовую авиацию не на побочные дела, а против танков и живой силы противника, противник не прорвал бы фронта и танки не прошли бы».

В то же самое время Василевский участвовал в разработке и осуществлении печально известной операции, которая имела своей целью освобождение Харькова и полный разгром группы армий «Юг», но обернулась еще одним, откровенно катастрофическим разгромом.

«12 мая, – вспоминал он, – то есть в разгар неудачных для нас событий в Крыму, войска Юго-Западного фронта, упредив противника, перешли в наступление. Сначала оно развивалось успешно... Но уже 17 мая ударная группировка противника в составе 11 дивизий армейской группы генерал-полковника Клейста перешла в контрнаступление из района Славянск, Краматорск и, прорвав фронт обороны 9-й армии, начала серьезно угрожать 57-й армии Южного фронта, а затем и ударной группировке Юго-Западного фронта».

Дальше, по словам Василевского, несколько дней с этого театра военных действий шли тревожные сообщения, а Сталин, тем не менее, не давал разрешения на немедленный отвод войск. Хотя Жуков, как уже упоминалось, утверждал, что таких сообщений не было, напротив – Верховного заверяли, что дела идут прекрасно. Василевский писал: «19 мая ударная группировка противника, действовавшая на Барвенковском выступе, вышла в тыл советским войскам, и только тогда Тимошенко отдал, наконец, приказ прекратить дальнейшее наступление на Харьков и использовать основные силы нашей ударной группировки для ликвидации прорыва и восстановления положения в полосе 9-й армии. Верховный утвердил это решение. Но, к сожалению, состоялось оно слишком поздно: три армии Южного и Юго-Западного фронтов понесли тяжелые потери».

Какая информация на самом деле поступала, и как именно развивались события, каждый из высших офицеров, причастных к харьковской катастрофе, излагает по-своему. Но общий итог был неутешителен.

26 июня 1942 года Василевский получил назначение на должность начальника Генштаба, обязанности которого он уже исполнял: «24 апреля И.В. Сталин по телефону сообщил мне, что напряженнейшая работа подорвала здоровье Б.М. Шапошникова и что Ставка в связи с этим вынуждена освободить его от работы, дать ему возможность подлечиться, отдохнуть, что принято решение временно исполнение обязанностей начальника Генерального штаба возложить на меня, освободив меня от непосредственного руководства Оперативным

управлением Генштаба». А через два с небольшим месяца он был одновременно назначен и на должность заместителя наркома обороны СССР.

В это время уже вовсю шли бои за Сталинград. В книге «Семь вождей» известный историк Д.А. Волкогонов писал: «Хотим мы этого или не хотим, но в трагические месяцы начала войны беспощадная страшная воля Сталина смогла заставить многих людей «упереться», призвать все свое личное мужество на помощь, одолеть свое малодушие под страхом смертельной кары». Именно суровые сталинские приказы № 270 (о трусах и паникерах, сдающихся в плен) и № 227 («Ни шагу назад!») способствовали нормализации обстановки в Красной армии в тяжелом и решающем 1942 году.

Маршал Василевский в своих воспоминаниях оценивает приказ как «один из самых сильных документов военных лет по глубине патриотического содержания, по степени эмоциональной напряженности». Он сам участвовал как представитель Ставки в координации действий фронтов во время Сталинградской битвы: «Одновременно с прорывом нашей обороны немецкое командование предприняло 23 и 24 августа ожесточеннейшую бомбардировку города, для которой были привлечены все наличные силы его 4-го воздушного флота. Я был тогда в городе и видел, как он превращается в развалины. По ночам он напоминал гигантский костер».

Причину неудачных действий под Сталинградом Василевский видел в том, что не хватало танков, самолетов и общей организованности: «Наспех создаваемые ударные группировки состояли, как правило, из ослабленных в боях стрелковых соединений. Войска же, направляемые Ставкой по железной дороге, поступали медленно и, не закончив сосредоточения, сразу же вводились в бой. В танковых соединениях фронта исправных танков было мало. Времени для подготовки контрударов, для отработки взаимодействия и организации управления войсками не хватало».

Наконец, приступили к разработке большой операции против сталинградской группировки вермахта. Сталин вызвал Жукова в Москву. Там Георгий Константинович вновь доложил о ситуации и сказал, что нужны значительные подкрепления. Он отметил, что в окрестностях Сталинграда местность плохо годится для наступления – в ровной степи нет укрытий от артиллерийского огня противника,

который, напротив, имеет возможность держать оборону, засев в многочисленных узких и глубоких оврагах. А поскольку при этом в распоряжении немцев находятся господствующие над местностью высоты, то при нынешнем раскладе сил прорвать немецкий фронт невозможно.

Сталин выслушал все это и спросил:

– Что нужно Сталинградскому фронту, чтобы ликвидировать коридор противника и соединиться с Юго-Восточным фронтом?

– Минимум еще одну полнокровную общевойсковую армию, танковый корпус, три танковые бригады и не менее 400 орудий гаубичной артиллерии, – ответил Жуков. – Кроме того, на время операции необходимо дополнительно сосредоточить не менее одной воздушной армии.

Василевский, который перед тем докладывал Сталину обстановку на Кавказе, полностью согласился с Жуковым.

«Верховный достал свою карту с расположением резервов Ставки, долго и пристально ее рассматривал, – вспоминал Жуков. – Мы с Александром Михайловичем отошли подальше от стола в сторону и очень тихо говорили о том, что, видимо, надо искать какое-то иное решение.

– А какое «иное» решение? – вдруг подняв голову, спросил И.В. Сталин.

Я никогда не думал, что у И.В. Сталина такой острый слух. Мы подошли к столу.

– Вот что, – продолжал он, – поезжайте в Генштаб и подумайте хорошенько, что надо предпринять в районе Сталинграда. Откуда и какие войска можно перебросить для усиления сталинградской группировки, а заодно подумайте и о Кавказском фронте. Завтра в 9 часов вечера снова соберемся здесь».

В течение следующего дня Жуков и Василевский анализировали ситуацию и строили план операции, которая позволила бы не расплывать силы, а использовать готовящиеся резервы для достижения стратегического результата. Вечером они предложили Сталину такой план действий – в ближайшее время продолжать изматывать немцев активной обороной, одновременно занявшись подготовкой мощного контрнаступления. «Суть стратегического замысла, – пояснял впоследствии Василевский, – сводилась к тому, чтобы из района

Серафимовича (то есть северо-западнее Сталинграда) и из дефиле озер Цаца и Барманцак (то есть южнее Сталинграда) в общем направлении на Калач, лежащий западнее Сталинграда, нанести мощные концентрические удары по флангам втянувшейся в затяжные бои за город вражеской группировки, а затем окружить и уничтожить ее основные силы – 6-ю и 4-ю танковую немецкие армии. До начала контрнаступления было признано необходимым уделить самое пристальное внимание обороне внутри города, с тем чтобы на его развалинах максимально измотать и обескровить врага...»

Василевский занимался и успешным отражением попытки деблокирования 6-й армии Паулюса ударной группировкой Манштейна. «В ночь на 14 декабря последовало и еще одно очень важное решение Ставки: изменить направление главного удара Юго-Западного и левого крыла Воронежского фронтов. Если по плану операции «Сатурн» оно намечалось прямо на юг, через Миллерово на Ростов, в тыл всей группировке противника на южном крыле советско-германского фронта, то теперь было решено после разгрома итальянской армии на среднем течении Дона направить удар на юго-восток, в сторону Морозовска и Тормосина, то есть в тыл деблокирующей группировке Манштейна». 23 декабря части под командованием Манштейна находилась от окруженных войск Паулюса всего в 35–40 км. Однако дальше продвинуться им не удалось.

Затем Василевский занимался координацией наступления Красной армии на Верхнем Дону. 16 февраля 1943 года Василевскому было присвоено высшее воинское звание в СССР – Маршал Советского Союза (звание Генералиссимуса Советского Союза было введено Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1945 года).

Курск, Крым, «Багратион»

На Курской дуге Василевский занимался координацией взаимодействия Воронежского и Степного фронтов. Великая битва на Курской дуге началась 5 июля 1943 года и оказалась одним из решающих сражений Великой Отечественной да и всей Второй мировой войны. Во время этой военной операции произошло и самое грандиозное в истории танковое сражение, в нем было задействовано шесть тысяч танков.

С немецкой стороны войсками руководили генерал-фельдмаршалы фон Клюге и Манштейн, с советской – маршалы Жуков и Василевский. Советская разведка сработала настолько умело, что готовый план операции, носившей название «Цитадель», оказался на столе у Сталина раньше, чем у Гитлера.

Советские войска обустроили на Курской дуге восемь рубежей обороны. Перед самым началом наступления по выдвигающимся немецким войскам ударила артиллерия. В итоге наступление захлебнулось, а стратегическая инициатива теперь уже до самого конца войны перешла к Красной армии.

Доклад Василевского Сталину от 14 июля 1943 года

«Согласно Вашим личным указаниям с вечера 9.VII.43 г. непрерывно нахожусь в войсках Ротмистрова и Жадова на прохоровском и южном направлениях. До сегодняшнего дня включительно противник продолжает на фронте Жадова и Ротмистрова массовые танковые атаки и контратаки против наступающих наших танковых частей. Ликвидация прорыва армии Крюченкина, создавшая серьезную угрозу тылам главных сил армии Ротмистрова и корпусу Жадова, потребовала выделения двух мехбригад из 5-го механизированного корпуса и отдельных частей Ротмистрова в район Шахово, Авдеевка, Александровская. Ликвидация же прорыва армии Жадова в районах Веселый, Васильевка, Петровка 12.VII.43 г. вынудила бросить туда остальные части 5-го механизированного корпуса. То и другое в значительной мере ослабило силы основного удара Ротмистрова со стороны Прохоровка в юго-западном направлении. По наблюдениям за ходом происходящих боев и по показаниям пленных, делаю вывод, что противник, несмотря на огромные потери, как в людских силах, так и особенно в танках и в авиации, все же не отказывается от мысли прорваться на Обоянь и далее на Курск, добиваясь этого какой угодно ценой. Вчера сам лично наблюдал к юго-западу от Прохоровки танковый бой наших 18-го и 29-го корпусов с более чем двумястами танков противника в контратаке. Одновременно в сражении приняли участие сотни орудий и все имеющиеся у нас РСы. В результате все поле боя в течение часа было усеяно горящими немецкими и нашими танками.

В течение двух дней боев 29-й танковый корпус Ротмистрова потерял безвозвратными и временно вышедшими из строя 60 % и 18-й корпус – до 30 % танков. Потери в 5-м механизированном корпусе незначительны. На завтра угроза прорыва танков противника с юга в район Шахово, Авдеевка, Александровка продолжает оставаться реальной. В течение ночи принимаю все меры к тому, чтобы вывести сюда весь 5-й механизированный корпус, 32-ю мотобригаду и четыре полка ИПТАП. Учитывая крупные танковые силы противника на прохоровском направлении, здесь на 14.VII главным силам Ротмистрова совместно со стрелковым корпусом Жадова поставлена ограниченная задача – разгромить противника в районе Сторожевое, севернее Сторожевое, совхоз «Комсомолец», выйти на линию Грязное – Ясная Поляна и тем более прочно обеспечить прохоровское направление.

Не исключена здесь и завтра возможность встречного танкового сражения. Всего против Воронежского фронта продолжают действовать не менее одиннадцати танковых дивизий, систематически пополняемых танками. Опрошенными сегодня пленными показали, что 19-я танковая дивизия на сегодня имеет в строю около 70 танков, дивизия «Райх» до 100 танков, хотя последняя после 5.VII.43 уже дважды пополнялась. Донесение задержал в связи с поздним прибытием с фронта. 2 ч. 47 м. 14.VII.43. Из 5-й гвардейской танковой армии».

Затем Василевский планировал операцию по освобождению территории Донбасса, Правобережной Украины, Крыма от немецких войск. Как и раньше, военачальники в целях соблюдения секретности при необходимости пользовались псевдонимами. Василевский в таких случаях становился Александровым.

4 марта 1944 года. Василевский – Сталину

«Сегодня вместе с тов. Обуховым был на Сиваше у Крейзера, туда же вызвал с Перекопа Захарова и на месте ознакомился с условиями подготовки Крымской операции. Прошедший вчера и сегодня дождь окончательно вывел из рабочего состояния дороги. Весь автотранспорт стоит на дорогах в грязи. С трудом кое-как работают лишь тракторами. От попытки пробраться к Крейзеру на

машинах пришлось отказаться, летели на У-2. При таком состоянии дорог начинать операцию нельзя, не сумеем за продвигающимися войсками подать не только пушки и снаряды, но даже продовольствие и кухни. К тому же переправы на Сиваше, разрушенные штормом в последних числах февраля, восстановлением из-за подвоза лесоматериалов задерживаются. На основе всего виденного лично и на основе докладов непосредственных участников в подготовке операции считаю, что Крымскую операцию можно будет начать лишь в период между 15–20 марта. Только к этому времени сумеем иметь на Сиваше две серьезные переправы и сумеем подвезти как на Перекоп, так и на Сиваш все необходимое. Прошу Вас утвердить указанные сроки. Все указания по подготовке операции дал, и к отработке всех вопросов в армиях с учетом моих указаний приступят немедленно. 4 марта вновь вылетаю к Родионову с тем, чтобы вернуться к Обухову дней за пять до начала операции. Александров».

Ставка стремилась к тому, чтобы не дать немецкому командованию эвакуировать из Крыма свои войска. Поэтому Сталин пристально следил за подготовкой Крымской операции и ее ходом.

31 марта. Василевский – Сталину

«30 марта в Мелитополе совместно с военсоветом 4-го Украинского фронта обсудили вопросы, связанные с проведением Крымской операции. 1. Считаю необходимым принятие решительных мер по организации настоящей блокады Крыма, которая воспрепятствовала бы переброске войск и материальных ресурсов как в Крым, так и обратно. Для этой цели необходимо немедленно усилить авиагруппу Черноморского флота в Скадовске, которая в данный момент вместе с авиацией прикрытия составляет меньше 100 самолетов и при этом слабо обеспеченных транспортными средствами и горючим. Блокаду Крыма в настоящее время считать важнейшей задачей для Черноморского флота. Поэтому из имеющихся в распоряжении Черноморского флота более 500 самолетов необходимо довести авиацию Скадовска до 250–300 самолетов. Кроме того, для этой же цели следовало бы теперь перебросить до 10 подлодок в город Николаев. По этим вопросам просим указаний наркомку Кузнецову. 2. 4-й Украинский фронт полностью подготовлен к

выполнению задачи. Выпал глубокий снег, который вывел аэродромы из строя, а частые метели и туманы исключают возможность проведения нормальной работы артиллерии. Если погода позволит, то 4-й Украинский фронт начнет операцию не позднее 5 апреля 1944 года. На керченском направлении предлагаем начать через 2–3 дня после начала Перекопской операции. Просим утверждения. К. Ворошилов. А. Василевский».

«10 мая столица Родины салютовала доблестным войскам 4-го Украинского фронта, освободившим Севастополь, – вспоминал Василевский. – В ночь на 12 мая Приморская и 51-я армии, прорвав оборону врага на оборонительном рубеже, прикрывавшем мыс Херсонес, полностью ликвидировали остатки севастопольской группировки противника и через сутки вышли к побережью Черного моря по всей линии фронта. Остатки вражеских дивизий бежали к Херсонесскому мысу, надеясь на эвакуацию. Но надеяться им было не на кого. За три дня штурма Севастополя и за два дня боев на мысе Херсонес мы взяли в плен 21 тыс. немецких и румынских солдат и офицеров, захватили множество всевозможной боевой техники, имущества и снаряжения».

Василевский признавался, что очень хотел увидеть освобожденный Севастополь как можно скорее. И чуть не погиб при этом: «Переезжая через одну из фашистских траншей в районе Мекензиевых гор, наша автомашина наскочила на мину. Каким образом там уцелела мина, невозможно понять: за двое суток по этой дороге прошла не одна сотня машин. Произошел невероятный случай: мотор и передние колеса взрывной волной были отброшены от кузова на несколько метров в сторону, шоферу лейтенанту В.Б. Смирнову повредило левую ногу. Я сидел рядом с ним в кабине и получил весьма ощутимый ушиб головы. Мелкие осколки стекла поранили мне лицо».

Координировал Василевский и действия фронтов во время Белорусской операции. 30 мая 1944 года Сталин утвердил план операции «Багратион». Начало ее было намечено на последнюю декаду июня. Задачей Жукова было координировать действия 1-го и 2-го Белорусских фронтов, а Василевскому поручались два других фронта – 1-й Прибалтийский и 3-й Белорусский фронтов. Причем Жуков и

Василевский имели полномочия прямо руководить боевыми действиями фронтов.

Штурм Кёнигсберга

После гибели 18 февраля 1945 года генерала армии И.Д. Черняховского, командовавшего 3-м Белорусским фронтом, на его место был назначен Василевский, который и руководил взятием одной из самых укрепленных фашистских цитаделей – Кёнигсберга.

В гарнизон Кёнигсберга входили 4 пехотные дивизии, ряд отдельных полков, крепостные части, охранные подразделения, отряды фольксштурмовцев – около 130 тыс. солдат, почти 4 тыс. орудий и минометов, более 100 танков и штурмовых орудий. На аэродромах Земландского полуострова базировались 170 самолетов. Было три оборонительные позиции с долговременными сооружениями и противотанковыми препятствиями. Первая, оборудованная в 6–8 км от центра города, состояла из нескольких линий сплошных заграждений и минных полей. На ней находилось полтора десятка старых, но еще очень прочных фортов, в каждом из которых размещался солидный гарнизон. По городским окраинам проходила вторая позиция, включавшая в себя каменные здания, баррикады и железобетонные огневые точки. Третью позицию, опоясывавшую центральную часть города, составляли главным образом бастионы, рavelины, башни и крепкие постройки. В самом центре Кёнигсберга находилась старинная крепость, которую оборонял отборный гарнизон.

«Перед началом штурма наша артиллерия и авиация в течение четырех дней разрушали долговременные оборонительные сооружения крепости. Нам были известны все детали обороны. На абсолютно точном макете города командиры всех степеней отработали шаг за шагом план штурма. Исключительно большую работу провел штаб фронта во главе с генерал-полковником А.П. Покровским. Войска тренировались в отбитых у врага дотах, рвах и траншеях, изучая тактику уличных боев. 6 апреля установилась ясная погода. После мощной артиллерийской подготовки начался штурм. Пехота и танки под прикрытием сокрушительного огневого вала атаковали противника. Во второй половине дня во всю силу начала действовать и наша авиация...» – вспоминал Василевский.

Последний комендант Кёнигсберга Отто фон Ляш в своей книге «Так пал Кёнигсберг» писал: «9 апреля стало окончательно ясно, что я со своими солдатами и всем населением Кёнигсберга, брошен вышестоящим командованием на произвол судьбы. Ждать помощи со стороны уже не приходилось. В течение трех дней в городе царили смерть и разрушение, не оставалось ни малейших шансов на то, что мы сумеем выстоять своими силами или изменить безвыходное положение дальнейшим сопротивлением. Склады с боеприпасами и продовольствием большей частью сгорели, артиллерийских снарядов почти не осталось, пехотных боеприпасов тоже было очень мало. С оперативной точки зрения дальнейшая оборона Кёнигсберга в тот момент уже не имела значения для исхода войны, поскольку в начале апреля русские армии находились уже в Померании, Бранденбурге и Силезии, а английские и американские войска перешли Рейн и стояли у ворот Ганновера...»

Перед окончанием Великой Отечественной войны Василевский начинает разработку плана Маньчжурской стратегической наступательной операции, одобренного Ставкой. 30 июля 1945 года Василевский назначается главнокомандующим советскими войсками на Дальнем Востоке и начинает подготовку к наступлению, начавшемуся 9 августа. После 24 дней ожесточенных боев советские и монгольские войска под командованием Василевского разгромили японскую Квантунскую армию.

С 22 марта 1946 по ноябрь 1948 года Василевский был начальником Генерального штаба и замминистра Вооруженных сил, затем – первым заместителем министра Вооруженных сил. С 24 марта 1949 по 16 марта 1953 – министром Вооруженных сил СССР, затем – военным министром Советского Союза. Далее по 15 марта 1956 года занимал пост первого заместителя министра обороны. С 14 августа 1956 по декабрь 1957 года исполнял обязанности заместителя министра обороны СССР по вопросам военной науки, в январе 1959 года стал генеральным инспектором Группы генеральных инспекторов Министерства обороны.

Скончался Александр Василевский 5 декабря 1977 года.

Константин Рокоссовский. Маршал двух народов

Выдающийся советский полководец, Маршал Советского Союза Константин Константинович Рокоссовский появился на свет 21 декабря 1896 (в некоторых документах – 1894) года. В заполненных им документах (анкете и автобиографии) указано обычно одно из мест рождения – Великие Луки или Варшава. До 1945 года он указывал Варшаву, а затем – Великие Луки. По мнению внука маршала, Константина Вильевича Рокоссовского, это может быть связано с тем, что в победном 1945-м Рокоссовский стал дважды Героем Советского Союза, и поэтому на родине героя полагалось установить его бюст, но устанавливать бюст советского маршала в Варшаве было неудобно, и поэтому Сталин посоветовал Рокоссовскому «сменить» место рождения. Варшава снова стала местом рождения полководца осенью 1949 года, когда он вернулся в нее, чтобы возглавить Войско польское.

Отец К.К. Рокоссовского, происходивший из старинного шляхетского рода Рокоссовских, умер, когда сын был ребенком. Мальчика взял к себе дядя Александр. В своей автобиографии полководец писал, что окончил четырехклассное городское училище в Варшаве, затем устроился на работу – в магазине, на фабрике, позже – помощником каменотеса.

Сразу после начала Первой мировой войны добровольцем вступил в драгунский полк. Не имея специальной военной подготовки, уже в первые дни войны драгун Рокоссовский, принявший участие в составе 9-й армии в Галицийской битве, отличился в бою, за что и был награжден 28 октября Георгиевским крестом 4-й степени. Позже за проявленные высокие боевые качества, героизм и смекалку был произведен в ефрейторы и отмечен наградами. В сентябре 1916 года был направлен в учебную команду, где занимался практическим изучением методики подготовки бойца и совершенствованием навыков владения оружием. Вскоре после Февральской революции, 29 марта 1917 года, был произведен в младшие унтер-офицеры. Отличился во время Рижской операции и был представлен к награде, но не успел получить ее – 29 декабря 1917 года декретом Совета народных

комиссаров Российской Советской Республики были отменены в армии все чины, звания, титулы, ордены и знаки различия, а воины отныне стали «солдатами революционной армии».

В октябре 1917 года Рокоссовский добровольно вступил в Красную Гвардию. В автобиографии, написанной 4 апреля 1940 года, комдив Рокоссовский сообщал о своей боевой деятельности в годы Гражданской войны и в 1920-е годы следующие факты: «Участвовал в боях: в составе Каргопольского красногвардейского кавотряда в должности помначотряда – в подавлении контрреволюционных восстаний в районе Вологды, Буя, Галича и Солигалича с ноября 1917 года по февраль 1918 года. В боях с гайдамаками, анархобандитскими отрядами Ремнева и в подавлении анархистских контрреволюционных выступлений в районе Харьков, Унеча, Михайловский хутор, Карачев-Брянск с февраля 1918 года по июль 1918 года.

С июля 1918 года в составе этого же отряда переброшен на восточный фронт под Свердловск и участвовал в боях с белогвардейцами и чехословаками под ст. Кузино, Свердловском, ст. Шамары и Шаля до августа 1918 года.

С августа 1918 года отряд переформирован в 1-й Уральский имени Володарского кавполк – назначен командиром 1-го эскадрона. С августа 1918 года занимал последовательно командные должности: командира эскадрона 1-го Уральского имени Володарского кавполка, командира 2-го Уральского отдельного кавдивизиона, командира 30-го кавалерийского полка, находясь на Восточном фронте (3-я и 5-я армии), участвовал в боях до полного разгрома колчаковской белой армии и ликвидации таковой. В 1921 году участвовал в боях против белогвардейских отрядов барона Унгерна до полной их ликвидации, состоя в должности командира 35-го кавполка.

В 1923 и 1924 годах участвовал в боях против вышедших на территорию СССР (Забайкалье) белогвардейских банд генерала Мыльникова, полковников Деревцова, Дуганова, Гордеева и есаула Щедрина до полного их уничтожения (был начальником Сретенского боевого участка). В 1929 году, командуя 5-й Отдельной Кубанской кавбригадой, участвовал в боях под г. Маньчжурией, Чжалайнором-Хайларом...

Гражданскую войну провел, находясь в строю на фронте без всяких перерывов. Дважды ранен. За боевые отличия на фронте

трижды награжден орденом Красного Знамени. За высокие достижения в области боевой подготовки частей награжден орденом Ленина».

«Учит и воспитывает правильно»

Рокоссовский постоянно повышал свои военные знания – в сентябре 1924 года он стал слушателем Кавалерийских курсов усовершенствования командного состава, вместе с ним на них занимались Г.К. Жуков, И.Х. Баграмян и А.И. Ерёменко. В январе 1929 года Рокоссовский являлся слушателем курсов усовершенствования высшего начальствующего состава при Академии им. М.В. Фрунзе. Через год после этого Рокоссовский был назначен на должность командира 7-й Самарской имени английского пролетариата кавалерийской дивизии. Дивизия входила в состав 3-го кавалерийского корпуса (которым командовал С.К. Тимошенко) Белорусского военного округа. В аттестации за 1930 год Рокоссовскому дается следующая характеристика: «Оперативная и тактическая подготовка хорошая. В самой сложной обстановке ориентируется быстро и хорошо. Способный командир, энергичный и решительный. Обладает сильной волей и большим самолюбием, которое иногда порождает упрямство. Дисциплинирован. Знает кавалерийское дело. Как командир дивизии единоначальник подготовлен теоретически хорошо, работу дивизии охватывает, но еще чувствуется мало практики в командовании дивизией. За сравнительно короткое пребывание в корпусе установил авторитет командира единоначальника, как в дивизии, так и перед командованием корпуса. Дивизия во всех отношениях подготовлена хорошо. Внимание мобработе уделял, но недостаточно, отчасти объясняется тем, что работал без штаба дивизии. Заметно много работает над собой и имеет все предпосылки выработать в себе лучшие качества, необходимые большому кавалерийскому начальнику. По натуре человек скромный. Может быть командиром высшего механизированного соединения».

Последняя фраза спустя годы сыграла в военной карьере полководца важную роль. 22 февраля 1930 года приказом Революционного Военного Совета Советского Союза № 154 Рокоссовский «за отличия, проявленные при обороне восточных границ СССР», был награжден третьим орденом Красного Знамени. Командуя

дивизией, Рокоссовский совершенствовал не только свои командные навыки, но уделял время подготовке командного и рядового состава, что и нашло отражение в следующей, проведенной спустя несколько месяцев, аттестации: «В дивизии имеются большие достижения во всех областях боевой подготовки. Хорошо сколочен штаб дивизии, подготовка его положительно сказалась на помощи низшему звену. На маневрах обеспечены успехи в управлении войсками на сложной задаче дивизии – оборона на широком фронте. Дивизия имеет первенство по целому ряду состязаний окружного масштаба, а также первенство на всесоюзных состязаниях. Командный состав сколочен, и тов. Рокоссовский много работает над воспитанием комначсостава. Грамотный командир, учит и воспитывает правильно. Настойчивый, волевой командир. Хорошо знает тактику и применение других родов оружия. Энергичен, четок и дисциплинирован. Хорошо организовывает и проводит занятия с начсоставом дивизии. Очень внимателен, никогда не вводит в заблуждение старших, справедлив. Должности комдива вполне соответствует».

22 февраля 1932 года Рокоссовский переведен на должность командира-комиссара 5-й Отдельной Кубанской кавалерийской бригадой Забайкальской группы войск. Через несколько дней бригада была развернута в 15-ю Отдельную Кубанскую кавалерийскую дивизию. Но само состояние дивизии, воинская дисциплина и боевая подготовка, было не из лучших, что не раз вызывало различные замечания (причем – в первую очередь к ее командиру Рокоссовскому) командующего Отдельной Краснознаменной Дальневосточной армией (ОКДВА) В.К. Блюхера, что через десятилетия было использовано некоторыми историками в качестве аргументов, подтверждающих существование конфликта между будущими советскими маршалами. Именно Рокоссовский смог привести солдат и командиров частей в состояние боевой готовности, для чего безжалостно боролся с нарушениями воинской дисциплины, постоянно контролировал проведение занятий по физической и технической подготовке, организовывал форсированные марш-броски и занятия верховой ездой, а также занимался совершенствованием развертывания боевых порядков. Эта деятельность Рокоссовского нашла отражение в аттестации 1932 года: «Боевая подготовка дивизии: тактическая – хорошо, огневая – отлично, физподготовка – удовлетворительно.

Техника конного дела не получила должного внимания. Недостаточно сколочен штаб дивизии и штабы полков. В марксистско-ленинской учебе начсостав подготовлен неудовлетворительно. Имеется большой сдвиг в подготовке спецчастей, и особенно мехполка. Конский состав в хорошем состоянии. Отмечаются положительные стороны тов. Рокоссовского, но наряду с ними отмечено, что т. Рокоссовский был настроен перевестись в другой округ, что явилось результатом недооценки военной опасности на Дальнем Востоке. За последнее время это настроение заметно изживается».

После введения в армии персональных званий 25 ноября 1935 года приказом наркома обороны Маршала Советского Союза К.Е. Ворошилова Рокоссовскому были присвоено звание комдива. 7 февраля 1936 года Рокоссовский получил новое ответственное назначение – командиром 5-го кавалерийского корпуса Ленинградского военного округа. Корпус базировался в Пскове. 16 августа 1936 года было опубликовано постановление ЦИК СССР, в котором говорилось о награждении Рокоссовского «за выдающиеся заслуги в боевой, политической и технической подготовке корпуса» орденом Ленина.

Но в мае 1937 года был арестован М.Н. Тухачевский, а затем другие известные советские военачальники, обвиненные в участии в контрреволюционной организации. 5 июня из Забайкалья, где раньше служил Рокоссовский, на имя наркома обороны К.Е. Ворошилова пришло письмо, в котором предлагалось проверить Рокоссовского по линии НКВД. Письму был дан ход, 27 июня Рокоссовский «за потерю классовый бдительности» из рядов ВКП(б) был исключен и 17 августа арестован. Следователи инкриминировали арестованному военачальнику связи с польской и японской разведками, участие «в военно-фашистской заговорщической организации в Забайкалье».

В автобиографии он об этом периоде своей жизни коротко сообщает: «С августа 1937 года по март 1940 года находился под следствием в органах НКВД. Освобожден в связи с прекращением дела».

Перед войной

22 марта 1940 года Рокоссовский был освобожден и восстановлен в правах. 4 июня ему присвоили звание генерал-майора и затем

прикомандировали к штабу Киевского особого военного округа и назначили командиром 5-го кавалерийского корпуса. В декабре 1941 года Рокоссовский получил назначение на должность командира 9-го механизированного корпуса Киевского особого военного округа. Корпус состоял из трех дивизий: 131-я моторизованная дивизия, 35-я танковая дивизия и 20-я танковая дивизия.

В своих мемуарах, книге «Солдатский долг», полководец так описывает обстановку перед началом Великой Отечественной войны: «В приграничном районе КОВО в то время происходили невероятные вещи. Через границу проходили граждане туда и обратно. К нам шли желающие перейти на жительство в СССР. От нас уходили не желающие оставаться в пределах Советского Союза. Правда, для прохождения через границу были определены пропускные пункты, но передвижение в приграничной полосе таило в себе много неприятностей для нас.

В этой же полосе свободно разъезжали на автомашинах переодетые в штатскую одежду немецкие офицеры, получившие разрешение нашего правительства на розыск и эксгумацию захороненных якобы здесь немецких военнослужащих.

Нередки были случаи пролетов немецких самолетов. Стрелять по ним было категорически воспрещено. Характерным был случай, происшедший во время полевой поездки. В районе Ровно произвел вынужденную посадку немецкий самолет, который был задержан располагавшимися вблизи нашими солдатами. В самолете оказались четыре немецких офицера в кожаных пальто (без воинских знаков). Самолет был оборудован новейшей фотоаппаратурой, уничтожить которую немцам не удалось (не успели). На пленках были засняты мосты и железнодорожные узлы на киевском направлении.

Обо всем этом было сообщено в Москву. Каким же было наше удивление, когда мы узнали, что распоряжением, последовавшим из Наркомата обороны, самолет с этим экипажем приказано было немедленно отпустить в сопровождении (до границы) двух наших истребителей. Вот так реагировал центр на явно враждебные действия немцев.

Довольно внимательно изучая характер действий немецких войск в операциях в Польше и во Франции, я не мог разобраться, каков план

действий наших войск в данной обстановке на случай нападения немцев.

Судя по сосредоточению нашей авиации на передовых аэродромах и расположению складов центрального значения в прифронтовой полосе, это походило на подготовку прыжка вперед, а расположение войск и мероприятия, проводимые в войсках, этому не соответствовали.

Даже тогда, когда немцы приступили к сосредоточению своих войск вблизи нашей границы, перебрасывая их с запада, о чем не могли не знать Генеральный штаб и командование КОВО, никаких изменений у нас не произошло. Атмосфера непонятной успокоенности продолжала господствовать в войсках округа...»

«Время было горячее»

В 4 часа утра 22 июня Рокоссовский объявил в корпусе боевую тревогу. Не имея связи с командованием, в два часа дня он на свой страх и риск принял решение начать марш по трем маршрутам в общем направлении Новоград-Вольнский, Ровно, Луцк. С 22 июня по 6 июля корпус, под командованием Рокоссовского, несмотря на некомплект танков и транспорта, принял участие в Львовско-Черниговской оборонительной операции. Боевое крещение корпус принял 24 июня, вступив в бой против немецкой 13-й танковой дивизии юго-западнее Клевани, а 20-я танковая дивизия, атаковав части той же дивизии на привале в районе Олыка, нанесла ей большой урон, захватила трофеи и пленных.

В своих мемуарах Рокоссовский отметил и недостатки командования Юго-Западным фронтом, приведшие к напрасным потерям и неэффективности советской обороны: «26 июня по приказу командарма Потапова корпус нанес контрудар в направлении Дубно. В этом же направлении начали наступать левее нас 19-й, а правее 22-й механизированные корпуса. Никому не было поручено объединить действия трех корпусов. Они вводились в бой разрозненно и с ходу, без учета состояния войск, уже двое суток дравшихся с сильным врагом, без учета их удаленности от района вероятной встречи с противником. Время было горячее, трудности исключительные, неожиданности возникали везде. Но посмотрим распоряжение фронта, относящееся к тому периоду: «Нанести мощный контрудар во фланг прорвавшейся

группе противника, уничтожить ее и восстановить положение». Согласовывалось ли оно с обстановкой на участке, о котором идет речь, не говоря уже о положении, сложившемся к 26 июня на житомирском, владимир-волыньском и ровненском направлениях, где немецкие войска наносили свой главный удар? Нет, не согласовывалось. У меня создалось впечатление, что командующий фронтом и его штаб в данном случае просто повторили директиву Генштаба, который конкретной обстановки мог и не знать. Мне думается, в этом случае правильнее было бы взять на себя ответственность и поставить войскам задачу, исходя из положения, сложившегося к моменту получения директивы Генерального штаба».

Получив приказ Ставки Главного командования, войска Юго-Западного фронта начали постепенный отход на восток, находившемся на левом фланге 5-й армии 9-му механизированному корпусу пришлось вести упорные бои с ударной немецкой группировкой, которая стремилась прорваться на оперативный простор и двинуться на Киев. В ночь на 5 июля части, сумев оторваться от наседавшего неприятеля, начали отход за реку Случь. Чтобы остановить немецкое наступление, командование приняло решение контратаковать, и утром 10 июля ударная группировка 5-й армии, в состав которой входил и 9-й механизированный корпус, перешла в контрнаступление. Но механизированным корпусам, в составе которых находилось всего 130 танков, удалось за четыре дня с тяжелыми боями продвинуться до 20 км.

В разгар этой схватки Рокоссовский получил приказание передать командование 9-м корпусом генералу Маслову и немедленно прибыть в Москву, куда он прибыл 15 июня. Дело в том, что Приказом Верховного Главнокомандующего от 12 июля Рокоссовский был назначен командующим 4-й армией, однако в должность так и не вступил – Ставка решила использовать его на другом, более важном направлении – смоленском, где, как Рокоссовскому сообщили в Генеральном штабе, «образовалась пустота» в результате высадки противником крупного воздушного десанта под Ярцево. Задача: прикрыть это направление и не допустить продвижения немцев в сторону Вязьмы. Поэтому 18 июля Рокоссовский был назначен командующим оперативной группой войск Западного фронта, участвующих в Смоленском оборонительном сражении. Через четыре дня был опубликован Указ Президиума

Верховного Совета СССР о награждении Рокоссовского за «умелое действие боевыми действиями корпуса в районе городов Клевань, Цумань, Ольховка с 23 июня по 3 июля 1941 года».

В ночь на 19 июля Рокоссовский прибыл в район Ярцева, находившегося в руках неприятеля, и, как полководец пишет в своих воспоминаниях, занялся своим штабом: «Для управления был буквально на ходу сформирован штаб из пятнадцати – восемнадцати офицеров, – писал Константин Константинович. – Десять из них окончили академию имени М.В. Фрунзе и находились в распоряжении отдела кадров Западного фронта. Я заметил, что они с охотой приняли назначение. Какой офицер – если это настоящий офицер! – не стремится в трудные моменты в войска, чтобы именно там применить свои способности и знания!». Затем Рокоссовский подчинил себе 38-ю стрелковую дивизию, входившую в состав 19-й армии, но при отступлении потерявшую связь с командованием. Затем под его подчинение перешла и 101-я танковая дивизия, насчитывающая 87 танков. Пополнялась группа Рокоссовского за счет частей и подразделений, которые выходили из окружений. Проанализировав действия немецких войск и данные разведки, Рокоссовский пришел к выводу, что враг пытается на рубеже р. Воль и южнее по Днепру сомкнуть кольцо окружения вокруг советских войск, действовавших в районе Смоленска, а затем организовать прорыв боевой техники по автостраде к Москве.

Но поскольку в распоряжении Рокоссовского находилось всего две дивизии, он перешел к обороне, при этом регулярно нанося удары по врагу то на одном, то на другом участке и заставляя немцев нести потери. В это время, как пишет в своих мемуарах Рокоссовский, «М.Ф. Лукин пока еще держал Смоленск, и, видимо, С.К. Тимошенко был уверен в его непоколебимости, хотя у командующего 16-й армией к этому времени осталось всего две стрелковые дивизии. Но это были прекрасные соединения – кадровые забайкальские дивизии, закалку и традиции которых трудно переоценить. Мне запомнились, слова, услышанные в штабе фронта: «Лукин сидит в мешке и уходить не собирается». Горловину мешка в районе соловьевской и ратчиновой переправ через Днепр немцы всячески пытались перехватить. Там действовал сводный отряд полковника А.И. Лизюкова, которому ввиду важности дела командующий фронтом лично поставил задачу

обеспечить пути подвоза всего необходимого борющимся под Смоленском войскам, а в случае надобности – и пути их отхода».

Штаб самого Рокоссовского находился на колесах: в него входили восемь легковых автомобилей, радиостанция и два грузовика со счетверенными зенитными пулеметными установками. При этом часто, из-за обрывов проводов (радиостанций не хватало), приходилось использовать «офицера на колесах».

В это время Рокоссовскому часто приходилось действовать не только силой приказа, но и личного примера, подбадривая растерявшихся, а порой и охваченных паникой бойцов и командиров. Так, в своих мемуарах Рокоссовский описывает подобный случай: «В первые дни боев восточнее Ярцево наш НП находился на опушке леса. Примерно в километре от опушки расположилась в обороне стрелковая часть. Противник вел редкий артиллерийский огонь. Мы с генералом Камерой решили посмотреть, как окопалась пехота, и пошли к ней. Тут-то и развернулись события.

На наших глазах из-за гребня высот, удаленных километра на два, стали появляться густые цепи немецких солдат. Они шли в нашу сторону. Вслед за ними показалось до десятка танков.

Наша пехота не дрогнула и продолжала вести огонь из пулеметов по наступавшим гитлеровцам. Подала голос и гаубичная артиллерия.

Генерал Камера сказал, что вот-вот на опушке развернется противотанковая 76-миллиметровая батарея для стрельбы прямой наводкой. Началось все неплохо.

Немецкая пехота залегла. Танки приостановили движение.

А вскоре на горизонте появилась вражеская авиация... Немецкие самолеты уже пикируют на наши окопы. Усилился огонь вражеских орудий и минометов. Снова двинулись танки, догоняя цепи уже поднявшихся автоматчиков. Самолеты, встав в круг, бомбят наши позиции. Пехотинцы не выдержали, дрогнули. Сначала побежали к лесу одиночки, затем целые группы. Трудно и больно было смотреть на них...

Но вот из толпы бегущих раздались громкие голоса самих же солдат:

– Стой! Куда бежишь? Назад!.. Не видишь – генералы стоят... Назад!..

Да, действительно, мы с Иваном Павловичем Камерой стояли во весь рост, на виду у всех, сознавая, что только этим можно спасти положение».

Но даже в условиях организации отпора более сильному неприятелю Рокоссовский оставался не только практиком, но и полководцем, способным заметить ошибки советского военного устава, приведшие к тому, что красноармейцы в начале Великой Отечественной войны, находясь в обороне, практически не вели оружейного огня по наступающим немцам. Проверив лично систему обороны переднего края на одном из наиболее оживленных участков, Рокоссовский, как он пишет в своих воспоминаниях, пришел к неутешительному выводу: «Наши уставы, существовавшие до войны, учили строить оборону по так называемой ячеечной системе. Утверждалось, что пехота в ячейках будет нести меньше потерь от вражеского огня. Возможно, по теории это так и получалось, а главное, рубеж выглядел очень красиво, все восторгалось. Но увы! Война показала другое... Система ячеечной обороны оказалась для войны непригодной. Мы обсудили в своем коллективе и мои наблюдения и соображения офицеров, которым было поручено приглядеться к пехоте на передовой. Все пришли к выводу, что надо немедленно ликвидировать систему ячеек и переходить на траншеи. В тот же день всем частям группы были даны соответствующие указания. Послали донесение командующему Западным фронтом. Маршал Тимошенко с присущей ему решительностью согласился с нами. Дело пошло на лад проще и легче. И оборона стала прочнее. Были у нас старые солдаты, младший комсостав времен первой мировой войны, офицеры, призванные по мобилизации. Они траншеи помнили и помогли всем быстро усвоить эту несложную систему».

В начале августа противник активизировал свои действия на смоленском направлении. 3 августа севернее Рославля была окружена оперативная группа генерала Качалова, которой с большими потерями удалось вырваться из окружения. Сумела прорваться и оперативная группа генерала Рокоссовского. Но запланированная Ставкой операция по разгрому под Смоленском дивизий группы армий «Центр» под командованием фельдмаршала Федора фон Бока не была выполнена. Советским войскам не хватило для подготовки времени, а также сказалась нехватка артиллерии и танков. Согласно данным фон Бока,

приведенным в его воспоминаниях, в плен было взято 309 110 советских солдат и офицеров, захвачено и уничтожено 3205 танков, 3000 артиллерийских орудий и 341 самолет.

По приказу маршала Тимошенко 16-я и 20-я армии через соловьевскую и ратчинскую переправы у Днепра перешли на восточный берег. Для обеспечения этого перехода оперативная группа генерала Рокоссовского перешла в наступление под Ярцево и южнее.

7 августа 1941 года Рокоссовский был назначен командующим 16-й армией Западного фронта. По словам самого полководца, «после объединения армия представляла внушительную силу: шесть дивизий – 101-я танковая полковника Г.М. Михайлова, 1-я Московская мотострелковая, в командование которой вступил полковник А.И. Лизюков, 38-я полковника М.Г. Кириллова, 152-я полковника П.Н. Чернышева, 64-я полковника А.С. Грязнова, 108-я полковника Н.И. Орлова, 27-я танковая бригада Ф.Т. Ремизова, тяжелый артиллерийский дивизион и другие части.

Армия занимала оборону на 50-километровом фронте, перехватывая основную магистраль Смоленск – Вязьма.

Некоторое время спустя противник все же предпринял попытку прорвать оборону на ярцевском направлении. Решил, по-видимому, прощупать ее устойчивость. Ему это не принесло ничего, кроме значительных потерь. Бой шел напряженный, длился два дня, затем активность немцев иссякла.

Впервые на нашем участке действовала батарея реактивной артиллерии, так называемые «катюши». Она накрыла наступавшую немецкую пехоту с танками. Мы вылезли из окопов и, стоя в рост, наблюдали эффектное зрелище. Да и все бойцы высыпали из окопов и с энтузиазмом встречали залпы «катюш», видя бегство врага.

Огонь этого оружия по открытым живым целям страшен. По окопавшейся пехоте он менее эффективен, так как для поражения цели требуется прямое попадание в окоп, а «катюши» в основном вели огонь по площадям с большим рассеиванием снарядов. Эту особенность в дальнейшем мы учитывали... Армия постепенно оснащалась артиллерийскими средствами, и это позволяло танкам врага, в которых от нас превосходил, противопоставить нашу артиллерию. Она выручала войска... Вот против немецкой авиации мы ничего придумать не могли. Оставалась опять же артиллерия – 37-миллиметровые орудия, но их

было очень мало, и они могли поражать самолеты только на небольшой высоте.

Пополнялись наши части по необходимости за счет выбиравшихся из окружения. Приток людей, шедших с запада на восток – к своим! – не останавливался: кто шел от самой границы, кто из-под Минска... Многие офицеры – я к ним относился с особенным уважением – выводили свои группы с оружием, прорывались с боем. Но сколько бойцов и командиров выходили безоружными!»

В результате сильных контрударов, нанесенных армией Рокоссовского, враг вынужден был перейти к обороне вдоль западного берега реки Воль.

Первая слава

11 сентября Рокоссовский получил звание генерал-лейтенанта. Об 16-й армии и ее успехах чаще стало упоминать Совинформбюро, после чего к Рокоссовскому стали приезжать делегации московских заводов, партийных и комсомольских организаций, военные корреспонденты и писатели, которым было поручено запечатлеть деятельность известных советских военачальников. Кроме того, войска 16-й армии посещали с концертами бригады артистов, поддерживающих боевой дух солдат и офицеров. Однажды из Генштаба в 16-ю армию отправили дружескую английскую военную делегацию под командованием генерала, представлявшего вооруженные силы Великобритании при Генштабе Красной армии.

Воспользовавшись фронтовым затишьем, Рокоссовский совершенствовал оборону армии и занимался вопросами вооружения вышедших из окружения советских воинов.

30 сентября группа армий «Центр» начала операцию «Тайфун» – новое наступление на Москву. С этого дня и до 5 декабря Рокоссовский руководил действиями 16-й армии в ходе Московской стратегической оборонительной операции. Но необходимо уточнение – армию началу пришлось формировать почти заново. Дело в том, что вечером 5 октября Рокоссовскому из штаба пришла телеграмма следующего содержания:

«Командарму 16 и 20.

Рокоссовскому и Ершакову.

Командарму 16 Рокоссовскому немедленно приказываю участок 16 армии с войсками передать командарму 20 Ершакову. Самому с управлением армии и необходимыми средствами связи прибыть форсированным маршем не позднее утра 6.10 в Вязьму. В состав 16 армии будут включены в районе Вязьмы 50, 73, 38 и 229 сд, 147 тбр, дивизион РС, полк ПТО и полк АРГК.

Задача армии – задержать наступление противника на Вязьму, наступающего с юга из района Спас-Деменска, и не допустить его севернее рубежа Путьково, Крутые, Дрожжино, имея в виду создание группировки и дальнейший переход в наступление в направлении Юхнов.

Получение и исполнение донести».

Таким образом, от Рокоссовского командующий войсками Западного фронта И.С. Конев требовал немедленно передать занимаемую полосу обороны с войсками командующему 20-й армией. Рокоссовский запросил повторение приказа документом за личной подписью командующего фронтом и после прибытия летчика с письменным приказом генерала Конева приступил к его исполнению, передав 6 октября свой участок обороны и войска командующему 20-й армией и выехав в направлении Вязьмы. Прибыв на командный пункт 16-й армии, располагавшийся в лесу, в 10 км к востоку от Вязьмы, Рокоссовский узнал, что у штаба армии нет связи не только со штабом Западного фронта, но и с теми частями и соединениями, которые перечислены в приказе командующего Западным фронтом как входившие в состав 16-й армии. Только ночью 7 октября Рокоссовскому удалось отправить в штаб Западного фронта следующее сообщение:

«1. Согласно вашему приказу я со штабом армии прибыл в район Вязьмы к 6.00 6.10 и этим точно выполнил ваш приказ.

2. К моменту прибытия штаба в район Вязьмы, никаких войск, включенных Вами в состав 16А, в этом районе не было, а, не имея сил и средств, я был не в состоянии организовать сопротивление на рубеже р. Вязьма.

3. Одновременно с подходом наших войск начался подход противника к Вязьме. В результате создалась обстановка, при которой штаб армии оказался отрезанным от своих войск.

4. Все меры по выполнению Вашего приказа нами выполняются. Если есть возможность, просил бы срочно подбросить в район штарма 16 один стрелковый полк на автостраду».

Рокоссовский, оказавшийся в положении командующего без армии, решил отправиться к Вязьме, чтобы выяснить обстановку. Начальник гарнизона Вязьмы генерал И.С. Никитин доложил Рокоссовскому, что войск в его распоряжении для обороны города нет. Встретившись в подвале местного собора с группой партийных работников Смоленска и Вязьмы во главе секретарем Смоленского обкома ВКП(б) Д.М. Поповым, а также начальником политуправления Западного фронта генералом Д.А. Лестевым, Рокоссовский пытался выяснить обстановку. Как он пишет в своих воспоминаниях, «не успел я спросить Никитина насчет разведки и наблюдения за подступами к городу, как в подвал вбежал председатель Смоленского горсовета А.П. Вахтеров:

- Немецкие танки в городе!
- Кто сообщил?
- Я видел их с колокольни!
- Алексей Андреевич, позаботься, пусть приготовят машины, – обратился я к генералу Лобачеву.

Мы с Лестевым и Поповым быстро взобрались на колокольню. Действительно, увидели эти танки. Они стреляли из пулеметов по машинам, выскакивавшим из города.

Немецкие танки вступали в Вязьму. Нужно было немедленно выбираться. Вязьму в данное время некому было защищать.

Самым емким оказался мой ЗИС-101, «газики» Лобачева и Попова поменьше. Забрав всех товарищей, мы покинули город. Вырваться удалось благополучно. В одном месте чуть не столкнулись с танком, но успели нырнуть в переулок и врагу не удалось обстрелять нас прицельным огнем... Немцы нанесли удар излюбленным способом: прорыв фронта на двух направлениях, создание внутреннего кольца окружения смыканием клиньев в глубине прорыва... Вот это для нас в тот момент было ясно. Значит, местом смыкания вражеских клещей оказалась Вязьма. Это мы уже знали, это сами наблюдали и чувствовали. Наша разведка подтвердила. Но где же должно образоваться внешнее кольцо окружения, о чем не преминет

позаботиться враг, еще известно не было. И нам предстояло это выяснить...»

После того, как Рокоссовский нашел штаб Западного фронта, ему был задан Ворошиловым тот самый вопрос: «Как это вы со штабом, но без войск шестнадцатой армии оказались под Вязьмой?» – и только благодаря тому, что Рокоссовский смог предъявить письменный приказ командующего, инцидент был исчерпан.

В «Вяземский котел» попала значительная часть войск Западного и Резервного фронтов, в том числе – 37 дивизий, 9 танковых бригад, 31 артиллерийский полк РГК и полевые управления 19, 20, 24 и 32-й армий. Войскам группы армий «Центр» удалось пробить 500-километровую брешь в обороне советских войск. Под ударом оказалась Москва...

Для разбора причин произошедшей катастрофы армий Западного, Резервного и Брянского фронтов в районах Вязьмы и Брянска была создана комиссия из представителей ГКО и Ставки ВГК, которая вместе с командующим Западным фронтом генералом И.С. Коневым приняла решение о необходимости срочного объединения Западного и Резервного фронтов, доложив об этом Сталину.

Новым командующим Западным фронтом был назначен Жуков, который приказал Рокоссовскому принять Можайский боевой участок, но не успел тот это сделать, как от Жукова был получен новый приказ – выйти со штабом и 18-й стрелковой дивизией ополченцев в район Волоколамска, подчинить себе все имеющиеся там части и отступающих воинов, организовать оборону в полосе от Московского моря на севере до Рузы на юге.

Оборона Москвы

Обстановка на Западном фронте была тяжелой – враг рвался к Москве, а у Ставки не хватало резервов, чтобы «залатать» все дыры в обороне. 14 октября прибывший в Волоколамск Рокоссовский, развернувший в городе командный пункт армии, отправил штабных группы для розыска и перехвата советских войск и одиночек, вырвавшихся из окружения. Первым под командование Рокоссовского поступил 3-й кавалерийский корпус, состоявший из двух кавалерийских дивизий – 50-й генерала И.А. Плиева и 53-й комбрига

К.С. Мельника. Командовал корпусом Л.М. Доватор. Он поступил в оперативное подчинение 16-й армии. Из Солнечногорска прибыл сводный курсантский полк, созданный на базе военного училища имени Верховного Совета РСФСР, под командованием полковника С.И. Младенцева и комиссара А.Е. Славкина. На левом фланге 16-й армии, прикрывая Волоколамск с запада и юго-запада, располагалась прибывшая из резерва фронта 316-я стрелковая дивизия под командованием генерала И.В. Панфилова.

Как отмечал в своих воспоминаниях Рокоссовский, «исходя из оценки местности, мы считали, что вероятнее всего свой главный удар противник обрушит на левый фланг 316-й дивизии. Этому участку и командование армии и сам И.В. Панфилов уделяли наибольшее внимание, заботясь прежде всего о глубокой противотанковой обороне.

Командиры штаба армии и служб передавали войскам опыт, приобретенный в минувших боях, помогали словом и делом.

В каждом бою противник использовал главным образом свое подавляющее преимущество в танках. Этого нам опять следовало ожидать. Для противодействия танкам наметили бросить всю нашу артиллерию. Но ее у нас явно не доставало. Поэтому заранее предусматривался широкий маневр, как траекториями, так и колесами. Спланировали перегруппировку артиллерии на угрожаемые участки, определили и изучили маршруты движения... Помимо того, были созданы подвижные отряды саперов с минами и подрывными зарядами. Посадили эти отряды на машины и на повозки. Задача – в процессе боя перехватывать танкоопасные направления, преграждать путь танкам в глубину нашей обороны. На стыках и в промежутках между полками были отрыты и заминированы противотанковые рвы. В частности, 1075-й полк панфиловской дивизии свой левый фланг прикрывал 4-километровым рвом, поставив там 4 тысячи мин. Оборонительные работы развернулись по всей полосе обороны 16-й армии, протяженность которой была почти сто километров...

Большую помощь 16-й армии на волоколамском направлении оказала партийная организация столицы. Ее заботами в октябре сорок первого года из москвичей-добровольцев были созданы десятки истребительных рот и батальонов; они вливались в армию, усиливали ее поредевшие в непрерывных боях части».

16 октября немецкие танки и моторизированные части нанесли удар по левому флангу 16-й армии – именно там, где и предвидел Рокоссовский. Главный удар был нанесен по 316-й дивизии Панфилова, против которой были выдвинуты группы по 30–50 танков в сопровождении пехоты. На следующий день германские войска атаковали корпус Доватора, но были отбиты. Последующие атаки были отбиты залпами артиллерии и «катюш». Как писал в своих мемуарах Рокоссовский, «противник вынужден был то и дело менять тактику применения танков. Пытался он пускать их мелкими группами вне дорог. Однако нашей артиллерией был предусмотрен маневр для отражения и таких попыток.

Передышка длилась недолго. Бои возобновились. Атаки следовали за атаками. Проявляя активность на всем фронте, противник основное внимание по-прежнему сосредоточивал на волоколамском направлении, вводя здесь все новые части.

Обладая большим превосходством в силах, гитлеровцы постепенно, километр за километром, теснили наши войска. Создав мощный танковый кулак, немцы стремились пробиться к Волоколамскому шоссе. С воздуха их атаки все время поддерживала авиация.

К 25 октября противник овладел Болычево, Осташово, форсировал Рузу. Бросив в бой до 125 танков, он захватил станцию Волоколамск.

В десятидневных боях, с 16 по 25 октября, наша армия понесла чувствительные потери в артиллерии. Создалось весьма тяжелое положение». Рокоссовскому, бросившему в бой свои последние резервы, в том числе 18-ю стрелковую ополченскую дивизию, пришлось обратиться к командующему Западным фронтом Г.К. Жукову с просьбой прислать резервы. К 26 октября в 16-ю армию были присланы два полка 37-миллиметровых зенитных пушек.

Противник обошел Волоколамск с юга, а затем, бросив против частей 16-й армии крупные силы танков и пехоты при поддержке артиллерии и авиации, немецкие войска захватили Волоколамск. Но эта победа оказалась пирровой – немецкие войска истощили силы в боях за город и были вынуждены сделать паузу для перегруппировки и подтягивания свежих сил. В конце октября и начале ноября немецким войскам удалось отбить на левом фланге 16-й армии несколько населенных пунктов, в том числе и Скирманово, в результате чего

германская артиллерия могла простреливать артиллерией дорогу Волоколамск – Истра, а в дальнейшем – перехватить ее и выйти в тыл армии Рокоссовского. Поэтому им была разработана Скирмановская операция, о которой Рокоссовский подробно написал в своих воспоминаниях: «Бои за Скирманово – с 11 по 14 ноября – прошли очень удачно. Артиллеристам, минометчикам и «катюшам» удалось нанести фашистам большой урон, а дружные атаки пехоты, поддержанные танками, довершили дело. Большую пользу принесла, во-первых, сильная группа автоматчиков-ополченцев, пробравшаяся ночью перед атакой в расположение противника, а во-вторых, выдвинувшиеся во фланг и почти в тыл гитлеровцам кавалеристы такого боевого генерала, как Плиев. Правда, герои конники сами попали в трудное положение, поскольку после завершения операции им пришлось с боем пробиваться назад. Но сражаться в тылу врага им было не впервой, и свое дело они выполнили с честью.

Разгром немецко-фашистских войск, занимавших Скирманово и другие селения, был полный. 10-я немецкая танковая дивизия, предназначавшаяся для перехвата Волоколамского шоссе, с большими потерями откатилась далеко назад.

На поле боя враг оставил до пятидесяти подбитых и сожженных танков, много орудий, вплоть до 150-миллиметровых пушек, минометы, сотни автомашин».

Но выполняя приказ Верховного Главнокомандующего и командующего фронтом о нанесении контрудара силами кавалерийских корпусов при поддержке артиллерии и авиации, 16-я армия не смогла добиться успеха. Немцы перешли в наступление, и в полосе 16-й армии развернулось ожесточенное встречное сражение. Против превосходящего в технике и живой силе противника Рокоссовский использовал маневр кочующими батареями и отдельными орудиями, и танками, перехватывавшими и расстреливавшими немецкие танки. Но под натиском врага правый флаг 16-й армии стал отходить севернее Истринского водохранилища, и немцы стали готовить прорыв южнее Истринского водохранилища. В своих мемуарах Рокоссовский так описывает последующие события: «Как мы предвидели, противник, продолжая теснить наши части на левом крыле, отбросил их на восток, форсировал с ходу Истру и захватил на ее восточном берегу плацдарм. Южнее же Волжского водохранилища он прорвал оборону на участке

30-й армии и стал быстро продвигаться танковыми и моторизованными соединениями, расширяя прорыв. Его войска выходили во фланг и в тыл оборонявшейся у нас на правом фланге 126-й стрелковой дивизии, а она и до этого была сильно ослаблена и еле сдерживала наседавшего врага. Одновременно был нанесен удар из района Теряевой Слободы, и танки с пехотой двинулись к Солнечногорску, обходя Истринское водохранилище с севера...»

Немецкие войска после упорных боев захватили Клин, 24 ноября вплотную подошли к Истринскому водохранилищу, водоспуски которого после окончания переправы войск 16-й армии были взорваны. В ночь на 28 ноября немецкие танки ворвались в Яхрому и захватил мост через канал, под натиском превосходящих сил противника 16-я армия стала с боями отступать. Через день и немцы захватили Красную Поляну и подошли к Москве на пушечный выстрел. В три часа ночи Сталин вызвал по ВЧ Рокоссовского и, выслушав его доклад, спросил:

– Известно ли вам, что в районе Красной Поляны появились немецкие части? Что вы предпринимаете, чтобы их отбросить? Учтите, есть сведения, что из района Красной Поляны они намерены обстреливать Москву крупнокалиберной артиллерией.

– Товарищ Сталин, мне известно о выдвигании передовых немецких частей севернее Красной Поляны, – ответил Рокоссовский, – и я уже подтягиваю туда силы с других участков. Только сил этих очень уж мало...

– Очистите район Красной Поляны от противника, а мы сейчас же отдадим распоряжение об усилении этого участка войсками Московской зоны обороны.

Вскоре Рокоссовскому сообщили из штаба фронта, что в помощь 16-й армии для атаки Красной Поляны отправлены танковая бригада, артиллерийский полк и четыре дивизиона «катюш». На следующий день, после артиллерийского обстрела, бой за Красную Поляну возобновился с новой силой, и лишь к вечеру части 16-й армии смогли освободить ее от немцев и ликвидировать угрозу обстрела Москвы. К 5 декабря войскам Западной фронта удалось остановить движение армий группы «Центр». Наступление на столицу СССР провалилось.

5 декабря началось контрнаступление советских войск. В не опубликованном при жизни фрагменте мемуаров Рокоссовский писал: «Оборонительное сражение подходило к концу, к этому времени

противник на московском направлении израсходовал все свои резервы, но прорвать нашу оборону не смог. Наступил и для него момент перехода к обороне. Нужно было сорвать этот план, не позволить закрепиться на захваченных рубежах, и Ставка Верховного Главнокомандования своевременно приняла соответствующее решение.

В контрнаступление войска армии перешли без всякой паузы. Чем дальше они отдалялись от Москвы, тем сильнее сопротивлялся противник. Еще до подхода к волоколамскому рубежу командование фронта стало прибегать к созданию группировок то на одном, то на другом участке, для чего какая-то часть сил из одной армии передавалась в другую. Подобная импровизация обеспечивала некоторый успех местного значения. С выходом же наших войск на волоколамский рубеж стало совершенно ясно, что противнику удалось оправиться от полученного удара и что его оборона становится организованной. Продолжать наступление имевшимися к тому времени у нас силами расчетом на решительный прорыв обороны противника и дальнейшее развитие успеха уже было нельзя. Наступил момент, когда и нашему верховному командованию надлежало подумать об извлечении пользы из одержанных результатов и начать серьезную подготовку к летней кампании 1942 года.

К великому сожалению, этого не произошло, и войска, выполняя приказ, продолжали наступать. Причем командованию фронта была поставлена задача: изматывать противника, не давая ему никакой передышки. Вот это было для меня непонятным. Одно дело изматывать врага оборонительными действиями, добиваясь выравнивания сил, что и делали мы до перехода в контрнаступление. Но чтобы изматывать и ослаблять его наступательными действиями при явном соотношении сил не в нашу пользу, да еще в суровых зимних условиях, я этого никак понять не мог.

Неоднократные наши доклады командованию фронта о тяжелом состоянии армии в результате понесенных потерь, о несоответствии ее сил и задач, которые ставил фронт перед нами, не принимались во внимание. Приходилось с натугой наступать, выталкивая противника то на одном, то на другом участке. О прорыве вражеской обороны не могло быть и речи. Наши возможности истощились до крайности, а противник продолжал пополнять свои войска свежими силами, перебрасывая их с запада.

Продолжавшееся наступление 16-й армии с Волоколамского рубежа оказалось особенно тяжелым. Противник прилагал все усилия к тому, чтобы задержать наше продвижение. Для этого у него оказались соединения и части, сохранившие высокую боеспособность. Силами войск одной армии уже нельзя было рассчитывать на успех наступления, поэтому чаще всего для продолжения наступления на волоколамском направлении командование фронта привлекало несколько армий. При этом одна из них, наносившая главный удар, усиливалась за счет соседних».

Противник оказал упорное сопротивление, но 16-я армия сумела занять несколько населенных пунктов в окрестностях Красной Поляны и продолжила наступление. Отступающий противник взрывал мосты, минировал дороги. 11 декабря была освобождена Истра.

13 декабря все советские центральные газеты вышли с портретами командующего Западным фронтом генерала армии Жукова и командующих армиями, в том числе и Рокоссовского, размещенными на первых полосах. Над портретами крупным шрифтом было набрано сообщение Верховного Главнокомандования о первых итогах грандиозного контрнаступления под Москвой. Были там следующие строки: «Войска генерала Рокоссовского, преследуя 5-ю, 10-ю и 11-ю танковые дивизии, дивизию СС и 35-ю пехотную дивизию противника, заняли г. Истра». 19 декабря развернулись бои за Волоколамск. Для непрерывного преследования отступающих немецких войск в 16-й армии были по приказу Рокоссовского сформированы специальные отряды численностью до батальона, которые с наступлением темноты сменяли подразделения первых эшелонов, которые отправлялись на отдых.

Но постепенно темп наступления Западного фронта замедлялся – немецкие войска, опираясь на укрепленные оборонительные рубежи, не давали 16-й и другим армиям прорвать свою оборону. Поэтому Красная армия, к 7 января 1942 года вышедшая на рубеж Селижарово, Ржев, Волоколамск, Наро-Фоминск, перешла к обороне.

28 января непосредственный начальник Рокоссовского, командующий Западным фронтом Г.К. Жуков, подписал боевую характеристику К.К. Рокоссовского: «Генерал-лейтенант Рокоссовский командует войсками 16-й армии с 22 июля 1941 года. Тов. Рокоссовский успешно провел оборонительную операцию войск 16-й армии и не

пропустил врага к Москве, так же умело провел наступательную операцию по разгрому немецких войск в направлении Волоколамск – Истра – Осташково. Хорошо подготовленный в оперативно-тактическом отношении, лично храбр, инициативен и энергичен. Войсками армии управляет твердо».

8 марта на своем командном пункте Рокоссовский был тяжело ранен осколком снаряда. С 9 марта по 22 мая, как было написано в выданной Рокоссовскому справке, он находился на излечении. Затем снова вернулся на фронт и продолжил командование 16-й армией.

Донской фронт

16 июля 1942 года приказом Ставки Рокоссовский был назначен командующим Брянским фронтом. Штаб фронта находился в деревне Нижний Ольшанец, расположенной в нескольких километрах к востоку от Ельца. Рокоссовский руководил действиями фронта в ходе Воронежско-Ворошиловградской стратегической оборонительной операции. В конце сентября Рокоссовскому позвонил Сталин и спросил:

– Как обстоят дела на вашем фронте, товарищ Рокоссовский?

Рокоссовский подробно доложил о боевых действиях Брянского фронта в условиях временного спада активности войск.

– А не скучно ли вам на Брянском фронте, товарищ Рокоссовский, в связи с затишьем?

– Без дела не сидим, товарищ Сталин, но активных действий не ведем.

– Выезжайте в Москву. Тут и продолжим наш разговор.

Срочно приехавшего в столицу Рокоссовского принял Жуков, а потом – Сталин, заявивший:

– Немцы в нескольких местах прорвались к Волге. Обстановка под Сталинградом резко ухудшилась. Намеченная операция отменяется. Войска создаваемой группировки передаются Сталинградскому фронту. Надо спасать город. Вам надо, товарищ Рокоссовский, срочно вылететь на юг и принять командование Сталинградским фронтом. Все остальное узнаете от Жукова, когда будете лететь. Туда же, на Сталинградский фронт, вылетает комиссия Ставки во главе с генералом Боковым с задачей очищения войск и штабов от непригодного

командного и политического состава. Часть военачальников уже смотрит за Волгу. Жду вашей информации о положении дел и принятых мерах. На месте виднее. Сталинград надо удерживать, во что бы то ни стало.

28 сентября приказом Ставки Рокоссовский был назначен командующим Донским фронтом и уже через три дня руководил войсками фронта в Сталинградской стратегической оборонительной операции. В состав фронта вошли 63-я, 21-я, 4-я танковая, 1-я гвардейская, 24-я и 66-я армии. Кроме того, по просьбе Рокоссовского, из 10-й резервной армии передавались 277, 62, 252, 212, 226, 333-я стрелковые дивизии, а из Южно-Уральского военного округа перебрасывалась 293-я стрелковая дивизия. Одновременно из состава фронта в резерв Верховного Главнокомандования выводился 4-й танковый корпус. Войскам Донского фронта приходилось вести активную оборону – Гитлер требовал захватить Сталинград 20 октября.

Как писал в своих мемуарах Рокоссовский, «все соединения Донского фронта после длительных боев были малочисленными. Пополнений мы почти не получали: по решению Ставки они направлялись на формирование новых соединений в тылу. К концу сентября противник втянул в сражение все свои силы, а намеченной цели не добился. Группа войск «А» вела тяжелые бои у подножий Кавказского хребта, где и застряла, натолкнувшись на решительный отпор наших войск. К тому же ей пришлось выделить соединения 4-й танковой армии для усиления группы армий «Б», которая увязла в междуречье Волга – Дон, втянувшись здесь в тяжелые бои, навязанные ей советским командованием. Таким образом, гитлеровцам не удалось ни овладеть Кавказом, ни выйти к Волге на всем протяжении от Сталинграда до Астрахани. Гитлеровское командование, как и в 1941 году, просчиталось, недооценив сил и возможностей Советского Союза. Наступил момент, когда немецко-фашистскому командованию при здравой оценке ситуации следовало бы подумать о том, как выйти из критического положения. Оно не сделало этого. А наши Ставка и Генштаб, как и в решающий момент битвы под Москвой, правильно оценили назревшую возможность нанести сокрушительный удар по зарвавшемуся врагу.

Как я уже говорил, войсками Донского фронта удерживались два плацдарма на южном берегу Дона. Они имели для нас большое

значение. Враг не раз пытался сбросить наши части оттуда, и этот участок фронта был довольно активным. Жаркие бои проходили и на участках 24-й и 66-й армий, располагавшихся в междуречье. При малейшей попытке противника усилить нажим на защитников Сталинграда наши части переходили в наступление, с тем, чтобы облегчить положение 62-й и 64-й армий, оборонявшихся в самом городе. Этим мы отвлекали на себя значительную часть сил противника и вынуждали его держать в междуречье свою основную группировку. Опасаясь удара в тыл войскам, действовавшим против Сталинградского фронта, гитлеровское командование сосредоточило в междуречье наиболее надежные немецкие соединения, в то время как южнее, на рубеже озер, стояли румынские части (6-го армейского корпуса)...

Противник в городе уже в трех местах прорвался к Волге. Учитывая тяжелое положение 62-й армии, Ставка приказала провести в октябре наступательную операцию. К этому привлекались войска двух фронтов. Наш Донской активными действиями с плацдармов на Дону должен был сковать врага, с тем, чтобы он не смог перебрасывать подкрепления в район Сталинграда. В это время наша 24-я армия своим левым флангом во взаимодействии с 66-й армией должна была разгромить вражеские части севернее города и соединиться с войсками 62-й армии Сталинградского фронта. Для этой операции нам разрешалось использовать семь стрелковых дивизий, прибывавших из резерва Ставки. Никаких дополнительных средств усиления (артиллерия, танки, самолеты) фронт не получал. В этих условиях трудно было рассчитывать на успех. Группировка противника опиралась здесь на хорошо укрепленные позиции».

Перешедшие в наступление 19 октября войска Донского фронта не смогли прорвать оборону противника. Наступление войск Сталинградского фронта тоже не достигло поставленной Ставкой цели. Но при этом немецкие войска понесли большие потери, а Гитлер, из-за непростой стратегической обстановки, не мог перебрасывать с других фронтов под Сталинград свежие силы. Между тем наступавшие на Сталинградском и Кавказском направлении немецкие ударные группировки уже исчерпали свои резервы, и тут, как отмечает Рокоссовский, «воспользовавшись сложившейся обстановкой, советское командование приступило к подготовке мощного контрнаступления. Оно должно было начаться – мы об этом

догадывались – одновременно с северного и южного флангов. Для осуществления плана нужно было задержать на некоторое время главную группировку немецких войск в междуречье Волга – Дон. Это достигалось активными действиями войск Донского и Сталинградского фронтов в районе Сталинграда. А тем временем производилась соответствующая перегруппировка и сосредоточение наших войск, предназначенных для контрудара.

Чувствовалось, что противник исчерпал свои наступательные возможности. Фланги его основной группировки в междуречье и в районе Сталинграда были слабо прикрыты, а достаточными резервами для того, чтобы обеспечить прочность обороны захваченного района, он не располагал. Его коммуникации были уязвимы на огромном пространстве».

План-карта предстоящего наступления была в начале октября представлена Сталину Жуковым и Василевским, после утверждения Верховным Главнокомандующим были проинформированы и командующие фронтами. Главную роль на первом этапе контрнаступления (операция получила кодовое название «Уран») должен был сыграть Юго-Западный фронт, чьи войска должны были соединиться с частями Сталинградского фронта. Донской фронт должен был нанести два вспомогательных удара. Как отмечает в своих мемуарах Рокоссовский, «на основании директивы Ставки и сообразуясь с конкретной обстановкой, было принято решение на проведение наступательной операции и поставлена задача войскам Донского фронта. В ходе длительных боев на рубеже Дона и в междуречье штабы хорошо изучили противника и местность. Это обстоятельство значительно облегчало постановку задач армиям и предоставляло им больше времени на организацию боя.

Во фронтовой операции особая роль отводилась 65-й армии. Ей предстояло участвовать совместно с 21-й армией (соседней справа) в главном ударе. Задача у них общая: прорвать фронт, уничтожить противостоящие вражеские части, а затем, зайдя во фланг и тыл обороны противника на рубеже реки Дон, наступать в юго-восточном направлении на Вертячий. Но разница заключалась в том, что перед 21-й армией стояли румыны, а перед 65-й – немецкие части. Учитывая это обстоятельство, мы старались по возможности усилить войска Батова, даже за счет ослабления других армий.

Весьма сложная задача возлагалась на 24-ю армию. Она должна была наступать в междуречье, примыкая своим правым флангом к Дону, прорвать оборону противника и, продвигаясь на Вертячий, воспрепятствовать отходу на восточный берег реки вражеских войск, действовавших против 65-й и 21-й армий. Должен сознаться, что эта задача при тех средствах, которые мы могли сюда выделить, была явно невыполнимой.

Однако мы рассчитывали, что своими наступательными действиями 24-я скует значительные силы противника, лишив его возможности подкреплять свои войска на главном направлении...»

22 ноября перешедшая в наступление 24-я армия Донского фронта не смогла прорвать немецкую оборону, но зато вынудила врага оттянуть сюда непосредственно из-под Сталинграда несколько дивизий, оказав помощь 66-й армии, которая, наступая на Сталинград вдоль берега Волги, значительно продвинулась вперед. 23 ноября в районе Калача-на-Дону соединились войска Юго-Западного и Сталинградского фронтов, окружив 22 дивизии и более 160 отдельных частей общей численностью 330 тыс. человек. Затем войска Донского и Сталинградского фронтов приступили к ликвидации окруженной группировки. Кольцо вокруг немецкой 6-й армии сжимали 66-я, 24-я, 65-я и 21-я армия, снова включенная в состав Донского фронта.

Именно Рокоссовский высказал идею – предложить ультиматум окруженному фельдмаршалу Паулюсу. Так наш полководец описывает дальнейшие события в своих мемуарах: «Не попробовать ли и нам применить древний рыцарский обычай? Насколько мне помнится, я переговорил об этом по ВЧ с генералом Антоновым, замещавшим в Москве начальника Генерального штаба. Он пообещал посоветоваться с руководством и сообщить о результатах, заметив, что не мешало бы набросать на всякий случай текст ультиматума.

О своем разговоре с Антоновым я сообщил Воронову, Новикову, Голованову, Малинину, Галаджеву и другим товарищам. У всех это вызвало большой интерес. Николай Николаевич Воронов тоже немедленно связался с Москвой. Необходимых материалов под рукой не было. Стали вспоминать события далекой истории – осады замков, крепостей и городов. Общими усилиями текст ультиматума был составлен. Вскоре позвонили из Ставки, сообщили, что предложение очень понравилось Сталину, и затребовали срочно передать наш проект.

Подготовленный нами текст с незначительными поправками был утвержден. Нам предложили за день-два до начала наступления вручить ультиматум командующему 6-й немецкой армией генерал-полковнику Паулюсу или его заместителю.

Этот документ широко известен. В нем говорилось, что 6-я германская армия, соединения 4-й танковой армии и приданные им части усиления находятся в полном окружении наших войск еще с 23 ноября 1942 года. Все попытки немецкого командования спасти окруженных оказались безрезультатными. Спешившие к ним на помощь германские войска были разбиты Красной армией, и остатки их стали отступать на Ростов. Немецкая транспортная авиация, доставлявшая осажденным голодную норму продовольствия, боеприпасов и горючего, несет огромные потери. Ее помощь окруженным войскам становится нереальной. А положение их тяжелое. Они испытывают голод, болезни и холод. Суровая русская зима только начинается: сильные морозы, холодные ветры и метели еще впереди, а немецкие солдаты не обеспечены зимним обмундированием и находятся в тяжелых антисанитарных условиях.

«Вы, как командующий, и все офицеры окруженных войск, – говорилось далее в ультиматуме, – отлично понимаете, что у Вас нет никаких реальных возможностей прорвать кольцо окружения. Ваше положение безнадежное, и дальнейшее сопротивление не имеет никакого смысла.

В условиях сложившейся для Вас безвыходной обстановки, во избежание напрасного кровопролития предлагаем Вам принять следующие условия капитуляции.

1. Всем германским окруженным войскам во главе в Вами и Вашим штабом прекратить сопротивление.

2. Вам организовано передать в наше распоряжение весь личный состав, вооружение, всю боевую технику и военное имущество в исправном состоянии.

Мы гарантируем всем прекратившим сопротивление офицерам, унтер-офицерам и солдатам жизнь и безопасность, а после окончания войны возвращение в Германию или в любую страну, куда изъявят желание военнопленные.

Всему личному составу сдавшихся войск сохраняем военную форму, знаки различия и ордена, личные вещи, ценности, а высшему

офицерскому составу и холодное оружие.

Всем сдавшимся офицерам, унтер-офицерам и солдатам немедленно будет установлено нормальное питание.

Всем раненым, больным и обмороженным будет оказана медицинская помощь».

Особо оговаривался порядок ответа на наши требования.

Ультиматум заканчивался предупреждением, что, если условия не будут приняты, части Красной армии будут вынуждены вести дело до уничтожения окруженных германских войск, и вина за это падет на немецкое командование.

Документ подписали представитель Ставки Верховного Главнокомандования Красной армии генерал-полковник артиллерии Воронов и я, как командующий войсками Донского фронта». Но армия Паулюса продолжала обороняться, что привело к бесполезной гибели тысяч немецких солдат и офицеров и последующей сдаче командующего армией и ее штаба в советский плен. В Германии после разгрома 6-й армии был объявлен траур.

15 января 1943 года Рокоссовскому присвоено воинское звание генерал-полковник, а через две недели он был награжден орденом Суворова 1-й степени.

До 2 февраля Рокоссовский руководил действиями войск Донского фронта в ходе Сталинградской стратегической наступательной операции. 5 февраля приказом Ставки Рокоссовский был назначен командующим войсками Центрального фронта. С 25 февраля по 28 марта Рокоссовский управлял действиями войск Центрального фронта на севском направлении. 28 апреля ему было присвоено воинское звание генерал армии.

Рокировка Белорусских фронтов

5 июля войска Центрального фронта под командованием Рокоссовского приняли участие в Курской стратегической оборонительной операции, в течении трех недель боев измотав основные силы немцев. 12 июля войска Центрального фронта начали Орловскую стратегическую наступательную операцию под кодовым наименованием «Кутузов». После поражения на Курской дуге немецкие войска уже никогда не смогли вернуть себе стратегическую инициативу.

26 августа войска Центрального фронта начали Черниговско-Полтавскую стратегическую наступательную операцию. 20 октября 1943 года приказом Ставки Центральный фронт был переименован в Белорусский, а 17 февраля 1944 года – в 1-й Белорусский. Войска этого фронта 23 июня 1944 года начали одну из самых успешных наступательных операций Великой Отечественной войны – «Багратион», Белорусскую операцию.

29 июня 1944 года Рокоссовскому было присвоено звание Маршала Советского Союза. В этот же день началась Минская наступательная операция, которую войска 1-го Белорусского фронта успешно закончили 4 июля.

Но, несмотря на многочисленные победы, которые одерживали войска под командованием Рокоссовского, многие решения советской Ставки зависели не только от успехов военачальников. Так, 7 ноября 1944 года на приеме у Сталина решился вопрос о рокировке командующих фронтами. Через пять дней, 12 ноября, приказом Ставки Рокоссовский был назначен командующим 2-м Белорусским фронтом вместо Г.Ф. Захарова, 1-й Белорусский фронт у него принял Жуков. Рокоссовский в своих мемуарах подробно описывает, как ему было объявлено о новом назначении: «Уже был вечер. Только мы собрались в столовой поужинать, дежурный офицер доложил, что Ставка вызывает меня к ВЧ. У аппарата был Верховный Главнокомандующий. Он сказал, что я назначаюсь командующим войсками 2-го Белорусского фронта. Это было столь неожиданно, что я сгоряча тут же спросил:

– За что такая немилость, что меня с главного направления переводят на второстепенный участок?

Сталин ответил, что я ошибаюсь: тот участок, на который меня переводят, входит в общее западное направление, на котором будут действовать войска трех фронтов – 2-го Белорусского, 1-го Белорусского и 1-го Украинского; успех этой решающей операции будет зависеть от тесного взаимодействия этих фронтов, поэтому на подбор командующих Ставка обратила особое внимание.

Касаясь моего перевода, Сталин сказал, что на 1-й Белорусский назначен Г.К. Жуков.

– Как вы смотрите на эту кандидатуру?

Я ответил, что кандидатура вполне достойная, что, по-моему, Верховный Главнокомандующий выбирает себе заместителя из числа

наиболее способных и достойных генералов, каким и является Жуков. Сталин сказал, что доволен таким ответом, и затем в теплом тоне сообщил, что на 2-й Белорусский фронт возлагается очень ответственная задача, фронт будет усилен дополнительными соединениями и средствами.

– Если не продвинетесь вы и Конев, то никуда не продвинется и Жуков, – заключил Верховный Главнокомандующий.

Заканчивая разговор, Сталин заявил, что не будет возражать, если я возьму с собой на новое место тех работников штаба и управления, с которыми сработался за долгое время войны. Поблагодарив за заботу, я сказал, что надеюсь и на новом месте встретить способных сотрудников и хороших товарищей. Сталин ответил коротко:

– Вот за это благодарю!»

Этой командной «рокировкой» Рокоссовский был лишен лавров освободителя Варшавы, своего родного города. Кроме того, после Варшавы войска 1-го Белорусского фронта должны были двинуться на Берлин. Рокоссовский как военачальник мог взять штурмом столицу врага, но, по всей видимости, Сталина не устраивало, что поляк по происхождению окажется победителем над немцами. Поэтому был выбран Жуков, являвшийся к тому же заместителем Верховного Главнокомандующего. Одновременно с перестановками были упразднены представители Ставки на фронтах, чего Рокоссовский раньше неоднократно пытался добиться, как мешающее управлению войсками.

С 10 февраля по 4 апреля 1945 года маршал Рокоссовский руководил действиями войск 2-го Белорусского фронта, разгромивших группу армий «Висла» в Восточной Померании. С 16 апреля по 8 мая войска 2-го Белорусского фронта приняли участие в Берлинской стратегической наступательной операции. С 24 часов 10 июня приказом Ставки 2-й Белорусский фронт был переименован в Северную группу войск под командованием маршала Рокоссовского. Штаб предписывалось иметь в районе Лодзи.

Польский министр. Возвращение в СССР

24 июня маршал Рокоссовский командовал Парадом Победы в Москве. 7 ноября 1949 года он был назначен на должность министра

национальной обороны Польской Народной Республики. Но не все поляки встретили это назначение с восторгом – в январе 1950 года на Рокоссовского было совершено покушение – в него стреляли из пистолета, но не попали. Спустя несколько месяцев автомашина, в которой находился Рокоссовский, была обстреляна из автомата, был ранен офицер из его свиты. В Польше нарастало возмущение против советского вмешательства, и в качестве компромисса 13 ноября 1956 года Рокоссовский был освобожден от должности министра национальной обороны Польской Народной Республики. По возвращении в Москву он был назначен на должность заместителя министра обороны СССР. Через несколько месяцев он получил должность главного инспектора – заместителя министра обороны СССР.

В апреле 1962 года Рокоссовский был назначен генеральным инспектором Группы генеральных инспекторов Министерства обороны СССР.

Скончался маршал Рокоссовский 3 августа 1968 года.

Иван Конев. Мастер внезапности

Маршал Советского Союза Иван Степанович Конев родился 28 декабря 1897 года в деревне Лодейно Щеткинской волости Никольского уезда Вологодской губернии. После окончания Николо-Пушемского земского училища стал сезонным рабочим, в 19 лет был призван в российскую армию. После окончания учебной артиллерийской команды был откомандирован в резервную артиллерийскую бригаду, базировавшуюся в Москве. Был произведен в младшие унтер-офицеры. В 1917 году направлен на Юго-Западный фронт, где принимал участие в боевых действиях в составе 2-го отдельного тяжелого артиллерийского дивизиона. После демобилизации из армии в январе 1918 года Конев стал членом партии большевиков, затем был избран уездным военным комиссаром в городе Никольске Вологодской губернии. В годы Гражданской войны участвовал в боях против армий адмирала Колчака и других белогвардейских вождей на Дальнем Востоке и в Забайкалье, занимая должности комиссара бронепоезда, комиссара стрелковой бригады во 2-й Верхнеудинской стрелковой дивизии, комиссара этой дивизии, а затем – комиссара штаба Народно-революционной армии Дальневосточной республики.

В мирное время стал военкомом 17-го Приморского стрелкового корпуса, затем – комиссаром и начальником политического отдела 17-й Нижегородской стрелковой дивизии. В числе 300 делегатов X съезда РКП(б) Конев принимал участие в подавлении Кронштадтского восстания 15–18 марта 1921 года. В 1924 году 7-я стрелковая дивизия из Забайкалья была передислоцирована в Московский военный округ.

В 1925 году Коневу, являвшемуся военным комиссаром и начальником политотдела 17-й стрелковой дивизии, К.Е. Ворошилов, будущий нарком обороны, а в то время занимавший пост командующего войсками Московского военного округа, заявил: «Вы, товарищ Конев, по нашим наблюдениям, комиссар с командирской жилкой. Это счастливое сочетание. Поезжайте на командные курсы, поучитесь...» И предложил ему перейти с политической на командную работу.

Конев окончил Курсы усовершенствования высшего начсостава при Военной академии РККА имени М.В. Фрунзе (1926 г.), спецкурс в

Военной академии имени Фрунзе (1934 г.). По словам самого Конева, «роль командира полка я хорошо понял в мирное время, когда командовал полком. Командовал по-настоящему, не стремясь поскорее уйти ни вверх, ни в сторону, наоборот, стараясь именно там, в полку, постигнуть все премудрости войсковой службы и жизни. С чувством удовлетворения вспоминаю, как много дала мне эта работа. Учила меня и Академия имени Фрунзе. Но все-таки самой главной для меня академией был полк. Полк сделал меня человеком поля. Именно в полку я страстно полюбил поле, учения, проводимые с максимальным приближением к боевой обстановке. Я относился к учениям со страстью и считал тогда, так же, как считаю сейчас, что без вдохновения нет учений. И это пригодилось мне на войне». В аттестации 1927 года Конев, занимавший должность командира полка, характеризовался следующим образом: «Инициативный, энергичный и решительный командир. Общий и военный кругозор достаточен».

С декабря 1934 года командовал стрелковой дивизией. В 1935 году Коневу было присвоено звание комдива. В августе 1938-го был отправлен в Монголию, где служил старшим советником при Монгольской народной армии, а затем командующим дислоцировавшейся на Дальнем Востоке 2-й отдельной Краснознаменной армией. В июле 1938 года Коневу присваивается звание комкора, а в марте 1939 года – командарма 2-го ранга. В июне 1940 года – назначен командующим войсками Забайкальского военного округа. В январе 1941 года Конев был назначен командующим войсками Северо-Кавказского военного округа.

В Смоленском котле

В первые дни Великой Отечественной войны генерал-лейтенант И.С. Конев командовал 19-й армией, сформированной из войск Северо-Кавказского военного округа. Первоначально 19-я армия была отправлена на Юго-Западный фронт. В ночь на 26 июня 1941 года И.С. Конев получил приказ срочно передислоцировать соединения 19-й армии с территории Украины на Западный фронт, в район Витебска, где создавался оборонительный рубеж с главной полосой по линии Сущево, Витебск, река Днепр. В состав 19-й армии к тому времени входили 7 стрелковых, 2 танковые и 1 мотострелковая дивизии.

Но к началу активных боевых действий Витебского сражения армия прибыть не успевала. 11 июля немецкие войска полностью овладели Витебском. На следующий день советская Ставка приказала силами трех армий (22-й, 19-й и 20-й) вернуть Витебск. Координировать действия командующих армиями был назначен заместитель командующего войсками Западного направления генерал-лейтенант А.И. Ерёмченко. Заместитель наркома обороны СССР маршал Тимошенко поставил перед Коневым следующую задачу: «Соберите все, что имеется под рукой, товарищ Конев, и немедленно отбросьте немцев от Витебска. С подходом армии организуйте устойчивую оборону в междуречье Западной Двины и Днепра. Одновременно готовьте контрудар по прорвавшимся частям 39-го моторизованного корпуса противника. По моим данным, части ваших 127-й и 134-й стрелковых дивизий под командованием заместителя командира 25-го стрелкового корпуса комбрига Горбатова закончили выгрузку. Подходит 220-я механизированная дивизия. Обратите внимание на организацию устойчивой связи. Максимально используйте радио, подвижные средства. Вышлите разведку в тыл. Не забудьте о противодесантных отрядах...» В течение трех дней советские войска пытались отбить Витебск, но инициативой по-прежнему продолжали владеть немцы, рвавшиеся к Смоленску. В ходе Смоленского сражения немецкие танки прорвались к командному пункту 19-й армии, располагавшемуся в районе Рудни, в результате чего командарм Конев и генерал-лейтенант Ерёмченко чудом избежали гибели или плена.

Конев сумел вывести из окружения управление армии с полком связи. Управление было использовано в качестве оперативного пункта Главного командования Западного направления по руководству Оперативными группами В.А. Хоменко, С. А. Калинина и К.К. Рокоссовского. Немцы захватили Смоленск, и Витебск стал дном нового «котла», куда попали и разгромленные части 19-й армии. Уцелевшие части отступали на восток. 16 июля в районе Лиозно попал в плен офицер Яков Джугашвили, сын Сталина. За день до этого, 14 июля, Военный совет войск Западного направления докладывал сложившуюся ситуацию Ставке Верховного Главнокомандования: «Сложившаяся на фронте обстановка показывает, что противник имеет целью окружение нашей витебско-оршанской группировки. Наши войска вследствие длительных отходов, упорных за последнее время

боев, а также укомплектования их наспех, больших потерь вооружения – не устойчивы. Особенно это сказывается при наступлении. Имели место случаи бегства частей от воздействия авиации и передовых танковых отрядов противника. Положение осложняется тем, что прибытие новых соединений замедлено и дезорганизовано железными дорогами. В головных эшелонах прибывают тыловые части, а боевые части длительно задерживаются в пути.

Вследствие этого фронт не имеет резервов и вынужден поспешно вводить на передовую линию части организационно плохо подготовленные. Много дивизий состоит из разных частей. Что касается танковых соединений, они не имеют материальной части и превратились, по существу, в технически слабо оснащенную пехоту...»

В августе 19-я армия с включенными в ее состав новыми дивизиями (в том числе – танковой и кавалерийской дивизиями, двумя пушечными артполками, тремя артиллерийскими дивизионами и двумя батареями реактивной артиллерии) приняла участие в Духовщинской операции, но разгромить вражескую группировку не смогла. 1 сентября армия приняла участие в Ельнинской наступательной операции, но 10 сентября была вынуждена перейти к обороне.

Под командованием Конева 19-я армия под Витебском, а затем – Ельней и Смоленском, героически боролась с превосходящими силами вермахта. За успешные боевые действия 12 сентября 1941 года Коневу присвоено звание генерал-полковника, и он был назначен командующим войсками Западного фронта. Этим фронтом он командовал немногим больше месяца, но именно в это время фронт потерпел одно из тяжелейших поражений за всю войну в вяземской катастрофе, потери в которой составили, по разным оценкам, от 400 000 до 700 000 человек погибшими и попавшими в плен. Затем для расследования причин катастрофы фронта и наказания виновных в ней в штаб фронта прибыла комиссия Государственного Комитета Обороны во главе с В.М. Молотовым и К.Е. Ворошиловым. Она обвинила в разгроме фронта Конева и собиралась отдать его под суд, что грозило расстрелом. Но вмешался Жуков, возглавивший в то тяжелое время Западный фронт и взявший Конева (под свою ответственность) заместителем командующего фронтом, поручив организовать оборону ряда населенных пунктов «подручными средствами», практически не получая резервов от штаба фронта и Ставки.

Сражение за Калинин

Проблема заключалась в том, что еще ранее, в том числе при участии москвичей, от Ржева до Калинина (так назывался в 1931–1990 годах город Тверь), в течение нескольких месяцев, были сооружены оборонительные сооружения, но из-за потерь в вяземском и других котлах Ставка не смогла своевременно выделить войска для защиты этого направления. А тем временем немецкие моторизированные части уже подходили к Калинин. Этому городу как советское, так и немецкое командование уделяло большое значение, он располагался на пересечении трех транспортных артерий: Октябрьской железной дороги, шоссе Москва – Ленинград и реки Волги с выходом на канал Волга – Москва. Каждая из этих транспортных артерий имела ключевое стратегическое значение. В Калинин находились многие крупные промышленные предприятия и сходились многие шоссейные дороги. С его захватом вермахт мог создать угрозу охвата Москвы с севера и, в дальнейшем, использовать Калинин для дальнейшего наступления на Москву и Ленинград.

Для обороны Калинина Ставка с Северо-Западного фронта отправила две стрелковые, две кавалерийские дивизии и оперативную группу под командованием генерал-лейтенанта Н.Ф. Ватутина, но немецкие войска были уже на подходе. Коневу было поручено Жуковым организовать оборону города Калинина. Утром 12 октября на железнодорожную станцию Калинин прибыли эшелоны с 142-м и 336-м полками 5-й стрелковой дивизии под командованием подполковник П.С. Телкова. Этой дивизии была поставлена заместителем командующего Западным фронтом генерал-полковником И.С. Коневым задача удержать немецкие войска еще на подступах к городу. Но сил для обороны реально не хватало – средняя численность полков 5-й стрелковой дивизии не превышала пятисот человек. Конев смог усилить их только маршевой ротой и отрядом слушателей Высшего военно-педагогического института Калинина, и отрядами ополчения.

13 октября немецкие войска были уже в 20 км от города, начался артобстрел западной части Калинина, люфтваффе произвели бомбардировку городских кварталов. Ночью с 12 на 13 октября и днём 13 октября советские войска заняли оборону на южной и юго-западной окраинах Калинина, растянувшись на 14 км. Войск для обороны города

не хватало, поэтому по приказу Конева была организована очаговая оборона. Кроме того, в течение двух дней на калининском стадионе «Динамо» проходило формирование четырех истребительных отрядов и отряда народного ополчения, общей численностью немногим более тысячи человек. Они были вооружены винтовками, к каждой из которых прилагалось до ста патронов. Но не было ни пулеметов, ни гранат. Под утро 14 октября на автомобилях была переброшена в Калинин 256-я стрелковая дивизия под командованием генерал-майора С.Г. Горячева. В состав дивизии входили 934-й, 937-й стрелковые полки и 531-й легкий артиллерийский полк. 934-й стрелковый полк оборонял Заволжье по Безымянному ручью северо-восточнее Черкасово, а 937-й стрелковый полк находился в городском саду Калинина, составляя немногочисленный (порядка 700 бойцов) резерв Конева.

К утру 14 октября армии группы «Центр» приготовились к штурму города, развернув в его окрестностях основные силы ударной группировки, которая включала в себя 1-ю танковую дивизию, 900-ю моторизованную бригаду и часть сил 36-й моторизованной дивизии. Общая численность группировки составляла около 20 тысяч человек, что примерно в 8 раз больше, чем защитников Калинина. 14 октября начались бои на окраинах города, а затем – на улицах и площадях.

В книге В. Хаупта «Сражения группы армий «Центр» так описано сражение за Калинин: «Начались тяжелые уличные бои с храбро сражавшимися защитниками Калинина, которые прочно удерживали многочисленные узлы обороны в городе. Их удавалось заставлять отходить только после поджога их опорных пунктов огнеметными танками или из огнеметов, которые были в подразделениях 37-го саперного батальона. Это требовало много времени... В центре Калинина дрались остатки 113-го моторизованного батальона, 1-й батальон и 1-й танковый полк, усиленный огнеметными танками... Теперь мост (шоссейный мост через Волгу) словно магнит притягивал его атакующих стрелков. К ним присоединился огнеметный танк, который сопровождали два танка типа III. Они подавляли пулеметные точки... Наконец подвезенные минометы открыли огонь дымовыми минами по позициям противника... Когда дым снова рассеялся, мы достигли уже дощатых стен стадиона». Под натиском немецкой 1-ой танковой дивизии (насчитывавшей 12 тысяч человек, 150 танков и около 160 орудий боевой техники) немногочисленный батальон

ополченцев и 142-й стрелковый полк 5-й дивизии был вынужден к западной окраине города, и только подход 190-го стрелкового полка (находившегося в резерве) позволил на время остановить продвижение немецких войск. Под натиском врага 5-я стрелковая дивизия отошла к полотну железной дороги, где заняла оборону. Позже 5-я дивизия была вынуждена отойти к восточной окраине города. Конев ввел в бой 256-ю стрелковую дивизию. Утром 15 октября 5-я стрелковая дивизия, потерявшая в ходе двухдневных боев часть личного состава, под напором превосходящих сил противника была вынуждена отойти на окраину города, на рубеж станций Константиновка – М. Перемерки – Котово и закрепиться там.

Бои за Калинин продолжались до 17 октября, но несмотря на мужество его защитников и умелое командование Конева, Калинин был захвачен немецкими войсками. Но оборона города сыграла важную роль, дав необходимое время для создания прочной обороны на Московском, Ленинградском, Бежецком шоссе. План армий группы «Центр» по использованию Калинина для молниеносного наступления на Москву, Ленинград и Ярославль не был реализован. Конев сумел себя реабилитировать как военачальник и поэтому по рекомендации Жукова было принята следующая директива:

ДИРЕКТИВА СТАВКИ О СОЗДАНИИ КАЛИНИНСКОГО ФРОНТА

«Командующим Северо-Западным, Западным фронтами

Зам. командующего Западным фронтом т. КОНЕВУ

17 октября 41 г. 18 час. 30 мин.

В целях удобства управления войсками калининского направления Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Войска, действующие на осташковском, ржевском направлениях и в районе Калинина, выделить в самостоятельный Калининский фронт с непосредственным подчинением его Ставке Верховного Главнокомандования.

2. В состав войск Калининского фронта включить 22, 29 и 30 А Зап. фр., 183, 185 и 246 сд, 46 и 54 кд, 46 мотоциклетный полк и 8 тбр Сев. – Зап. фронта.

3. Командующим Калининским фронтом назначить генерал-полковника Конева. На усиление штаба фронта обратить штаб 10 армии. Штаб фронта развернуть в районе Бежецка.

4. Разгранлинии: с Сев. – Зап. фр. – Пошехонье – Володарск, ст. Остолопово, ст. Академическая, оз. Истомино, все для Калининского фронта включительно; с Зап. фронтом – ст. Берендеево, ст. Вербилки, ст. Решетникове, ст. Князьи Горы, Сычевка, все для Зап. фр. включительно.

5. Очередная задача фронта – очистить от войск противника район Калинина и ликвидировать во взаимодействии с Западным и Сев. – Зап. фронтами попытки противника обойти Москву с севера.

Ставка Верховного Главнокомандования

Сталин

Василевский».

Калининский фронт располагался на северо-западном направлении от столицы и сражался против войск немецкой группы армий «Центр». Части, вошедшие в состав Калининского фронта, участвовали в обороне Калинина. Коневу были приказано держать оборону, сковывая немецкие войска.

Почувствовав, что немецкое наступление под Москвой выдыхается, исчерпав свой наступательный потенциал, Жуков предложил нанести контрудар. План, разработанный в строжайшей тайне, был поддержан Сталиным, и началась подготовка. Генерал-лейтенант Василевский, в то время исполнявший обязанности начальника Генерального штаба в связи с болезнью Шапошникова и отвечавший за подготовку контрнаступления под Москвой, так рассказывал о сложностях взаимоотношений с соседним, но более важным фронтом – Западным: «Утром 1 декабря по указанию Верховного Главнокомандующего состоялся мой разговор с И.С. Коневым относительно этой директивы. Командующий, ссылаясь на отсутствие у него танков и нехватку сил, предлагал вместо оказания помощи Западному фронту провести местную операцию по овладению городом Калинин. С таким заявлением нельзя было согласиться, оно преследовало только локальные интересы и шло вразрез с общей целью. Я вынужден был заявить И.С. Коневу следующее:

– Товарищ командующий! Известны ли вам события под Ростовом? Сорвать наступление немцев на Москву и тем самым не только спасти Москву, но и положить начало серьезному разгрому противника можно лишь активными действиями с решительной целью.

Если мы этого не сделаем в ближайшие дни, то будет поздно. Калининский фронт, занимая исключительно выгодное оперативное положение для этой цели, не может быть в стороне от этого. Вы обязаны собрать буквально все для того, чтобы ударить по врагу, а он против вас слаб. И, поверьте, успех будет обеспечен. Товарищ Сталин разрешил немедленно перебросить вам для этой цели еще одну, 262-ю стрелковую дивизию Северо-Западного фронта. Она начинает погрузку сегодня в 18.00. Дивизия имеет в своем составе свыше 9 тыс. человек и неплохо вооружена. Ставка Верховного Главнокомандования считает не только возможным, но и необходимым снять с фронта и сосредоточить для этого удара указанные мной дивизии. Мне непонятно ваше заявление, что все эти дивизии имеют в своем составе всего лишь по 2–3 тыс. человек. Передо мной донесение вашего штаба, полученное 24 ноября 1941 года, по которому 246-я стрелковая дивизия имеет 6 тыс. 800 человек, 119-я – 7200, 252-я – 5800, 256-я – 6000 и т. д. Если в этих дивизиях, как вы заявили, действительно слаба артиллерия, то вы сможете усилить их за счет артполков Резерва Главного командования, которых вы имеете 9. По вопросу о танках буду докладывать Верховному. Ответ дадим позднее...»

Через четыре дня, в ночь перед началом контрнаступления войск Калининского фронта, т. к. «Ставка была очень озабочена обеспечением точного выполнения приказа» о контрнаступлении со стороны Конева», Василевский прибыл в штаб Калининского фронта, чтобы «лично передать командующему фронтом директиву на переход в контрнаступление и разъяснить ему все требования по ней».

Перед началом наступления на Калининском фронте была сосредоточена ударная группировка в составе пяти стрелковых дивизий 31-й армии и трех стрелковых дивизий 29-й армии. 5 декабря, по приказу Верховного Главнокомандующего, началось большое сражение в районе города Калинина. Ставка поставила перед Коневым и Калининским фронтом задачу не только освободить от немцев одноименный город, разгромив калининскую группировку немцев, но после этого выйти в тыл вражеским частям, угрожающим советской столице. Главный удар наносился силами трех стрелковых дивизий (256-й, 119-й и 5-й). Менее чем через два часа немецкая оборона была прорвана, позже были освобождены населенные пункты Старая Константиновка, Пасынково, совхоз Власьево, и перерезано шоссе

Москва – Ленинград, восточнее Калинина. Командование группы армий «Центр» бросило против 31-й армии две пехотные дивизии. После нескольких дней напряженных кровопролитных боев, которые шли с переменным успехом, войскам 31-й армии удалось 14 декабря с юго-востока обойти Калинин, перерезав Волоколамское шоссе, вследствие чего участь калининской группировки врага была решена – им пришлось через несколько часов покинуть город. Отступая, немцы поджигали дома, взорвали железнодорожный мост и шоссейные мосты через Волгу. 16 декабря 1941 года Калинин был освобожден. Но дальнейшее развитие контрнаступления наткнулось на ожесточенное сопротивление врага, и поэтому темпы продвижения войск Калининского фронта были невысокими. 1 января был освобожден город Старица, а через неделю Красная армия вышла на подступы к Ржеву.

В ходе этого наступления войска Калининского фронта продвинулись на торжокско-ржевском направлении на 60–70 км, а на направлении Калинин – Ржев на 100–120 км, нанеся поражение 9-й германской армии.

Ржевская битва

8 января 1942 года войска Калининского фронта под командованием Конева стали участвовать в Ржевской битве, которая включила в себя четыре наступательные операции против немецкой группы армий «Центр». Ржевская битва стала одной из самых кровопролитных и продолжительных битв Великой Отечественной войны, получив неформальные народно-солдатские названия «ржевской мясорубки», «прорвы». Ржевская битва завершилась только 31 марта 1943 года. Город Ржев был освобожден от немцев раньше – 3 марта. Первая, Ржевско-Вяземская операция 1942 года, продолжалась с 8 января по 31 марта и являлась продолжением советского контрнаступления под Москвой. С советской стороны в ней участвовали войска Западного и Калининского фронта, и из резерва Ставки ВГК был использован 4-й воздушно-десантный корпус. 22 января Ставка передала в состав Калининского фронта 3-ю и 4-ю ударные армии Северо-Западного фронта. Кроме того, активное участие в боевых действиях против врага приняли советские

партизаны. Важно подчеркнуть, что помимо местных жителей, ушедших в партизаны (в основном это были люди пожилые, не мобилизованные ранее в Красную армию или пятнадцатилетние подростки и женщины), в лесах и деревнях скрывались сотни наших окруженцев, умевших держать оружие.

Основной задачей, которую советская власть (из-за линии фронта) поставила местным партизанам, – контроль за коммуникациями, и в первую очередь – железнодорожной линией Брянск – Вязьма. Днем 24 февраля 1942 года, после проведенной накануне ночью разведки, партизаны освободили станцию Вертехово, также подорвав железнодорожное полотно, соединявшее станции Вертехово и Угра. Уже через четыре дня немцы попытались восстановить железнодорожное сообщение, но были обстреляны на подходе к станции партизанами и были вынуждены отступить. В течение последующих дней партизаны успешно отбили еще несколько нападений.

Основная поставленная Ставкой задача – окружить, расчленить и уничтожить основные силы группы армий «Центр» в районе Ржев, Вязьма, Юхнов, Гжатск – не была выполнена. В ходе боев были окружены и разгромлены советская 33-я армия под командованием генерал-лейтенанта М.Г. Ефремова и 11-й кавалерийский корпус под командованием полковника С.В. Соколова.

В ходе боев с 1 января по 30 марта 1942 года группа армий «Центр» потеряла более 330 тыс. человек – почти половину личного состава, но велики потери в ходе Ржевско-Вяземской операции были и у Красной армии – 776 889 человек, из них безвозвратные 272 320. Этой ценой удалось отбросить немецкие войска на Западном направлении на 80—250 км, завершить освобождение Московской и Тульской областей и освободить от гитлеровской оккупации часть территорий Калининской и Смоленской областей. В результате наступления образовался ржевско-вяземский выступ. Затем войска Калининского фронта под командованием Конева потерпели поражение в Холм-Жирковской оборонительной операции.

30 июля 1942 года войска Калининского фронта под командованием Конева и Западного фронта под командованием Жукова начали Ржевско-Сычёвскую стратегическую наступательную операцию (операция «Марс»), целью которой было уничтожение 9-й армии под

командованием генерал-полковника В. Моделя, оборонявшейся в Ржевско-Вяземском выступе. 25 августа 1942 года приказом Ставки Конев был снова назначен командовать войсками Западного фронта и продолжил проведение операции. После продолжительных кровавых боев 27 сентября войска 30-й армии удалось освободить Ржев, но подошедшие немецкие резервы группы армии «Центр» выбили советские войска из Ржева. 1 октября сражение за Ржев закончилось.

После неудачного февральского наступления войск Западного фронта (Жиздринская операция) Ставка приняла следующее решение:

ПРИКАЗ СТАВКИ ВГК № 0045

О СМЕНЕ КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ И НАЧАЛЬНИКА ШТАБА ЗАПАДНОГО ФРОНТА

«27 февраля 1943 г.

1. Освободить от должности командующего войсками Западного фронта генерал-полковника Конева И.С., как не справившегося с задачами руководства фронтом, направив его в распоряжение Ставки Верховного Главнокомандования.

2. Назначить командующим войсками Западного фронта генерал-полковника Соколовского В.Д., освободив его от должности начальника штаба фронта.

3. Прием и сдачу дел фронта закончить к 02.00 28 февраля 1943 г., после чего тов. Соколовскому вступить в командование войсками фронта.

4. Назначить начальником штаба Западного фронта генерал-лейтенанта Покровского А.П., освободив его от должности начальника оперативного отдела [штаба] того же фронта.

Ставка Верховного Главнокомандования И. СТАЛИН».

Степной фронт

В июле 1943 года Конев назначен командующим войсками Степного фронта, в своих «Записках командующего фронтом» он так рассказывал, как это произошло: Я хорошо помню, как перед выездом к новому месту назначения меня вызвали в Ставку. Верховный Главнокомандующий И.В. Сталин в присутствии маршала Г.К. Жукова и членов Государственного комитета обороны сказал:

– Степной фронт должен сыграть важную роль в контрнаступлении. – И, обращаясь ко мне, продолжал:

– Вы понимаете, товарищ Конев, какое назначение вы получаете в связи с обстановкой, которая складывается на южном направлении? Противник, видимо, создаст очень сильные группировки для того, чтобы срезать Курский выступ. Ваш фронт, расположившись за Центральным и Воронежским фронтами, должен быть в готовности, если прорвется противник, отразить его удары и не допустить развития прорыва в восточном направлении как на орловском, так и на белгородском направлении. Поэтому полосу, занимаемую фронтом, надо хорошо подготовить в оборонительном отношении, а в тылу, по рекам Воронеж и Дон, подготовить государственный рубеж обороны».

Степной фронт был образован 10 июля 1943 года из сил Степного военного округа на курском направлении. Его состав был определен следующей директивой:

«Командующему Степным военным округом.

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. С 24.00 9 июля переименовать Степной военный округ в Степной фронт.

2. Включить в состав Степного фронта 5-ю гвардейскую. 27-ю армию с 4-м гв. танковым корпусом, 53-ю армию с 1-м мех. корпусом, 47-ю армию с 3-м гв. мех. корпусом, 4-ю гв. армию с 3-м гв. танковым корпусом, 52-ю армию, 5-ю гвардейскую танковую армию, 3-й, 5-й, 7-й гвардейские кавалерийские корпуса, 5-ю воздушную армию, все части усиления и тыловые части и учреждения Степного военного округа.

3. Армии фронта развернуть согласно устным указаниям, данным Генеральным штабом.

4. Передвижение войск совершать только ночью.

5. Командный пункт Степного фронта с 12 июля иметь в районе Горяиново.

6. О ходе перегруппировки доносить ежедневно шифром.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. Сталин.

А. Антонов».

Войска Степного фронта первоначально были развернуты в резерве за Центральным и Воронежским фронтами, именно на Курской дуге Коневу удалось проявить свой полководческий талант. Так он сам в мемуарах описывает значение Степного фронта в этом сражении: «Как известно, в битве под Курском советские войска создали мощную, глубоко эшелонированную, хорошо организованную оборону с выгодным для нас соотношением сил сторон, поскольку мы готовились к преднамеренной обороне. И все же противнику удалось на обоянском направлении вклиниться в нашу оборону на глубину до 35 км. И лишь благодаря вводу в сражение двух армий Степного фронта – 5-й гвардейской танковой армии П.А. Ротмистрова и 5-й гвардейской армии А.С. Жадова – вражеское наступление было окончательно остановлено». 17 июля Степной фронт под командованием Конева перешел в наступление и в ходе кровопролитных боев (при участии войск Воронежского фронта) в течение шести дней отеснил войска группы армии «Центр» к тем рубежам, которые они занимали перед началом сражения. 3 августа войска Степного фронта на белгородско-харьковском направлении перешли в решительное наступление. Через день воины 69-й и 7-й гвардейской армий освободили от немцев Белгород. Для проведения Харьковской операции Конев запросил у Ставки подкрепления (двадцать тысяч бойцов) и пополнения состава дивизий, ведущих тяжелые бои (53-й и 7-й гв. армий), дать 200 танков Т-34 и 100 танков Т-70, тяжелых танков КВ – 35, а также четыре полка самоходной артиллерии и две инженерные бригады. Наступление на Харьков развивалась успешно, но спустя годы Конев жаловался в своих мемуарах на то, что некоторые руководители Советской Украины считают продвижение войск Степного фронта слишком неторопливым: «Не зная положения войск на фронте, но желая скорее увидеть Харьков свободным, некоторые представители УССР приезжали ко мне на КП и выражали неудовольствие нашим медленным наступлением. Каюсь, я не мог уделить им должного внимания, разъяснить все как следует, да и не имел права раскрывать оперативный план. Времени было в обрез. Я был поглощен руководством войсками». Но, несмотря на упорную оборону немецких войск и мастерство их генералов, советские войска, имеющие не только преимущество в живой силе, но и боевой технике, неудержимо двигались вперед. 53 армия во взаимодействии с армией Ротмистрова начала охват Харькова с запада и юго-запада, а 7-я

гвардейская армия под командованием генерал-лейтенанта М.С. Шумилова, следуя плану, наступала с севера на юг с линии Циркуны, Дергачи».

23 августа советские войска вошли в Харьков, которые немцы, несмотря на суровый приказ Гитлера, так и не смогли удержать.

Конев в мемуарах так описывает свой доклад Сталину об этой победе: «Прежде чем докладывать И.В. Сталину о положении дел на фронте и об освобождении Харькова, как и обычно, я позвонил Поскребышеву. Он ответил:

– Товарищ Сталин отдыхает. Я его беспокоить не буду.

Тогда я решил звонить сам. На первые звонки ответа не последовало. Я потребовал от телефонистки:

– Звоните еще. За последствия отвечаю.

Наконец, слышу знакомый хриловатый голос.

– Слушаю...

– Докладываю, товарищ Сталин, войска Степного фронта сегодня освободили город Харьков.

Сталин не замедлил с ответом.

– Поздравляю. Салютовать будем по первому разряду».

26 августа 1943 года Коневу было присвоено звание генерала армии. В конце августа – начале сентября, развивая успех, фронт развернул Полтавско-Кременчугскую наступательную операцию – первый этап битвы за Днепр. Окончательно потеряв после Курской битвы стратегическую инициативу, немецкие войска перешли к обороне. Гитлер, приказывая командующим фронтами и армиям не отступать ни шаг, считал важнейшими оборонительными рубежами реки, и поэтому придавал большое значение немецким линиям защиты на Днепре, считая их основой для неприступного так называемого «Восточного вала». Но поскольку возводили его за очень короткий срок, он не мог не иметь слабых мест. Точнее будет сказать, что «Восточный вал» не был одинаково укреплен на всем своем протяжении. При этом самые серьезные укрепления, возведенные немцами, были сконцентрированы в местах наиболее вероятной переправы советских войск: у Кременчуга и Никополя, а также в Запорожье. Кроме того, при отступлении части вермахта и СС неукоснительно выполняли приказ о «тактике выжженной земли», опустошая территории и уничтожая населенные пункты, чтобы

затруднить продвижение Красной армии. Немецкие войска сопротивлялись ожесточенно, и, несмотря на преимущество в живой силе и технике, советским воинам приходилось с боем брать не только укрепления, но и хутора, где оставались вражеские арьергарды, целью которых было затормозить движение Красной армии на запад.

В состав Степного фронта входили 30 стрелковых, 2 механизированных, 2 танковых корпуса и 3 отдельные танковые бригады. Общая численность войск под командованием Конева составляла 336 тысяч человек. Им противостояли 1-я танковая и 8-я полевая армии вермахта, состоящие из двадцати дивизий (три из которых были танковыми). Немецкие войска по численности уступали советским в 2,1 раза.

23 сентября 1943 года немецкие войска был выбиты из Полтавы – одного из мощных узлов германской обороны на Левобережной Украине. Остатки германской полтавской группировки немцев начали отход к переправам через Днепр в районе Кременчуга. Войска Степного фронта преследовали врага с целью 24–25 сентября захватить переправы на Днепре. Как отмечает в своих воспоминаниях Конев, «после освобождения Харькова вопрос о наступлении к Днепру и форсировании его в среднем течении встал перед войсками фронта вплотную как ближайшая задача. Не буду скрывать, что среднее течение Днепра я знал недостаточно хорошо. В общих чертах мне довелось познакомиться с этой большой водной преградой в 1935–1936 гг., когда я командовал 37-й дивизией Белорусского военного округа в городе Речице. Дивизия в случае войны должна была взаимодействовать с Днепровской военной флотилией в северном течении Днепра и по Припяти до Пинска. Теперь же этих знаний было недостаточно. Подробного военно-географического описания у нас в штабе фронта к тому времени, к сожалению, еще не было, но оно крайне требовалось. Я позвонил начальнику инженерных войск Красной армии М.П. Воробьеву, с которым был хорошо знаком еще по Западному фронту, и попросил, чтобы он срочно выслал мне все имеющиеся военно-географические описания Днепра. Затем задал ему вопрос: «В каком месте лучше переправляться через Днепр между Кременчугом и Днепропетровском?» И еще: «Когда Карл XII вместе с Мазепой бежали после разгрома под Полтавой, где они переправлялись через Днепр?» М.П. Воробьев мне ответил: «У Переволочной, что

севернее Днепропетровска». Я поблагодарил его за справку. Это место как раз находилось в полосе нашего фронта».

25 сентября 1943 года войска Степного фронта вышли к Днепру. Для переправы были использованы как все штатные плавсредства, которых не хватило, так и подручные: рыбацкие лодки, импровизированные плоты из бревен, бочек, стволов деревьев и досок. Поэтому самой большой проблемой собственно переправы через Днепр были трудности при переправе тяжелой боевой техники, без которой захватившим плацдармы на другом берегу советским воинам было трудно противостоять натиску врага, атаковавшего их сразу после высадки и неоднократно – позже. На многих плацдармах частям Красной армии приходилось оборонять и расширять свои участки, используя стрелковое оружие, часто испытывая нехватку боеприпасов, продуктов питания и других видов снабжения. Немецкая авиация бомбила переправы, которые также обстреливались артиллерией. Поэтому советскому командованию нужен был оптимальный план переправы. Как Конев писал в своих мемуарах, «для форсирования Днепра 37-я армия сосредоточивалась на участке Дериевка, Мищурин Рог. Она была усилена тремя зенитно-артиллерийскими дивизиями, пушечной артиллерийской бригадой, двумя полками ПТО, тремя полками реактивных минометов, четырьмя понтонно-мостовыми батальонами. Оперативное построение армии было намечено в два эшелона. В первом находились 57-й стрелковый корпус (92-я, 62-я и 110-я гвардейские стрелковые дивизии) и 89-я гвардейская Харьковская стрелковая дивизия, во втором – 82-й стрелковый корпус. Дивизии первого эшелона должны были стремительно выйти к Днепру, с ходу форсировать его и захватить плацдарм. В каждой дивизии первого эшелона были созданы передовые отряды в составе стрелкового батальона, артдивизиона, двух батарей истребительно-противотанковой артиллерии, взвода или роты саперов. Постановка боевых задач войскам, организация подхода к реке, план форсирования, меры боевого обеспечения и управления – все было разработано и выполнено обстоятельно, заранее. Войска двигались быстро, и уже в ночь на 27 сентября передовые отряды 62-й и 92-й гвардейских дивизий были у реки. Не имея переправочных средств, они начали на берегу собирать подручные материалы для форсирования реки. 37-я армия пришла из резерва и имела только 16 малых надувных лодок, 10 плавательных

костюмов и 5 лодок А-3. Позднее от фронта армия получила для переправы артиллерии, танков и другой тяжелой техники: 2 механизированных понтонно-мостовых батальона, 2 парка Н2П и парк «В», инженерно-саперную бригаду РГК, парк А-3 и 48 деревянных лодок. Правда, из-за того, что дороги были забиты тыловыми частями и учреждениями, переправочные средства несколько отстали и задержали форсирование артиллерии и танков 37-й армии.

В ночь на 28 сентября 92-я и 62-я гвардейские дивизии начали форсирование Днепра. Форсирование реки 92-й гвардейской стрелковой дивизией проходило неудачно. Противник обнаружил понтоны и открыл по ним плотный артиллерийско-минометный и пулеметный огонь. Из-за сильного огня противника форсирование было прекращено. 62-я гвардейская дивизия под командованием Героя Советского Союза полковника И.Н. Мошляка организовано и внезапно на понтонах Н2П и лодках А-3 в эту же ночь переправила передовой отряд и захватила один из островов в районе пристани Мишурин Рог. Вслед за первым эшелоном началось форсирование остальных частей дивизии. Когда противник обнаружил форсирование, артиллерия 62-й дивизии, будучи организованной и подготовленной, открыла огонь по артиллерийско-минометным позициям врага, обеспечивая переправу частей дивизии.

К 8 час. 28 сентября в полосе 62-й гвардейской дивизии на правом берегу Днепра было захвачено два плацдарма. Из них один 2 км по фронту и 1 км в глубину. В течение дня продолжалась переправа главных сил этой дивизии. Несмотря на трудности форсирования, которое происходило днем под воздействием вражеской авиации и артиллерии, войска продолжали переправляться на правый берег Днепра, используя различные подручные средства и просто вплавь, и с ходу вступали в бой. Солдаты проявляли находчивость и подлинный героизм. Форсирование, однако, проходило медленно. Здесь-то и сказались недостаток переправочных средств, опаздывавших с прибытием, и неорганизованное, слабое управление со стороны некоторых командиров.

Несмотря на все трудности и упорное сопротивление противника, главные силы 57-го стрелкового корпуса 29–30 сентября переправились на правый берег реки. В ходе напряженных и ожесточенных боев они соединили отдельные плацдармы в один общий плацдарм оперативного

значения. В последующем там были сосредоточены войска для наступления. С прибытием переправочных средств были созданы все условия для переброски через Днепр основных сил 37-й армии. 7-я гвардейская армия в течение 29 сентября расширила плацдарм в районе Домоткани до 20 км по фронту и до 8 км в глубину.

С 29 сентября по 10 октября на плацдармах 37-й и 7-й гвардейской армий разгорелись жаркие бои. Немцы сосредоточили против этих армий группировку в составе четырех танковых дивизий (6-й, 9-й, 23-й и СС «Мертвая голова») и моторизованной дивизии «Великая Германия». Противник непрерывно переходил в контратаки танками, пытаясь сбросить наши войска в Днепр. Превосходство в танках и авиации на плацдарме было на стороне противника. Напряженные бои показывали, что противник стремился во что бы то ни стало удержать опорные пункты, примыкавшие к Днепру и разъединявшие войска 37-й и 7-й гвардейской армий...» Как отметил в своих мемуарах Конев, «гитлеровцы ухватились за Днепр как за якорь спасения. Фашистские генералы считали, что, используя естественную мощную водную преграду и созданные на ней укрепления, они не допустят форсирования Днепра Красной армией. «Скорее Днепр потечет обратно, – заявил после падения Харькова Гитлер, – нежели русские преодолеют его – эту мощную водную преграду 700–900 м ширины, правый берег которой представляет цепь непрерывных дотов, природную неприступную крепость». Но вскоре выяснилось, что «Восточный вал», который Гитлер считал неприступным, пал под натиском советских войск.

16 октября Ставка ВГК издала приказ о переименовании Степного фронта во 2-й Украинский фронт. Его войска в октябре – декабре провели Пятихатскую и Знаменскую операции, и разгромив вражеские части, к 20 декабря вышли на подступы к Кировограду и Кривому Рогу.

Корсунь-Шевченковская операция

Одной из самых эффективных операций, проведенных под руководством Конева, стала Корсунь-Шевченковская операция, проведенная в январе – феврале 1944 года, получившая в военной истории название «Сталинград на Днепре». В этой операции участвовали войска 1-го и 2-го Украинских фронтов, разгромившие

корсунь-шевченковскую группировку противника, состоящую из VII и XI армейских корпусов из состава 1-й танковой армии и 42-го армейского и 47-го танкового корпусов из 8-й армии группы армий «Юг». Советская Ставка планировала нанести войсками двух фронтов встречные удары под основание выступа и соединиться в районе городов Шпола, Звенигородка.

Как писал маршал И.Х. Баграмян в своей книге «Великого народа сыновья», в главе, посвященной Коневу, «операцию готовили и осуществляли в сложнейших условиях необычно ранней весны и связанной с ней распутицы. Ивану Степановичу предстояло сосредоточить две общевойсковые, танковую и воздушную армии и немало средств усиления. Срок же на подготовку удара был отведен минимальный – всего пять суток. Ненастье почти полностью исключало возможность широко применять авиацию. Вдобавок раскисли грунтовые аэродромы.

Характерно, что Иван Степанович не жаловался на распутицу, он стремился превратить ее в свою союзницу. Во-первых, полагал он, Манштейн (в то время – командующий группой армий «Юг». – *Примеч. авт.*) наверняка будет надеяться на передышку по случаю скверной сверх всякой меры погоды. Значит, необходимо форсировать подготовку к операции и вести ее в строжайшей скрытности: все перегруппировки совершать ночью, строго регулируя движение по скрупулезно определенным маршрутам и точному графику, оборудовать ложные районы сосредоточения танков и артиллерии, ложные огневые позиции, имитировать передвижение войск и техники на пассивных участках фронта. Во-вторых, Конев был убежден, что советские солдаты именно в самых неблагоприятных условиях проявят воинскую предприимчивость, инициативу, боевое творчество и боеспособность их будет выше, чем у врага, которого необычные условия всегда выбивали из колеи».

В окружение попало около 80 тысяч немецких солдат и офицеров, а также техника. Один из лучших вражеских полководцев, фельдмаршал Э. Манштейн предпринимал энергичные усилия, чтобы освободить окруженные войска из «котла», для чего был нанесен сильный танковый удар по позициям 27-й армии 1-го Украинского фронта генерала Ватутина. Возникла реальная угроза прорыва немецких войск, и Конев, чтобы предотвратить это, принял решение

перебросить 5-ю танковую армию на стык с соседом и даже частично в его полосу действий. После этого в ночь на 12 февраля на командном пункте 2-го Украинского фронта раздался звонок Сталина. Встревоженный Верховный Главнокомандующий сообщил, что, по сведениям Ставки, окруженная группировка прорвала фронт 27-й армии и уходит на соединение к своим. На вопрос Сталина: «Вы знаете обстановку у вашего соседа?» – Конев ответил следующее: «Не беспокойтесь, товарищ Сталин. Окруженный противник не уйдет... Для обеспечения стыка с 1-м Украинским фронтом и чтобы загнать противника обратно в котел, в этот район выдвинуты 5-я гвардейская танковая армия Ротмистрова и 5-й гвардейский кавкорпус Селиванова». Выслушав Конева, Верховный Главнокомандующий одобрил его инициативу и возложил на него общее руководство всеми войсками на внутреннем фронте окружения, привлекавшимися для уничтожения противника.

Конев в своих воспоминаниях приводит телеграмму Сталина, адресованную Жукову:

«Прорыв корсуньской группировки противника из района Стеблев в направлении Шандеровка произошел потому, что:

слабая по своему составу 27-я армия не была своевременно усилена;

не было принято решительных мер к выполнению моих указаний об уничтожении в первую очередь Стеблевского выступа противника, откуда вероятнее всего можно было ожидать попыток его прорыва...

Сил и средств на левом крыле 1-го Украинского фронта и на правом крыле 2-го Украинского фронта достаточно, чтобы ликвидировать прорыв противника и уничтожить корсуньскую его группировку.

12 февраля 1944 г.

16 часов 45 минут

И. Сталин

Антонов».

В описании нюансов этого момента есть две версии – как Жукова, так и самого Конева: «В своих воспоминаниях маршал Г.К. Жуков не совсем точно осветил этот вопрос. Вспоминая свой телефонный

разговор с Верховным Главнокомандующим, он пишет: «И.В. Сталин сказал: – Конев предлагает передать ему руководство войсками по ликвидации корсунь-шевченковской группы противника, а руководство войсками на внешнем фронте сосредоточить в руках Ватутина». Каждый поймет, что в такой сложной обстановке напрашиваться самому на переподчинение войск, не зная досконально обстановки на участке соседа, вряд ли целесообразно. В действительности Сталин 12 февраля 1944 года по ВЧ, возлагая на меня ответственность за ликвидацию окруженной группировки, сам настаивал на подчинении мне 27-й армии 1-го Украинского фронта. Я же, изложив свои мотивы, настойчиво отказывался от этого».

После пяти дней ожесточенных боев окруженные немецкие войска были разгромлены, почти двадцать тысяч солдат и офицеров попали в плен. Больше трети из окруженных было уничтожено, захвачена почти вся вражеская техника, что немаловажно – в результате этой победы были созданы условия для полного освобождения Правобережной Украины. 20 февраля 1944 года Коневу было присвоено звание Маршала Советского Союза.

Освобождение Европы

26 марта войска 2-го Украинского фронта первыми в Красной армии перешли государственную границу, вступив на территорию Румынии. В мае Конев был назначен командующим войсками 1-го Украинского фронта. В июле – августе в ходе Львовско-Сандомирской операции войсками фронта была разгромлена группа армий «Северная Украина» под командованием генерал-полковника Йозефа Гарпе.

29 июля Коневу за умелое руководство войсками фронтов в крупных операциях, в которых были разгромлены сильные группировки противника, личное мужество и героизм, было присвоено Звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

В начале 1945 года войска под командованием Конева успешно провели Висло-Одерскую операции, а затем – Нижне-Силезскую операцию и Верхне-Силезскую операции, а также доблестно сражались добившись в Берлинской операции и в Пражской операции. Последнюю он так описывал в своих мемуарах: «5 мая 1945 года в

Праге вспыхнуло восстание против фашистских оккупантов. Кое-как вооруженные горожане, поддержанные пробравшимися в город партизанами, сумели захватить часть города, построить баррикады, занять вокзалы, мосты, банки, телефонные станции и телеграф. Поняв, что силами гарнизона подавить восстание не удастся, фашисты отправили против взбунтовавшегося города части группы армий «Центр», в состав которых входили танки и самоходные орудия. И тогда, поняв свою обреченность и неизбежность разрушения одного из самых красивых и древних городов Европы, вожди Пражского восстания, Чешский национальный совет попросили помощи у руководства антигитлеровской коалиции, отправив им радиogramмы. В ответ на помощь Праге 6 мая были направлены войска Второго и Четвертого Украинских фронтов, в состав которых входили и танковые корпуса. Разгромив основные силы противника, советские войска в ночь на 9 мая прорвались к Праге и в 9 часов утра освободили город».

После окончания Второй мировой войны, в 1945–1946 годах, Конев занимал пост главнокомандующего Центральной группы войск на территории Австрии. В 1946 году, после того как попал в опалу Г.К. Жуков, Конев был назначен главнокомандующим Сухопутными войсками и заместителем министра Вооруженных сил СССР. В 1955–1960 годах был 1-м заместителем министра обороны СССР, затем состоял в Группе генеральных инспекторов МО СССР. В 1961–1962 годах – главнокомандующий Группой советских войск в Германии.

Скончался И.С. Конев 21 мая 1973 года.

Побежденные

Франц Гальдер. Разработчик планов вермахта

Франц Гальдер родился 30 июня 1884 года в баварском городе Вюрцбурге. Он происходил из семьи потомственных военных, в частности, Гальдер-старший был генерал-майором. Франц поступил на военную службу в 1902 году, а через два года уже получил лейтенантский чин. В 1914 году он окончил Баварскую военную академию.

Во время Первой мировой войны служил на штабных должностях, был награжден Железным крестом 1-го и 2-го классов. После окончания войны служил в рейхсвере. В 1923–1924 годах командовал батареей 7-го артиллерийского полка, потом получил назначение в штаб 7-й дивизии и военного округа. В августе 1931 года стал начальником штаба 6-го военного округа. В октябре 1934 года был назначен командующим артиллерией 7-й дивизии, а через год стал командиром этой дивизии. С февраля 1938 года – первый обер-квартирмейстер Генерального штаба сухопутных войск.

Во главе Генерального штаба сухопутных войск

27 августа 1938 года Франц Гальдер стал начальником Генерального штаба сухопутных войск вместо ушедшего в отставку Людвиг Бек. «Будучи офицером старой прусской школы, Гальдер не мог примириться со многими сторонами нацистского режима... – отмечает в книге «План «Барбаросса» британский военный историк Кристофер Эйлсби. – Перспектива войны на два фронта, подобно тому как это было в Первую мировую войну, заставила командующего армией фельдмаршала Вальтера фон Браухича и начальника Генерального штаба сухопутных войск генерала Гальдера усомниться в целесообразности вторжения в СССР. Их аргументы не были услышаны. Фюрер бесповоротно решил «свести счеты с Россией, как только этому будет благоприятствовать погода». Гитлер дал указания своим военачальникам готовиться ко вторжению в СССР 21 июля 1940 года, всего через месяц после завоевания Франции. Оно должно было начаться не позднее будущей весны».

Поскольку выбора идти или не идти войной на СССР Гитлер своим генералам не оставил, началось выяснение, как именно следует воевать на Востоке. ОКВ и ОКХ разделились в своих взглядах на стратегический план ведения кампании. По словам Эйлсби, «Гитлер персонифицировал эти различия на своем диспуте с начальником Генерального штаба сухопутных войск Францем Гальдером. Гитлер предпочитал атаку по трем направлениям, согласно плану, предложенному ему штабом ОКВ. Северная группа армий должна была наносить удар через Прибалтику в направлении Ленинграда, а южная группа совершала бы свой бросок через Украину на Киев и далее, центральная же группа армий пройдет через Белоруссию на Москву.

Атака на севере обезопасила бы жизненно важные порты на Балтийском море и ликвидировала бы важный экономический центр – город Ленинград. К тому же последний был колыбелью идеологии ненавистного Гитлеру большевизма. Наступление на юг должно было привести к захвату советской житницы – Украины, за которой лежал богатый углем Донецкий бассейн. Естественно, успешная атака с фланга также обеспечивала прикрытие наступления на советскую столицу. Взятие самой Москвы, говорил Гитлер своим генералам, «было не так уж важно». В конце концов, указывал он, именно после Москвы потерпела неудачу кампания Наполеона в 1812 году. «Только люди с совершенно закаменелыми мозгами, погрязшие в идеях прошлых столетий, – говорил Гитлер, – могут видеть какую-то имеющую смысл цель во взятии столицы». Поэтому Москва стала для Гитлера делом второстепенным, в то время как генерал Гальдер ставил ее во главу угла своей стратегии».

Гальдера многие считали эталонным образцом как консервативного профессионализма прусских штабистов, так и немалой изворотливости, дополненной умением хладнокровно оперировать логическими аргументами. Поэтому он умудрялся «оберегать армейские привилегии» даже в прямом противостоянии с Гитлером, который при этом не раз называл Гальдера «человеком, который всегда все знает». Готовясь к войне против Советского Союза, Гальдер твердо стремился настоять на своем, а именно на том, что главной целью вторжения должен быть захват Москвы. Поэтому он подготовил три версии плана войны против СССР, причем в каждом из них, несмотря на пресловутые десять различий, финал оставался

неизменным: надо брать Москву. «Как фельдмаршал Вальтер фон Браухич, так и Гальдер отстаивали свое мнение о том, что взятие Москвы лишит Советы не только центра коммуникаций, – пишет Эйлсби, – но и главного промышленного центра и местопребывания правительства. Они пришли к заключению, что сама угроза потери столицы заставит Красную армию развертывать свои части для обороны города. Это даст захватчикам возможность окружить и уничтожить их. Гальдер был сторонником нанесения главного удара в направлении Москвы не только из-за ее важности в экономическом, политическом и военном отношении, но и потому, что он полагал, что именно под Москвой Красная армия в последний раз окажет сопротивление». А поскольку центральный принцип плана «Барбаросса» состоял в уничтожении Красной армии, то Гальдер использовал это как аргумент в пользу своей точки зрения. Гитлер упорно не соглашался утвердить московское направление в качестве приоритетного.

Именно генерал-полковник Гальдер председательствовал на совещаниях, посвященных окончательной шлифовке плана вторжения, которые состоялись в первую неделю июня 1941 года. 5 июня Гитлер утвердил повременной план операции «Барбаросса». 9 июня Гальдер посетил 4-ю армию группы армий «Центр» и обсудил с командованием грядущую атаку через реку Буг.

10 июня немецкий Генеральный штаб окончательно утвердил день начала операции – 22 июня.

«На основе предложения, представленного главным командованием сухопутных войск, Верховное Главнокомандование вооруженных сил назначило для приготовления к военным действиям следующие сроки:

1. Днем «Д» операции «Барбаросса» предлагается считать 22 июня.

2. В случае переноса этого срока соответствующее решение будет принято не позднее 18 июня. Данные о направлении главного удара будут в этом случае по-прежнему оставаться в тайне.

3. В 13.00. 21 июня в войска будет передан один из двух следующих сигналов:

а) сигнал «Дортмунд». Он означает, что наступление, как и запланировано, начнется 22 июня и что можно приступать к открытому выполнению приказов;

б) сигнал «Альтона». Он означает, что наступление переносится на другой срок; но в этом случае уже придется пойти на полное раскрытие целей сосредоточения немецких войск, так как последние будут уже находиться в полной боевой готовности.

4. 22 июня, 3 часа 30 минут: начало наступления сухопутных войск и перелет авиации через границу. Если метеорологические условия задержат вылет авиации, то сухопутные войска начнут наступление самостоятельно.

Гальдер».

Принимая постоянное участие в разработке и осуществлении важнейших стратегических решений немецкого командования, Гальдер имел возможность обозревать сразу всю картину военных действий и сопутствующих им событий. При этом он вел подробный дневник, который писал собственноручно, используя стенографический габельсбергский шрифт, старый и потому почти вышедший из употребления. В этом дневнике начальник Генерального штаба каждый день педантично фиксировал все происходящее – доклады генералов, сводки разведки с различных участков фронта, все обсуждаемые вопросы от подвоза боеприпасов до доставки фуража для лошадей, сведения об организационных изменениях в армии, о потерях, пополнениях, вооружении, военной экономике, перемещениях командного состава. Также в дневник вносились краткие записи речей фюрера на совещаниях.

«Бои носят исключительно упорный характер»

В первый период после вторжения Гальдер не сомневался в том, что все пойдет по плану и война будет выиграна очень быстро. Хотя очень быстро появились признаки, что не все так просто – и Красная армия не так беспомощна, как ожидалась. Так, запись от 1 июля 1941 года гласит: «8-й русский танковый корпус окружен. По-видимому, у него не хватает горючего. Противник врывает танки в землю и таким образом ведет оборону. На северном крыле группы армий 11-я танковая

дивизия, как и следовало ожидать, не может продвинуться...» И тут же проявляется разница между боевыми командирами и штабистом-стратегом – доклады о «признаках планомерной эвакуации» Гальдер считает ошибочными, просто исходя из своего представления о противнике: «...планомерная эвакуация должна иметь своей предпосылкой значительно более дальновидное решение. Этого же ожидать нельзя».

И собственные войска иногда преподносят не всегда приятные сюрпризы: «Во 2-й танковой группе перегруппировка задерживается вследствие того, что Гудериан сначала вопреки всем приказам не пожелал согласиться на очищение занятой им территории от остатков войск противника, а теперь, ввиду прорыва небольших групп противника из окружения, вынужден заняться их ликвидацией, не будучи к этому подготовлен».

Тут же уделяется и внимание обеспечению подвижных соединений топливом, без которого они мало на что пригодны. «Группой армий «Юг» во Львове захвачено большое количество трофеев, в том числе наземные и подземные склады горючего... Ориентировочный суточный расход горючего был определен в 9000 куб. метров, или 250 000 куб. метров в месяц, что означает доставку горючего в размере 22 эшелонов в день. Фактический же расход горючего составляет 11 500 куб. метров в день, или 330 000 куб. метров в месяц, то есть оказался значительно больше, чем мы предполагали. Около одной трети расхода горючего покрыто трофейными запасами». При этом тылам продвигающихся армий «угрожают многочисленные остатки разрозненных частей противника».

Через день Гальдер уверенно констатирует: «Отход противника перед фронтом группы армий «Юг» происходит наверняка не по инициативе русского командования, а в результате того, что в ходе продолжительных упорных боев силы противника оказались перемолотыми и большая часть его соединений разбита. В целом теперь уже можно сказать, что задача разгрома главных сил русской сухопутной армии перед Западной Двиной и Днепром выполнена... восточнее Западной Двины и Днепра мы можем встретить сопротивление лишь отдельных групп, которые, принимая во внимание их численность, не смогут серьезно помешать наступлению германских

войск. Поэтому не будет преувеличением сказать, что кампания против России выиграна в течение 14 дней».

Но тут же выясняется, что «бои с русскими носят исключительно упорный характер. Захвачено лишь незначительное количество пленных».

Иногда в дневнике Гальдера появляются и поистине курьезные записи: «Во время боев с «ордами монголов» (очевидно, личная охрана Сталина), вклинившимися в тыл 6-й армии, 168-я пехотная дивизия проявила полную несостоятельность. Необходима смена командного состава».

6 июля 1941 года (воскресенье). 15-й день войны

«Обстановка на фронте: Оперативные сводки за 5.7 и утренние донесения от 6.7 не сообщают ничего существенно нового... Моральное состояние войск очень хорошее. Войска всюду проникнуты духом превосходства над противником.

Весьма отрадно также отметить, что всюду наблюдается готовность войск к борьбе с танками противника. Из частей сообщают, что на отдельных участках экипажи танков противника покидают свои машины, но в большинстве случаев запираются в танках и предпочитают сжечь себя вместе с машинами».

Оценивая происходящее на фронтах, Гальдер к середине июля 1941 года приходил к выводу, что «...противник уже не в состоянии создать сплошной фронт, даже на наиболее важных направлениях... Формирование противником новых соединений (во всяком случае, в крупных масштабах) наверняка потерпит неудачу из-за отсутствия офицерского состава, специалистов и материальной части артиллерии. Это особенно касается танковых соединений, в которых еще в мирное время ощущался значительный недостаток командиров, водителей и радистов, а также имущества связи». При этом соотношение сил должно выглядеть так: «Группа армий «Север», которая в начале кампании была по численности равна противостоящим силам русских, теперь, после разгрома большого количества соединений противника, имеет явное численное превосходство как по пехоте, так и по моторизованным войскам. Группа армий «Центр», которая с самого начала войны превосходила противника в численности, теперь имеет

подавляющее превосходство, которое она сохранит даже в том случае, если противник перебросит на фронт группы армий «Центр» новые соединения, чего следует ожидать. Группа армий «Юг», которая вначале заметно уступала противнику в численности, теперь в результате больших потерь, понесенных противником, сравнялась с ним в силах, и можно ожидать, что в дальнейшем группа армий, обладая превосходством в тактическом и оперативном отношении, добьется и численного превосходства».

8 июля 1941 года. 17-й день войны

«12.30. – Доклад у фюрера (в его Ставке):

Главком доложил сначала о последних событиях на фронте. После этого я доложил о положении противника и дал оперативную оценку положения наших войск, на основании чего предложил в качестве ближайших задач следующее: дальнейшее проведение операции на окружение на фронте группы армий «Юг»; операцию группы армий «Центр» по окружению группировки противника, обороняющей рубежи по Западной Двине и Днепру, сильными ударами внешних флангов с целью овладения «треугольником» Орша, Смоленск, Витебск; наступление группы армий «Север» на Ленинград и начало наступления финских войск.

В заключение состоялось обсуждение затронутых вопросов.

Итоги:

1. Фюрер считает наиболее желательным, «идеальным решением» следующее:

Группа армий «Север» должна выполнять задачи, указанные ей в директиве по стратегическому развертыванию, силами, имеющимися в ее распоряжении.

Группа армий «Центр» должна двусторонним охватом окружить и ликвидировать действующую перед ее фронтом группировку противника и, сломив, таким образом, последнее организованное сопротивление противника на его растянутом фронте, открыть себе путь на Москву. После того как обе танковые группы достигнут районов, указанных им в директиве по стратегическому развертыванию, можно будет временно задержать танковую группу Гота (с целью ее использования для поддержки группы армий «Север» или для дальнейшего наступления на восток, но не для штурма самой

Москвы, а для ее окружения). Танковую группу Гудериана после достижения ею указанного района следует направить в южном или юго-восточном направлении восточнее Днепра для поддержки наступления группы армий «Юг».

2. Непокоримо решение фюрера сровнять Москву и Ленинград с землей, чтобы полностью избавиться от населения этих городов, которое в противном случае мы потом будем вынуждены кормить в течение зимы. Задачу уничтожения этих городов должна выполнить авиация. Для этого не следует использовать танки. Это будет «народное бедствие, которое лишит центров не только большевизм, но и москвитов (русских) вообще».

3. Детали [высказывания Гитлера]:

а. Предложенный план дальнейших операций утверждается. При этом подчеркнута необходимость отрезать Ленинград с востока и юго-востока сильным правым крылом танковой группы Гёпнера. Эта идея является правильной.

б. После уничтожения русской армии в сражении под Смоленском надлежит перерезать железные дороги, ведущие к Волге, и овладеть всей территорией до этой реки. После этого рейдами подвижных соединений и авиации уничтожить оставшиеся русские промышленные центры.

в. Задача постройки зимних барачных пунктов для войск. Войска должны располагаться вне населенных пунктов, чтобы можно было в любой момент произвести бомбардировку населенных пунктов с воздуха в случае возникновения в них беспорядков».

Несмотря на регулярно повторяющиеся в первые месяцы войны записи о моральном превосходстве солдат вермахта, Гальдер тогда же отмечал: «Организация «штрафных батальонов» оказалась хорошей идеей», а вскоре он с такой же похвалой отзывался и о создании заградотрядов. «Особые подразделения» были созданы задолго до вторжения в СССР – 6 октября 1936 года и предназначались для «трудновоспитуемых» солдат. Как пишет А. Васильченко в книге «Штрафбаты Гитлера»: «...Если говорить в двух словах: нарушители, плохо проявляющие волю к службе... Подходят для перевоспитания в особых подразделениях также солдаты, которые совершили преступления под воздействием алкоголя». Правила для «особых

подразделений» со временем менялись в «худшую сторону» – режим постоянно ужесточался. Так, в служебной инструкции, датированной 26 марта 1938 года, подчеркивается, что попавшие в «особые подразделения» должны наряду с общим «военным воспитанием» выполнять и трудовые задания, причем эта «дополнительная трудовая повинность» касалась в первую очередь солдат с плохим поведением...

От обычных солдат вермахта служащие «особых подразделений» отличались правилами предоставления увольнительных (дававшихся крайне редко, только «в исключительных случаях при необыкновенно хорошем поведении») и отсутствием принципа «жалованье и продовольственный паек».

В сентябре 1939 года произошло расформирование довоенных «особых подразделений», но при этом Верховное командование вермахта приняло решение о повторном создании штрафных единиц. «Инструкции по управлению особыми подразделениями в резервной армии» гласили, что «состав особых подразделений должен быть проинформирован, что перевод в особое подразделение является для них последним шансом сформировать правильные взгляды на жизнь и солдатский долг... Отдельно надо объяснять, что дезертирство и прочие позорные явления будут караться смертью». После начала Второй мировой войны особо подчеркивалось, что «лишение свободы не должно давать подлецам и трусам возможность уклониться от военной службы. Солдаты, которые покинули часть, должны получить возможность проявить себя на фронте».

25 июля 1941 года. 34-й день войны

«Фактор внезапности ныне миновал – появились новые факторы.

Характеристика: а) грубое насилие со стороны руководства, невзирая на жертвы; б) значительные достижения; непритязательность войск; в) гибкость и бесплановость ведут к неожиданностям.

3. Опыт: Совсем другой противник, поэтому – совсем другой опыт:

2. «Выстрелы из стратосферы» (то есть от Гитлера или из ОКВ): Проявлять выдержку и терпение, однако своевременно принимать меры. Представлять нашу информацию через так

называемых «фронтовых офицеров»! Фронтовикам больше верят, чем нам! Стоять друг за друга!

Осторожность по отношению к рейхсмаршалу (касается Конрада?!).

3. Местность. Карты ни о чем не говорят. Разведка дорог с воздуха! Предварительная разведка с воздуха даже в интересах квартирмейстерской службы.

Автострады!

Не годится, когда нам докладывают, что местность для нас непроходима, а противник оттуда постоянно ведет контратаки».

«Фактор внезапности миновал»

Гальдеру так и не удалось сразу убедить Гитлера развивать наступление на Москву. Но 6 сентября фюрер подписал директиву № 35, посвященную предстоящему осеннему наступлению на Восточном фронте. Фюрер был уверен, что Красная армия, противостоящая группе армий «Центр», будет «решительно разгромлена до наступления зимы в течение ограниченного времени, имеющегося еще в распоряжении. С этой целью необходимо сосредоточить все силы сухопутных войск и авиации, предназначенные для операции, в том числе те, которые могут быть высвобождены на флангах и своевременно переброшены». Операцию по захвату Москвы назвали «Тайфун», ее разработкой занимался командующий группой армий «Центр» генерал-фельдмаршал Ф. фон Бок. Советская разведка узнала о главных направлениях, где будут нанесены удары. На подступах к Москве спешно возводились укрепления и заграждения, обустроивалась глубоко эшелонированная оборона.

24 сентября в штабе группы армий «Центр» в Смоленске состоялось обсуждение дальнейших планов наступления. На совещании присутствовали генерал-фельдмаршал фон Бок, командующие армиями и танковыми группами, а также генерал-фельдмаршал фон Браухич. Был там, естественно, и сам Гальдер. Итоги, вскоре оформленные официальными приказами, были таковы.

4-я армия фон Клюге и 4-я танковая группа должны были наступать по дороге Рославль – Москва, 9-я армия генерала Адольфа Штрауса – севернее дороги Смоленск – Москва. Две армии должны

были наступать по сходящимся направлениям и запереть противника к востоку от Вязьмы. К югу 2-я армия должна была атаковать севернее Брянска, в то время как 2-я танковая группа наступала на северо-восток для соединения с частями 2-й армии и с тем, чтобы блокировать советские войска вокруг Брянска.

Затем Гудериан должен был продолжить наступление к Туле, чтобы прикрыть с фланга тех, кто действовал севернее. Группе армий «Юг» было приказано наступать в направлении Обояни, в то время как части группы армий «Север» должны были двигаться к Осташковским озерам.

Процесс выполнения намеченного плана Гальдер фиксировал так же тщательно, как и все остальное, по инерции, продолжая записывать: войска продвигаются... противник пытается организовать контратаки, которые не составляет труда отбить.

Но 29 ноября командующий группой армий «Центр» фон Бок поставил вопрос перед командованием сухопутных войск вермахта о приостановке немецкого наступления под Москвой и переходе к обороне. «Разговор с фон Бок, – записал в тот же день Гальдер. – Якобы у командования группы армий «Центр» отсутствует ясность относительно целей наступления. Это болтовня Геринга. Командование группы армий точно знает, к чему оно стремится. Но оно опасается, что, если развернутое сейчас наступление на Москву не будет иметь успеха на севере, Москва станет новым Верденом, то есть сражение превратится в ожесточенную фронтальную бойню».

В районе Ростова-на-Дону дела вермахта тоже шли не блестяще. В немецких верхах уже начались поиски виноватых.

1 декабря 1941 года, 163-й день войны

«04.00 – От фюрера получены три телеграммы:

1. Об освобождении Рундштедта от должности командующего группой армий «Юг».

2. О назначении Рейхенау командующим группой армий «Юг» с постановкой ему задачи – приостановить отход частей 1-й танковой группы, приняв все меры для ее усиления и поддержки. Приказано также как можно скорее перейти в наступление на Ворошиловград частями 49-го горного корпуса и 4-го армейского корпуса.

15.30 – Главком был у фюрера, которому в это время позвонил по телефону фон Рейхенау. Он доложил, что позиции, занимаемые лейбштандартом «Адольф Гитлер», прорваны моторизованными частями противника, и просил дать ему разрешение на отход сегодня ночью на позиции по Миусу. Фюрер разрешил это. Итак, мы находимся теперь там, где должны были находиться вчера. В жертву принесены время и силы, кроме того, потерян Рундштедт».

«Противник наступает...»

4 декабря в телефонном разговоре со Сталиным Жуков сказал знаменитую фразу: «Москву не отдадим». Гальдер начал вносить в свой дневник заметки о том, что «через наш фронт просачиваются части противника». И это были еще не все бедствия: «Отмечается повышенная активность русских частей реактивных минометов. Это главным образом минометы среднего калибра, которые очень подвижны». Советские войска начали свое наступление 6 декабря в три часа утра...

19 декабря 1941 года, 181-й день войны

«Обстановка на фронте:

Группа армий «Юг». Противник предпринял в Севастополе контратаку при поддержке танков. В Краснодаре отмечается сосредоточение авиации противника.

Группа армий «Центр». Противник наступает на всем фронте».

Гитлер приказ своей армии «обороняться до последнего патрона и последней гранаты». Он отверг предложение Риббентропа пойти на переговоры о мире с Москвой, ответив, что это невозможно, поскольку речь может идти только об окончательной победе... Фюрер заявил, что намерен взять на себя командование сухопутными войсками. Фон Браухич был отправлен в отставку.

«Мы должны научиться ликвидировать прорывы, – записывал Гальдер за Гитлером в середине декабря. – Сознание своего долга. Не думать об отступлении, если того не требует обстановка... Охранные подразделения создавать, используя тыловые службы (и части снабжения). Организация заградотрядов. Любая полевая хлебопекарня

должна уметь организовать оборону своего объекта. Вбить в сознание каждого фронтовика необходимость сопротивления. Военно-воздушные силы планомерно направлять на населенные пункты, занятые противником. Воздействовать артиллерийским огнем. Сжигать населенные пункты! Противник не располагает превосходством в силах: это приказ! Населенные пункты – сжечь. У местного населения отобрать теплую одежду. На повестке дня только одна задача – забота о немецком солдате!»

Под Москвой ситуация становилась все хуже. «Повторные переговоры с фельдмаршалом фон Клюге. Опять обсуждали обстановку, сложившуюся под Калугой и Тимом. Клюге постепенно поддается требованиям подчиненных ему войск. Необходимо, чтобы он стал упорнее и тверже. Гудериан, по-видимому, совершенно потерял способность владеть собой».

Впрочем, и над самим Гальдером начали сгущаться тучи.

Из воспоминаний фельдмаршала Кейтеля

«Перспективы плодотворного сотрудничества фюрера и ОКХ вызвали самую серьезную озабоченность – с некоторых пор лично я больше не верил в будущность связки «Гитлер – Гальдер». В узком кругу фюрер часто высмеивал своего начальника генштаба, представляя Гальдера человеком недалеким и поверхностным. Не драматизируя эту не лучшую из привычек фюрера – превращать отсутствующего в объект злых насмешек, – повторюсь: вряд ли эта упряжка была в состоянии потянуть тяжелый воз военных проблем.

Тогда я предложил Гитлеру назначить начальником штаба сухопутных войск генерала Йодля, которого он успел хорошо узнать за время совместной работы и к которому относился с должным уважением, а начальником штаба оперативного руководства – генерала фон Манштейна...

Больше мы к этой теме не возвращались, однако через некоторое время Шмундт передал мне, что фюрер решил оставить Йодля в ОКВ и работать с Гальдером: все наладится, дело пойдет – по крайней мере, Гальдер честен, лоялен, надежен и исполнительен».

25 декабря Гальдер назвал одним из самых тяжелых дней для группы армий «Центр»: «Прорыв противника вынудил части 2-й армии

отойти. Гудериан, не считая нужным посоветоваться с командованием группы армий, также отходит на рубеж Оки и Зуши. В связи с этим командование группы армий потребовало сейчас же сменить Гудериана, что фюрер немедленно выполнил...»

Уже к началу 1942 года части Красной армии отбросили сильнейшего противника на 100–250 километров от Москвы. «Брешь к северу от Медыни по-прежнему вызывает большие опасения. На участке 5-го армейского корпуса противник в нескольких местах глубоко вклинился в нашу оборону. В районе Ржева крупные силы противника проникли на стыке между 6-м и 23-м армейскими корпусами в наше расположение и наступают на железную дорогу Ржев – Сычевка. В Сычевке идут бои за железнодорожную станцию. Таким образом, мы лишились единственной магистрали для снабжения 9-й и 3-й танковой армий. Последствия этого невозможно предусмотреть... У Ржева в наш тыл прорвались крупные силы противника (пока что только четыре стрелковые дивизии, но вслед за ними в прорыв могут войти еще четыре стрелковые и одна кавалерийская дивизии). В полосе 23-го армейского корпуса давления со стороны противника не ощущается. Мы должны быть рады, если войска устоят».

13 января 1942 года, 206-й день войны

«Наиболее тяжелый день!

По сообщению фон Клюге, для того чтобы его войска смогли выйти из боя под Ржевом, необходимо начать отход. Фюрер хотя и признает необходимость отхода, однако никакого решения не принимает. Подобное руководство ведет к уничтожению сухопутной армии...

Фон Лееб просит освободить его от должности. Генерал-полковник Штраус тоже больше не может оставаться на прежнем месте. У Рейхенау приступ паралича».

Реванш на юге

Как известно, ситуацию около Ржева немцам удалось переломить в свою пользу, результатом чего стало затяжное и одно из самых кровопролитных в ходе войны сражений за Ржевский выступ.

А в мае Красной армии фатально не повезло – наступление на Харьков обернулось прорывом войск фон Клейста, окружением и потерей значительных сил. Хотя наученный горьким опытом Гальдер даже в этот момент уже не писал о подавляющем превосходстве и гарантированно легкой победе.

14 мая 1942 года, 327-й день войны

«В Крыму наши войска, преследуя противника, приближаются к городу Керчь. Южнее и восточное Харькова – сильные атаки противника при поддержке большого количества танков...»

Совещание у фюрера. Фон Бок звонил по телефону и предлагал снять с фронта Клейста 3–4 дивизии, использовав их для ликвидации бреши южнее Харькова. Предложение отклонено. Положение может быть улучшено только путем наступления с юга в ходе операции «Фридерикус». Обеспечение восточного фланга войск Клейста осуществляется посредством перегруппировки с перенесением основных усилий на север».

15 мая 1942 года, 328-й день войны

«Обстановка. Керченскую операцию можно считать законченной. Город и порт в наших руках... На участке прорыва под Волчанском наша контратака не имела ожидаемого успеха. Но наступление противника на Харьков, кажется, приостановлено. Некоторая угроза существует севернее Терновой, где у нас мало сил».

19 мая 1942 года, 332-й день войны

«Обстановка южнее Харькова складывается в нашу пользу. Наступление группы Клейста развивается весьма успешно. Давление на 8-й армейский корпус оказалось незначительным (благодаря ли наступлению группы Клейста – сказать трудно), а последующая контратака позволила даже несколько выровнять его рубеж обороны.

Угроза восточнее Харькова совершенно исчезла. Об итогах контрудара можно будет судить только завтра».

Гальдеру еще довелось поучаствовать в разработке наступления на Сталинград, отмечая намерение противника использовать все возможности, «чтобы удержать этот рубеж». Вождь рейха, решивший

захватить одновременно нефтеносный Кавказ и Сталинград, издал роковую Директиву № 45, ни одна из стратегических целей которой так и не была достигнута. Гальдер, тщетно пытавшийся объяснить фюреру, что у вермахта недостаточно сил для проведения двух крупных наступательных операций на двух различных направлениях, писал в своем дневнике: «Всегда наблюдавшаяся недооценка возможностей противника принимает постепенно гротесковые формы и становится опасной. Все это выше человеческих сил. О серьезной работе теперь не может быть и речи. Болезненная реакция на различные случайные впечатления и полное нежелание правильно оценить работу руководящего аппарата – вот что характерно для нынешнего так называемого руководства... Решения Гитлера перестали иметь что-либо общее с принципами стратегии и тактики, как их понимали прошлые поколения. Эти решения являлись продуктом мышления натуры неистовой, возникали под воздействием импульсов и не признавали никаких пределов невозможного; эти решения принимались на основе желаемого и без учета возможностей их реализации... Однажды, когда Гитлеру зачитывали совершенно объективный доклад, из которого явствовало, что в 1942 году Сталин все же будет в состоянии собрать от одного миллиона до миллиона с четвертью свежих войск в районе севернее Сталинграда и западнее Волги, не говоря уже о полумиллионном войске на Кавказе, и что, по надежным источникам, выпуск русскими боевых танков достигает 1200 единиц в месяц, Гитлер, сжав кулаки, с пеной в уголках рта, бесился на человека, зачитывавшего доклад, и запретил ему читать дальше такую чушь... Не надо обладать особым даром, чтобы сказать, что произойдет, когда Сталин направит по полтора миллиона войск против Сталинградского и Донского фланга. Я откровенно указал на это Гитлеру. Результатом явилось отстранение с поста начальника Генерального штаба сухопутных войск».

Он успел отметить «медленное продвижение» в сентябре, когда услышал от Кейтеля «намекы на дальнейшие изменения в высших инстанциях. Видимо, это касается и меня».

Гальдер не ошибся – в сентябре Гитлер отправил его в отставку. А после покушения на фюрера в 1944 году бывший начальник Генерального штаба оказался под арестом, сначала в тюрьме, а потом в

концлагере Дахау. Оттуда его вызволили американцы, и на Нюрнбергском процессе он выступал лишь в качестве свидетеля.

Знаменитый дневник Гальдер сумел спрятать от гестапо, а после войны передал представителям американской стороны. На расшифровку рукописи ушло два года.

Впоследствии он работал в историческом управлении армии США. Писал комментарии к своему дневнику. Участвовал в создании армии ФРГ.

Скончался Франц Гальдер 2 апреля 1972 года в Баварии.

Федор фон Бок. «Кюстринский факел»

Федор фон Бок был потомственным военным. Будущий генерал-фельдмаршал появился на свет 3 декабря в Кюстрине на территории современной Польши, в семье генерал-майора. Как подобает отпрыску благородной семьи, получил множество имен, в частности был наречен Морицем в честь отца. Русское имя Федор ему дала мать, урожденная Ольга фон Фалькенхайн. Одна из ветвей рода фон Бок, остзейская, принадлежала к аристократии Российской империи, и кузен Федора служил морским атташе в русском посольстве в Берлине.

Федор фон Бок получил кадетское образование и в 1898 году был произведен в лейтенанты. Впоследствии окончил Академию Генерального штаба. В 1913 году занял должность главного интенданта гвардейского корпуса. Во время Первой мировой войны занимал штабные должности.

В 1935 году фон Бок стал командующим 3-й армейской группой. В 1938 году во время присоединения Австрии к Германии командовал 8-й армией, после чего получил звание генерал-полковника. Американский историк Альфред Терни в своей книге «Катастрофа под Москвой» утверждает, что фон Бок был хорошим оратором: «Выступая перед офицерами, он говорил со страстью и убежденностью, подчеркивая, что высшей честью для германского солдата является смерть за Фатерлянд на поле боя. Из-за этой страстной убежденности, которую он демонстрировал в своих речах, его прозвали «Кюстринским факелом».

В начале Второй мировой войны при вторжении в Польшу командовал группой армий «Север». Руководил группой армий «Б» во время оккупации Бельгии и Голландии. В июне 1940 года принимал парад сил вермахта в оккупированном Париже. Вскоре получил звание генерал-фельдмаршала.

В книге «Маршал С.К. Тимошенко. Этапы большого пути» отражено впечатление советского наркома обороны о фон Боке, с которым Тимошенко до войны встречался лично: «В памяти запечатлелся высокий стройный человек, типичный пруссак старой закалки. Выглядит моложе своих шестидесяти, подвижен, энергичен. Четкость мысли сочетается с ясностью ее изложения... «Большой мастер глубоких охватов, решительного массирования сил и средств,

противник фронтальных ударов и частных операций» – так охарактеризовал фон Бок наркому обороны месяц назад начальник разведывательного управления».

Встреча эта произошла, когда, как вспоминал сам фон Бок, «фюрер несколько месяцев назад прощупывал позиции русских на предмет заключения союзнического договора с Германией, но они отвечали уклончиво; это свидетельствует о том, что они используют предыдущее соглашение только для того, чтобы еще больше нарастить свою мощь. Углубленное исследование русского вопроса показало, что русские чрезвычайно осмелели, как только пришли к выводу, что Германия слишком занята своими делами. Об этом, к примеру, свидетельствует захват Литвы, не предусмотренный никакими соглашениями».

Накануне войны с СССР фон Бок, естественно, весьма интересовался ситуаций в стане будущего противника и бережно фиксировал свидетельства знакомых, кому довелось побывать в Москве. Согласно рассказу одного из таких деятелей выходило, что «руководящие люди в России считают, что война с Германией неизбежна». Причем собеседник фельдмаршала не преминул съязвить, мол, он надеется, что в своем поражении они также не сомневаются.

В конце мая 1941 года фон Бок отмечал такие настроения: «На фронте и дома циркулируют слухи о том, что русские сделали фюреру щедрое предложение, от которого он не смог отказаться. Поэтому войны не будет. 29 мая командир V корпуса Руоф докладывал, что в его секторе русские солдаты подходили близко к границе и кричали штатским на нашей стороне, что войны не будет, потому что Сталин и фюрер обо всем договорились! Невероятно!»

Командующий группы армий «Центр»

Во время вторжения в СССР фон Бок был командующим группой армий «Центр», нацеленной на Москву. «Все началось в соответствии с планом, – писал он в дневнике в первый день войны. – Поехал в Брест. Оттуда поехал в XII корпус, в бронетанковую группу Гудериана и в танковый корпус Лемельзена. Пока у всех все идет гладко, только у Лемельзена наблюдаются трудности с переправой через Буг... Поначалу сопротивление противника было довольно вялым. Вопрос,

осуществляют ли русские планомерный отход, пока остается открытым».

Командующий группой армий «Центр» удивлялся тому, что не все приграничные мосты были разрушены, а также отсутствию «сколь-нибудь значительной работы» советской артиллерии. И констатировал подавляющее превосходство немецкой авиации.

Однако уже на следующий день к фон Боку стали поступать не столь однозначные донесения. «Мы продвигаемся вперед; больше всех в этом смысле преуспела бронетанковая группа Гота (3-я танковая группа), которая вечером перешла под прямое командование группы армий. У танковой группы Гудериана (2-я танковая группа) дела обстоят далеко не так гладко». Фельдмаршал не раз упоминает в дневнике знаменитую оборону Брестской крепости: «Противник продолжает удерживать цитадель в Брест-Литовске...» И позже: «Оказывается, кое-какие бункеры цитадели Бреста все еще продолжают держаться, и наши потери там высокие».

Приграничное сражение складывалось не в пользу Красной армии, но при этом фон Бок констатировал: «Русские упорно сопротивляются. Замечено, что в боях часто принимают участие женщины. Согласно показаниям военнопленных, политические комиссары стимулируют солдат к сопротивлению рассказами о том, что мы убиваем всех пленных! Тут и там русские офицеры стреляются, чтобы избежать плена».

Сам фельдмаршал имел репутацию сторонника если не гуманного, то хоть сколь-нибудь приличного обращения с мирными жителями и военнопленными. Он терпеть не мог Гимmlера и эсэсовцев, «завернул» печально известный приказ о комиссарах. Настаивал, чтобы каратели не трогали население «в пределах моего сектора фронта», впрочем, тут же оговариваясь: «Если речь не идет о вооруженных преступниках...» Впрочем, нетрудно заметить, что при всем этом основной его заботой было поддержание дисциплины в войсках, что могло стать весьма затруднительно при вседозволенности.

Иногда фон Бок делал парадоксальные выводы, например, предполагая, что хитроумный план Сталина состоит в том, чтобы целенаправленно переложить заботы о прокормлении жителей европейской части России на Германию.

Из дневниковых записей фон Бока вырисовывается и картина изрядной неразберихи, сопутствовавшей даже первым дням немецкого вторжения в СССР, когда контрудары Красной армии еще не вносили масштабную сумятицу в ряды наступающего вермахта. «Наибольшую опасность для нас представляет наша собственная артиллерия!» – писал он. Плюс непонимание между командирами, борьба интересов и самолубий... Запись от 26 июня гласит: «Утром приехал Браухич. Я до такой степени был раздражен изданным им приказом о преждевременном смыкании клещей, что, когда он поздравил меня с достигнутыми войсками группы армий «Центр» успехами, я проворчал: «Сомневаюсь, что в этом «котле» нам достанется большая добыча».

11 июля фон Бок отправил своего начальника штаба к фельдмаршалу Клюге с настойчивым и ехидным вопросом: «Не следует ли приостановить атаки, чтобы не расходовать зря силы наших драгоценных танковых частей в безнадежных сражениях?» Ответ гласил: «Нет, противник всюду демонстрирует признаки слабости и готовности к отступлению. Очень важно, чтобы мы усилили давление на всех направлениях». Фон Боку оставалось только мрачно констатировать: «К сожалению, я таких признаков до сих пор не заметил...»

Точность как донесений, так и выполнения распоряжений тоже регулярно оставляла желать лучшего: «Чтобы обезопасить себя от всяких неожиданностей, я попросил Грейффенберга снова поднять вопрос Полоцка в разговоре с начальником штаба 9-й армии. Этот разговор представляется мне совершенно необходимым, так как Векман тоже пытается обойти мои рекомендации. Он сказал:

«Итак, фельдмаршал требует, чтобы мы сегодня же заняли Полоцк!»

Между прочим, я ничего подобного не требовал! Векман также сказал:

«Мы не можем пройти мимо Полоцка, потому что противник нас оттуда атакует».

Однако, согласно предыдущим рапортам армии, противник в Полоцке демонстрирует абсолютную пассивность».

А начальник штаба 4-й армии Блюментритт, по словам фон Бока, жаловался ему, «как трудно осуществлять командование бронетанковыми группами по причине того, что армия никогда не дает

ему четкой картины происходящего и не ставит его полностью в известность о своих планах!»

Битва за Минск

25 июня немецкий 39-й моторкорпус вышел на подступы к Минску. Также к городу прорвались три танковые дивизии. В этот день с утра к фон Боку прибыл главный армейский адъютант Гитлера – Шмундт, который передал, что «фюрер интересуется, насколько велика будет зона окружения под Минском, а также выражает беспокойство относительно того, сумеют ли наши чрезмерно растянутые войска принудить к сдаче оказавшиеся в окружении крупные силы русских». Фон Бок связался с начальником штаба 3-й танковой группы фон Хюнерсдорфом и сообщил тому, что главной задачей является не продвижение вперед, а завершение окружения советских войск между Белостоком и Минском: «Хюнерсдорф сразу же со мной согласился, но заметил, что дороги в этом районе на редкость плохие!»

28 июня к вечеру подразделения 20-й танковой дивизии Гота достигли северо-западной окраины Минска и вошли в город. В Минском котле оказались окружены части Красной армии – а именно, остатки 3-й, 10-й, 13-й и 4-й армий. «Русские осуществляют повторные попытки выбраться из «котла» в тех пунктах, где давление «клещей» усиливается. Это приводит к серьезным кризисным ситуациям в некоторых местах – в особенности, на правом крыле 4-й армии (на фронте XXXXIII армейского корпуса Хейнрици). Гудериан возобновил атаки на Барановичи! Пора бы уже с ними разделаться, особенно учитывая то обстоятельство, что Гот основательно продвинулся в направлении Минска, где вынужден в одиночку отбивать сильные контратаки русских танков. Между тем, если мы хотим создать новый, более крупный «котел», клещи в том районе необходимо начать смыкать, пусть даже ценой кое-каких издержек».

Иной раз цена оказывалась неожиданно высокой: «Полевые командиры рапортуют, что русские делают вид, будто сдаются, после чего открывают по нашим войскам ураганный огонь. Подобные действия так обозлили наших людей, что они убивают на своем пути всех подряд. Впрочем, русские с нами тоже не церемонятся и, согласно рапортам, добивают наших раненых».

Вскоре нейтральное слово «издержки» сменяется у фон Бока куда более эмоциональным описанием ситуации: «Это не работа, а какое-то дьявольское наваждение! Если мы задействуем для этого в районе Минска танки ударных групп, они будут скованы там до тех пор, пока не будет ликвидирован весь Белостокско-Минский «котел». А я хочу как можно быстрее выйти к Днепру или, по крайней мере, захватить мосты через Березину – чтобы не драться за эти мосты позже. Так что придется заниматься этим сейчас. Надо было замыкать кольцо окружения не у Зельвы и Минска, а на Березине!»

Тем временем немецкая армия продвигалась на восток, а фон Бок отправился вслед за наступающими частями, продолжая скрупулезно фиксировать свои наблюдения: «Дорога Белосток – Волковыск на всем своем протяжении являет сцены полного разгрома. Она загромождена сотнями разбитых танков, грузовиков и артиллерийских орудий всех калибров. Люфтваффе неплохо потрудились, обрабатывая отступающие колонны. Здесь противнику был нанесен тяжелый удар... Говорят, положение в Минске просто ужасное. Большой город превратился в груды развалин, среди которых в поисках пищи бродит гражданское население. Один офицер из моего штаба докладывал, что видел тысячи голодных и безоружных русских солдат, которые, покинув Минск, без всякого контроля с чьей-либо стороны двигались в сторону Слуцка. Я приказал 2-й армии сделать все возможное, чтобы перехватить этот поток и направить его в нужное русло».

Помимо жалоб на плохие дороги, фон Бока и его офицеров сильно удивляла непритязательная бытовая обстановка в захваченных городах: «Проезжал через разрушенный Минск, где посетил штаб-квартиры 2-й армии (Вейхс) и 2-го воздушного флота (Кессельринг), по пути в Борисов. Новая штаб-квартира располагается рядом с аэродромом; штабистов приветствовал рев авиационных моторов. Жилые помещения находятся в санатории, который примечателен тем, что имеет один умывальник на каждые двадцать комнат!»

Бои в Минском котле продолжались до 8 июля. Согласно приказу, изданному фон Боком в этот день, в плен попали почти 288 тысяч советских солдат, были захвачены две с половиной тысячи танков, почти полторы тысячи орудий, свыше двухсот самолетов. Именно поражение под Минском стоило жизни советскому генералу Павлову,

расстрелянному по приговору военного трибунала, и другим высшим офицерам Западного фронта.

Смоленское сражение

10 июля принято считать днем, когда началось Смоленское сражение, в котором войскам группы армий «Центр» и части сил группы армий «Север» пришлось вести жестокие бои против четырех фронтов (Западного, Центрального, Резервного и Брянского) Красной армии на протяжении 600–650 км от Идрицы и Великих Лук на севере до Лоева и Новгород-Северского на юге. Причем и в глубину театр военных действий был обширен – 200–250 км, от Полоцка, Витебска и Жлобина на западе до Андреаполя, Ярцево, Ельни и Трубчевска на востоке. Эта битва продолжалась два месяца, и именно в ней стало очевидно, что первоначальный план блицкрига сорван, а значит, на подмогу советским войскам и ополченцам идет холодная погода и осенняя дорожная грязь.

Главнокомандующий сухопутными войсками фон Браухич в начале Смоленской битвы предостерегал фон Бока от его любимых глубоких прорывов и стремительных наступлений. Уже было очевидно, что силы не те, что 22 июня, а подвоз всего необходимого весьма затруднен: «При таких условиях главным приоритетом для нас является не захват вражеских территорий, но уничтожение живой силы и военной техники противника. Нельзя, кроме того, упускать из виду то обстоятельство, что после захвата районов вокруг Смоленска длительное наступление в восточном направлении главных сил полевых армий не представляется возможным по причинам неадекватного снабжения».

Впрочем, немецкое командование было уверено, что на этот раз все должно пройти гладко. План нового наступления предусматривал рассечение фронта советской обороны на три части, окружение и ликвидацию полоцко-невельской, смоленской и могилёвской группировок Западного фронта. Тем самым предполагалось создать благоприятные условия для беспрепятственного наступления на Москву. Главные силы 4-й армии вермахта (2-я и 3-я танковые группы) были направлены против 20-й, 19-й и 16-й армий в Смоленске и 13-й армии в Могилёве.

Смоленское сражение началось 10–12 июля наступлением подвижных соединений 4-й армии вермахта двумя клиньями на Витебск и Могилёв. Фон Бок констатировал, что ему удалось застать врасплох противника: «Положение под Смоленском, похоже, вызывает большую озабоченность у Тимошенко. Сегодня перехватили отправленную им в Смоленск одному из русских генералов радиogramму следующего содержания: «Ваше молчание обескураживает – неужели вы этого не понимаете? У нас ходят слухи о том, что вы больны... Как бы то ни было, немедленно сообщите мне о сложившейся у вас обстановке...» За этой радиogramмой сразу же последовала вторая с требованием удерживать Смоленск любой ценой!»

Вслед за этим стало известно о том, что в Красной армии восстанавливается институт военных комиссаров. «Это означает, что руководство частями, не так давно переданное в руки военных, снова будет в значительной степени осуществляться комиссарами, – отмечал фон Бок. – В целом это может свидетельствовать о том, что в руководстве страной и армией возобладала жесткая линия. Вечером мне нанес визит глава военной разведки адмирал Канарис; он опасается худшего».

Что именно сказал Канарис фельдмаршалу о своих опасениях, так и осталось неизвестным. Однако через считанные дни фон Боку пришлось констатировать, что операции как на учениях на этот раз не получается: «Сегодня разразился настоящий ад! Утром пришло известие о том, что противник прорвал позиции группы Кунтцена под Невелем. Вопреки моим рекомендациям, Кунтцен послал свое самое мощное боевое соединение, 19-ю танковую дивизию, в направлении Великих Лук, где она ввязалась в бессмысленные затяжные бои. Под Смоленском противник начал сегодня ночью мощное наступление. Крупные силы противника также наступали в направлении Смоленска с юга; однако по пути они наткнулись на 17-ю танковую дивизию (Арним) и были уничтожены. На южном крыле 4-й армии 10-я моторизованная дивизия (Лепер) была атакована со всех сторон, но была спасена вовремя подошедшей 4-й танковой дивизией (Фрейер фон Лангерман унд Эрленкамп)».

В результате фон Боку пришлось не столько подгонять своих подчиненных, требуя захватывать новые и новые населенные пункты,

сколько прилагать усилия к тому, чтобы замкнуть кольцо окружения восточнее Смоленска и одновременно обезопасить себя от деблокирующих ударов частей Красной армии. Гудериан, рвавшийся вперед, не выказал особой радости от такой расстановки приоритетов. Самому фон Боку этот план Браухича тоже не нравился: «Разворачивающееся сражение все больше меня нервирует – в основном по той причине, что Гудериан, развивая наступление в восточном направлении, по сути совершенно прав! Я считаю большой ошибкой, что наступление на востоке приостановлено до того момента, пока не будут разгромлены все резервы русских, которые в моем секторе фронта подходят к Смоленску».

А Сталин в ультимативной форме требовал от своих генералов отбить Смоленск, в войска уходили приказы, которые фон Бок, читавший данные радиоперехвата, назвал попросту «угрожающими».

Наконец, утром 27 июля им было получено донесение, что кольцо окружения восточнее Смоленска замкнулось. Однако уже к вечеру по результатам авиаразведки оказалось, что кольцо прорвано и окруженные было части отходят на восток. «Весь день одна за другой следовали мощные атаки противника против южного фланга и фронта 2-й танковой группы (Гудериан), против восточного фронта 3-й танковой группы (Гот) и в направлении Смоленска. Ситуация на южном крыле XXIV танкового корпуса (Гейр фон Швеппенбург) приобрела такой угрожающий характер, что я вынужден был отдать приказ 2-й армии срочно восстановить положение».

Описывая немного ранее ситуацию в Могилёве, атакуемом тремя дивизиями, фон Бок замечал: «Все-таки русские невероятно упрямы!» Впрочем, простым упрямством дело не ограничивалось: «Выяснилось, что в моем секторе фронта русские завершили развертывание подошедших из глубокого тыла свежих войск и даже пытаются атаковать, пробуя на прочность мои позиции. Удивительное достижение для нашего неоднократно битого оппонента! У русских, должно быть, имеются огромные запасы вооружения и стратегических материалов, поскольку даже сейчас полевые части жалуются на эффективную работу русской артиллерии. Русские, кроме того, становятся все более агрессивными в воздухе...»

Кольцо окружения немцам удалось снова замкнуть, но стягивалось оно намного медленнее, чем хотелось и планировалось. Части Красной

армии наносили удары и изнутри котла, и извне. В последних числах июля фон Бок отмечал еще одну проблему: «На юго-восточном крыле 2-й армии появились сильные кавалерийские части русских. Они пользуются у нас печальной славой по причине их склонности нападать из засады и взрывать железнодорожное полотно за нашей линией фронта».

А тут еще англичане подпортили настроение, передав по радио на весь мир, что Смоленское сражение закончилось победой Красной армии... Говорить же о собственной победе у фон Бока пока не было никаких оснований: «Котел» у Смоленска все еще не очищен от противника, хотя его атаковали бок о бок по всему фронту сразу четыре дивизии. Все это чрезвычайно огорчительно, так как атаки противника на восточном фронте группы армий становятся все более ожесточенными, по причине чего мне пришлось снять с фронта вокруг «котла» часть войск, чтобы облегчить положение 3-й танковой группы (Гот). У меня почти не осталось резервов, чтобы противостоять постоянным контратакам свежих войск русских. При этом у меня забрали штурмовую авиацию и тяжелую артиллерию, что не может не отразиться на положении восточного сектора моего фронта. Кроме того, нынешнее ужасное состояние железнодорожного транспорта не позволяет мне подвезти войска из Германии или маневрировать резервами вдоль фронта. Придется опираться на дивизии, которые дислоцируются у меня в тылу. Однако, чтобы перебросить их к фронту, тоже потребуются много времени».

В начале августа кольцо окружения было прорвано в очередной раз: «Русские в течение ночи построили временный мост на восточном фронте «смоленского котла» и, как выразился сегодня один летчик, «драпают на восток»! 3-я танковая группа пытается захватить переправу атаками с северного направления. Я отдал приказ 17-й танковой (Арним) и 20-й моторизованной (Цорн) дивизиям перекрыть противнику все пути отхода из «котла». Ситуация с мостом прояснилась во второй половине дня: как оказалось, части 20-й моторизованной дивизии отошли из деревни Рагчино, где русские позднее начали возводить мост, чуть ли не три дня назад! Я сразу же перезвонил в штаб-квартиру 9-й армии, где застал одного только начальника штаба, который и получил от меня строгое указание сегодня же покончить с котлом». К этому времени группе армий на

центральном участке фронта уже официально в директиве № 34 было предписано перейти к обороне.

4 августа штаб-квартиру фон Бока посетил лично Гитлер. Фельдмаршал отметил для себя, что фюрер «не совсем ясно представляет себе, как в дальнейшем должны развиваться наступательные операции. Один из возможных вариантов – наступление в восточном направлении. Я с радостью воспринял это известие и сказал, что на этом направлении мы наверняка встретим и уничтожим последние оставшиеся в распоряжении противника кадровые части». Но при этом группе армий «Центр» надлежало вести наступление на Москву силами одних лишь пехотных частей.

«День начался с очередного требования Гудериана прислать ему подкрепления. Оказывается, 10-я (моторизованная) дивизия лишилась своего плацдарма на юге от Десны. Гудериан обрисовал ситуацию в таких мрачных тонах, что я поторопился отправить ему пакет с весьма пространственным посланием, в котором предлагал ходатайствовать перед Главнокомандующим об отводе его танковой группы за Десну в случае, если он сочтет это необходимым. Гудериан ответил, что его танковая группа будет продолжать выполнение поставленной перед ней задачи, и присовокупил к этому привычную просьбу о присылке подразделений!»

Советские войска продолжали вести бои на центральном участке фронта, если не останавливая, то заметно замедляя продвижение противника. А иногда и вынуждая его отступить, что нашло отражение и в дневнике фон Бока: «Вопрос о сдаче ельнинского выступа становится в этой связи одним из самых актуальных. Задействованные там дивизии в буквальном смысле истекают кровью. Еще раз посоветовавшись с Клюге, я решил ельнинский выступ оставить».

Операция «Тайфун»

После разговора с Гитлером прошло около месяца, а фон Бок был вынужден с досадой констатировать, что необходимая для нового наступления передислокация войск еще даже и не начиналась. Одновременно группу армий «Центр» постоянно нагружали решением сиюминутных проблем и латанием дыр на разных участках фронта. Особенно в этом смысле доставалось северному крылу. Наконец

командующий написал письмо Гальдеру, настаивая, чтобы Верховное командование разобралось в ситуации и – как явственно читалось между строк – разобралось, чего же оно все-таки хочет. «Не хочу вдаваться в детали относительно того, что мне пытаются навязать операцию ограниченного масштаба. Но я не могу не задаваться вопросом, удастся ли мне привести свои войска к победе, или же надо мной восторжествует враг! Если время поворота танков будет напрямую зависеть от того, задержалась или нет в своих окопах пехота, то можно сказать, что противник уже диктует нам свою волю».

Шел к концу сентябрь, представления фон Бока о порядке продолжали подвергаться испытаниям, как бытовыми условиями на захваченной территории: «Моя штаб-квартира переезжает в дневные детские ясли на западной окраине Смоленска; в яслях нет детей, зато много тараканов», – так и представлениями союзников о дисциплине. Не успел он обрадоваться подкреплению в виде испанской дивизии, как обнаружил, что «эти парни режут новую упряжь на брючные ремни и подтяжки, а коробки от противогазов используют в качестве котелков для варки кофе. Из стекол к противогазам они делают автомобильные очки, а винтовки часто сбывают на сторону. Если у испанца мозоли, он прорезает в сапоге дырки... Из-за прокола в шине испанцы бросают почти новые велосипеды на обочине дороги, а пулемет МГ-34 частенько собирают с помощью молотка. «Лишние» детали, которые остаются после сборки, закапываются в землю». Причем, по словам фельдмаршала, это разгильдяйство дополнялось еще и массовым мародерством: «Тут и там солдаты привязывают к лошадям или к рамам велосипедов неизвестно где добытых гусей. Их привязывают живыми вниз головой, чтобы провиант сохранялся в свежем виде как можно дольше. Лошади в дивизии находятся в плачевном состоянии».

Впрочем, сентябрьское новоселье омрачили не только стаи тараканов: «Ночью русские бомбили нашу штаб-квартиру...»

Но вот немцам удалось достичь серьезного успеха – под Вязьмой были окружены значительные силы Красной армии: «Число пленных выросло до огромных размеров. Потери противника в живой силе и технике также очень велики... Впечатление от созерцания десятков тысяч русских военнопленных, тащившихся почти без охраны в сторону Смоленска, ужасное. Эти смертельно уставшие и страдавшие от недоедания несчастные люди брели бесконечными колоннами по

дороге мимо моей машины. Некоторые падали и умирали прямо на шоссе от полученных в боях ран. Голодные обмороки тоже не редкость».

И, наконец, речь пошла непосредственно о наступлении на Москву. Состоялся разговор фон Бока и фон Браухича, в котором последний озвучил план окружения советской столицы по линии, проходящей примерно в сорока пяти километрах от центра города. Фон Бок возразил, что на это у него не хватит войск, да и Красной армии останется слишком много свободы для маневра. Через несколько дней Гитлер приказал блокировать Москву в пределах Окружной железной дороги.

В середине октября фон Бок уже не сомневался, что первоначальной концепции блицкрига пришел конец. «Гудериан проинформировал меня, что из-за упорного сопротивления противника продвижение его танковых корпусов в северо-восточном направлении может возобновиться только после ликвидации «котла» под Брянском и перегруппировки. Бои в районе «котлов» у Брянска имеют непредсказуемый характер – сегодня, к примеру, один из полков 134-й дивизии был окружен со всех сторон в секторе «южного котла». Закончить Восточную кампанию в теплое и сухое время года вермахту не удалось. Затяжные дожди превращали и без того не идеальные дороги в море жидкой грязи. «Спокойная уверенность в победе», о которой так много говорили германские пропагандисты в первые дни после вторжения в СССР, если и существовала тогда, то теперь обернулась растерянностью и страхом перед ближайшим будущим. Фон Бок не мог не замечать этого: «Ухудшение погоды, как-то: перемежающиеся ливни, снегопады и заморозки, а также необходимость передвигаться по неопишуемым дорогам сильно сказываются на состоянии техники, вызывают переутомление личного состава и как следствие этого падение боевого духа. Вопрос: «Что будет с нами зимой?» – тревожит каждого немецкого солдата».

И в то самое время, когда командование Красной армии лихорадочно пыталось собрать хоть какие-то силы для обороны столицы, а в самой Москве разрасталась эвакуационная паника, настроения на противоположной стороне фронта были отнюдь не радостные. 30 октября фон Бок отметил: «Ослабленное острие наступления Гудериана достигло южных пригородов Тулы, которую

противник готовится оборонять. Остальная техника отстает и вязнет в грязи на ужасных дорогах. Кроме выхода авангарда Гудериана к Туле, других существенных изменений на фронте не отмечалось. Погода мерзкая...»

На следующий день фон Клюге обсуждал с фон Боком возможность немедленного наступления, утверждая, что если перейти в наступление тотчас, то можно успеть продвинуться вперед по скованной заморозками земле, прежде чем моторизованные части снова будут парализованы распутицей. Фон Бок уже успел убедиться, что толку от этого не будет, а потому возразил: «Я сказал ему, что он ничего этим не достигнет. Мы, естественно, должны стоять наготове, и если враг даст слабину, немедленно ударить в этом месте. Но в общем и целом наш долг состоит в том, чтобы готовиться к наступлению и ждать, когда установится холодная погода. Конечно, время играет на руку противнику, но другого решения, к сожалению, нет».

Командир одного из корпусов жаловался фельдмаршалу на то, что после ожесточенных сражений его войска находятся в плачевном состоянии, их возможности продолжать боевые действия полностью исчерпаны. И подобную картину командующий наблюдал повсюду: «Потери, в особенности в офицерском составе, дают о себе знать. Многие лейтенанты командуют батальонами, один обер-лейтенант возглавляет полк. Численность некоторых полков сократилась до 250 человек. Личный состав страдает от холода и неадекватных условий размещения». В другом корпусе фон Боку, к примеру, пришлось выслушивать не только рассказы о масштабе потерь и тяжести сражений, в которых корпус участвовал, но и жалобы на невыполнимые требования, предъявляемые к частям высшим командованием: «От нас по-прежнему требуют дойти до канала «Москва», не понимая того, что потом мы не сможем сделать и шагу!»

В начале декабря наступление на Москву окончательно захлебнулось. «2-я танковая армия докладывает о мощных контратаках противника, которые в своем большинстве отражены; при этом, правда, 29-я моторизованная дивизия лишилась значительной части своего снаряжения. Тула все еще держится. Здесь нашим войскам продвинуться вперед не удалось». В районе Каширы части Красной армии перешли в наступление и прорвали фронт на 10 километров в глубину позиций, удерживаемых 162-й дивизией. Гот доложил фон

Боку, что наступательные возможности 3-й танковой группы полностью исчерпаны, а противник в боях у канала «Москва» постоянно вводит в бой свежие части. Фон Бок приказал перейти к обороне, понимая, что этим дело не ограничится: «3-й танковой группе и 4-й армии отдано распоряжение подготовиться к отходу от генеральной линии Нара – Москва к линии Каримское – Истринское водохранилище – Сенсецкое озеро – к востоку от Клина в случае получения соответствующего приказа. Приказ об объединении 3-й и 4-й танковых групп будет издан, как только прояснятся намерения обеих танковых групп относительно отхода».

5/12/41

«...Тула все еще держится. Здесь нашим войскам продвинуться вперед не удалось.

На фронте 4-й армии сравнительно тихо. Противник концентрирует силы против IX корпуса. 3-я танковая группа ведет тяжелые бои у канала «Москва», где противник постоянно вводит в бой свежие части. На правом фланге 9-й армии на юго-востоке от Каширы русские перешли в наступление через Волгу и проникли на 10 километров в глубь позиций, удерживаемых 162-й дивизией. Детали пока неизвестны.

3-я танковая группа докладывает, что ее наступательные возможности полностью исчерпаны и она в состоянии удерживать свои позиции только при условии, что 23-я дивизия останется в ее подчинении. Я обсудил ситуацию с Клюге; хотел узнать, не может ли 4-я танковая группа, принимая во внимание сложившееся положение, начать запланированное на завтра наступление уже сегодня. Клюге сказал, что это невозможно».

5 декабря Гудериан доложил фон Боку, что ему пришлось прекратить операцию, поскольку противник со всех сторон угрожает открытым передовым позициям XXIV (моторизованного) корпуса. Продолжала угрожать и погода: «...из-за установившихся невероятных холодов – около 30 градусов ниже точки замерзания – каждый маневр превращается в тяжкое испытание для наших утомленных, поредевших частей. Наши танки постоянно выходят из строя, между тем русские танки куда лучше приспособлены для действий в зимних условиях».

И не только танки: «Растут жалобы частей на достигнутое русскими превосходство в воздухе...» Да и в целом расчет на стремительную войну сыграл с немецким командованием и его солдатами очень злую шутку, поскольку зимней одеждой в достаточном количестве никто заблаговременно не озаботился: «Эшелоны с зимним обмундированием постоянно запаздывают, в результате даже сейчас далеко не все части обмундированы по-зимнему. Качество зимнего обмундирования также оставляет желать много лучшего».

Прошло два дня, и пришлось забыть не только о наступлении, но и о стабильной линии обороны на достигнутых было рубежах: «В течение ночи правое крыло 3-й танковой группы начало отход. Дают о себе знать неприятные вклинивания противника на северном крыле танковой группы. Противник также значительно усилил давление на правом крыле 9-й армии. Я отослал все, что мне удалось собрать на скорую руку, в распоряжение 3-й танковой группы; полк 255-й дивизии направлен на грузовиках – по батальону за один рейс – в сторону Клина, куда первый батальон прибыл этим утром. Единственный резерв, какой только удалось наскрести 4-й танковой группе, представляет собой усиленную роту. 2-я танковая армия получила по носу у Михайлова, в результате чего передовой батальон 10-й моторизованной дивизии, лишившись большей части своего снаряжения, вынужден был оставить город».

Наблюдая это и будучи не силах что-то изменить, фельдмаршал фон Бок поставил диагноз всему плану «Барбаросса»: «Недооценка способности противника к сопротивлению, а также его резервов в плане личного состава и материальной части... Русские ухитрились восстановить боеспособность почти полностью разбитых нами дивизий в удивительно сжатые сроки».

К этому моменту спокойный тон в дневниковых записях сменяется с трудом сдерживаемым раздражением: «Вечером позвонил Гудериан и описал свое положение в самых мрачных тонах. При этом он сказал, что не может скрыть от меня того факта, что, как он изволил выразиться, «имеет место кризис доверия». Он уже в тысячный, наверное, раз спросил меня, знают ли те, «кто наверху», о том, что происходит. Я, в свою очередь, поинтересовался, кого конкретно он имеет в виду, говоря о кризисе доверия, и предложил ему, если это так уж необходимо, лично отправиться на самолете в штаб-квартиру

Верховного командования сухопутных сил, чтобы задать там кое-какие вопросы. Гудериан никак не отреагировал ни на первое, ни на второе мои замечания. Я закончил разговор словами, что жаловаться сейчас кому бы то ни было бесполезно, и добавил, что подкреплений ему не дам. Все остальное на его усмотрение: или делать хоть что-нибудь, чтобы выправить положение, или сидеть сложа руки и позволить себя убить. Другого выбора у него, да и у всех нас нет».

Фрагмент рапорта фон Бока от 13 декабря 1941 года

«Причина, почему я ставлю под сомнение способность наших войск удержаться на новых неподготовленных позициях, ясна. Я не могу оттянуть к новым позициям свои моторизованные части из-за нехватки горючего, как, равным образом, подвезти к ним артиллерию на конной тяге, поскольку лошади не в состоянии тащить большой груз по обледеневшим дорогам. Типичным в этом смысле является случай с 267-й дивизией, которая, отступив сегодня с занимаемых позиций, лишилась всей своей артиллерии. В этой связи вероятность того, что мы отступим к тыловым позициям без артиллерии, весьма велика. С другой стороны, приказ «держаться» вызывает у меня озабоченность в том смысле, что войска могут начать отходить и без приказа».

Приказу держаться любой ценой сопутствовал ответ фон Браухича на слова Гудериана о «кризисе доверия»: тот телеграфировал всем командующим армиями, сообщая, что и он, и сам фюрер, полностью в курсе происходящих событий, а претензии следует предъявлять не высшему командованию, а собственным войскам...

«Взять Москву ему не удалось, хоть он и пустил в ход «последний батальон», – писал о фон Боке в своих мемуарах адъютант Паулюса. – Еще 2 декабря 1941 года он заявил в одном из своих приказов: «Оборона противника на грани кризиса». В действительности же эта его оценка была уместна не для характеристики обороны противника, а собственных наступательных возможностей».

Когда стало очевидно, что наступление на Москву сорвалось, фон Бок оказался одним из тех, кого Гитлер обвинил в провале блицкрига. Фон Бок был снят с должности и отправлен в отпуск, официально – по состоянию здоровья. «Ближе к вечеру позвонил Браухич и сказал, что

фюрер дал положительный ответ на мою просьбу о предоставлении мне отпуска и приписал: «До полного восстановления...» 19 декабря фон Бок распрощался с офицерами своего штаба, заверив их, что тяжелый период скоро закончится, а уже 22 декабря прибыл в штаб-квартиру Гитлера: «Фюрер, как всегда, встретил меня очень сердечно. Он довольно долго разговаривал со мной о сложившемся положении, серьезность которого он очень хорошо себе представляет. Кроме того, он сказал мне, что мои рапорты доходили до него в несколько измененном виде!..» Фон Бок попробовал осторожно прозондировать почву на предмет того, есть ли у него в будущем перспективы вернуться к руководству войсками: «Смогу ли я снова приступить к исполнению своих обязанностей, когда почувствую, что обрел прежнюю форму?» – «Разумеется», – ответил фюрер».

Командующий группы армий «Юг»

И действительно, уже в январе 1942 года после скоропостижной смерти Вальтера фон Рейхенау, Федор фон Бок получил назначение на должность командующего группы армий «Юг». В этот период ему довелось убедиться, что война изменила Германию не к лучшему, и ради явлений, несовместимых с его представлением о порядке, нет необходимости отправляться в далекую холодную Россию: «Поехал на поезде в нетопленном спальном вагоне в Инстербург. В поезде полно испанских офицеров. Мне было стыдно за наши железные дороги, так как в вагоне было грязно; ко всему прочему мы еще и опоздали!»

На Восточном фронте его поджидала организованная Красной армией Барвенково-Лозовская операция вкупе с неизбежным хаосом среди собственных войск. 21 января 1942 года фон Бок записывал: «Сегодня утром пришло известие, что колонны русской бронетехники прорвались в западном направлении из района Изюма. Я приказал задействовать против русских танков все имеющиеся в нашем распоряжении силы авиации. Неожиданно выяснилось, что это наши танки! При всем том ситуация остается напряженной, хотя нам до сих пор удается с успехом отбивать многочисленные атаки русских».

То зимнее наступление частей Красной армии не достигло всех целей, намеченных командованием, но и не обернулось большими потерями. Катастрофа разразилась позже при попытке провести

неподготовленное наступление на Харьков. Причем фон Боку не удалось провести там упреждающий удар, как он планировал: «Я намереваюсь провести эту атаку не для собственного удовольствия, а потому, что она необходима как основа для всех последующих операций и обеспечения обороны Харькова. Разве фюреру не приходила в голову мысль, что противник обязательно попытается атаковать нас под Харьковом?»

Гальдер ответил:

«Нет. Под Харьковом собраны столь значительные силы, что противник, зная об этом, не осмелится атаковать нас на этом направлении».

Я придерживаюсь по этому вопросу другого мнения... Гальдер считает, что он (Гитлер) выступает против этой атаки прежде всего потому, что опасается отвлечения воздушных сил из Крыма, где должно проводиться наступление на Керчь. Я попросил Гальдера поставить фюрера в известность, что этого не произойдет... Вечером меня проинформировали по телефону о том, что «фюрер запретил атаку»!»

В случае успеха наступление под Харьковом позволило бы Красной армии отсечь группу армий «Юг», прижать ее к Азовскому морю и уничтожить. Но фон Бок организовал противодействие в рамках операции «Фридрикус» таким образом, что 1-я танковая армия фон Клейста смогла обойти атакующие части и ударить им в тыл. «Под Харьковом противник предпринимает отчаянные попытки прорвать кольцо окружения – как изнутри, так и снаружи. Справа и слева от Изюма противник атаковал через Донец, но был отражен. Особенно мощные атаки с подключением танков имели место в изгибе Донца около населенного пункта Савинцы; все они были отражены, как, равным образом, и активные попытки прорыва в секторе III корпуса. Левое крыло армейской группы Клейста взяло Лозовую и достигло линии по реке Орель с юго-западного направления... Правое крыло 6-й армии, успешно развивая наступление, вышло к Верхнему Орелю. Наступление через Андреевку также имело успех; в результате был установлен контакт с передовыми частями III корпуса из армейской группы Клейста, атакующей с юга».

С отводом войск из формирующегося котла советское командование промедлило, и к концу мая крупная группировка попала в окружение, что привело к огромным потерям.

План «Блау»

Советская оборона была ослаблена, что позволило немцам перейти в наступление по плану Блау» – сразу на Кавказ и к Волге.

Параллельно с этим фон Бок руководил войсками в Крыму – именно там, где он мечтал оказаться холодной осенью и зимой 1941 года. А поскольку советская попытка лихим наскоком освободить весь Крым тоже была не слишком хорошо подготовлена и продумана, то группе армий «Юг» и здесь сопутствовал успех. 20 мая фон Бок констатировал, что дела идут отлично: «В течение ночи от фюрера пришел приказ о необходимости строго выдерживать сроки подготовки операции в соответствии с планом «Блау», а также о том, что атака на Севастополь должна по возможности начаться 5 июня. В атаке на Севастополь предполагается задействовать крупные силы авиации и большое количество артиллерии, так что перевод на наш фронт одной атакующей дивизии, которая изначально должна была дислоцироваться на Керченском полуострове, нашу группировку в Крыму серьезно не ослабит... Операция по очищению Керченского полуострова от противника почти полностью завершена. Жалкие остатки его войск пытаются эвакуироваться по Черному морю на плотках и надувных лодках».

3 июля 1942 года попытка освобождения Крыма на волне эйфории после разгрома немцев под Москвой закончилась катастрофой. Командующий Крымским фронтом генерал-лейтенант Д.Т. Козлов и представитель Ставки армейский комиссар 1-го ранга Л.З. Мехлес, не смогли организовать наступление, и в результате, имея численное превосходство, Красная армия после двухнедельных боев была вынуждена оставить Керченский полуостров и, бросив часть боевой техники, эвакуироваться на Тамань. В результате этой неудачной операции советским войскам пришлось 3 июля 1942 года оставить Севастополь. Безвозвратные потери Крымского фронта и Черноморского флота составили более 176 тыс. человек.

Эти и другие неудачи Красной армии позволили командованию вермахта вновь перехватить утерянную после зимнего наступления 1941–1942 годов советских войск под Москвой стратегическую инициативу.

Снова в отставке

В июле 1942 года под знаком назревающей Сталинградской битвы генерал-фельдмаршал фон Бок снова начал спорить с фюрером. Адъютант Паулюса писал в своих воспоминаниях: «Серьезные разногласия между ним и Гитлером возникли в связи с планом выравнивания фронта для ликвидации мешавших нашему летнему наступлению выступов по обеим сторонам Харькова. В то время как фельдмаршал предполагал «выутюжить» выступ под Изюмом на участке юго-западнее Донца, Гитлер требовал, чтобы с севера в наступление перешла 6-я армия. В то время как Бок хотел, воспользовавшись благоприятной погодой, немедленно атаковать прорвавшегося северо-западнее Харькова противника, Гитлер ставил начало наступления в зависимость от того, когда мы отобьем у русских Керченский полуостров... Предлог для того, чтобы избавиться от неугодного фельдмаршала, нашелся у Гитлера скоро».

7 июля группа армий «Юг» была по приказу Гитлера разделена на две группы армий – «А» и «Б». Командование группой армий «А» получил генерал-фельдмаршал Лист, а командование группой «Б» – генерал-полковник фон Вейхс. А фон Бок – ничего.

15 июля 1942 генерал-фельдмаршал фон Бок отстранен от командования группой армий «Юг», опять же по состоянию здоровья, как было объявлено. «На фронте и дома людям говорят, что я заболел. Но как я и полагал, мой отъезд способствовал появлению самых разнообразных слухов; некоторые из них совершенно абсурдные... Постепенно правда начинает просачиваться наружу. Английское радио называет меня козлом отпущения!»

В сентябре 1942 года Риббентроп произнес речь, восхвалявшую полководческие таланты фюрера, и в заключение сказал, что он один является инициатором и создателем планов всех крупных кампаний и сражений. Фон Бок, как и другие отправленные в отставку командиры вермахта, почувствовал себя крайне удроченным: «Меня до такой степени разозлили эти комментарии, что я написал Шмундту письмо, в котором помимо всего прочего, вновь коснулся необоснованных обвинений Кейтеля в свой адрес, послуживших причиной моей отставки. Когда Харденберг 10 октября отвез это письмо Шмундту, последний сказал, что обоснование моей отставки, предложенное

Кейтелем, всегда представлялось ему «на редкость глупым»! Но, насколько он знает, причины куда глубже. Во время кампании 1941 года я выступил против плана фюрера атаковать на востоке от Днепра в южном и в северном направлениях вместо восточного. Браухич же, который представлял тогда точку зрения фюрера, не смог отстоять ее перед лицом моей «подавляющей индивидуальности», в противном случае война, возможно, уже была бы закончена?! Фюрер, впрочем, продолжает испытывать ко мне большое уважение; так что вполне может быть, что он еще предложит мне возглавить где-нибудь командование, но в настоящее время он может работать только с теми людьми, которые действуют в полном соответствии с его желаниями».

...Весной 1945 года Федор фон Бок, в свое время отказавшийся участвовать в заговоре против Гитлера, оказался одним из тех, кто вместе с фельдмаршалом Манштейном и гросс-адмиралом Дёницем обсуждал возможность отстранить Гитлера от власти и за счет этого смягчить уже очевидное катастрофическое поражение. Уже после самоубийства фюрера, 3 мая, фон Бок отправился к Деницу, но его машина на Кильском шоссе был обстреляна британским летчиком. Жена и дочь фон Бока погибли на месте, а сам он получил тяжелые ранения и на следующий день, 4 мая, скончался в Ольденбурге.

Хайнц Гудериан. «Быстрый Хайнц»

Этот генерал был теоретиком и практиком моторизованных, танковых способов ведения боевых действий. Неслучайно у Гудериана в Третьем рейхе были и соответствующие прозвища – «Быстрый Хайнц» (Schneller Heinz) и «Хайнц-ураган» (Heinz Brausewind).

На свет Хайнц Вильгельм Гудериан появился в воскресенье 17 июня 1888 года. Местом его рождения стал распложенный на берегу Вислы город Кульм. Отец будущего генерала служил тогда оберлейтенантом в егерском батальоне и стал первым кадровым военным в роду Гудерианов. Сам Хайнц, согласно воле отца, желавшего видеть своих сыновей офицерами, обучался в кадетском корпусе, а затем – в военной школе в Меце. В 1912–1913 годах служил в составе телеграфного батальона в городе Кобленц. 1 октября 1913 года начал учебу в военной академии в Берлине, прерванную началом Первой мировой войны. С первых дней войны занимал должность начальника радиостанции в 5-й кавалерийской дивизии на Западном фронте, затем в штабе 4-й армии во Фландрии, назначен помощником начальника связи в штабе 4-й армии. Через три месяца был произведен в капитаны. В августе 1917 года занял должность начальника связи в штабе 4-й армии. По его словам, «служба в различных радиотелеграфных подразделениях в начале Первой мировой войны дала мне возможность приобрести некоторые знания, весьма пригодившиеся в дальнейшем, при создании нового рода войск».

В апреле 1917 года Гудериан получил назначение на должность офицера Генерального штаба в 4-ю пехотную дивизию, а в следующем месяце был временно командирован в 52-ю резервную дивизию в качестве офицера Генерального штаба на период сражения на реке Эн (именно эта битва обозначила переход к позиционным боевым действиям в ходе Первой мировой войны). В сентябре Гудериан был назначен командиром 2-го батальона 14-го пехотного полка, а затем – назначен на должность офицера Генерального штаба в армию «Ц». В январе – феврале 1918 года обучался в Седане на курсах офицеров Генерального штаба, после чего получил назначение в генеральный штаб армии. Через три месяца был переведен в штаб 38-го резервного корпуса на должность квартирмейстера. Последняя занимаемая в

период Первой мировой войны должность – начальник оперативного отдела в штабе немецкого представительства в оккупированной Италии. После окончания войны служил в штабах пограничной охраны в Силезии, а затем в Прибалтике. В марте 1920 года участвовал в ликвидации беспорядков в Рурской области. Гудериан в начале 1922 года был переведен в отделение автомобильных войск Министерства обороны, а 1 февраля произведен в майоры. Через восемь месяцев – переведен в военно-транспортный отдел управления войск Министерства рейхсвера. 1 октября 1928 года стал преподавателем (по совместительству) тактики в учебном отделе автомобильных войск в Берлине. Служил командиром автомобильного батальона, начальником штаба инспекции автомобильных войск. 1 апреля 1933 года произведен в полковники.

1 июля 1934 года Гудериан был назначен начальником штаба командования бронетанковых войск. 1 августа 1936 – произведен в генерал-майоры. Участвовал в присоединении (аншлюсе) Австрии Третьим рейхом и присоединении Судетской области. 20 ноября 1938 года он был произведен в генералы бронетанковых войск и получил назначение начальником мобильных войск. Гудериан был теоретиком и практиком моторизованных, танковых способов ведения боевых действий. Перед началом Второй мировой войны, в августе 1939 года, Гудериан был назначен командиром 19-го армейского корпуса. Участвовал в Польской кампании, был награжден Железным крестом и Рыцарским крестом.

После захвата Бреста войсками под командованием Гудериана, 22 сентября 1939 года там состоялся парад с участием немецких и советских войск. В федеральном военном архиве в Германии, в документах высшего руководства немецкой второй танковой группы сохранился документ «Договоренность с советскими офицерами о передаче Брест-Литовска», датированный 21 сентября 1939 года. В нем, в частности, указывается: «14.00: Начало прохождения торжественным маршем (Vorbeimarsch) русских и немецких войск перед командующими обеих сторон с последующей сменой флагов. Во время смены флагов музыка исполняет национальные гимны». Парадом командовали: командир 19-го корпуса генерал танковых войск Хайнц Гудериан и командир 9-й отдельной танковой бригады Красной армии комбриг Семен Кривошеин.

Воплощение блицкрига

В мае – июне 1940 года 19-й корпус Гудериана участвовал во Французской кампании. И «шустрый Хайнц» успешно применял тактику блицкрига, но при этом не всегда согласовывал свои действия с командованием, за что в самый разгар немецкого наступления, 16 мая, был временно отстранен от командования 19-м корпусом командующим группой Эвальдом фон Клейстом за неисполнение приказов. Но уже 1 июля Гудериан был назначен командующим танковой группой «Гудериан», и за успехи, проявленные при разгроме французских и английских войск, был 19 июля 1940 года произведен в генерал-полковники. 16 ноября был назначен командующим 2-й танковой группой.

О Французской кампании у него сохранились воспоминания порой даже курьезные: «...я направился в Керье, северо-восточное Амьена, куда был перемещен штаб корпуса. Здесь нас атаковали наши же самолеты. Это был столь недружественный акт, что наша зенитная артиллерия открыла ответный огонь и достала одну такую невнимательную птичку. Оба летчика выпрыгнули с парашютом и вскоре сидели передо мной и с неприятным удивлением глядели друг на друга. Когда закончилась первая, мучительная часть беседы, я подкрепил молодых людей стаканом шампанского. К сожалению, они разбились только что прибывшую новую разведывательную бронемашину».

В начале Великой Отечественной войны Гудериан был командующим 2-й танковой группы, подчиненной группе армий «Центр». По словам самого Гудериана «задача, стоявшая перед моей танковой группой в первый день наступления, была следующей: форсировать Буг с обеих сторон от Бреста, прорваться сквозь оборонительные линии русских, а затем без промедления продвигаться в сторону Рославля – Ельни – Смоленска. Целью такого стремительного прорыва было не дать противнику перегруппироваться и выстроить новый защитный рубеж, заложив тем самым основу для решающей победы над неприятелем уже в 1941 году».

Перед началом наступления Гудериан лично изучал в бинокль советское приграничье: «Тщательное наблюдение за русскими убеждало меня в том, что они ничего не подозревают о наших

намерениях. Во дворе крепости Бреста, который просматривался с наших наблюдательных пунктов, под звуки оркестра они проводили развод караулов. Береговые укрепления вдоль Западного Буга не были заняты русскими войсками. Работы по укреплению берега едва ли хоть сколько-нибудь продвинулись вперед за последние недели». Он даже усомнился, стоит ли при таких обстоятельствах проводить артиллерийскую подготовку в течение часа, как это предусматривалось приказом, ведь это нарушит полную внезапность вторжения. Но на всякий случай Гудериан решил не рисковать и приказом не пренебрегать, поэтому распорядился провести артподготовку по первоначальному сценарию.

И вот вторжение началось... В 3.15 ночи 22 июня 1941 года германская артиллерия открыла огонь по советской территории, а через полтора часа на советский берег вышли первые немецкие танки, входившие в состав 18-й бронетанковой дивизии. Это были не обычные танки, а амфибии, специально подготовленные для так и не начавшейся против Британии операции «Морской лев». В результате использования фактора внезапности XXIV бронетанковому корпусу под командованием генерала бронетанковых войск барона фон Фитингхоффа удалось южнее Бреста захватить неповрежденными мосты через Буг. Но вскоре оправившиеся от неожиданного нападения воины Красной армии вступили в яростный бой с врагом, причем особо отличился гарнизон Брестской крепости...

Впечатления Гудериана от первых часов наступления были таковы: «Двигаясь по следам танков 18-й танковой дивизии, я доехал до моста через р. Десна, овладение которым имело важное значение для дальнейшего продвижения 47-го танкового корпуса, но там, кроме русского поста, я никого не встретил. При моем приближении русские стали разбегаться в разные стороны. Два моих офицера для поручений вопреки моему указанию бросились преследовать их, но, к сожалению, были при этом убиты».

Однако вскоре Гудериан уже заметил, что Красная армия преодолела первоначальную растерянность и начала оказывать упорное сопротивление. Иногда даже в самых безнадежных ситуациях. Так, в какой-то момент Гудериан, занятый обсуждением дальнейших действий, услышал в тылу интенсивную стрельбу. Шоссе со стороны захваченного немцами Белостока было затянуто дымом от горящих

автомобилей, «...обстановка была неясной, пока из дыма не показались два русских танка. Ведя интенсивный огонь из пушек и пулеметов, они пытались пробиться на Слоним, преследуемые нашими танками Т-IV, которые также интенсивно стреляли. Русские танки обнаружили нас; в нескольких шагах от места нашего нахождения разорвалось несколько снарядов: мы лишились возможности видеть и слышать». Далее день за днем Гудериан отмечал, что сопротивление противника растет, «войска действовали умело, особенно следует отметить хорошую маскировку, но управление боем не было еще централизовано».

Впрочем, Гудериан, как и все без исключения мемуаристы с обеих сторон, наблюдал немало проблем с управлением непосредственно на своем опыте. «По прибытии на командный пункт я узнал, что при передаче приказа 17-й танковой дивизии произошло какое-то недоразумение; оказалось, что части дивизии не получили приказа остаться на участке фронта вокруг окруженной группировки противника и продолжали продвижение на Борисов. Я тотчас же приказал доложить об этом факте командованию 4-й армии. Уже нельзя было что-либо изменить. В 8 час. утра на следующий день я был вызван в штаб фельдмаршала фон Клюге в Минск, где мне предложили дать объяснение. Выслушав мои объяснения, фельдмаршал фон Клюге заявил, что он уже намеревался отдать Гота и меня под суд, так как у Гота произошло точно такое же недоразумение, и фельдмаршал думал, что имеет дело с генеральской фрондой».

Случались и более опасные ошибки: «Отправившись в 3-ю танковую дивизию, я попал под бомбежку наших самолетов, сбросивших бомбы на подразделения 23-й пехотной дивизии и причинивших им большой урон. Первая бомба упала в 50 м впереди моей машины».

На седьмой день после начала войны немцами был захвачен Минск. Но в начале июля генерал-фельдмаршал фон Клюге, которого Гитлер назначил командующим 2-й и 3-й танковой группами, хотел (с одобрения фюрера), чтобы германские войска окончательно разгромили попавшие в Белостокский котел части Красной армии. И поэтому, как пишет в своих мемуарах Гудериан, «7 июля я оказался перед необходимостью принять решение. Продолжать ли мне наступление в прежнем режиме, форсировать Днепр силами исключительно танковых соединений и попытаться как можно скорее достичь ранее

поставленной цели, как то предписывалось по изначальному плану. Или же, учитывая, что русские строят по линии реки оборонительный рубеж, прервать наступление и дождаться для начала битвы за реку подхода пехотных армий?»).

10 и 11 июля, с малыми потерями, был форсирован Днепр. За этим событием наблюдали находившиеся в штабе Гудериана итальянский военный атташе генерал Маррас и адъютант Гитлера подполковник фон Белов. Еще перед форсированием перед XLVII бронетанковым корпусом Гудериан поставил задачу захватить Смоленск. Вечером 15 июля Гудериан на окраине выслушал доклад старшего штабного офицера 29-й мотопехотной дивизии, который «доложил мне, что его дивизия успешно продвигается по Смоленской области, но несет при этом заметные потери. Начала проявляться потребность в смене как личного состава, так и техники... 16 июля 29-я мотострелковая дивизия заняла Смоленск, став, таким образом, первой из моих дивизий, достигшей оперативной цели... Заняв историческую часть города, расположенную на южном берегу Днепра, дивизия переправилась через реку и 17 июля захватила промышленные районы на северном берегу, чтобы облегчить выход на соединение с Готом».

Но Смоленское сражение еще не кончилось – части Красной армии начали контратаки, чтобы отбить город, началось новое контрнаступление под Ельней. «30 июля под Ельней было отражено 13 атак», – писал в дневнике Гудериан.

В первые месяцы Великой Отечественной войны в боях против советских войск тактика блицкрига имела большой успех – действуя путем прорыва и охвата танковыми клиньями, войска под командованием Гудериана стремительно продвигались вперед, к Москве. Но затем Гитлер, приняв решение поменять план кампании, вместо удара на Москву направил 2-ю танковую группу на Киев. Танкисты Гудериана отличились и здесь, соединившись 15 сентября 1941 года восточнее Киева с частями 1-й танковой армии, захватив в «Киевский котел» войска Юго-Западного фронта.

«К 26 сентября закончились нашей победой бои в районе киевского котла. Командующий 5-й армией попал к нам в плен. Я беседовал с ним и задал ему несколько вопросов:

1. Когда они заметили у себя в тылу приближение моих танков?

Ответ: Приблизительно 8 сентября.

2. Почему они после этого не оставили Киев?

Ответ: Мы получили приказ фронта оставить Киев и отойти на восток и уже были готовы к отходу, но затем последовал другой приказ, отменивший предыдущий и требовавший оборонять Киев до конца.

Выполнение этого контрприказа и привело к уничтожению всей киевской группы русских войск.

В то время мы были чрезвычайно удивлены такими действиями русского командования. Противник больше не повторял таких ошибок. Мы же, к сожалению, вынуждены были сами пережить печальный опыт такого же вмешательства в ход боевых действий».

Неодолимые преграды

И, по мнению Гудериана, ценой этой победы было последующее снижение темпов немецкого наступления на Москву, что в итоге и привело к провалу плана «Барбаросса». 3 октября немецкие войска захватили Орел. Там Гудериану довелось пообщаться со старым генералом, еще русской императорской армии, который сказал ему: «Если бы вы пришли 20 лет тому назад, мы бы встретили вас с большим воодушевлением. Теперь же слишком поздно. Мы как раз теперь снова стали оживать, а вы пришли и отбросили нас на 20 лет назад, так что мы снова должны начать все сначала. Теперь мы боремся за Россию, и в этом мы все едины».

5 октября 1941 года Гудериан был назначен командующим 2-й танковой армией. Но движение немецких танковых колонн к Москве, встречавших все более упорное сопротивление советских войск, все более замедлялось. К концу ноября – началу декабря немцам удалось выйти к пригородам советской столицы, но ресурсы для дальнейшего наступления были исчерпаны, к тому же германские войска (и боевая техника) оказались, как заявил Гитлеру Гудериан, не подготовленными к зиме.

В своих воспоминаниях Гудериан утверждал, что Гитлер еще до начала войны с Советским Союзом имел всю информацию «о военной мощи огромного государства... о мощи промышленности и прочности государственной системы России», но отказывался верить донесениям разведчиков и докладам дипломатов. Он был уверен в легкой победе и сумел «передать свой необоснованный оптимизм непосредственному

военному окружению». В результате Верховное командование вооруженных сил и главное командование сухопутных сил действительно верило в возможность завершения войны до наступления холодов, так что, по словам Гудериана, «в сухопутных войсках зимнее обмундирование было предусмотрено только для каждого пятого солдата».

Более того, Гудериан, вспоминая о своей первой книге «Внимание! Танки!», утверждает, что у него состоялся разговор с Гитлером, в ходе которого он указал фюреру на то обстоятельство, что «русские имеют большое превосходство в танках, которое будет увеличиваться, если потери в танках у нас будут одинаковые. У Гитлера тогда вырвалась фраза: «Если бы я знал, что у русских действительно имеется такое количество танков, которое приводилось в вашей книге, я бы, пожалуй, не начинал эту войну».

Только 30 августа 1941 года главное командование сухопутных сил серьезно занялось вопросом снабжения зимним обмундированием крупных соединений сухопутных сил. В этот день в дневнике Гудериана появилась следующая запись: «Вследствие изменения обстановки возникает необходимость проведения местных операций с ограниченными целями также в условиях зимы. Оперативному управлению разработать план-смету снабжения войск необходимым зимним обмундированием и после утверждения начальником Генерального штаба сухопутных сил возложить на организационное управление проведение необходимых мероприятий».

Писатель Ольга Шатохина специально для этой книги комментирует: «С именем Гудериана не в последнюю очередь связана легенда о чудовищных русских морозах, которые сорвали наступление вермахта на Москву. Он очень красочно и эмоционально описал ужасы нашей зимы в своих мемуарах. Хотя уже много раз было сказано и проверено по архивам метеосводок, что никаких экстраординарных холодов в ноябре 1941 года не наблюдалось. Были отдельные весьма холодные дни, а так ничего особенного, обычный для этого времени года небольшой минус. Более того, это должно было как раз пойти на пользу танкистам Гудериана и Гота – ведь еще одно традиционное объяснение их военных неудач, наша знаменитая грязь, наконец-то подмерзла и перестала затруднять движение бронированных машин. Маршал Рокоссовский вспоминал, что поначалу так оно и было,

противник активизировался. Но его продвижение было остановлено отнюдь не морозами, а доблестью наших воинов. Блицкрига не получилось, немцев остановили и отбросили. А потом подоспели в полном соответствии с календарем и настоящие морозы».

Не преминул Гудериан в воспоминаниях с досадой отметить, что любимое детище Геринга, люфтваффе, равно как и войска СС были снабжены зимними вещами своевременно и в достаточном количестве. А вот его людям пришлось намного хуже: «...каждый полк уже потерял к этому времени не менее 400 человек обмороженными, автоматическое оружие из-за холода не действовало, а наши 37-мм противотанковые пушки оказались бессильными против русских танков Т-34. Дело дошло до паники...»

20 декабря во время бурного обсуждения этой проблемы с самим фюрером Гудериан в ответ на свой доклад о замерзающих в чистом поле подразделениях получил рекомендацию «зарыться в землю и защищать каждый квадратный метр территории». И, не сдержавшись, закричал, что подмосковная земля уже промерзла на полтора метра в глубину, «мы со своим жалким шанцевым инструментом ничего не сможем сделать». Гитлер, вспомнив свой опыт времен Первой мировой, предложил дробить мерзлую землю выстрелами из гаубиц и окапываться в получившихся воронках. Такая перспектива Гудериана тем более не обрадовала: «Мои дивизии вынуждены каждая оборонять фронт шириной в 20–40 км, а на каждую дивизию у меня осталось не более четырех тяжелых гаубиц с боекомплектом в 50 выстрелов на каждое орудие. Если я использую свои гаубицы для того, чтобы сделать воронки, то с помощью каждого орудия я смогу только создать 50 мелких воронок, величиной в таз для умывания... но это ни в коем случае не составит оборонительной позиции!.. Кроме того, боеприпасы мне необходимы для того, чтобы отразить атаки русских. Мы не в состоянии вбить в землю шесты, необходимые для прокладки телефонных линий, и для этого вынуждены использовать взрывчатые вещества. Где же нам взять необходимое количество подрывных средств для создания оборонительной полосы такого большого масштаба?»

Войска под командованием Гудериана не смогли противостоять советскому контрнаступлению под Москвой, отбросившим войска группы армии «Центр» от советской столицы.

После конфликта с командующим группой армий «Центр» фельдмаршалом фон Клюге, из-за самовольного увода танков с опасной позиции вопреки приказу, Гудериан, отстраненный от командования 2-й танковой армией, был 26 декабря 1941 года отправлен в резерв Главного командования.

Генерал-инспектор бронетанковых войск

16 января 1942 года Гудериан получил официальное назначение в отдел пополнения штаба 3-го армейского корпуса, де-факто оставшись не у дел. Только спустя год, после немецкого поражения под Сталинградом, 1 марта 1943 года он был назначен на должность генерал-инспектора бронетанковых войск. Отвечая за модернизацию бронетанковых частей, Гудериан сумел наладить оперативное деловое взаимодействие с министром вооружений и снабжения Третьего рейха Альбертом Шпеером, что позволило не только увеличить количество выпускаемых Германией танков, но и внести необходимые улучшения в их конструкцию. В этот период Гудериан часто бывал на стрельбищах и танковых испытательных полигонах, инспектировал заводы и сопутствующие производства. Гудериан также неоднократно встречался с Гитлером и спорил с ним по стратегическим вопросам.

Во время совещания в Ставке Гитлера по утверждению плана операции «Цитадель» 3 мая 1943 года Гудериан снова столкнулся с фельдмаршалом фон Клюге, отстранившим его от командования танковой армией в конце декабря 1941 года. Дело дошло до вызова на дуэль, который прислал ему фон Клюге, призвавший, по словам Гудериана, в посредники самого фюрера. Но Гитлер поединок запретил.

Через несколько часов после неудачного покушения 20 июля 1944 года и раскрытия заговора против Гитлера среди военных, в котором Гудериан не участвовал, он был назначен начальником Генерального штаба сухопутных войск и по совместительству остался генерал-инспектором бронетанковых войск. При этом Гудериана включили в состав военного трибунала, который рассматривал дела офицеров-заговорщиков и тех, кто был заподозрен в участии в заговоре 20 июля.

Гудериан трезво оценивал достоинства и недостатки Верховного командования вооруженных сил: «Фельдмаршал Кейтель был неплохой человек и добросовестно старался выполнять свои обязанности; но

вскоре он подпал под влияние Гитлера и чем дальше, тем больше терял способность сопротивляться его гипнозу. Свою нижнесаксонскую преданность он сохранил до самой смерти. Гитлер знал, что он может полностью положиться на этого человека, поэтому он и держал Кейтеля на такой должности, хотя и знал, что он не блестяще разбирается в вопросах стратегии. Фельдмаршал не оказывал влияния на ход операций; он больше занимался административными вопросами, т. е. выполнял функции бывшего военного министерства. Несчастье Кейтеля было в том, что он не находил в себе сил протестовать против приказов Гитлера, противоречащих международному праву и морали. Только этим можно объяснить, что так называемый «приказ о комиссарах» и директива «Ночь и туман» были спущены в войска. За эту слабость он и поплатился в Нюрнберге своей жизнью; его семье не разрешили даже оплакать урну с его прахом.

Генерал-полковник Йодль, начальник штаба оперативного руководства вооруженными силами, осуществлял с апреля 1940 года, со времени кампании в Норвегии, фактическое руководство операциями вооруженных сил. Так же, как и Кейтель, он был порядочным человеком, но поддался влиянию Гитлера. Однако не был так сильно зачарован последним, как Кейтель, и поэтому более критично относился к фюреру. После спора с Гитлером в период Сталинградской битвы Йодль весь погрузился в работу, которую он выполнял в основном самостоятельно, не прибегая к помощи технических сотрудников. Он был замкнут и уступил в вопросе о реформе военного и политического руководства, а также в вопросе реорганизации Генерального штаба. И только в последние дни войны он в корне изменил свои взгляды. Йодль разделил горькую участь Кейтеля. Оба эти генерала смогли бы многое предотвратить в судьбе нашего народа, если бы они по-другому относились к Гитлеру...»

Гудериан неоднократно спорил с Гитлером, выступая против его идеи объявления городов «крепостями» и обороны их до последнего солдата, в результате чего немецкие войска попадали в «котлы». Один из последних конфликтов между Гитлером и Гудерианом произошел из-за того, что последний пытался спасти окруженную группу армий «Курляндия» (ранее называвшуюся группой армий «Север»), державшую оборону в Курляндском котле. Помимо этого, предвидя крах Третьего рейха, Гудериан настаивал на ведении с неприятелем

переговоров и заключении мира, не дожидаясь окончательного военного разгрома Германии.

В декабре 1944 года Гитлер провел совещание немецкого генералитета, посвященное своему плану нанесения удара в Арденнах, Гудериан, начальник Генерального штаба, отвечающий за Восточный фронт, выступил против. Гитлер в ответ заявил: «Вам нет нужды пытаться поучать меня. Я командовал германской армией в ходе войны в течение пяти лет и за это время приобрел больше практического опыта, чем любой господин из Генштаба мог надеяться когда-либо получить. Я изучал Клаузевица и Мольтке, прочитал все труды Шлиффена. Я лучше разбираюсь в обстановке, чем вы».

9 января 1945 года Гудериан, отправившийся на прием к Гитлеру, взял с собой начальника разведки на Востоке генерала Гелена, который, используя принесенные карты и схемы, пытался объяснить Верховному Главнокомандующему Германии опасность положения немецких войск накануне ожидаемого наступления русских на севере. По словам Гудериана, «Гитлер окончательно потерял самообладание, заявив, что карты и схемы «абсолютно идиотские», и приказал, чтобы я посадил в сумасшедший дом человека, подготовившего их. Тогда я вспылил и сказал: «Если вы хотите направить генерала Гелена в сумасшедший дом, тогда уж и отправляйте и меня с ним заодно». По словам Гитлера, на Восточном фронте «еще никогда ранее не было такого сильного резерва, как сейчас», на что Гудериан возразил: «Восточный фронт подобен карточному домику. Если его прорвут хотя бы в одном месте, все остальное рухнет».

Спустя три дня его слова сбылись – советская группа армий под командованием Конева устремилась в Силезию, а армии под командованием Жукова форсировали Вислу к северу и югу от Варшавы. Это было одно из крупнейших наступлений Красной армии за всю войну. Остановить победоносные советские войска было некому...

О шансах фольксштурма Гудериан говорил с нескрываемым скепсисом: «...ни командиров, ни оружия, не говоря уже о том, что руководство национал-социалистской партии выдвигало на руководящие посты не опытных командиров, а партийных фанатиков. Мой старый боевой товарищ генерал фон Витерсгейм был рядовым, в то время как его ротой командовал никогда не служивший в армии партийный деятель. В таких условиях brave солдаты, готовые на

самопожертвование, больше занимались совершенно бессмысленным разучиванием германского приветствия вместо изучения и овладения оружием».

28 марта 1945 года Гудериан вновь ввязался на совещании в спор с Гитлером, и фюрер вознегодовал: «Генерал-полковник Гудериан! Ваше здоровье говорит о том, что вы нуждаетесь в немедленном шестинедельном отдыхе!» Тот немедленно отозвался: «Я ухожу в отпуск» – и пошел к двери. Но фюрер потребовал, чтобы Гудериан остался до конца совещания, и он молча вернулся на место.

В конце Гитлер вновь повторил: «Пожалуйста, подумайте о восстановлении своего здоровья. За шесть недель обстановка станет критической. Тогда вы мне и будете особенно нужны. Куда вы хотите поехать?» Кейтель посоветовал поехать в Бад-Либенштейн. Гудериан не без ехидства заметил, что там уже американцы. «Вот что? Тогда в Гарц, в Бад-Заксу», – предложил Кейтель.

«Я поблагодарил его за участие, – вспоминал потом Гудериан, – заметив, что сам выберу себе место отдыха, причем такой курорт, который противнику не удастся занять в течение 48 часов». Он навсегда покинул бункер Гитлера, на прощание услышав от Кейтеля, что фюреру возражать не следует...

«Вечером я прибыл в Цоссен. Жена встретила меня словами: «Почему же так поздно?!» Я ответил: «Зато в последний раз. Я ушел в отпуск». Мы бросились друг другу в объятия. Для нас это было спасение. 29 марта я распрощался со своими коллегами, передав все дела Кребсу, собрал все свои вещи (их было очень немного) и 30 марта вместе с женой покинул Цоссен».

Уехав в австрийский Тироль, Гудериан был 10 мая 1945 года арестован американцами как военный преступник, в 1946 году был помещен в тюрьму в Аллендорфе, а затем в Нойштадте, освобожден в июне 1948 года. Гудериан выступал на Нюрнбергском трибунале в качестве свидетеля. Советский Союз предпринял попытку обвинить Гудериана в совершении военных преступлений на территории СССР, но прямых доказательств не нашлось, и союзники по антигитлеровской коалиции не поддержали это предложение. Отставной немецкий военачальник выступал за восстановление довоенных европейских границ, писал мемуары, в которых рассказывал о былых сражениях,

роли танковых войск и многочисленных стратегических ошибках Гитлера.

Умер Гейнц Гудериан 15 мая 1954 года в баварском городке Швангау.

Фридрих Паулюс. Автор плана «Барбаросса»

Фридрих Паулюс появился на свет 23 сентября 1890 года в приходе Брейтенау-Гершаген округа Гессе-Нассау. Хотя некоторые историки именуют его «фон Паулюс», его отец был незнатного происхождения и занимался мелкой книготорговлей. В армейском личном деле Фридриха Паулюса не было аристократической приставки «фон». В 1909 году окончил классическую гимназию имени кайзера Вильгельма в Касселеи, после получения аттестата зрелости пытался поступить в морской кадетский корпус, но не прошел – получил отказ по причине недостатка аристократических кровей. Затем Паулюс поступил на юридический факультет Мюнхенского университета, где прослушал два семестра правоведения. 18 февраля 1910 года Паулюс в качестве фаненюнкера (воинское звание, в немецкой армии традиционно присваиваемое слушателям II–III курсов военно-учебных заведений и примерно аналогичное русскому курсанту. – *Примеч. авт.*) вступил в 111-й (3-й Баденский) пехотный полк «Маркграф Людвиг Вильгельм», который был расквартирован в Раштатте. 18 октября 1911 года он был произведен в первый офицерский чин. Через несколько месяцев лейтенант Паулюс женился на Елене Констанции Розетти-Солеску, румынской аристократке, «привившей» ему благородные манеры и помогающей подниматься вверх по служебной лестнице. В семье родилось трое детей: дочь в 1914 году и спустя четыре года – сыновья-близнецы, Фридрих и Александр. Позже они служили в вермахте и стали гауптманами (соответствует нашему капитану. – *Примеч. авт.*).

К моменту начала Первой мировой войны Паулюс служил адъютантом 3-го батальона 3-го Баденского пехотного полка. В начале войны полк Паулюса находился во Франции. Он занимал самые разные штабные должности, как на Восточном, так и на Западном фронтах в частях горной пехоты (егерей) во Франции, Сербии и Македонии. В 1916 году на Восточном (русском) фронте Паулюс в течение семи недель командовал орудийным расчетом. Закончив гауптманом в штабе 48-й резервной дивизии, Паулюс принял участие в организации добровольческого корпуса «Grenzschutz Ost», состоящего из волонтеров, усмиривших польские волнения. В 1919 году был причислен к германскому офицерскому корпусу, был назначен на

должность начальника отдела безопасности рейхсвера (1919–1920), спустя несколько месяцев был назначен адъютантом 14-го пехотного полка, а затем откомандирован на курсы, где прошел секретную (по условиям Версальского мирного договора 1919 года. 1 октября 1919 года германский Генеральный штаб расформирован и дальнейшая его деятельность запрещена) подготовку офицеров Генерального штаба. В дальнейшем занимал различные штабные должности в Министерстве рейхсвера (обороны). К моменту прихода фашистов в Германии к власти Паулюс был майором. Его офицерская характеристика отмечала его как образованного и хорошо подготовленного военного специалиста, лишенного, однако, решительности. В 1934 году Паулюс был назначен командиром 3-го моторизованного батальона. Это было экспериментальное формирование, выросшее позже в одну из первых в Германии танковую часть. Этой должности он был обязан не столько своей хорошей профессиональной подготовкой, сколько хорошими отношениями с высокопоставленными сотрудниками военного ведомства. Среди них были генерал Освальд Лютц, командующий бронетанковыми войсками, и Вальтер фон Рейхенау, начальник управления вооружений Министерства обороны и к тому же – один из наиболее фанатично настроенных нацистов среди генералитета. Именно он составил текст воинской присяги на верность новому рейхсканцлеру Гитлеру.

Образцовый штабист

По мере того, как, придя к власти, Гитлер стал увеличивать германскую армию, для нее потребовались кадровые офицеры, в том числе – штабные, и карьера образцового штабиста Паулюса, всегда проявлявшего должную субординацию, пошла в гору. Кроме того, начальство ценило его за скрупулезность, добросовестность и честность, а также за служебный энтузиазм – Паулюс, по воспоминаниям сослуживцев, много работал по ночам и подолгу корпел над картами с чашкой кофе и сигаретой в руке.

Было у Паулюса свое необычное хобби – в свободное от службы время он увлекался рисованием подробных масштабных карт нашествия Наполеона на Россию в 1812 году. По словам одного из своих родственников, служившего в 3-й танковой дивизии, «в

сравнении с Роммелем или Моделем он был больше похож на ученого, чем на генерала».

Паулюс, назначенный командиром 13-го пехотного полка, проявил себя как компетентный командир, но при этом не могущий воодушевить своих солдат, подобно Эрвину Роммелю или Эриху Манштейну. В сентябре 1935 года Паулюс стал начальником штаба командования танковых соединений. Ему был присвоен чин оберста (аналогично нашему званию полковника). В феврале 1938 года Паулюс был назначен начальником штаба 16-го моторизованного корпуса под командованием генерал-лейтенанта Гудериана и начальником штаба группы армий «4» Рейхенау. Перед вторжением на польскую территорию она была преобразована в 10-ю армию, и Паулюс, которому в мае 1939 года было присвоено звание генерал-майора, стал начальником штаба 10-й армии. Ее командующим был генерал артиллерии Вальтер Рейхенау. Известный американский историк Сэмюэл У. Митчем, специализирующийся на истории германской армии во Второй мировой войне, так описывает их взаимоотношения: «В Вальтере Рейхенау Паулюс видел идеального руководителя. Настолько же ярко одаренный, насколько Паулюс был методичным, Рейхенау ненавидел конторскую работу, в то время как Паулюс вырос на ней. Они представляли собой идеальную команду. Решительный, полный энергии, человек действия и его кропотливый, привязанный к столу, безотказный начальник штаба». В сентябре 1939 года 10-я армия одержала в Польской кампании ряд крупных побед, 10 октября, после смены нумераций, была переименована в 6-ю армии. Успешно участвовала в боевых действиях на территории Бельгии (приняв капитуляцию у короля Бельгии – Леопольда), и Франции. В октябре 1940 года ее командующий Рейхенау был произведен в генерал-фельдмаршалы, а в августе начальник штаба Паулюс – в генерал-лейтенанты. Затем Паулюс был назначен заместителем начальника Генерального штаба сухопутных сил (в должности первого оберквартирмейстера). С 21 июля по 18 декабря 1940 года Паулюс работал над разработкой плана по нападению на Советский Союз, получившего кодовое наименование «Барбаросса». В нем предусматривался молниеносный разгром советских войск западнее рек Днепр и Западная Двина, а также дальнейший захват; в дальнейшем намечалось захватить Москву, Ленинград и Донбасс с последующим

выходом немецких войск на линию Архангельск – Волга – Астрахань. Длительность кампании – 4–5 месяцев. План был утвержден 18 декабря 1940 года директивой Верховного Главнокомандующего вермахта № 21:

*«Фюрер и верховный главнокомандующий вооруженными силами
Верховное Главнокомандование вооруженных сил.*

Штаб оперативного руководства.

Отдел обороны страны

№ 33408/40. Сов. секретно.

Ставка фюрера 18.12.40 г.

9 экземпляров

9-й экземпляр

Директива № 21. План «Барбаросса»

Германские вооруженные силы должны быть готовы разбить Советскую Россию в ходе кратковременной кампании еще до того, как будет закончена война против Англии. (Вариант «Барбаросса»).

Сухопутные силы должны использовать для этой цели все находящиеся в их распоряжении соединения, за исключением тех, которые необходимы для защиты оккупированных территорий от всяких неожиданностей.

Задача военно-воздушных сил – высвободить такие силы для поддержки сухопутных войск при проведении восточной кампании, чтобы можно было рассчитывать на быстрое завершение наземных операций и вместе с тем ограничить до минимума разрушения восточных областей Германии вражеской авиацией. Однако эта концентрация усилий ВВС на Востоке должна быть ограничена требованием, чтобы все театры боевых действий и районы размещения нашей военной промышленности были надежно прикрыты от налетов авиации противника и наступательные действия против Англии и особенно против ее морских коммуникаций отнюдь не ослабевали.

Основные усилия военно-морского флота должны также и во время восточной кампании, безусловно, сосредоточиваться против Англии.

Приказ о стратегическом развертывании вооруженных сил против Советского Союза я отдам в случае необходимости за восемь недель до намеченного срока начала операций.

Приготовления, требующие более продолжительного времени, поскольку они еще не начались, следует начать уже сейчас и закончить к 15.5.41 г.

Решающее значение должно быть придано тому, чтобы наши намерения напасть не были распознаны.

Подготовительные мероприятия высших командных инстанций должны проводиться, исходя из следующих основных положений.

I. Общий замысел

Основные силы русских сухопутных войск, находящиеся в Западной России, должны быть уничтожены в смелых операциях посредством глубокого, быстрого выдвижения танковых клиньев. Отступление боеспособных войск противника на широкие просторы русской территории должно быть предотвращено.

Путем быстрого преследования должна быть достигнута линия, с которой русские военно-воздушные силы будут не в состоянии совершать налеты на имперскую территорию Германии.

Конечной целью операции является создание заградительного барьера против Азиатской России по общей линии Волга, Архангельск. Таким образом, в случае необходимости последний индустриальный район, остающийся у русских на Урале, можно будет парализовать с помощью авиации.

В ходе этих операций русский Балтийский флот быстро потеряет свои базы и окажется, таким образом, не способным продолжать борьбу.

Эффективные действия русских военно-воздушных сил должны быть предотвращены нашими мощными ударами уже в самом начале операции.

II. Предполагаемые союзники и их задачи

1. В войне против Советской России на флангах нашего фронта мы можем рассчитывать на активное участие Румынии и Финляндии.

Верховное Главнокомандование вооруженных сил в соответствующее время согласует и установит, в какой форме вооруженные силы обеих стран при их вступлении в войну будут подчинены германскому командованию.

2. Задача Румынии будет заключаться в том, чтобы отборными войсками поддержать наступление южного фланга германских войск, хотя бы в начале операции, сковать противника там, где не будут

действовать германские силы, и в остальном нести вспомогательную службу в тыловых районах.

3. Финляндия должна прикрывать сосредоточение и развертывание отдельной немецкой северной группы войск (части 21-й группы), следующей из Норвегии. Финская армия будет вести боевые действия совместно с этими войсками.

Кроме того, Финляндия будет ответственна за захват полуострова Ханко.

4. Следует считать возможным, что к началу операции шведские железные и шоссейные дороги будут предоставлены для использования немецкой группе войск, предназначенной для действий на Севере.

III. Проведение операций

А) Сухопутные силы. (В соответствии с оперативными замыслами, доложенными мне).

Театр военных действий разделяется Припятскими болотами на северную и южную части. Направление главного удара должно быть подготовлено севернее Припятских болот. Здесь следует сосредоточить две группы армий.

Южная из этих групп, являющаяся центром общего фронта, имеет задачу наступать особо сильными танковыми и моторизованными соединениями из района Варшавы и севернее ее и раздробить силы противника в Белоруссии. Таким образом будут созданы предпосылки для поворота мощных частей подвижных войск на север, с тем чтобы во взаимодействии с Северной группой армий, наступающей из Восточной Пруссии в общем направлении на Ленинград, уничтожить силы противника, действующие в Прибалтике. Лишь после выполнения этой неотложной задачи, за которой должен последовать захват Ленинграда и Кронштадта, следует приступить к операциям по взятию Москвы – важного центра коммуникаций и военной промышленности.

И только неожиданно быстрый развал русского сопротивления мог бы оправдать постановку и выполнение этих обеих задач одновременно.

Важнейшей задачей 21-й группы также и в течение восточной кампании остается оборона Норвегии.

Имеющиеся сверх этого силы (горный корпус) следует использовать на Севере прежде всего для обороны области Петсамо и

ее рудных шахт, а также трассы Северного Ледовитого океана. Затем эти силы должны совместно с финскими войсками продвигаться к Мурманской железной дороге, чтобы нарушить снабжение Мурманской области по сухопутным коммуникациям.

Будет ли такая операция осуществлена силами немецких войск (2–3 дивизии) из района Рованиemi и южнее его, зависит от готовности Швеции предоставить свои железные дороги в наше распоряжение для переброски войск.

Основным силам финской армии будет поставлена задача в соответствии с продвижением немецкого северного фланга наступлением западнее или по обеим сторонам Ладожского озера сковать как можно большее количество русских войск, а также овладеть полуостровом Ханко.

Группе армий, действующей южнее Припятских болот, надлежит посредством концентрических ударов, имея основные силы на флангах, уничтожить русские войска, находящиеся на Украине, еще до выхода последних к Днепру.

С этой целью главный удар наносится из района Люблин в общем направлении на Киев. Одновременно находящиеся в Румынии войска форсируют р. Прут в нижнем течении и осуществляют глубокий охват противника. На долю румынской армии выпадет задача сковать русские силы, находящиеся внутри образуемых клещей.

По окончании сражений южнее и севернее Припятских болот в ходе преследования следует обеспечить выполнение следующих задач:

На юге – своевременно занять важный в военном и экономическом отношении Донецкий бассейн.

На севере – быстро выйти к Москве. Захват этого города означает как в политическом, так и в экономическом отношениях решающий успех, не говоря уже о том, что русские лишатся важнейшего железнодорожного узла.

Б) Военно-воздушные силы.

Их задача будет заключаться в том, чтобы, насколько это будет возможно, затруднить и снизить эффективность противодействия русских военно-воздушных сил и поддержать сухопутные войска в их операциях на решающих направлениях.

Это будет прежде всего необходимо на фронте центральной группы армий и на главном направлении южной группы армий.

Русские железные дороги и пути сообщения в зависимости от их значения для операции должны перерезаться или выводиться из строя посредством захвата наиболее близко расположенных к району боевых действий важных объектов (речные переправы) смелыми действиями воздушно-десантных войск.

В целях сосредоточения всех сил для борьбы против вражеской авиации и для непосредственной поддержки сухопутных войск не следует во время операции совершать налеты на объекты военной промышленности. Подобные налеты, и прежде всего против Урала, встанут в порядок дня только по окончании маневренных операций.

В) Военно-морской флот.

В войне против Советской России ему предстоит задача, обеспечивая оборону своего побережья, воспрепятствовать прорыву военно-морского флота противника из Балтийского моря. Учитывая, что после выхода к Ленинграду русский Балтийский флот потеряет свой последний опорный пункт и окажется в безнадежном положении, следует избегать до этого момента крупных операций на море.

После нейтрализации русского флота задача будет состоять в том, чтобы обеспечить полную свободу морских сообщений в Балтийском море, в частности снабжение по морю северного фланга сухопутных войск (траление мин).

IV.

Все распоряжения, которые будут отданы главнокомандующими на основании этой директивы, должны совершенно определенно исходить из того, что речь идет о мерах предосторожности на тот случай, если Россия изменит свою нынешнюю позицию в отношении нас.

Число офицеров, привлекаемых для первоначальных приготовлений, должно быть максимально ограниченным. Остальные сотрудники, привлечение которых необходимо, должны привлекаться к работе как можно позже и ознакамливаться только с теми частными сторонами подготовки, которые необходимы для исполнения служебных обязанностей каждого из них в отдельности.

Иначе имеется опасность возникновения серьезнейших политических и военных осложнений в результате раскрытия наших приготовлений, сроки которых еще не назначены.

V.

Я ожидаю от господ главнокомандующих устных докладов об их дальнейших намерениях, основанных на настоящей директиве.

О намеченных подготовительных мероприятиях всех видов вооруженных сил и о ходе их выполнения докладывать мне через верховное главнокомандование вооруженных сил.

Подписал: Гитлер

Расчет рассылки: Главнокомандующий сухопутными войсками (оперативный отдел) 1-й экз. Главнокомандующий военно-морским флотом (штаб руководства военно-морскими операциями) 2-й экз. Главнокомандующий военно-воздушными силами (штаб оперативного руководства ВВС) 3-й экз. Верховное Главнокомандование вооруженных сил: Штаб оперативного руководства 4-й экз. Отдел обороны страны 5–9 экз.».

Каким образом высокопоставленный штабной работник Паулюс стал командующим армией? Отчасти – благодаря случаю, но в большей степени – покровительству.

Во главе 6-й армии

30 ноября 1941 года, когда стало понятно, что наступление немцев на Москву провалилось, Адольф Гитлер освободил от занимаемой должности главнокомандующего группой армий «Центр» фельдмаршала Герда фон Рундштедта, сделав его преемником старшего по рангу в этом секторе командующего армией фельдмаршала фон Рейхенау, не забывшего своего бывшего начальника штаба армии – несмотря на провал разработанного им плана «Барбаросса». 3 декабря 1941 года Гитлер вылетел на Украину на своем самолете «Кондор». Там он пообщался с отправленным в отставку Рундштедтом, который на тот момент еще не уехал. Вскоре тот убыл в Германию, как было сказано, «для поправки здоровья». Спустя девять дней фон Рундштедт получил от Гитлера чек на 250 тысяч рейхсмарок в качестве подарка ко дню рождения.

В тот же день, 3 декабря, Гитлер, принявший во время обеда Рейхенау, стал настаивать, чтобы тот оставался командующим 6-й армией и одновременно возглавил группу армий «Юг». Но фельдмаршал довольно убедительно доказывал, что не сможет

одновременно руководить сразу двумя штабами, и поэтому он предложил назначить на пост командующего 6-й армией своего бывшего начальника штаба, генерала Паулюса. Фюрер поначалу возражал, но без особого энтузиазма, и поскольку он хорошо относился к Паулюсу, то согласился. 1 января 1942 года Паулюс, который никогда до этого не командовал хотя бы дивизией или корпусом, оказался почти на самом вершине таблицы о рангах вермахта, получив чин генерала танковых войск. Через четыре дня он был назначен командующим 6-й армией. По мнению Сэмюэля У. Митчема, «Рейхенау знал, что у Паулюса совсем не было опыта командования войсками, но считал, что он (Рейхенау) в первый и трудный период сможет руководить и направлять штабного генерала из Гессена, пока тот не научится правильно дергать за веревочки... Несмотря на низкий ранг и совершеннейшее отсутствие необходимой для назначения выслуги, четырьмя днями позже он получил командование 6-й армией...

Обрадовавшись такому продвижению и новому назначению, Паулюс фактически совершенно не подходил ни по характеру, ни по уровню подготовки к такому делу. Весь его опыт командирской работы сводился к руководству экспериментальным моторизованным батальоном. Он перепрыгнул через жизненно важный опыт командования полком, дивизией и корпусом. Возможно, такой недостаток опыта и не являлся решающим фактором. Истории известны случаи, когда военные продвигались еще более быстро и становились блестящими полководцами (Наполеон и Роберт Э. Ли, например). Но у Паулюса для командования армией не было ни соответствующего характера, ни темперамента. Привыкший к конторской работе служака, он ненавидел грязь и, чтобы не запачкать рук, всегда носил перчатки, принимал ванну и менял одежду дважды в сутки, чтобы всегда оставаться чистым. Его боевые соратники саркастично называли Паулюса «благородным господином» и «нашим самым элегантным дворянином». Но более опасным было то, что он относился к числу тех генералов, кто свято верил в гениальность и непогрешимость фюрера. Он был офицером, который слепо, не задавая вопросов, подчинялся приказам вышестоящих начальников, независимо от того, как складывалась тактическая обстановка.

С другой стороны, в отличие от Рейхенау, Паулюс считал необходимым, по мере возможности, гуманно относиться к

военнопленным и гражданскому населению противной стороны. Рейхенау же, например, настраивал 6-ю армию на максимально возможное сотрудничество со специальными отрядами СС по уничтожению евреев. При этом он предупреждал солдат СС и СД, чтобы они тратили на одного еврея не больше двух пуль. К началу 1942 года в полосе действий 6-й армии было уничтожено около миллиона евреев и других мирных граждан. Паулюс, как только стал командующим, тотчас отменил «приказы о расправах» Рейхенау, прекратил всякое сотрудничество 6-й армии с карательными отрядами и эффективно покончил с геноцидом. В 6-й армии до Паулюса действовал приказ о казни всех советских политических работников. И этот приказ новым командующим тоже был отменен».

Можно только предполагать, каким командующим 6-й армией был бы Паулюс под командованием своего наставника Вальтера фон Рейхенау, но у того 12 января 1942 года после утренней оздоровительной пробежки произошло кровоизлияние в мозг (военный врач установил паралич с поражением центральной нервной системы). О происшествии немедленно было доложено в Ставку Гитлера – ведь в это время фельдмаршал Рейхенау пока еще совмещал должности как командующего группы армий «Юг», так и командующего 6-й армии. Через пять дней Рейхенау, так и не пришедшего в себя, отправили на самолете в Лейпциг, но по дороге самолет попал в аварию, и в Германию Рейхенау прибыл уже мертвым.

Таким образом, Паулюс оказался без советчика на должности, которая намного превышала его возможности как военачальника. 20 января 1942 года к своим обязанностям командующего группы армий «Юг» приступил генерал-фельдмаршал фон Бок. В тот же день в Полтаву в штаб 6-й армии прибыл ее новый командующий генерал Паулюс. Адьютант Паулюса, Вильгельм Адам, так в своих мемуарах «Катастрофа на Волге» описывал сложившуюся ситуацию: «Перед обоими командующими стояли трудные задачи. Соединения Красной армии выбили 294-ю пехотную дивизию с ее позиций в районе Волчанска, северо-восточнее Харькова. В результате наступления по обеим сторонам Изюма в стыке 17-й и 6-й армий советские войска глубоко вклинились в наши позиции. Резервами мы не располагали. Под угрозой оказались Харьков, Полтава и Днепропетровск. Из тех дивизий, которые не подверглись удару, были выделены пехотные

батальоны, артиллерийские дивизионы и переброшены на юг для усиления правого фланга армии. Из армейского тылового района была спешно выдвинута охранная дивизия, не имевшая тяжелого оружия; ей предстояло задержать восточнее Полтавы острие наступающего советского «клина». Сводные батальоны, составленные из тыловых подразделений, предполагалось использовать для непосредственной обороны находившихся под угрозой городов.

Положение армии было отнюдь не блестящим, когда я встречал Паулюса на аэродроме... Паулюс сразу же поехал к полковнику Гейму, начальнику штаба 6-й армии. Гейм вместе с остальными офицерами штаба основательно подготовился для доклада приступающему к своим обязанностям новому командующему. На оперативную карту были нанесены новейшие данные, подсчитаны потери, понесенные нами за последние дни. Начальник оперативного отдела и начальник разведывательного отдела доложили о численности, боевом опыте и боеспособности наших частей. Затем они охарактеризовали состав советских войск и сообщили последние данные разведки.

Полковник Гейм предложил объединить под одним командованием те боевые группы, которые пока входили в различные полки и дивизии, но выполняли одну задачу. Выбор пал на генерала артиллерии Гейтца, командовавшего VIII армейским корпусом. Паулюс знал его как стойкого солдата, на него можно было положиться. Гейтц действительно в короткий срок добился согласованности действий этих боевых групп. Он значительно укрепил их с помощью четкой организации артиллерийского огня и форсированного строительства оборонительных позиций. 113-я пехотная дивизия была передана в VIII армейский корпус и также введена в бой фронтом на юг в месте прорыва южнее Харькова. Казалось, опасность предотвращена.

В эти дни мне неоднократно приходилось видеть, как добросовестно работает Паулюс. Ему была чужда размашистость, свойственная покойному Рейхенау. Каждая фраза, которую Паулюс произносил или писал, была точно взвешена, ясно выражала его мысль, так что не вызвала никаких сомнений. Если Рейхенау был командующим, который легко, не боясь ответственности, принимал решения, и его особенно характерными чертами являлись твердость, несокрушимая воля и отвага, то Паулюс представлял собой полную противоположность. Еще будучи молодым офицером, он получил в

товарищеской среде прозвище «Кунктатор» – «Медлитель». Его острый, как клинок, ум, его непобедимая логика снискали ему уважение всех сотрудников. Я не помню такого случая, когда бы он недооценил противника и переоценил собственные силы и возможности. Решение его созревало только после длительного трезвого обсуждения, только после обстоятельного обмена мнений с офицерами штаба, во время которого тщательно взвешивались все мыслимые случайности...» В августе 1942 года генерал Паулюс был награжден Гитлером Рыцарским крестом.

Летом и осенью 1942 года 6-я армия входила в группу армий «Б», сражавшуюся на южном участке Восточного фронта.

Дорога на Сталинград

На долю Паулюса и его 6-й армии выпало участие в грандиозном сражении, ставшем первым знаком перелома в ходе войны. Днем начала Сталинградской битвы принято считать 17 июля 1942 года, хотя существуют мнения, что первые боевые столкновения начались днем раньше. На рубеже рек Чир и Цимла передовые отряды 62-й и 64-й армий Сталинградского фронта столкнулись с авангардами возглавляемой Паулюсом 6-й армии.

«Коммуникации с востоком и с юго-востоком страны уже стали весьма ненадежными. Волжско-Каспийский водный путь, с его судами и танкерным флотом, представлял собой один из главных путей снабжения и стоил десяти железных дорог. Практически вся кавказская нефть шла по Волге», – отмечал британский журналист Александр Верт.

Этим и объяснялось значение, которое немецкое командование придавало захвату Сталинграда. 30 июля по решению командования вермахта Сталинградское направление стало приоритетным (ранее, 23 июля, согласно директиве № 45, подписанной А. Гитлером, группа армий «А» должна была наступать на Кавказ, а вспомогательную задачу – овладеть Сталинградом силами 6-й армии под командованием генерал-полковника Ф. Паулюса – поставили перед группой армий «Б»).

«Перед группой армий «Б», – говорилось в соответствующем разделе директивы, – поставлена задача, как было приказано ранее,

наряду с созданием линии обороны по реке Дон нанести удар по Сталинграду и разгромить формируемую там вражескую группировку, занять сам город и перерезать междуречье Дона и Волги в его наиболее узком месте, а также прервать движение судов на Волге. Вслед за тем направить подвижные соединения вдоль Волги с задачей выйти к Астрахани и там также перекрыть главное русло Волги».

В Ставке фюрера эти задачи выглядели вполне выполнимыми. Но в среде армейских офицеров почти сразу возникли сомнения. «В директиве № 45 от 23 июля 1942 года были заново сформулированы задачи групп армий «А» и «Б», – вспоминал адъютант Паулюса Вильгельм Адам. – Из каких предпосылок исходило при этом Верховное Главнокомандование вермахта? Первый раздел директивы гласил: «Лишь весьма незначительным силам противника из армии Тимошенко удалось избежать окружения и достичь южного берега Дона». Это была совершенно ошибочная оценка достигнутых к этому времени результатов летнего наступления 1942 года. Небольшое количество пленных, почти пустые поля сражений, мало убитых – таковы факты, решительно опровергающие утверждения директивы № 45».

К тому времени на помощь немецким войскам дуче Муссолини отправил еще шесть дивизий. Достигшая численности 300 тысяч человек, итальянская экспедиционная армия двигалась к Сталинграду. В ее составе находилась и «Добровольческая милиция». Ее подразделения носили пышные названия, заимствованные из римской истории: «легионы», «крылья», «манипулы», а офицеры – титулы римских военачальников: «консул», «проконсул», «командир манипулы».

На флангах были развернуты также румынские части. Но их боевые качества сами немцы оценивали весьма невысоко. По словам Адама, «плохо вооруженные и недостаточно оснащенные войска союзников были к тому же растянуты, отстояли далеко друг от друга на Дону. Для надежного оборудования позиций у них не хватало сил. Это был не фронт обороны, а тонкая цепочка прикрытия. Этого не мог не заметить очень активный противник».

– Если русские используют слабость нашего глубокого фланга, мы, Адам, окажемся в более чем неприятном положении, – сказал однажды

Паулюс своему адъютанту. – Приглядитесь к очертаниям фронта. Он похож на выдвинутый кулак.

Возразить тому было нечего:

– Это действительно чертовски неприятно, господин генерал. Стоит только противнику провести скальпелем по запястью, и кулак будет отрезан.

К 3 августа немецкие части, наступавшие с цимлянского плацдарма, достигли Котельникова и вплоть до 18 августа продолжали продвигаться к Сталинграду. Красной армии удалось при этом довольно прочно закрепиться на позициях к северу от излучины Дона, а также занять ряд предместных укреплений непосредственно на излучине, например у Клетской. Чуть позже был захвачен плацдарм у Серафимовича.

Информация об укреплении плацдарма к западу от Калача поступила и к руководству 6-й армии. В начале августа 76-я и 295-я пехотные дивизии, которые раньше входили в 17-ю армию, были переброшены для укрепления правого фланга 6-й армии.

К 6 августа немцы завершили подготовку намеченного ими удара по советскому плацдарму. Разведка сообщала, что впереди – 12 стрелковых дивизий и 5 танковых бригад. Вот им-то и планировалось перекрыть путь к отступлению за Дон, полностью окружить и уничтожить. Оперативный план предусматривал для обоих танковых корпусов задачу создать плацдарм на Дону, XIV танковый корпус должен был наступать вниз по Дону из района Каменского, а XXIV танковый корпус – вверх по Дону из района Нижнечирской.

Наступление началось ранним утром 7 августа. Танковым клиньям удалось прорвать советскую оборону, но дальше все пошло не так гладко, как ожидалось. «Наши атакующие пехотные дивизии столкнулись с искусно и ожесточенно сражающимся противником, – констатировал Адам. – Он сразу понял, какой опасностью грозили ему немецкие танки, и организовал ожесточенные контратаки против танковых корпусов, которые сражались, имея в тылу Дон... Однако частям Красной армии удалось прорвать окружение и переправиться на восточный берег Дона».

После четырех дней непрерывных сражений в Германии было объявлено о победе вермахта в этих боях. Но по свидетельству все того же Адама, «...нам пришлось дорого заплатить за нее как людьми, так и

техникой... А главное – Красная армия выиграла драгоценное время для создания фронта обороны между Волгой и Доном, на подступах к Сталинграду». Удалось задержать продвижение 4-й танковой армии, которая 1 августа прорвалась из района Цимлянской через калмыцкую степь к южным подступам Сталинграда. 12 августа 6-я армия вынуждена была передать на усиление 4-й танковой армии 24-ю танковую и 297-ю пехотную дивизии.

И тут оказалось, что, несмотря на острую необходимость быстро развить достигнутый успех, 6-я армия не способна к немедленному продолжению наступления. Требовалась перегруппировка, восполнение потерь оружия и техники, подвоз боеприпасов.

Чтобы прорвать советскую оборону вдоль Дона, немцам пришлось использовать, помимо своей 2-й армии, армии своих итальянских, венгерских и румынских союзников. 6-я армия была всего лишь в нескольких десятках километров от Сталинграда, и 4-я танковая, находясь на юге от него, повернула на север, чтобы содействовать в штурме города.

«При наступлении 6-й армии к Волге кровь немецких солдат лилась рекой, – писал Адам, занимавшийся в те дни решением проблем с подкреплениями и пополнением. – Во время моих поездок в вездеходе я постоянно встречал отставших солдат, которые после тяжелых боев разыскивали свои части. Особенно запомнились мне двое, участвовавшие в сражении под Калачом. Они служили в той дивизии, куда я направлялся. Я взял их в свою машину.

Сидевший за моей спиной ефрейтор, еще находясь под свежим впечатлением пережитых боев, рассказывал:

– В таком пекле даже здесь, на Востоке, мне еще не приходилось бывать. Задал нам Иван жару, у нас только искры из глаз сыпались. Счастье еще, что наши окопы глубокие, иначе от нас ничего бы не осталось. Артиллерия у русских знатная. Отлично работает – что ни выстрел, то прямое попадание в наши позиции. А мы только жмемся да поглубже в дерьмо зарываемся. Много наших от их артиллерии пострадало. А самое большое проклятие – «катюши». Где они тюкнут, там человек и охнуть не успеет».

Адам тщетно пытался убедить, по поручению Паулюса, и штабных, и высшее армейское руководство в необходимости срочно доставить пополнение в части 6-й армии:

– Как можно взять крупный город, занимающий территорию примерно в 300 квадратных километров, если боевая численность роты 30–40 человек? Исходя из нашего последнего опыта в большой излучине Дона, надо ожидать, что противник будет защищать каждый дом, каждый камень.

– Вы знаете, как обстоят у нас дела, и поверьте, я охотно вам бы помог, – слышал он в ответ. – К сожалению, однако, все действительно так и есть, как сообщили вам начальники тыловых управлений. Новое пополнение призывников пройдет подготовку только к концу года. До января 1943 года нечего и рассчитывать на пополнение пехотных полков.

«Я был в ужасе, – признавался Адам. – Ведь наступление на Сталинград должно начаться сейчас, а не в январе 1943 года! Что же с нами будет, если боевая численность наших частей не достигает даже половины?»

Вернувшись к Паулюсу, адъютант доложил о тщетности своих усилий.

– Ах вот оно как! Я, стало быть, должен брать Сталинград измотанными дивизиями...

Адам попытался внести немного оптимизма:

– Мюллер Гиллебранд заверил меня, что прибывающие маршевые роты будут направляться преимущественно в нашу армию. Конечно, этого мало. Но надо полагать, Главное командование сухопутных сил позаботится хотя бы о том, чтобы сменить наши обескровленные дивизии, если нет достаточного пополнения.

– Нет, Адам, это нереально, – вздохнул Паулюс. – Откуда возьмутся эти дивизии? Мы ведь уже не раз толковали о резервах. Гитлер и знать об этом не хочет. По-видимому, план этого наступления уже в своей основе был плодом легкомыслия...

Великая битва у Волги

Тем не менее решающее наступление началось. 19 августа 6-й армии был отдан соответствующий приказ. В тот день Адам впервые в полной мере осознал масштабы предстоящей операции, когда явился с докладом к начальнику штаба генерал-майору Шмидту: «В его кабинете висели сильно увеличенные аэрофотоснимки Сталинграда.

Сейчас я впервые получил ясное представление об этом городе, который обозначался на наших картах маленьким кружком. Он занимал на западном берегу Волги полосу шириной от 4 до 7 километров, а длиной свыше 60 километров. Я и не представлял себе, что этот город таких исполинских размеров».

Согласно разработанному Паулюсом плану наступления, следовало создать по обе стороны Вертячего плацдарм на восточном берегу Дона силами LI армейского корпуса, а также 295-й и 76-й пехотных дивизий, чтобы с этого плацдарма XIV танковый корпус мог выйти на Волгу к северу от Сталинграда. После прорыва оборонительной линии Красной армии LI армейский корпус должен был взять на себя обеспечение правого, а VIII армейский корпус – левого фланга танков, наступающих к Волге. XI армейскому корпусу надлежало оставаться для обеспечения флангов в излучине Дона между Мало-Клетским и Клетской; XXIV танковый корпус, у которого забрали 24-ю танковую и 297-ю пехотную дивизии, располагавший сейчас только 71-й пехотной дивизией, должен был создать силами этой дивизии плацдарм у Калача и оттуда наступать на восток.

10 сентября немецким подразделениям удалось достичь западной окраины Сталинграда. Начались бои за каждый дом, вернее, за то, что от него осталось... В это время к Паулюсу прибыл некий полковник, представившийся в качестве новоначенного коменданта Сталинграда и желавший приступить к своим обязанностям. Адам посоветовал тому запастись терпением, поскольку дальше окраины продвинуться пока так и не получилось. Паулюс и начальник штаба Шмидт, узнав о госте, который вдобавок привез с собой всех сотрудников аппарата, вознегодовали: «На что нам здесь эти люди? Комендант города, который еще не взят! Это же просто нелепо!».

Однако на самом деле Паулюс и его окружение все же были еще уверены в успехе, быть может, не стремительном, но неизбежном. Адъютант Адам получил отпуск для лечения и отправился в Германию, будучи, по его словам, уверен, что Сталинград будет взят до его возвращения. Однако, вернувшись из санатория через пять недель, он был неприятно удивлен, обнаружив штаб своего шефа на прежнем месте, а войска – еще более измотанными в ходе непрерывных боев. «За три года войны я еще не сталкивался с подобной ситуацией».

– Вы ведь сами знаете, что численность наших дивизий в большинстве случаев упала до уровня полка, – сказал тогда Паулюс. – Но это не единственная причина. Сопrotивляемость красноармейцев за последние недели достигла такой силы, какой мы никогда не ожидали. Ни один наш солдат или офицер не говорит теперь пренебрежительно об Иване, хотя еще недавно они так говорили сплошь и рядом. Солдат Красной армии с каждым днем все чаще действует как мастер ближнего боя, уличных сражений и искусной маскировки. Наша артиллерия и авиация перед каждой атакой буквально перепахивают местность, занятую противником. Но как только наши пехотинцы выходят из укрытия, их встречает уничтожающий огонь. Стоит нам достигнуть в каком-нибудь месте успеха, как русские тотчас же наносят ответный удар, который часто нас отбрасывает на исходную позицию.

– Но ведь это те же самые люди, господин генерал, которых мы в течение месяца заставляли отступать. Как объяснить это неожиданное ожесточенное сопротивление? – спросил Адам.

Паулюс ответил, что в советской 62-й армии новый командующий – генерал Чуйков, и в целом командование противника действует более целеустремленно, явно намереваясь любой ценой удержать свои позиции на западном берегу:

– Несомненно, и противник испытывает огромные трудности... 62-я армия снабжается ночью через Волгу. Однако, так как армия не имеет на западном берегу ни машин, ни лошадей, оружие, боеприпасы и продовольствие приходится переносить на руках от места разгрузки к позициям. Таким образом, войска не отдыхают ни днем, ни ночью. После разгрузки лодок на них отправляются на восточный берег раненые и больные. До сих пор нам не удавалось захватить место переправы или перекрыть реку.

Тем не менее войска Паулюса медленно продвигались вперед, захватив центр города.

Немецкий генерал Ганс Дёрр в мемуарах так описывал военные действия в северном районе Сталинграда в конце сентября: «Этот период боев... можно назвать позиционной или «крепостной войной». Время для проведения крупных операций окончательно миновало... Война перешла на изрезанные оврагами приволжские высоты... в фабричный район Сталинграда, расположенный на неровной... местности, застроенной зданиями из железа, бетона и камня. Километр

как мера длины был заменен метром... За каждый дом, цех, водонапорную башню, железнодорожную насыпь, стену, подвал и, наконец, за каждую кучу развалин велась ожесточенная борьба, которая не имела себе равных даже в период первой мировой войны с ее гигантским расходом боеприпасов. Расстояние между нашими войсками и противником было предельно малым. Несмотря на массированные действия авиации и артиллерии, выйти из района ближнего боя было невозможно. Русские превосходили немцев в отношении... маскировки и были опытнее в баррикадных боях за отдельные дома; они заняли прочную оборону».

К концу дня 14 октября немцам удалось обойти со всех сторон Сталинградский тракторный завод, бой шел прямо в цехах. Потери с обеих сторон были огромными – в эти часы армия Паулюса только на заводе потеряла убитыми около 3 тысяч человек. Наконец, немцам удалось занять территорию завода, тем самым они глубоко рассекли боевые порядки обороняющихся.

15 октября бои продолжились с той же интенсивностью. Но командный пункт генерала Чуйкова по-прежнему оставался на западном берегу Волги. Продвинуться на несколько сотен метров и захватить его войска Паулюса не смогли – свежих сил больше не было совсем.

Александр Верт, меньше писавший о частях и соединениях и больше – о людях, отмечал, что в какой-то момент произошел психологический перелом: «Письма, которые приходили от солдат, сражавшихся в Сталинграде, в огромной степени способствовали росту оптимизма. Это были частные письма, из которых совершенно ясно было видно, что, несмотря на страшное напряжение духовных и физических сил, советские солдаты стали чрезвычайно гордиться тем, что они воюют в Сталинграде. В то же время для немцев перспектива отправки в Сталинград становилась все более страшной».

В силу того что позиции противоборствующих сторон находились буквально в десятках метров друг от друга, немцам становилось все труднее применять артиллерию и авиацию, – слишком велик был риск попасть по своим.

Паулюс подозревал, что советское командование наращивает силы, готовясь к контрнаступлению. Наступившая в конце октября ясная погода позволила вести воздушную разведку, результаты которой

оказались неутешительными, свидетельствует Адам: «Красная армия значительно расширила свой плацдарм по эту сторону Дона, главным образом в районе Серафимовича. Появилось много новых мостов, частично «подводные мосты»... На огромном, длиной свыше 600 километров фланге 6-й армии стояли фронтом на север только два наших армейских корпуса и плохо оснащенные армии союзников. Не внушала спокойствия и линия фронта южнее Сталинграда. Между 4-й танковой армией и 4-й румынской армией, правыми соседями 6-й армии, с одной стороны, и германскими соединениями на Кавказе – с другой, зияла огромная брешь. На одном участке фронта протяженностью около 400 километров стояла сильно растянутая одна-единственная дивизия – 16-я моторизованная... Перед левым флангом 6-й армии и перед 3-й румынской армией, равно как и перед правым флангом 4-й танковой армии, были обозначены скопления советских частей. Генерал Паулюс положил одну руку на северное, а другую на южное скопление войск противника. Потом он сдвинул руки, словно замкнул клещи. То, что оказалось внутри клещей и надежно отрезалось от внешнего мира, были мы, наша 6-я армия...»

– Если Гитлер и сейчас в этом опасном положении наплюет на наши предложения, катастрофа неминуема, – заметил, глядя на это, полковник Эльхлепп.

– Гитлер все отверг: приостановку наступления на Сталинград и вывод XIV танкового корпуса из города. Он настаивает на своем приказе от 12 сентября и требует любыми средствами ускорить взятие города, – отозвался Паулюс.

Ранним утром 19 ноября Адама, как и всех остальных офицеров, подняли по тревоге. Еще не успев толком проснуться, он услышал далекий, но непрерывный рев канонады. Красная армия начала решающее наступление. После мощной артподготовки, громившей позиции 3-й румынской армии, две ударные армии пошли вперед с плацдарма у Клетской и Серафимовича. Румынские части были смяты, фронт прорван. Наступающие стремительно продвигались, заходя в тыл 6-й армии.

Паулюс, оценив силы, находившиеся в его распоряжении, сказал тогда:

– Я вижу только один выход из создавшегося положения: отход на юго-запад. Необходимо действовать быстро.

– Действительно ли в этом случае командование армии должно спрашивать согласие Генерального штаба? – уточнил Адам. – Ведь сейчас речь идет о 330 тысячах человек.

– Именно потому, что дело идет о том, быть или не быть всей 6-й армии, я, как вы знаете, предложил оставить Сталинград. Это было отвергнуто. Все еще остается в силе приказ, согласно которому ни один главнокомандующий группой армий или командующий армией не имеет права без разрешения Гитлера оставить населенный пункт или даже окоп. Разумеется, этим парализуется решимость всякого командующего армией. Однако на что же это похоже, если в условиях войны приказы больше не будут выполняться? Как это отразилось бы на армии? Чем большей властью обладает генерал, тем в большей мере он должен быть для своих солдат образцом в соблюдении приказов.

Паулюс был изрядно деморализован противоречием между приказом держаться до последнего и очевидностью того, что исполнение этого приказа с большой вероятностью приведет к гибели 6-й армии. Адам отмечает, что рядом с ним начальник штаба Шмидт казался удивительно энергичным: «Он находился в родной стихии, ведь снова нужно было принимать решения, отдавать приказы, проверять их выполнение. Шмидт был уверен, что, несмотря на значительные первоначальные успехи, противника удастся после перегруппировки разбить в открытом бою, и представил Паулюсу предложения, которые он разрабатывал совместно с начальником оперативного отдела».

А предлагалось следующее. XIV танковый корпус в составе танковых полков 16-й и 24-й танковых дивизий должен был форсированным маршем идти к Дону и с высоты западнее Голубинского ударить во фланг наступающим силам Красной армии. С участка VIII и LI армейских корпусов надлежало снять все свободные части, создав из них резерв 6-й армии. Паулюс утвердил эти предложения. Соответствующие приказы разослали в войска.

И тут начала поступать информация о событиях на южном фланге: там тоже пошли вперед части Красной армии. 29-я моторизованная дивизия противостоять натиску советских войск не смогла. IV армейский корпус и 20-я румынская пехотная дивизия отступили. Фронт немецких войск был прорван сразу в нескольких местах. Контратака XLVIII танкового корпуса генерал-лейтенанта Гейма была сразу же отбита. «Поступили новые угрожающие известия:

подтвердилось, что 3-я румынская армия полностью разгромлена. Брешь в нашем левом фланге увеличилась. XI армейский корпус и 14-я танковая дивизия истекали кровью в оборонительных боях. 4-я танковая армия была рассечена, ее штаб бежал на запад. Тыловые службы всех частей бежали, преследуемые советскими танковыми клиньями...»

Окружение и плен

Адам красочно описывает панику, охватившую немецкие и румынские части в зоне прорыва: «Подхлестываемые страхом перед советскими танками, мчались на запад грузовики, легковые и штабные машины, мотоциклы, всадники и гужевого транспорт; они наезжали друг на друга, застревали, опрокидывались, загромождали дорогу. Между ними пробирались, топтались, протискивались, карабкались пешеходы. Тот, кто спотыкался и падал наземь, уже не мог встать на ноги. Его затаптывали, переезжали, давили. В лихорадочном стремлении спасти собственную жизнь люди оставляли все, что мешало поспешному бегству, бросали оружие и снаряжение, неподвижно стояли на дороге машины, полностью загруженные боеприпасами, полевые кухни и повозки из обоза... Дикий хаос царил в Верхне-Чирской».

Кольцо окружения грозило вот-вот сомкнуться. Паулюс в который раз запросил разрешения на отвод войск – и снова не получил его. И когда клещи замкнулись, Гитлер запретил попытку прорыва из окружения.

– Еще 21 ноября я предложил отвести армию за Дон, – разъяснял ситуацию Паулюс. – 22 ноября и в последующие дни я повторил свое обращение в Главное командование сухопутных сил с предложением прорываться из котла. 24 ноября должен был последовать приказ о прорыве. Но из этого ничего не получилось. На совещании у Гитлера Геринг заявил, что он в состоянии снабжать 6-ю армию воздушным путем. После этого фюрер решил отклонить мое предложение.

«...6-я армия временно блокирована силами русских. Я намерен сосредоточить армию в районе севернее Сталинграда – Котлубань – высота 137 – высота 135 – Мариновка – Цыбенко – южная окраина.

Армия может быть уверена, что я сделаю все необходимое, чтобы снабжать ее и своевременно деблокировать. Я знаю храбрую 6-ю армию и ее командующего и убежден, что она выполнит свой долг.

Адольф Гитлер».

Создать воздушный мост для устойчивого снабжения окруженной армии Паулюса не удалось. Советские зенитчики, по свидетельству Александра Верта, сбивали транспортные самолеты буквально десятками.

А предпринятые наконец попытки деблокировать котел снаружи оказались тщетными, поскольку разрешения отступить от Сталинграда и пойти навстречу частям Манштейна и Гота фюрер так и не дал. «Был такой период между 19 и 23 декабря, – писал Верт, – в эти дни группа «Гот» удерживала плацдармы к северу от реки Мышкова, – когда Паулюс мог попытаться с некоторыми шансами на успех осуществить прорыв». Манштейн, как известно, готовил две самостоятельные операции – «Винтергевиттер» («Зимняя гроза»), в результате которой была бы установлена связь между группой «Гот» и войсками Паулюса; и «Доннершлаг» («Удар грома»), предусматривавшую прорыв из котла всей сталинградской группировки.

Паулюс утверждал, что для подготовки к любой из этих операций ему требовалось несколько дней; физическое состояние его войск было ужасным, они нуждались в провианте: «...требовался, по меньшей мере, десятидневный запас продовольствия для 270 тыс. человек» – ощущалась острая нехватка горючего, требовалось эвакуировать 8 тысяч раненых.

Впоследствии бывший офицер оперативного отдела Генерального штаба сухопутных войск А. Филиппи оценивал тогдашние шансы на прорыв еще более скептически: «Командование 6-й армии заявило 21 декабря, что предлагаемая операция грозит катастрофической развязкой... оно было право: попытка огромной массы людей, крайне истощенных физически, проложить себе с боями путь к реке Мышкова, для чего им надо было пройти 50 километров по заснеженным степям и сломить сопротивление свежих, нетронутых и хорошо вооруженных войск противника, могла явиться только жестом отчаяния».

Многие из окруженных подразделений потеряли свои склады с продовольствием и полевые кухни в первые же дни советского

наступления. В результате пришлось съесть всех лошадей румынской кавалерийской дивизии. «С 15 декабря хлебный паек был снижен до 100 граммов, – описывает обстановку Адам. – Два ломтика хлеба в день, жидкий суп из конины, несколько чашек горячего овощного чая или солодового кофе – и при таком питании солдаты должны были жить, драться, противостоят морозу, снегу и бурану». И даже там, где были убежища с печками, почти не было дров – деревянные постройки Сталинграда сгорели во время августовских бомбардировок, а найти топливо в заснеженной степи было невозможно.

Советское командование дважды предлагало окруженным войскам капитулировать. Оба предложения остались без ответа. В конце января Паулюс сказал адъютанту:

– Несомненно, Гитлер ожидает, что я покончу с собой. Что вы думаете об этом, Адам?

– До сих пор мы пытались препятствовать самоубийствам в армии, – возразил тот. – И мы правильно поступили. Вы тоже должны разделить судьбу своих солдат. Если в наш подвал будет прямое попадание, все мы погибнем. Однако я считал бы позорным и трусливым кончить жизнь самоубийством.

Паулюс – Гитлеру

«30 января

6-я армия, верная присяге Германии, сознавая свою высокую и важную задачу, до последнего человека и до последнего патрона удерживает позиции за фюрера и отечество.

По случаю годовщины взятия вами власти 6-я армия приветствует своего фюрера. Над Сталинградом еще развевается флаг со свастикой. Пусть наша борьба будет нынешним и будущим поколениям примером того, что не следует капитулировать даже в безнадежном положении, тогда Германия победит.

Хайль, мой фюрер.

Паулюс, генерал-полковник».

Гитлер – Паулюсу:

«Мой генерал-полковник Паулюс! Уже теперь весь немецкий народ в глубоком волнении смотрит на этот город. Как всегда в мировой истории, и эта жертва будет не напрасной. Заповедь Клаузевица

будет выполнена. Только сейчас германская нация начинает осознавать всю тяжесть этой борьбы и принесет тяжчайшие жертвы.

Мысленно всегда с вами и вашими солдатами.

Ваш Адольф Гитлер».

В тот же день, 30 января, начальник штаба Шмидт отправил на советскую сторону улицы перед универмагом, где укрывался Паулюс, переводчика-парламентера с белым флагом. Тот обратился к молодому офицеру со словами: «Прекратите огонь! У меня есть для вас чрезвычайно важное дело. Повышение и орден вам обеспечены. Вы можете пойти со мной и взять в плен командующего и весь штаб 6-й армии».

Этот офицер был старший лейтенант Федор Ильченко, который потом передавал состоявшийся разговор так: «...тот сказал мне: «Наш главный начальник хочет говорить с вашим главным начальником». На это я ему заявил: «Ну, у нашего главного начальника других дел много. Его тут нет. Придется вам иметь дело со мной». Тем временем наши продолжали обстреливать здание с другой стороны площади. Я позвал своих, и ко мне присоединилось двенадцать бойцов и два офицера. Все они, конечно, были вооружены, и немецкий офицер сказал: «Нет, наш командир просит, чтобы вошли только один или двое из вас». А я ему: «Нет уж, дудки. Один я не пойду». В конце концов, решили, что нас будет трое. И вот мы втроем входим в подвал...»

Ильченко увидел там самого Шмидта и генерал-майора Раске, которые заявили, что переговоры о капитуляции будут вести они, ибо Паулюс «со вчерашнего дня не отвечает ни на какие вопросы». Старлей удивился – то ли в руководстве 6-й армии случилось что-то вроде бунта, то ли Паулюс просто не желает снизойти до разговора с ним. Но вскоре Ильченко провели в комнату, где находился Паулюс. «Он лежал на железной койке, – вспоминал Ильченко, – в мундире, небритый, и вид у него, прямо скажем, был невеселый. «Ну, – сказал я, – конец». Он этак печально на меня посмотрел и кивнул. Когда мы вышли в соседнюю комнату, Раске сказал мне: «У меня к вам просьба. Обеспечьте, чтобы его увезли отсюда в приличном автомобиле и под надежной охраной, а то красноармейцы еще убьют его, как какого-нибудь бродягу».

До наших дней дошли слова фюрера, сказанные на совещании, которое он проводил в ОКВ 1 февраля 1943 года: «Они сдались там по всем правилам. Можно было бы поступить иначе: сплотиться, образовать круговую оборону, оставив последний патрон для себя... Если отказывают нервы... не остается ничего другого, как застрелиться...можно было бы сказать: человек вынужден застрелиться, подобно тому, как раньше полководцы бросались на меч, если они видели, что сражение проиграно... Даже Варс приказал своему рабу: теперь убей меня... Представьте себе: он (Паулюс. – *Примеч. авт.*) прибудет в Москву, и вообразите себе эту «крысоловку»! Там он подпишет все. Он будет делать признания и составит воззвания. Вот увидите: теперь они пойдут по пути бесхарактерности до предела, докатятся до глубочайшего падения... Он в ближайшее время выступит по радио, вот увидите. Зейдлиц и Шмидт будут говорить по радио. Они запрут их в крысином подвале на Лубянке, и через два дня они будут настолько измучены, что немедленно заговорят... Как они могли поступить так трусливо? Я не понимаю этого...Что такое «жизнь»? Жизнь... Отдельная личность должна умереть. Что остается от отдельного человека? Это народ. Но как может человек испытывать страх перед той секундой, когда он может освободиться от земных тягот, если долг не удержит его в юдоли печали... Мне это потому так досадно, что из-за одного-единственного слабовольного, бесхарактерного человека перечеркнуто мужество столь многих солдат, и теперь этот человек сделает это...»

Александр Верт увидел Паулюса и других плененных генералов вскоре после завершения битвы: «Первое, что бросилось в глаза, – это ордена, медали и кресты на их мундирах... Они были захвачены в плен всего несколько дней назад, и, тем не менее, вид у них был здоровый, без каких-либо признаков недоедания. Единственным человеком, плохо чувствовавшим себя, был сам Паулюс...

Паулюс вышел из большого дома, походившего скорее на виллу, взглянул на нас, затем устремил взгляд в пространство и в неловком молчании простоял так минуту или две на ступеньках вместе с двумя другими генералами (одним из них был его начальник штаба генерал Шмидт). Паулюс выглядел бледным и больным; левая щека у него нервно подергивалась. У него было больше врожденного достоинства, чем у других, и на груди его я заметил всего один-два ордена».

Взятый в плен Паулюс к 12 часам 31 января был отправлен в Бекетовку, где с ним встретился командующий 64-й армией генерал-лейтенант М.С. Шумилов, называвший его «фон Паулюсом», на что Паулюс, которого многие сослуживцы за глаза называли «Лордом», ответил, что не является дворянином. Затем состоялся разговор Паулюса с командующим Донским (пленившим немецкого фельдмаршала) фронтом генерал-полковником К.К. Рокоссовским. Он предложил Паулюсу издать приказ о капитуляции остатков его армии, дабы прекратить бессмысленную гибель солдат и офицеров. В ответ отказавшийся Паулюс заявил, поскольку он теперь пленный, то генералы 6-й армии в соответствии с поступившей директивой теперь подчиняются непосредственно Верховному Главнокомандующему сухопутных сил Гитлеру. 2 февраля 1943 года последние уцелевшие в Сталинграде немецкие солдаты и офицеры были захвачены в плен. Для них, замерзших и голодающих, это стало избавлением от мучений.

Совинформбюро сообщило о взятии в плен 91 тысячи солдат и офицеров, в Третьем рейхе был объявлен траур, в течение трех дней все немецкие радиостанции передавали похоронную музыку, в стране были закрыты все рестораны, театры, кинотеатры, все увеселительные заведения.

На Паулюса и его генералов советское правительство имело свои (пропагандистские) виды, и через несколько дней их отправили в расположенный в Подмосковье Красногорский оперативный пересыльный лагерь № 27 НКВД. Здесь фельдмаршал Паулюс, которого энкавэдисты пытались склонить к сотрудничеству, заявил: «Я являюсь и останусь национал-социалистом. От меня никто не может ожидать, что я изменю свои взгляды, даже если мне будет грозить опасность провести в плену остаток моей жизни». Этому могло быть два разумных объяснения – он еще верил в мощь Германии и что «она будет с успехом сражаться». Другая причина – не менее важная – во власти Гитлера находились его жена и дети.

В июле 1943 года в красногорском лагере по инициативе советских властей был сформирован Национальный комитет «Свободная Германия», в состав которого вошли 38 немцев, треть из которых являлась политэмигрантами из Германии. Но советскими органами было запланировано и участие пленных генералов, и поэтому через два месяца прошел учредительный съезд новой антифашистской

организации «Союз немецких офицеров», в котором приняло более ста пленных немецких офицеров. Президентом организации был избран генерал В. фон Зейдлиц, бывший подчиненный Паулюса, бывший командир 51-го корпуса, входившего в состав 6-й армии. Сам Паулюс и его коллеги, еще ранее переведенные в специальный генеральский лагерь в Спасо-Евфимиевом монастыре в Суздале, выступили против этой организации, заявив: «То, что делают офицеры и генералы, ставшие членами «Союза», является государственной изменой. Мы их больше не считаем нашими товарищами, и мы решительно отказываемся от них». Но сам Паулюс вскоре отозвал из сурового заявления свою подпись. Бывшего фельдмаршала, опасаясь, что могут похитить по приказу Гитлера, перевели в расположенное под Ивановом селение Чернцы. Летом 1944 года Паулюса, проходившего в сводках НКВД под кодовым именем Сатрап, перевели на спецобъект в Озёрах, где продолжалась его психологическая обработка с целью заставить выступить против гитлеровского режима. После того, как в Италии погиб его сын Фридрих, а многие знакомые офицеры, в том числе – адъютант, полковник В. Адам, вступили в «Союз немецких офицеров», Паулюс стал колебаться.

По мнению Сэмюэля У. Митчема, «узнав подробности антигитлеровского заговора 20 июля, фельдмаршал изменил свои взгляды. Oberst фон Штауффенберг служил под его началом в ОКХ, кроме того, Паулюс был исключительно высокого мнения и о двух других участниках заговора – фельдмаршале Эрвине фон Вицлебене и генерал-oberste Эрихе Хепнере. 8 августа 1944 года, в тот самый день, когда Вицлебен и Хепнер были повешены, Паулюс впервые выступил по радио с антифашистским заявлением, призывая сражавшиеся на Восточном фронте германские армии повернуться против Гитлера. В тот же день гестапо арестовало всю его семью...»

Паулюс подписал свое обращение «К военнопленным немецким солдатам и офицерам и к немецкому народу», в котором осуждался Третий рейх и его главари: «Считаю своим долгом заявить, что Германия должна устранить Адольфа Гитлера и установить новое государственное руководство, которое закончит войну и создаст условия, обеспечивающие нашему народу дальнейшее существование и восстановление мирных и дружественных отношений с нынешним противником». 12 августа Паулюс стал членом «Союза немецких

офицеров», а затем – Национального комитета «Свободная Германия». С тех пор Паулюс стал регулярно выступать по радио, подписывать листовки и другие пропагандистские материалы, в которых немецких солдат и офицеров призывали сдаваться и переходить на сторону Советов.

После окончания Великой Отечественной войны оставленный в СССР в плену Паулюс в 1946 году побывал на Родине – он был отправлен советской стороной в качестве свидетеля на Нюрнбергский процесс. В воспоминаниях очевидцев говорится о том, что его появление на процессе стало неожиданностью для находившихся на скамье подсудимых В. Кейтеля, А. Йодля и Г. Геринга, причем некоторые из германских военачальников за это свидетельство обвинили Паулюса в низости и предательстве.

После процесса бывший фельдмаршал побывал в Тюрингии и встретился с родственниками. Затем его, как «личного пленника» Сталина (так и не разрешившего Паулюса, в отличие от многих других немецких военачальников, отдать под суд), вернули в СССР и разместили на комфортабельной даче в Томилино. Здесь у него были свой врач, повар и адъютант. Заболевшего военачальника отправляли на лечение в Ялту, передавали письма и посылки от родных, но отказывались отпустить домой. Он так и не смог увидеться с женой, умершей в 1949 году в Баден-Бадене в Западной Германии. Лишь спустя более чем полгода после смерти Сталина, 24 октября 1953 года, Паулюс в сопровождении ординарца Э. Шульте и личного повара Л. Георга был отправлен в Берлин. Но до этого возвращения бывшему фельдмаршалу пришлось уверить руководителя ГДР В. Ульбрихта, что он собирается жить исключительно в Восточной Германии. Кроме того, в день, когда Паулюс покидал пределы Советского Союза, где он пленником провел более десяти лет, в газете «Правда» было опубликовано его заявление, в котором он говорил о необходимости мирного сосуществования государств с различным строем, о светлом будущем социалистической Германии, и том, что он покидает СССР как друг.

В ГДР он поселился на тщательно охраняемой вилле в элитном районе Дрездена. Он был назначен на должность руководителя военно-исторического центра. Занимался преподавательской работой, читал лекции о военном искусстве и Сталинградской битве, от физических и

психологических последствий которой так до конца жизни и не смог оправиться. Свои письма к руководству ГДР, демонстрируя лояльность, он подписывал как «генерал-фельдмаршал бывшей германской армии». Критиковал правительство ФРГ, выступая на встречах бывших участников Второй мировой войны, осуждал империализм и реваншизм, пытался защитить свою военную репутацию от многочисленных нападок.

Умер Фридрих Паулюс 1 февраля 1957 года, накануне очередной годовщины гибели его армии под Сталинградом.

Герман Гот. «Папа Гот»

Герман Гот родился 12 апреля 1885 года в Нойруппине в семье военного медика. Получил образование в кадетском корпусе, в 1904 году начал военную службу в качестве фенриха в 72-м пехотном полку. Через год получил звание лейтенанта. Учился в военной академии, начиная с апреля 1914 года служил в Генеральном штабе. Первую мировую войну закончил в должности начальника оперативного отдела штаба 30-й пехотной дивизии.

В период между войнами служил на различных командных и штабных должностях. В ноябре 1938 года произведён в генералы пехоты, формировал 15-й армейский корпус, которым и командовал в процессе Польской кампании. Во время войны с Францией возглавлял танковую группу «Гот». В июле 1940 года стал генерал-полковником, а в ноябре того же года возглавил 3-ю танковую группу, являющуюся одной из двух танковых армий группы «Центр».

В начале войны против СССР именно 3-я танковая группа Гота, вместе со 2-й танковой группой Гудериана, была основной ударной силой группы армий «Центр». Группа Гота вела наступление через Прибалтику и Белоруссию в направлении Москвы.

Во главе танковой группы

Решение командующего 3-й танковой группой было сформулировано в его директиве о развертывании от 12 марта 1941 года и в уточняющем приказе от 24 мая 1941 года, оно сводилось к следующему: «3-я танковая группа, находясь во временном оперативном подчинении командования 9-й армии и имея целью ускорить продвижение левого фланга группы армий, сбивает вражеское охранение западнее р. Неман и овладевает переправами у Меркине, Алитус и Приенай. Не дожидаясь подхода дивизий второго эшелона, танковая группа наносит удар по группировке противника, которая предположительно сосредоточена в районе Вильнюса, и отрезает ее от Минска. С целью обхода противника у Минска с севера 3-я танковая группа выходит на рубеж Молодечно – озеро Нарочь, находясь в готовности повернуть отсюда на восток в направлении на Борисов с

тем, чтобы совместно со 2-й танковой группой, продвигающейся на Минск с юго-запада, уничтожить находящегося у Минска противника или же перейти в параллельное преследование в верхнем течении Западной Двины в направлении Витебск и севернее».

Гот писал свои мемуары много лет спустя после окончания войны, причем строил их как учебное пособие, поэтому в них мало имен и много анализа событий и объяснений, почему поход на Восток окончился катастрофой, и кто в этом виноват. «Чрезвычайно непритязательный, привыкший к большим нагрузкам русский солдат был дисциплинирован и хорошо обучен. Он мастерски умел приспосабливаться к местности, прежде всего в обороне. В германской армии, в отличие от партийных инстанций, не строили никаких иллюзий относительно стремления русского солдата бежать от большевистского режима».

Тем не менее, по словам Гота, перед началом войны у него и его сослуживцев не было никаких сомнений в техническом превосходстве германской армии. «Русские бронетанковые войска были сведены в механизированные бригады и несколько танковых дивизий. Танковых корпусов еще не было. Только некоторым стрелковым дивизиям были приданы устаревшие танки. Отсюда вывод, что Россия еще не усвоила опыта оперативного использования крупных танковых соединений. Превосходила ли наша танковая пушка по пробивной способности и дальности стрельбы орудия русских танков – на этот вопрос нельзя было ответить определенно, но мы на это надеялись. Незадолго до начала войны Гитлер сам имел неопределенные сведения о сверхтяжелом русском танке. В начале июля мы встретились с этим танком юго-восточнее Витебска».

Гот утверждал, что еще в начале 1941 года у руководства вермахта не было современных на тот момент карт советской территории, а абсолютное большинство географических описаний и планов относилось ко времени перед Первой мировой войной. «Выяснилось, что ранее никто не предполагал возможности войны с Россией... В частности, по выданным картам редко можно было установить, какие дороги и мосты пригодны для движения по ним автомашин и танков. Нередко приходилось указывать войскам дороги, не зная, окажутся ли они проходимыми».

И если в совершенство своих танков Гот и его люди верили, то о значимости автомобилей для передвижения по русским просторам, казалось, даже и не подозревал никто в вермахте. В результате имевшиеся машины в абсолютном большинстве оказались непригодны для Восточного фронта.

Гот впоследствии даже подозревал русских в намеренном поддержании территории на западных рубежах в непригодном для разворачивания боевых порядков состоянии: «Здесь, на границе с собственно Россией, местность специально запущена, чтобы отпугивать оккупантов...»

22 июня в три с чем-то часа ночи четыре корпуса танковой группы Гота при поддержке артиллерии и авиации пересекли границу СССР. «В первый день наступление проходило полностью по плану, – констатировал Гот. – Стратегическое нападение, несмотря на сосредоточение больших масс войск вдоль всей советско-германской границы в ночь перед наступлением, увенчалось успехом. Для 3-й танковой группы явилось большой неожиданностью то, что все три моста через Неман, овладение которыми входило в задачу группы, были захвачены неповрежденными. Пленный русский офицер-сапер рассказал, что он имел приказ взорвать мосты в Алитусе в 13.00. 57-й танковый корпус натолкнулся в этой лесистой и богатой озерами местности на многочисленные обороняемые препятствия и заграждения, которые сначала сильно задерживали продвижение. Однако во второй половине дня нам удалось овладеть Меркине и предотвратить разрушение моста через реку Неман».

Но уже на следующий день легкости заметно поубавилось. Причину Гот видел не в действиях Красной армии и не в ошибках своих войск или высшего командования, а в трудностях, связанных с условиями местности. До осенних дождей было далеко, генерал Мороз тоже еще не вступал в сражение, однако сухие дороги тоже не пришлись по вкусу немецкой технике: «Моторизованным соединениям предстояло в этот день продвигаться по холмистой песчаной местности, покрытой густым девственным лесом, по местности, где, пожалуй, еще не появлялась автомашина. Все обозначенные на карте шоссе, ведущие с запада на восток, оказались полевыми дорогами. Движение по ним (особенно автомашин французского производства) было почти невозможно. Машины, проходя по глубокому песку или преодолевая

крутые подъемы, все время застревали и останавливали всю следующую за ними колонну...» Объехать застрявших было негде – кругом вековая чаща. И даже небольшое подразделение Красной армии, удачно занявшее позицию на повороте или вершине холма, могло надолго остановить бронированную колонну. Плюс атаки с флангов и тыла, да еще начавшиеся от взрывов лесные пожары. Кое-где красноармейцы намеренно поджигали лес, вынуждая немцев спасать от огня технику и емкости с горючим. Пыль от множества танков и машин смешивалась с едким дымом, превращаясь в сплошную тяжелую пелену.

Гот намеревался продолжать параллельное преследование в направлении на Витебск, обеспечивая прикрытие соединений от контратак Красной армии со стороны Минска и Лиды. О чем он и доложил командующему группой армий «Центр» фон Боку. Гот разработал подробный план действий, но тут из штаба группы армий «Центр» пришла радиограмма, в которой сообщалось, что главнокомандующий сухопутными силами фон Браухич его идею отклонил, предписав танковой группе от Вильнюса и южнее его повернуть к Минску и озаботиться там окружением частей Красной армии. «Этот приказ произвел в штабе 3-й группы, который уже дал указание о перемещении командного пункта из Алитуса в Вороново, ошеломляющее впечатление, – вспоминал Гот. – Все усилия последних дней, направленные на то, чтобы обогнать противника и обеспечить левому крылу группы армий захват междуречья на участке Витебск – Орша, оказались напрасными».

Пытаясь настоять на своем, Гот отправил к фон Браухичу представителя главного командования сухопутных сил, состоявшего при его штабе в качестве офицера связи. Но и этот «рассудительный подполковник Генерального штаба» ничего не добился: «Начальник Генерального штаба сухопутных сил, которому обо всем доложил подполковник, имел другую точку зрения, чем командующий группой армий «Центр» и командующий 3-й танковой группой. Опасаясь, что противник сможет прорваться через Минск на север, он предложил наряду с созданным пехотными соединениями 4-й и 9-й армий «внутренним» кольцом окружения, включающим Новогрудок, образовать подвижными соединениями «внешнее» кольцо вокруг Минска».

28 июня части 3-й танковой группы ворвались в Минск и вскоре захватили город полностью. Вскоре начались контратаки Красной армии, которой не удалось отбить Минск, но зато немцам приходилось теперь постоянно выделять значительные силы для прикрытия флангов. «От одной заботы, которая волновала ОКХ перед войной, немецкое командование было освобождено, – мрачно замечал Гот, – противник не помышлял о том, как бы ему уйти «в бескрайние русские просторы». Своими контратаками он останавливал наше наступление, упорным сопротивлением препятствовал охвату или сражался до последнего. Решающее сражение до сих пор так и не произошло».

Впоследствии Гот постоянно сетовал, что Гитлер не понял всех возможностей танковых соединений и не использовал их в полную силу. А фюрер, по словам самого же Гота, «...жаловался, что сухопутные силы (в противоположность военно-воздушным силам Геринга) не поняли, что войска, получившие благодаря мотору способность покрывать большие расстояния, должны использоваться не для решения задач отдельных армий или групп армий, а исключительно для достижения целей верховного командования. При этом он говорил о «корыстных планах некоторых групп армий». Во всяком случае, в конце июня Гитлер ничего не сделал для использования подвижных соединений согласно своей идее».

Вдобавок, утверждал Гот, Гитлер никак не мог прийти к какому-то четкому решению относительно того, кому и куда следует наступать после завершения приграничных боев. «Почти в это же самое время Гитлер в своей Ставке обсуждал новые и старые планы. Он опять не пришел ни к какому решению. Более того, 3 июля Гитлер заявил, что как только 4-я танковая армия выйдет к Смоленску, необходимо будет решить, повернуть ли ей на северо-восток для захвата Ленинграда или на восток для наступления на Москву, или на юго-восток для выхода к Азовскому морю... Гитлеру понадобилось еще шесть недель, прежде чем он принял твердое решение».

И тут, не дожидаясь осени, начались дожди. «Если раньше войска и машины сталкивались на марше с трудностями, связанными с преодолением песков, пыли и жары, то теперь неукрепленные дороги превратились в бездонные болота, где безнадежно вязли тяжелые машины. И вместо быстрого, как надеялись, овладения Витебском 7-й танковой дивизии, наступавшей в первом эшелоне 39-го танкового

корпуса, потребовалось два дня для того, чтобы добраться до Лепеля, то есть пройти 90 километров».

Но Верховное командование, да и сам Гот пока еще были настроены сугубо оптимистично. Впоследствии танковый генерал назовет собственный приказ, изданный в первых числах июля и определяющий ход наступления 4 и 5 июля, «образцом, показывающим, какие последствия влечет за собой неправильная оценка обстановки». Впрочем, в эти дни даже «очень рассудительный и трезво мыслящий» начальник Генерального штаба Гальдер писал в дневнике: «Не будет преувеличением, если я скажу, что кампания против России выиграна в течение 14 дней».

Поэтому на донесения о перегруппировке частей Красной армии Гот поначалу не обратил особого внимания, тем более что силы вермахта «неожиданно быстро» форсировали Западную Двину, захватили плацдарм... «Но переправившаяся на северный берег пехота была остановлена контратаками крупных сил противника из Полоцка и с северо-запада. С трудом отражая многочисленные контратаки противника и налеты его авиации, дивизия смогла удержать и в последующие дни несколько расширить плацдарм. О дальнейшем продвижении и соединении с 39-м танковым корпусом нечего было и думать даже тогда, когда освободившиеся под Минском части 14-й моторизованной дивизии прибыли 5 июля на плацдарм для усиления... Между Бешенковичами и Витебском наступавшая впереди 7-я танковая дивизия натолкнулась на сильное сопротивление противника...»

Доклад командующего 3-й танковой группой Г. Гота командующему 4-й танковой армией вечером

«7 июля 1941 года

Вернувшись вечером 7 июля из Уллы, где началась наводка моста, в штаб группы, расположенный в Лепеле, командующий 3-й танковой группой получил следующую информацию.

1. Данные воздушной разведки. Переброска войск через Орел, Брянск на Гомель. Движение железнодорожных составов в восточном и западном направлениях на участках Ржев – Великие Луки и Вязьма – Витебск. С железнодорожных станций в этих районах – движение небольших колонн в различных направлениях, главным образом на запад.

В районах Витебска, Городка, Полоцка – значительное количество зенитной артиллерии.

2. Радиоразведкой обнаружен в районе Орши штаб новой армии противника.

3. Данные штаба 2-й танковой группы. Противник 6 июля форсировал Днепр южнее Рогачева и атаковал войска танкового корпуса, действующего на южном крыле группы. Противник остановлен. Западнее Рогачева и Могилёва противник удерживает плацдармы. Под Оршей противник находится на западном берегу Днепра. В районе Сенно значительные силы противника, в том числе большое количество тяжелых танков, атаковали 17-ю танковую дивизию. Бои продолжаются. 18-я танковая дивизия ведет бои в районе Толочина. Командующий группой решил: 10 и 11 июля силами трех корпусов форсировать Днепр в районах севернее Рогачева, севернее Могилёва и южнее Орши с одновременным выводом из боя частей, действующих на флангах группы, то есть в районах Рогачева и Сенно.

4. Донесение командира 39-го танкового корпуса. Перед фронтом 7-й танковой дивизии противник активности не проявляет. Один из танковых полков в районе Сенно отбил атаки танков противника, которые отошли в южном направлении. В бою подбито четыре 50-тонных танка противника. 20-я моторизованная дивизия на рассвете 8 июля достигла города Лепель. Из показаний пленного офицера установлено, что под Уллой сосредоточены части новой дивизии, прибывшей с Урала.

5. Донесение командира 57-го танкового корпуса. Части, действующие на плацдарме в районе Диены, отражают ожесточенные атаки противника из района Полоцка.

6. Донесение командира 12-й танковой дивизии. Со второй половины дня 8 июля дивизия находится в районе севернее Витебска в готовности к выстулению.

7. Штаб 9-й армии сообщил, что 10 июля передовые части 5-го армейского корпуса овладели Докшицами, 6-го корпуса – Глубоким и 23-го корпуса – Лужсками.

8. 4-я танковая группа 7 июля начала наступление в направлении на Ленинград. Ее 56-й танковый корпус наступает через Сольцы на

Новгород, а 41-й танковый корпус – из района Острова через Псков на Лугу».

На следующий день после этого доклада Гот невесело констатировал: «Положение противника выяснилось. Противник на всем участке фронта готовится к боям...»

Танковое сражение юго-западнее Витебска разворачивалось с 6 по 10 июля 1941 года между немецкими 2-й и 3-й танковыми группами 4-й танковой армии группы армий «Центр» и двумя советскими механизированными корпусами 20-й армии Западного фронта.

15 июля 7-я танковая дивизия 3-й танковой группы Гота вышла на Московское шоссе в районе Ярцево, а 29-я моторизованная дивизия 2-й танковой группы Гудериана, наступавшая со стороны Копысь, ворвалась в Смоленск. Таким образом, Витебск стал дном нового «котла».

Утром 13 июля Гот сообщил адъютанту Гитлера, посетившему его штаб: «За первые три недели боев войска 3-й танковой группы понесли большие потери, которые, однако, меньше потерь войск, действовавших на Западном фронте. Так, потери 19-й танковой и 14-й моторизованной дивизий в общей сложности составляют только 163 офицера и 3422 унтер-офицера и солдата. Тем не менее, физическое напряжение личного состава, вызванное сильной жарой, пылью, плохими условиями расквартирования и недостатком сна, значительнее, чем на Западе. Кроме того, моральный дух личного состава подавлен огромной территорией и пустынностью страны, а также плохим состоянием дорог и мостов, не позволяющим использовать всех возможностей подвижных соединений. Значительное влияние на состояние морального духа личного состава оказывает также упорное сопротивление противника, который неожиданно появляется повсюду и ожесточенно обороняется».

Натиск на Москву

Гот еще говорил, что его люди чувствуют свое превосходство над противником, и отмечал, что у русских ощущается недостаток хорошего управления войсками. Но при этом уже отмечал: «Упорство русского солдата объясняется не только его страхом перед комиссаром,

оно находит свое обоснование и в его мировоззрении. Для него эта война носит характер отечественной войны».

И тут фон Браухич в очередной раз озадачил Гота, сломав его планы наступать в направлении на Торопец или Ярцево, двигаясь к Москве. Командующий сухопутными силами во время доклада Гитлеру сообщил о своем намерении направить 3-ю танковую группу на помощь южному крылу группы армий «Север». Фюрер это решение одобрил: «Главное заключается не в наступлении на Москву и вообще не в захвате территории, а в уничтожении живой силы». Для вящего разнообразия в ситуацию вмешался командующий группой армий «Центр» фон Бок, который позвонил начальнику Генерального штаба Гальдеру, настаивая, что идти теперь надо все-таки прямо на Москву, а под Великими Луками никакой значимый результат достигнут не будет.

Оказалось, что окружение частей Красной армии под Смоленском не обеспечили 3-й танковой группе свободы маневра в восточном направлении, как это произошло под Минском. Гот объяснял это так: «Под Минском со стороны русских не предпринималось сколько-нибудь серьезных попыток оказать окруженным дивизиям помощь извне; русские ограничились тем, что создали новый рубеж сопротивления несколько сотен километров восточнее Минска, за Днепром и Западной Двиной. Иначе было под Смоленском. Наши передовые части, продвигавшиеся на восток, уже под Ярцевом и на реке Вопь натолкнулись на сопротивление сосредоточившихся остатков частей противника, избежавших окружения; вскоре противник, подтянув свежие силы, предпринял ряд ожесточенных атак с целью восстановления связи с окруженными войсками».

Итог первого месяца войны в интерпретации Гота выглядел совсем неутешительно для наступающей стороны: «В середине июля на всем северном участке Восточного фронта инициатива перешла на сторону противника... Если в центре разгром находившихся в Белоруссии войск противника удался неожиданно быстро и полно, то на других направлениях успехи были не столь велики. Например, не удалось отбросить на юг противника, действовавшего южнее Припяти и западнее Днепра, Попытка сбросить прибалтийскую группировку в море также не увенчалась успехом. Таким образом, оба фланга группы армий «Центр» при продвижении на Москву подверглись опасности оказаться под ударами, на юге эта опасность уже давала о себе знать...»

Гитлер, по словам Гота, совершенно замучивший командующих своим «мелочным вмешательством» и привычкой «характеризовать неизбежные неудачи на фронте злонамеренными действиями отдельных командиров», вдруг спохватился, что ситуация развивается как в Первой мировой, что чревато стабилизацией линии фронта и затяжными позиционными боями. О чем фюрер и объявил 5 августа фон Браухичу. И Готу была срочно поставлена задача выбить советские войска с занимаемых ими позиций, дабы обеспечить движение вперед: «3-я танковая группа должна овладеть Валдайской возвышенностью и тем самым увлечь за собой войска левого крыла группы армий «Центр». Дальнейшее ее продвижение на восток в качестве флангового прикрытия группы армий «Север» запрещается, однако она должна стоять там, готовая для прыжка в направлении на Москву вдоль Волги».

Гот, который, как и Гудериан, только-только начал отводить отдельные дивизии для отдыха и доукомплектования, доложил, что 3-я танковая группа будет готова не раньше 20 августа. «Оба командующих просили о замене полностью вышедших из строя танков новыми машинами. Гитлер отклонил их просьбу, мотивируя свой отказ тем, что угроза высадки десантов не позволяет отводить танковые соединения с Запада. Он пообещал передать обеим танковым группам 400 моторов, но этого было недостаточно. О своих дальнейших планах Гитлер выразился неопределенно». А 15 августа последовало распоряжение: «Группе армий «Центр» дальнейшее наступление на Москву прекратить. Из состава 3-й танковой группы немедленно передать группе армий «Север» один танковый корпус (одну танковую и две моторизованные дивизии), так как наступление там грозит захлебнуться». По мнению Гота, проблемы не были столь значительными, но пришлось подчиниться. А чехарда перегруппировок продолжалась: «Несколько недель спустя 41-й танковый корпус, до этого успешно наступавший на Ленинград, вынужден был остановиться и отойти в момент, когда он находился в непосредственной близости от города. Его передали 3-й танковой группе для участия в наступлении на Москву, которое все же решили провести в начале октября. Было просто немыслимо создать себе правильную картину происходящего и как-то разобраться в этом непрерывном движении».

При этом район, определенный для наступления группе Гота, оказался, по его мнению, категорически не подходящим для использования танков вообще: «Непрерывные дожди, превратившие глинистую почву Валдайской возвышенности в болото, сделали богатую лесами и озерами, но не имеющую развитой сети дорог холмистую местность явно непригодной для использования на ней моторизованных соединений. Таким образом, в сравнении с тяжелыми потерями в людях и технике, которые понес корпус, оперативная выгода нового подчинения была незначительной. Валдайская возвышенность осталась в руках противника».

Зато Готу довелось успешно поучаствовать в операции, стоившей Красной армии жестокого поражения и серьезных потерь под Вязьмой. Особенностью вяземского котла Гот называет его целенаправленное формирование в отличие от других котлов, возникавших почти спонтанно в ходе наступления. «Прорыв был осуществлен с неожиданной легкостью 2 октября, при сухой погоде. 8-й авиационный корпус вновь оказал наземным войскам эффективную поддержку. Сопrotивление противника на участке прорыва танков было менее упорным, чем мы ожидали. Танковые части 56-го танкового корпуса быстро прорвались через лесистый район вдоль реки Вопь, на полпути между Новоселками и Холмом. Упорные бои развернулись юго-западнее Холма. Сюда с юга подошла танковая бригада русских, которая сражалась не на жизнь, а на смерть. Эти бои задержали форсирование Днепра. На 4 октября 6-я и 7-я танковые дивизии прорвались по уцелевшим мостам на восточный берег, подавили сопротивление противника и повернули на Вязьму. 6 октября 7-я танковая дивизия вышла на автостраду и оказалась в тылу противника, слишком поздно начавшего отход на восточный берег Днепра. 7 октября 10-я танковая дивизия 4-й танковой группы соединилась в районе Вязьмы с левофланговым полком 7-й танковой дивизии. К этому времени 56-й танковый корпус создал уже сплошной фронт окружения на участке от Вязьмы до Днепра (восточнее Холма). Ожесточенные ночные атаки противника, пытавшегося прорваться на этом участке на восток, успеха не имели...»

14 октября 3-я танковая группа захватила Калинин. И на этом везение кончилось. «Дождь лил днем и ночью, дождь шел непрерывно, попеременно со снегом. Дороги размокли, и движение приостановилось.

Недостаток боеприпасов, горюче-смазочных материалов и продовольствия определял тактическую и оперативную обстановку последующих трех недель». О катастрофе под Москвой Гот предпочитал впоследствии не вспоминать, сославшись на то, что она подробно описана в трудах других мемуаристов. Но полностью от ее анализа он не удержался: «Нам хотелось бы высказать свое мнение лишь по одному вопросу, который напрашивается в заключение: имело ли немецкое командование основание после завершения сражений под Брянском и Вязьмой рассчитывать на успешное продолжение операций по окружению Москвы в середине октября? Мы должны ответить на этот вопрос отрицательно».

Среди причин такого ответа Гот называет, конечно же, ужасы русского межсезонья, не говоря уж о зиме, огромные расстояния, плохие дороги и собственных бестолковых интендантов...

«Но даже если отбросить трудности времени года, военная обстановка сложилась к тому времени не столь благоприятная, как это казалось. 2-я танковая группа после участия в крупнейшей по своим масштабам битве под Киевом, не имея возможности привести в порядок боевую технику, выбивалась из последних сил. Вызывало сомнение, сможет ли она решить свою задачу – овладеть Тулой... 3-й и 4-й танковым группам, имевшим задачу блокировать Москву с севера, предстояло еще преодолеть канал Москва – Волга и Волжское водохранилище юго-восточнее Калинина; 4-я танковая группа натолкнулась под Можайском на первые переброшенные с Дальнего Востока подкрепления. 3-я танковая группа из-за недостатка горючего растянулась между Вязьмой и Калинином, застряла на этом участке, ввязалась под Калинином в тяжелые бои и уже тогда испытывала недостаток в боеприпасах. Крупные по численности боеспособные силы противника, сосредоточенные на левом берегу Волги северо-западнее Ржева, нависли над ее флангом...»

В дальнейшем Гот участвовал во Второй Харьковской битве, был среди тех, кому предполагалось прорвать кольцо окружения под Сталинградом. Но вызволить армию Паулюса ему не удалось, а одна из дивизий армии Гота попала в сталинградский котел и была уничтожена. А через полгода после боев на Курской дуге, где 4-я танковая армия под командованием Гота участвовала в знаменитой битве под Прохоровкой, инициатива была утеряна вермахтом окончательно. После отступления

немецких войск с Украины и потери Киева Гитлер отправил Гота в отставку.

8 мая 1945 года Гот был арестован американцами, а в октябре 1948 года приговорен Нюрнбергским трибуналом к 15 годам тюрьмы: будучи командиром 17-й армии, он призывал своих подчиненных способствовать силовому решению «еврейского вопроса». На свободу вышел в апреле 1954 года.

Скончался Герман Гот 25 января 1971 года в Госларе.

Эвальд фон Клейст. Единственный немецкий фельдмаршал, умерший в советском плену

Эвальд фон Клейст появился на свет 8 августа 1881 года в Браунфельс-на-Лане, Гессен. Выходец из аристократического прусского рода, в котором было много офицеров. Отец Эвальда, фон Клейст Гуго, доктор философии, был директором гимназии в городе Аурих. Эвальд обучался в гимназии, военном училище, в девятнадцать лет поступил фанен-юнкером в 3-й артиллерийский полк. Через несколько месяцев получил звание лейтенанта. В 1904 году Клейст назначен на должность адъютанта батальона. В 1909 году окончил кавалерийское училище в Ганновере, в 1912 году – Военную академию. В 1910 году Клейсту было присвоено звание обер-лейтенанта. В декабре 1911 года стал офицером 10-го гусарского полка. Был произведён в ротмистры, назначен на должность командира эскадрона 1-го гусарского полка. С первых дней Первой мировой войны сражался на Восточном фронте, отличился в битве под Танненбергом (так называемая «самсоновская операция»), крупным сражением между русской и германской армиями в ходе Восточно-Прусской операции. Германские войска под командованием Пауля фон Гинденбурга и Эриха Людендорфа нанесли поражение 2-й армии под командованием генерала Александра Самсонова. 4 октября 1914 года Клейст был награжден Железным крестом 2-го класса. Спустя три месяца был отмечен Железным крестом 1-го класса. В октябре 1915 года переведен в штаб дивизии, затем – в штаб корпуса. В январе 1917 года назначен начальником оперативного отдела штаба гвардейской кавалерийской дивизии.

На полях Первой мировой

По собственным словам Клейста, он участвовал в боях с русскими войсками в Восточной Пруссии, в Польше и в Белоруссии, и вовремя переговоров о Брест-Литовском мире осенью 1917 года дивизия, в которой он служил, была отозвана в Германию, где Клейст находился до весны 1918 года, а затем был направлен во Францию, где служил в должности офицера Генерального штаба при штабе 225-й дивизии. Был

произведен в капитаны. В 1917 года у Клейста родился сын Эвальд, спустя четыре года – Генрих. В сентябре 1918 года назначен начальником оперативного отдела штаба 7-го армейского корпуса. Клейст также был награжден баварским орденом «За военные заслуги» 4-го класса, гамбургским Ганзейским крестом и австро-венгерским крестом «За военные заслуги» 3-го класса, а затем – Почётным крест ветерана войны.

После поражения Германии и подписания Версальского договора армия была несколько раз сокращена, но Клейста в числе лучших офицеров оставили служить в рейхсвере. С 1920 году он нес службу в кавалерии, а через три года Клейст был переведен в Ганноверское кавалерийское училище. В 1927 года Клейст был назначен начальником штаба 2-й кавалерийской дивизии, располагавшейся Бреслау, а через несколько месяцев Клейста назначили начальником штаба 3-й пехотной дивизии. В октябре 1929 года Клейсту присвоено звание полковника. В 1931 году получил повышение – он стал командиром 9-го пехотного полка, базирующегося в Потсдаме. Через несколько месяцев занял должность командира 2-й кавалерийской дивизии, сменив на этом посту одного из известных германских генералов – Герда фон Рундштедта. Клейст получил звание генерал-майора, а в октябре 1933 года ему было присвоено звание генерал-лейтенанта. В 1933–1935 годах Клейст занимал штабные и командные должности в 8-м военном округе (Бреслау). Командовал 8-армейским корпусом и 8-м военного округа в Бреслау. В августе 1936 года Клейсту было присвоено звание генерала кавалерии.

В январе 1938 года в Третьем рейхе разразился скандал, вызванный делом Фрича – Бломберга. Генерал-фельдмаршал и военный министр Вернер фон Бломберг, шестидесятилетний вдовец, 12 января 1938 года женился на никому не известной стенографистке из управления снабжения. В роли свидетелей выступили Гитлер и его заместитель ГОД Геринг. Позже выяснилось, что фотографии новоявленной фрау Бломберг хранятся в картотеке полиции нравов. Бломберг был вынужден подать в отставку. Фрич, являвшийся главнокомандующий сухопутными войсками, обвиненный в тайном пороке и тщетно требовавший разбирательства, последовал за Бломбергом. В результате произошло изменение формы командования немецкими вооруженными силами, Гитлер стал Верховным главнокомандующим вермахта.

Многие немецкие офицеры, в первую очередь монархически настроенные и не одобрявшие, тайно или явно, нацизм, были уволены из армии. Была проведена и «чистка» германского генералитета, и монархист (по убеждениям) Клейст 4 февраля 1938 года был отправлен в отставку. По его собственным словам, в это время жил в своем имении, находившемся в Нижней Силезии, расположенном в семи километрах от города Бреслау. Клейст был снова призван на военную службу перед самым началом Второй мировой войны – в августе 1939 года его назначили командиром 22-го армейского моторизованного корпуса, 26 августа 1939 года сформированного в XII военном округе. В сентябре 1939 года корпус под командованием Клейста в составе 14-й армии генерала В. Листа успешно участвовал в боевых операциях на юге Польши, захватил нефтедобывающий район под Львовом. За Польскую кампанию Клейст был награжден 17 сентября 1939 года Пряжкой к Железному кресту 2-го класса и спустя десять дней – Пряжкой к Железному кресту 1-го класса.

Танковый рейд по Европе

В марте 1940 года 22-й корпус был переименован в танковую группу фон Клейста, включен в состав группы армий «А» и перебазирован на Запад. Группа Клейста, де-факто являющаяся одной из первых танковых армий (в ее состав входили пять танковых дивизий из десяти, имевшихся на тот момент у Третьего рейха), наряду с танковой группой «Гот». Войска под командованием Клейста отличились во время Французской кампании, участвуя в боях на Сомме, в Бордо. Танковая группа Клейста, реализуя план, разработанный Эрихом фон Манштейном, после того, как сумела преодолеть труднопроходимые Арденнские горы, прорвала англо-французский фронт на реке Маас, совершив стремительный танковый обходной маневр, ставший неожиданностью для противника. 22 мая 1940 года части танковой группы «Клейст» заняли Булонь. На следующий день немецкими войсками был занят порт Кале. Передовые немецкие части оказались в 16 километрах от Дюнкерка. В результате к берегу в районе Дюнкерка оказались прижаты англо-французские войска. Танковая группа под командованием Клейста завершила образование Дюнкерского котла. Дюнкерк оказался последним французским портом,

через который разгромленные английские и французские части могли эвакуироваться в Британию. Именно тогда произошло так называемое «Чудо под Дюнкерком» – 24 мая 1940 года немецкие войска по личному приказу А. Гитлера («не приближаться к Дюнкерку ближе, чем на 10 км» и не использовать против блокированной группировки танки) на двое суток прекратили свое наступление. Получившие передышку союзники начали операцию «Динамо» – часть бельгийских и французских войск и большая часть уцелевшей на континенте английской армии были вывезены на британских кораблях через Дюнкерк. На английскую землю вступило 337 тысяч англичан и их союзников. Но немцам досталась почти вся английская и французскую артиллерия и бронетехника, а также транспортные средства: 2472 артиллерийских орудий, почти 65 тысяч автомашин, 20 тысяч мотоциклов, 68 тысяч тонн боеприпасов, 8 тысяч пулеметов и около 90 тысяч винтовок.

За разгром англо-французских войск Клейст был награжден Рыцарским крестом Железного креста (за номером 15), высшим орденом Третьего рейха. Далее, как отвечал Клейст на допросе в апреле 1949 года в Москве: «...после занятия Дюнкерка моя группа была расчленена на три танковых группы: группу генерала пехоты Хот, «группу Клейста» и группу генерала танковых войск Гудериана, которые двинулись в глубь Франции.

«Группа Клейста» под моим командованием двинулась на юго-восток, пройдя левее Парижа, повернула на юго-запад, и в конце июня 1940 года достигла франко-испанской границы, заняв город Биарриц.

К этому времени война с Францией была закончена, и я со своим штабом, который опять получил свое прежнее название, то есть XXII корпусной штаб, выехал в гор. Суасси близ Парижа, где до ноября 1940 года ожидал нового назначения...

В ноябре 1940 года мой штаб был отозван в гор. Дрезден, где был переименован в штаб 1-й группы, и получил задание инспектировать все находившиеся в Германии вновь созданные моторизованные дивизии...»

16 ноября 1940 года танковая группа Клейста стала официально именоваться 1-й танковой группой. В апреле 1941 года она была направлена в Югославию и Грецию. 7 апреля 1941 года входившие в состав 1-й танковой группы части 11-й танковой дивизии захватили

город Ниш и двинулись на Белград, стараясь первыми войти в югославскую столицу, но были опережены солдатами из мотоциклетной разведывательной роты моторизованной дивизии СС «Рейх», принявшими капитуляцию города.

Спустя годы, 17 августа 1951 года, находясь в плену в Москве и отвечая на вопросы следователя, бывший фельдмаршал Клейст так рассказывал о событиях, предшествующих началу Великой Отечественной войны: «за несколько дней до нападения Германии на Советский Союз я получил от фельдмаршала Рундштедта письменный приказ, в котором говорилось, что в скором времени в определенный день и час войска 6-й и 17-й немецких армий перейдут советскую границу и прорвут линию советской обороны.

По этому приказу я был обязан принять на себя командование группировкой танковых войск, состоявшей из 3-го и 14-го танковых корпусов и танкового корпуса «Кемпф», и в прорвавшийся фронт русской обороны вклиниться в глубь советской территории для отражения контратаки русских танковых соединений и уничтожения их. Выполняя этот приказ, я 23 или 24 июня 1941 года вторгся на советскую территорию с указанными выше танковыми соединениями и двигался в направлении Дубно и Ровно, не занимая самих городов...»

Киевский котел

С первых дней Великой Отечественной войны 1-я танковая группа под командованием Клейста, входившая в состав группы армий «Юг», участвовала в претворении в жизнь плана «Барбаросса». В июне 1941 года в состав 1-й танковой группы, воевавшей на Украине, входили: 3-й армейский моторизованный корпус, 14-й армейский моторизованный корпус, 48-й армейский моторизованный корпус, 29-й армейский корпус (состоявший из 299-й и 111-й пехотных дивизий). Приданные подразделения включали в себя: 311-я артиллерийская дивизия, 531-й полк тылового обеспечения, 1-й интендантский полк, 1-й полк связи. Кроме того, в резерве 1-й танковой группы находились 9-я танковая, 16-я и 25-я моторизованные дивизии и два элитных соединения дивизии СС «Викинг» и «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер».

1-я танковая группа участвовала в битве за Дубно – Луцк – Броды (другие названия – битва за Броды, танковое сражение под Дубно – Луцком – Ровно), ставшем одним из крупнейших танковых сражений не только Великой Отечественной, но и Второй мировой войны. В первый же день войны, 22 июня 1941 года, 1-я танковая группа Клейста, прорвавшись на стыке позиций 5-й армии генерала Потапова и 6-й армии Музыченко, ударила на Радехов и Берестечко. Через несколько часов передовые части немцев (11-я танковая дивизия, которая на момент нападения на СССР насчитывала 166 танков – 91 средний, 44 легких, 20 командирских и 11 саперных, командир – генерал-майор Людвиг Крювель) подошли к реке Стырь (правый приток Припяти), оборону на которой занимала 131-я моторизованная дивизия 9-го мехкорпуса, командовал которым генерал Рокоссовский. В это время три советские мехкорпуса, находившиеся в резерве, получили приказ штаба фронта выдвинуться северо-восточнее Ровно и нанести удар совместно с 22-м механизированным корпусом по левому флангу танковой группы фон Клейста и разгромить ее.

На рассвете 24 июня части 13-й немецкой танковой дивизии (командир – генерал-майор Вальтер Дюверт) были атакованы танкистами 20-й танковой дивизии полковника Катукова, входящей в состав 9-го мехкорпуса Рокоссовского. В плен было захвачено около трехсот немцев. В ходе боев 24 июня советская дивизия потеряла 33 танка БТ («быстроходных танков», называемых в Красной армии «бэтэшка»), уже к началу войны устаревших советских легких колесно-гусеничных танков 1930-х годов. Эти танки значительно уступали по маневренности и вооружению немецким танкам.

В этот же день 11-я танковая дивизия захватила город Радзехув и успешно отразила атаки советской 10-й танковой дивизии. 25 июня части 11-й дивизии, ворвавшиеся в город Дубно со стороны Млынова, вступили в бой с оставшимися работниками НКВД, попавшими в окружение. Немецкими войсками были захвачены 23 – 203-мм гаубицы Б-4 артиллерийского полка РКК (резерва Главного командования). На следующий день немцы, атакованные 43-й танковой дивизией, отошли от города и через несколько часов, выйдя к реке Горынь, захватили город Острог.

Чтобы разгромить 1-ю танковую группу, советское командование бросило в бой превосходящие по силе части. На Радзехов выдвинулся

15-й мехкорпус (на тот момент численность личного состава составляла 33 935 человек, командир – генерал-майор Игнатий Иванович Карпезо), но уже по дороге часть танков была уничтожена немецкой авиацией, а часть из-за поломок не смогла двигаться дальше. Перед началом военных действий корпус насчитывал 733 танка, но большинство из них (418) были БТ-7 – легкие колесно-гусеничные танки. На 7 июля 1941 года в корпусе было в наличии 66 танков, а на 1 августа 1941 года – только 15 танков, причем согласно донесениям, отстало в пути и пропало без вести 230 танков. Солдатам и офицерам 15-го мехкорпуса удалось уничтожить 20 танков и бронемашин и 16 противотанковых орудий немцев.

24 июня передовые части 19-го мехкорпуса (численность личного состава составляла 22 654 человек, 458 танков, командир корпуса – генерал-майор танковых войск Николай Владимирович Фекленко) вышли на реку Икву в районе Млынова. Части корпуса подвергались вражеским атакам с воздуха. На 7 июля в 19-м корпусе осталось в наличии 66 танков, на 15 июля – всего 33 танка.

Подошедший форсированным маршем 8-й мехкорпус (численность личного состава 31 927 человек, количество танков (по разным источникам) – 858 (932), командир корпуса – генерал-лейтенант Дмитрий Иванович Рябышев) с ходу вступил в бой, понеся тяжелые потери. Многие танки из-за поломок в дороге (был пройден путь в 500 км – из-за противоречивых приказов командования корпус несколько раз менял места дислокации) и нехватки горючего так и не смогли «своевременно» дойти до места боевых действий. 27 июня 1941 года в корпусе насчитывалось 541 танк и в выделенной группе бригадного комиссара, замполита корпуса Николая Кирилловича Попеля (34 тд, с усилением) имелось 238 танков. На 7 июля в корпусе насчитывалось только 43 танка.

Но танковой группе под командованием Клейста удалось нанести поражение этим корпусам. Причинами победы было не только то, что танкисты Клейста имели боевой опыт в современной войне, а сам Клейст был проницательным военачальником. Ошибку допустило советское командование, отвергнув предложение начальника штаба Юго-Западного фронта генерала Пуркаева об отводе корпусов и создании сплошной линии обороны, а затем – контратаке. Все три советских мехкорпуса вступали в бой с немцами по мере прибытия без

взаимной координации, причем некоторые части Красной армии вообще не успели принять участие в этом запланированном командованием контрударе. К тому же большая часть машин пострадала во время авиационных налетов на марше. По мнению Юрия Лубченкова, известного военного историка, боевая обстановка сложилась так, «что штабу фронта не удалось собрать для мощного удара одновременно все резервные корпуса и каждому из них приходилось вступать в бой по очереди. В результате сильнейшая танковая группировка РККА утратила свою ударную мощь еще до того, как возникла действительно критическая фаза боев на южном фланге советско-германского фронта. Тем не менее штабу фронта удалось на время сохранить целостность своих войск, но, когда силы танковых частей были на исходе, штаб отдал приказ об отступлении на старую советско-польскую границу. Несмотря на то, что эти контрудары не привели к разгрому 1-й танковой группы, они вынудили немецкое командование вместо наступления на Киев повернуть ее основные силы для отражения контрудара и использовать преждевременно свои резервы. Танковые соединения противника понесли тяжелые потери и до конца июня оставались на рубеже Дубно – Ровно. Советское командование выиграло время для отвода находившейся под угрозой окружения львовской группировки войск и подготовки обороны на подступах к Киеву». Оказавшийся в окружении 8-й мехкорпус, прорвав немецкие заслоны, отошел на рубеж Золочевских высот. Отряд бригадного комиссара Попеля, оставшийся в немецком тылу, занял круговую оборону в районе Дубно. 2 июля, приняв решение прорываться, уничтожив оставшуюся технику, покинули город. Впоследствии из окружения вышли, пройдя по немецким тылам более двухсот километров, свыше тысячи солдат и офицеров Красной армии. Без вести пропало более пяти тысяч воинов.

В результате к 29 июня сражение под Луцком – Ровно – Бродами завершилось, имевшие преимущество в танках советские мехкорпуса понесли большие потери в боевой технике и живой силе, и 1-я танковая группа под командованием Клейста продолжила наступление. Генерал-полковник Франц Гальдер так оценивал произошедшие военные действия в своих мемуарах: «1 июля 1941 года. 10-й день войны. Обстановка на фронте: На фронте группы армий «Юг» – 17-я армия успешно продвигается. 14-й моторизованный корпус, действующий на

левом фланге 17-й армии, продвигается в восточном направлении. Инцидент в районе Дубно, видимо, исчерпан. 8-й русский танковый корпус окружен. По-видимому, у него не хватает горючего. Противник врывает танки в землю и таким образом ведет оборону. На северном крыле группы армий 11-я танковая дивизия, как и следовало ожидать, не может продвинуться. Продвигается по-прежнему одна лишь 13-я танковая дивизия. 14-я танковая и 25-я моторизованная дивизии следуют за ней. Подтягивание пехотных дивизий, которые необходимы как для наступления на фронте, так и для прикрытия фланга с севера и востока в случае поворота группы армий на юг, идет крайне медленно...»

7 июля 11-я танковая дивизия заняла Чуднов и Бердичев. На следующий день ей пришлось оборонять захваченный город от атак советского 16-го механизированного корпуса и остатков других мехкорпусов. Бои продолжались в течение пяти дней. 10 июля 1-я танковая группа захватила Житомир, находящийся в 150 км от Киева, 16 июля был захвачен Казатин. Советские войска, действовавшие на Юго-Западном направлении под командованием Буденного (назначенного 10 июля), насчитывавшие около полутора миллионов человек, были сосредоточены в районах Умани и Киева. Но не успел Буденный принять командование, как между группировками Красной армии вклинилась 1-я танковая армия, обошедшие Умань с севера. С юга Умань обошли части 17-й армии под командованием генерала Штюльпнагеля. 2 августа войска под командованием Клейста соединились с частями 17-й армии, окружив в районе Умани крупную группировку войск Южного и Юго-Западного фронтов Красной армии, что привело к образованию так называемого «Уманского котла». Спустя несколько часов немцы усилили окружение вторым кольцом, образованным силами 16-й танковой дивизии и Венгерским корпусом. В немецкое окружение попали двадцать дивизий 6-й и 12-й армий Южного фронта. К 8 августа сопротивление большинства частей, попавших в окружение, прекратилось. Попавшие в плен советские солдаты и офицеры были размещены в созданном на территории карьера около города Умань концлагере (неофициально названном «уманской ямой»). Генерал-полковник Франц Гальдер так описывал произошедшие события:

20 июля 1941 года (воскресенье). 29-й день войны

«Начальник оперативного отдела подполковник Винтер сделал доклад об обстановке. Общая картина соответствует имеющимся у нас данным. Новое – описание огромных трудностей передвижения, которые встречает на своем пути танковая группа Клейста. Например, 11-я танковая дивизия движется на Умань тремя подвижными эшелонами: 1) гусеничные машины с посаженной на них пехотой; 2) конные повозки с пехотой, которые следуют за гусеничными машинами; 3) колесные машины, которые не могут двигаться по разбитым и покрытым грязью дорогам и поэтому вынуждены оставаться на месте».

1 августа 1941 года. 41-й день войны

«Обстановка на фронте: Группа армий «Юг»: 17-я армия и 1-я танковая группа успешно ведут бои на окружение войск противника. На отдельных участках фронта 17-й армии противник оказывает упорное сопротивление. На фронте 11-й армии положение без изменений. Наш 54-й армейский корпус медленно продвигается вперед. Русские части, расположенные вблизи побережья, введены в бой против фланга 11-й армии. Эти бои обещают быть длительными».

3 августа 1941 года. 43-й день войны

«Обстановка на фронтах: Группа армий «Юг». Паршивая погода! Сулившие вначале успех бои по окружению группировки противника задерживаются ливнями, которые повлекли за собой уменьшение подвижности моторизованных соединений. Несмотря на это, имеются все основания полагать, что нам удастся добиться решающего успеха. 10–12 окруженных дивизий противника будут, видимо, полностью разбиты. Решающую роль в ходе будущих боев сыграет то, какое количество сил противника сумеет прорваться на юго-восток. У Кировограда русские бросили в контратаку одну из новых дивизий, замеченных нашей авиаразведкой (223-ю дивизию). Контратака была отбита».

7 августа 1941 года. 47-й день войны

«Обстановка на фронте: Группа армий «Юг»: 1-я танковая группа усилила рубеж вдоль Буга вводом сюда 9-й танковой дивизии. В

остальном наши войска продвигаются в соответствии с намеченным планом, встречая лишь незначительное сопротивление противника. Не большее сопротивление противник оказывает перед фронтом группы Шведлера и в районе киевских укреплений, где он вводит в бой части, не подвергшиеся нашим атакам на западном участке Киевского фронта. Кроме того, противник оказывает сопротивление войскам северного фланга 51-го армейского корпуса.

Окруженная (юго-восточнее Умани) войсками нашей 17-й армии группировка противника едва ли сможет оказать серьезное сопротивление».

8 августа 1941 года. 48-й день войны

«Обстановка на фронтах: Группа армий «Юг»: Операции на фронте 11-й, 17-й армий и 1-й танковой группы развиваются удовлетворительно. В плен кроме командующего 12-й русской армией захвачен еще и командующий 6-й русской армией. Продвижению войск препятствуют прошедшие вчера ливни.

На стыке между войсками Клейста и Шведлера противник прорвался до Богуслава. Следует обратить внимание на смелость противника при проведении операции на прорыв. Образовавшийся прорыв говорит не только о смелости и дерзости противника, он создает и ряд неудобств для наших войск. Строительный батальон, а также подведенные запасные батальоны (полевые запасные батальоны дивизий) безуспешно пытались остановить противника. Этот прорыв противника является следствием недостаточной глубины построения наших наступающих войск. Нужно учесть всю рискованность такого положения...»

После проигранной Красной армией «битвы под Уманью» Клейст и другие немецкие военачальники получили возможность провести операцию на окружение Юго-Западного фронта.

30 июля была выпущена директива ОКВ № 34, которая предписывала группе армий «Юг» продолжать наступательные операции с целью уничтожить крупные силы советских войск западнее Днепра и посредством захвата плацдармов на Днестре дать возможность для последующей переправы 1-й танковой группы на восточный берег реки.

Тем временем произошло изменение планов руководства Третьего рейха – 18 августа начальник Генштаба сухопутных войск Германии Франц Гальдер представил на утверждение Гитлеру, Верховному Главнокомандующему вермахта, готовый план нанесения удара на Москву силами группы армий «Центр» под командованием фон Бока, но через два дня план был отклонен. Вместо этого на следующий день, 21 августа 1941 года, Гальдером была получена от Гитлера директива, меняющая план всей Восточной кампании.

«Предложение главного командования сухопутных войск от 18.8 о продолжении операций на Востоке расходится с моими планами. Я приказываю следующее:

1. Важнейшей задачей до наступления зимы является не захват Москвы, а захват Крыма, промышленных и угольных районов на реке Донец и блокирование путей подвоза русскими нефти с Кавказа. На севере такой задачей является окружение Ленинграда и соединение с финскими войсками.

2. На редкость благоприятная оперативная обстановка, сложившаяся в результате выхода наших войск на линию Гомель, Почеп, должна быть незамедлительно использована для проведения операции смежными флангами групп армий «Юг» и «Центр» по сходящимся направлениям. Целью этой операции должно являться не только вытеснение за Днепр 5-й русской армии частным наступлением 6-й армии, но и полное уничтожение противника, прежде чем его войска сумеют отойти на рубеж Десна, Конотоп, Сула. Тем самым войскам группы армий «Юг» будет обеспечена возможность выйти в район восточнее среднего течения Днепра и своим левым флангом совместно с войсками, действующими в центре, продолжать наступление в направлении Ростов, Харьков.

3. От группы армий «Центр» требуется, чтобы она, не считаясь с планами последующих операций, бросила на проведение вышеупомянутой операции такое количество сил, которое обеспечило бы выполнение задачи по уничтожению 5-й русской армии и в то же время позволяло группе армий отражать атаки противника на центральном направлении на таком рубеже, оборона которого потребовала бы минимального расхода сил.

Решение выдвинуть левый фланг группы армий «Центр» на возвышенность у Торопца и сомкнуть его с правым флангом группы армий «Север» остается без изменений.

4. Захват Крымского полуострова имеет первостепенное значение для обеспечения подвоза нефти из Румынии. Всеми средствами, вплоть до ввода в бой моторизованных соединений, необходимо стремиться к быстрому форсированию Днепра и наступлению наших войск на Крым, прежде чем противнику удастся подтянуть свежие силы.

5. Только плотная блокада Ленинграда, соединение с финскими войсками и уничтожение 5-й русской армии создадут предпосылки и высвободят силы, необходимые для того, чтобы согласно Дополнению к директиве № 34 от 12.8 можно было предпринять успешное наступление против группы войск Тимошенко и разгромить их».

Спустя два дня после подписания Гальдер лично доставил директиву в штаб группы армий «Центр», выслушав критику за нее. Таким образом, вместо скорейшего взятия Москвы часть сил группы армий «Центр» повернула на юг, чтобы участвовать в разгроме советского Юго-Западного фронта. 1-я танковая группа под командованием Клейста заняла переправу через Днепр в районе Днепропетровска, создав угрозу захвата Донбасса. 23 августа подразделения 11-й танковой дивизии совместно с 191-м дивизионом штурмовых орудий захватили Окуниновский (Печкинский) автодорожный мост на Днепре севернее Киева. После этого немцы прорвались к городу Остер на реке Десна. Генерал-полковник Франц Гальдер так описывал произошедшие события в своих мемуарах:

5 сентября 1941 года, 76-й день войны.

«Обстановка на фронте: Группа армий «Юг». Войска расширили захваченные плацдармы. Им удалось также отбросить за Днепр части противника, прорвавшиеся у Берислава. Стало очевидно, что войска 17-й армии и 1-й танковой группы не имеют перед своими плацдармами сколько-нибудь значительных сил противника. Пока еще нет данных о том, что противник усилил свой южный фланг свежими соединениями».

10 сентября 1941 года, 81-й день войны.

«Обстановка на фронте: Группа армий «Юг». 11-я армия продолжает продвигаться вперед. 17-я армия овладела районом переправ у Кременчуга и сможет быстро навести здесь второй 16-тонный мост, что обеспечит с утра быстрое выдвижение вперед танковой группы Клейста. На этот участок фронта противник, по-видимому, подбрасывает через Харьков одну свежую дивизию с танками. Одновременно отмечено движение в направлении Харькова колонн эвакуированных и беженцев, а также транспортных колонн с промышленным оборудованием. Войска 6-й армии на широком фронте форсируют Десну».

Тем временем 17-я армия вермахта (в состав входили 4-й армейский корпус, 52-й армейский корпус и 49-й горный корпус, командующий армией – генерал пехоты Карл-Хайнрих фон Штюльпнагель) перешла через Днепр у Кременчуга. 10 сентября Кременчугский плацдарм был передан войскам 1-й танковой армии, которые утром следующего дня начали с него наступление, прорвав оборону 38-й армии. Нанеся дополнительный удар на Полтаву, ударная группировка 1-й танковой армии, не встретив серьезного сопротивления, прошла за двенадцать часов более семидесяти километров.

12 сентября главнокомандующий Южным направлением маршал Будённый был отстранен от должности за предложение отвести войска и сдать Киев. Сменивший его маршал Тимошенко заявил Сталину, что Киев будет удержан. Но в этот же день, 13 сентября, 3-я танковая дивизия Моделя из 2-й танковой группы под командованием Хайнца Гудериана подошла к Лохвице с севера. Между 1-й и 2-й немецкими танковыми армиями оставался 40-километровый коридор, который они не могли ликвидировать из-за сильного сопротивления обороняющихся частей Красной армии. Но 14 сентября к Лохвице с юго-востока подоспела 9-я танковая дивизия из 1-й танковой группы под командованием Клейста и 15 сентября немецкое кольцо окружения замкнулось. В него попали пять советских армий (5-я, 21-я, 26-я, 37-я) и управление Юго-Западного фронта. Клейст и Гудериан совершили самое крупное за войну окружение вражеских войск. Федор фон Бок, генерал-фельдмаршал, командующий группы армий «Центр», в своем дневнике в этот день записал: «Кольцо вокруг противника,

оказавшегося между внутренними крыльями групп армий «Центр» и «Юг», сомкнулось. Передовые части 1 – й танковой группы (Клейст) установили контакт с танковой группой Гудериана на юге от Лохвицы. Так что эту стадию «Битвы за Киев» можно назвать чрезвычайно успешной.

Но главные силы русской армии продолжают, как и раньше, удерживать свои позиции перед моим фронтом. Вопрос, сможем ли мы быстро их разбить и добиться победы над русскими до наступления зимы, остается открытым...»

Утром 19 сентября советские войска оставили Киев. 20 сентября сводная колонна штабов Юго-Западного фронта и 5-й армии подошла к хутору Дрюковщина, расположенному в 15 км юго-западнее Лохвицы, но была атакована и разгромлена частями немецкой 3-й танковой дивизии. Большинству из группы, в которой было восемьсот командиров, не удалось прорваться к своим. К 24 сентября немцам удалось захватить в плен свыше шестисот тысяч советских солдат и офицеров. В результате битвы под Киевом осложнилось положение советского Южного фронта, немецким войскам открылись дороги на Восточную Украину, в Приазовье и Донбасс. Кристофер Эйлсби, специалист по операциям германской армии во Второй мировой войне и на Восточном фронте, в своем труде отмечает, что в разгроме есть доля вины и советских военачальников: «Бесконечные приказы из Москвы «атаковать!» очень облегчали задачу немцам на первом этапе операции «Барбаросса». На юге, например, командующий фронтом генерал-полковник М.П. Кирпонос бросил танковый корпус в бой сразу же по его прибытии на фронт. Советские танковые экипажи, измотанные и обессиленные в результате постоянных атак люфтваффе, не могли соперничать с танкистами 1-й танковой группы генерала фон Клейста».

6 октября 1941 года 1-я танковая группа Клейста была переименована в 1-ю танковую армию и по-прежнему входила в группу армий «Юг» под командованием генерал-фельдмаршала Рундштедта. После взятия Киева 1-я танковая армия направилась к Ростову-на-Дону. Заставив части Красной армии, державшие оборону на Днепре, отойти к Запорожью, войска под командованием Клейста направились на восток, а затем, свернув на юг, зашли в тыл 18-й армии Южного

фронта, которая угрожала с востока 11-й армии под командованием генерала Манштейна.

5 октября войска под командованием Клейста вышли к Азовскому морю в районе города Бердянска, окружив основные силы 18-й советской армии, располагавшиеся у села Черниговка. После пяти дней боев 18-я армия была разбита, ее командующий, генерал-лейтенант А.К. Смирнов был убит, а в немецкий плен попало почти сто тысяч красноармейцев. Продолжая движение на восток вдоль азовского побережья, 1-я танковая армия 17 октября захватила Таганрог, а через одиннадцать дней немецкие танки вышли к берегам реки Миус, являвшейся последней водной преградой перед Ростовом-на-Дону. Но в результате упорной обороны Красной армии, а также наступившей осенней распутицы и нехватки горючего для танков танковой армии пришлось замедлить свое продвижение. По мнению командующего группы «Юг» Герда фон Рундштедта, в преддверии скорой суровой русской зимы дальнейшее наступление следует отложить, он предложил Гитлеру отвести войска на зиму на естественный рубеж обороны на р. Миус. Разрешения на отвод не получил, но своей властью командующего группой армией «Юг» Рундштедт отдал приказ к отходу. За это он был отстранен Гитлером от командования. Новым командующим группой «Юг» был назначен Вальтер фон Райхенау. Так из-за личного вмешательства Гитлера, настаивавшего на продолжении движения вперед, 1-я танковая армия 17 ноября продолжила свое наступление на Ростов-на-Дону, и 21 ноября немецкие войска полностью захватывают город, открывавший путь на Кубань и Кавказ. Но удержать Ростов немцы не смогли – через четыре дня советские войска под командованием маршала Тимошенко освободили город...

Клейст в своих показаниях, данных на допросе в Москве 9 апреля 1949 года, сказал о полученных приказах и последующих действиях своей танковой армии следующее: «В конце ноября мне был дан приказ прорвать двумя танковыми корпусами фронт советских войск в районе Ростова, пройти как можно глубже в расположение советских войск и разведать боем силы противника на фронте против группы «Юг». Одновременно мне было приказано уничтожить мосты через Дон для того, чтобы помешать накоплению советских войск на этом участке фронта.

Прорвав фронт, XIV корпус я направил на северо-восток для сдерживания советских войск, а III корпус – на Ростов, который и был мною захвачен.

Продержавшись в Ростове 2–3 дня, я под давлением советских войск вынужден был отойти за реку Миус, потеряв при этом большое количество танков и личного состава. Поставленная задача, однако, была выполнена, мосты взорваны и разведано, что русские имеют на этом участке фронта большое количество войск и техники.

До февраля 1942 года группа «Юг» не вела активных боевых действий. В феврале 1942 года советские войска, прорвав фронт между VI и XVII армиями в районе Барвенково – Изюм, глубоко вклинились в расположение наших войск и создали угрозу перерезать железную дорогу, по которой шло снабжение для всей армейской группировки «Юг».

Бои за ликвидацию русского прорыва продолжались до мая – июня, после чего наши войска произвели перегруппировку для летнего наступления».

После неудачного сражения за Ростов-на-Дону военная карьера Клейста, как и многих других немецких военачальников, не сумевших выполнить приказы (порой невозможные) Гитлера, могла раз и навсегда закончиться. Но помощь Клейсту пришла с той стороны, откуда он и не ожидал, – от одного из деятелей СС. Сэмюэл У. Митчем, известный американский историк, в своем исследовании «Командиры Третьего рейха» отмечает, что именно «Зепп Дитрих (оберстгруппенфюрер СС и генерал-полковник войск СС. – *Примеч. авт.*) сыграл выдающуюся роль в сражении под Ростовом. После этого сражения (кстати, проигранного немцами) Гитлер прибыл в южную часть России с намерением сместить с поста генерал-полковника Эвальда фон Клейста, командующего 1-й танковой армией. Но Дитрих выступил в пользу Клейста и упрямо заявил фюреру, что это он, Адольф Гитлер, а не Клейст виноват в неудаче. Он также добавил, что другая ошибка Гитлера заключалась в том, что он снял с поста фельдмаршала фон Рундштедта за намерение провести эвакуацию Ростова несколькими днями раньше. Мужественное вмешательство Дитриха спасло карьеру Клейста...»

Путь на Кавказ

В мае 1942 года 1-я танковая армия под командованием Клейста принимала участие в отражении советского наступления под Харьковом (операция «Фредерикус», также называемая Второй харьковской битвой). В сражении приняли участие армии трех советских фронтов – Брянского, Юго-Западного и Южного под руководством главнокомандующего войсками Юго-Западного направления Маршала Советского Союза Тимошенко. 12 мая войска начали наступление, планируя осуществить окружение и разгром 6-й армии вермахта в районе Харькова, и в дальнейшем – прижав отсеченную после освобождения Харькова группу армий «Юг» к Азовскому морю, разгромить ее. Через пять дней после начала наступления частям Красной армии удалось почти вплотную подойти к Харькову. А тем временем, пользуясь бездействием частей правого фланга Юго-Западного фронта, группа Клейста начала перегруппировку, и 17 мая она сумела нанести внезапный удар в тыл наступающим советским частям. Через несколько часов после начала контрнаступления группа Клейста прорвала оборону 9-й армии Южного фронта. Спустя пять дней путь отхода Красной армии на восток был отрезан. В результате значительная часть войск ударной группировки Красной армии оказалась в окружении в треугольнике Мерефа – Лозовая – Балаклея. С 25 мая начались многочисленные попытки советских войск вырваться из окружения, получившего название «барвенковской западни». Бои продолжались до 31 мая. Прорваться к своим удалось примерно десятой части из числа окруженных красноармейцев. В плен попало около двухсот тысяч советских солдат и офицеров.

В результате разгрома советских войск под Харьковом оборона в полосе Южного и Юго-Западного фронтов оказалась ослабленной, и по приказу Гитлера началась подготовка к новому наступлению, не удавшемуся для немцев осенью – зимой 1941 года – на Кавказ и на Волгу (план «Блау»).

После сражения под Харьковом Гитлером было принято решение о разделе группы армий «Юг» на две – «А» и «Б». Группе армий «Б», сформированной 9 июля 1942 года на юге Восточного фронта из соединений левого крыла группы армий «Юг», ставилась задача захвата Сталинграда и выхода к Волге. Группе армий «А» под командованием фельдмаршала Листа ставилась задача захвата Северного Кавказа. 23 июля 1942 года план соответствующей операции, получившей название

«Эдельвейс», был утвержден Гитлером. 24 июля немцами вновь был полностью захвачен Ростов-на-Дону, и группа армий «А», в которую входила и 1-я армия под командованием Клейста, начала переправу через Дон и движение на Кавказ, к нефтяным скважинам. Но уже через месяц наступления, недовольный его темпами, Гитлер снял Листа с должности командующего группы армий «А» и стал командовать группой армий лично. При этом всеми оперативными вопросами управления армиями занимался бывший начальник штаба Листа, Ганс фон Грейфенберг. В ноябре 1942 года, когда развернулись боевые действия в районе Сталинграда, Гитлер назначил 21 ноября командующим группой армий «А» командовавшего 1-й армией Клейста. В группу армий «А», помимо 1-й танковой армии, входила также 17-я армия генерала Р. Руоффа.

К этому времени армии группы «А» располагались в предгорьях Северного Кавказа и вышли к реке Терек. Но стало ясно, что «Операция Эдельвейс» к тому времени провалилась – группа армий «А» понесла большие потери (около ста тысяч убитыми), а для группы армий «Б» под Сталинград из группы армий «А» стали перебрасывать отдельные части. Ослабленным войскам группы армий «А» так и не удалось прорваться в Закавказье и на Ближний Восток, расчеты Гитлера на то, что Турция вступит в войну на стороне Германии, не оправдались.

К тому же именно через Ростов-на-Дону, оказавшийся в опасной близости от советских войск, и проходила единственная связь группы армий «А» с остальными частями Восточного фронта. При таких условиях немцы не могли удержаться на Кавказе, но Гитлер долго колебался и лишь 27 декабря 1942 года разрешил группе армий под командованием Клейста, уже уступающей противостоящим им советским войскам в численности личного состава и боевой техники, при необходимости отступить.

1 января 1943 года Южный фронт начал наступление на ростовском и сальском направлениях, вследствие чего, чтобы не попасть в окружение, 1-й танковой армии пришлось отходить в направлении на Ставрополь. Спустя день началось наступление Северной группы Закавказского фронта, и, хотя Клейсту удалось вывести часть немецких войск из-под удара и избежать окружения, к

середине января Красной армии удалось освободить города Минеральные Воды, Пятигорск, Кисловодск.

1 февраля 1943 года Клейст за умелое руководство войсками в ходе боев за Кавказ и Кубань был произведен в чин фельдмаршала. В этот же день Гитлер подтвердил назначение Клейста командующим группы армий «А». Немцам пришлось оставить Кавказ и занять рубеж обороны на Таманском полуострове – «Кубанская линия», который они смогли удержать до конца августа 1943 года. С 3 сентября по 9 октября продолжалась эвакуация немецких войск с Кубани. Отдельные части были отправлены под Мелитополь в помощь Манштейну.

Отставка

К 1 апреля 1944 года, по собственным словам Клейста, войска группы армий «А» находились в следующих местах: 17-я армия была отрезана в Крыму, 6-я армия – на реке Южный Буг, здесь же находились румынские войска. В этот день Клейст по приказу Гитлера был снят с должности командующего группой армий «А». Так объясняет одновременное снятие с должностей Клейста и Манштейна генерал Курт фон Типпельскирх в своем капитальном труде «История Второй мировой войны», впервые вышедшем в далеком 1954 году: «Постоянное вмешательство Гитлера в действия командования обеих групп армий и его непрерывные возражения против своевременного отвода немецких войск с безнадежных участков, чрезвычайно затруднявшие руководство боевыми действиями и приводившие всякий раз к бессмысленным жертвам, привели к исключительному обострению отношений между ним и командующими группами армий – фельдмаршалами фон Манштейном и фон Клейстом. Их признали виновниками поражений немецких войск в марте и заменили фельдмаршалом Моделем и генерал-полковником Шёрнером, от которых Гитлер ожидал, что они будут действовать со всей решительностью и в соответствии с его указаниями. Одновременно обе группы армий были переименованы в группы армий «Северная Украина» и «Южная Украина». Географически новые наименования, по крайней мере, в отношении южной группы армий, уже не соответствовали действительности. Кроме того, Гитлер издал директиву, смысл которой сводился к следующему. Наступление

русских на юге прошло свою кульминационную точку, их силы измотаны и распылены. Поэтому наступил момент окончательно остановить продвижение противника. С этой целью он, Гитлер, принял целый ряд самых различных мер. Отныне, наряду с сохранением Крыма, необходимо во что бы то ни стало удерживать, а в ряде пунктов вернуть себе рубеж, проходящий по Днестру до района восточнее Кишинева, Яссы, далее по восточным отрогам Карпат между Тыргу-Нямц и Коломыей и затем поворачивающий на север на Тернополь, Броды, Ковель...»

После снятия с должности командующего Клейст был зачислен в резерв ОКВ, причем ему сохранили звание и денежное содержание, и он отправился в свое имение. После покушения на Гитлера, совершенного 20 июля 1944 года, среди множества высокопоставленных военных, был арестован гестапо и фельдмаршал Клейст, обвиненный в том, что знал о существовании заговора и не сообщил властям об этом. Однако он был освобожден и вернулся домой.

Плен и суды

25 апреля 1945 года он был арестован американскими войсками в деревне Мительфельз и на следующий день помещен в лагерь для военнопленных близ города Аугсбурга. Оттуда через несколько дней Клейст был переведен в город Висбаден – на виллу, где содержались под стражей двадцать высших немецких военачальников. Затем Клейст был отправлен в Лондон и помещен в генеральский лагерь в его окрестностях. В июне 1946 года Клейста отправили в качестве свидетеля на Нюрнбергский процесс, где он давал письменные показания. Затем Клейста вернули в Лондон, откуда отправили в Вену, где и передали югославским войскам. 1 сентября 1946 года Клейст оказался в белградской тюрьме, где был несколько раз допрошен касательно его действий в войне против этой страны в 1941 году.

4 августа 1948 года на закрытом процессе Клейст был признан виновным и приговорен к 15 годам каторжных работ. Клейст подал кассационную жалобу и в течение семи месяцев ждал ответа на нее. И результат был следующим.

«Приговор второй инстанции Верховного военного суда в Белграде в отношении генерал-фельдмаршала Э. фон Клейста. 4 марта 1949 г.

*Приговор второй инстанции Верховного военного суда в Белграде в отношении генерал-фельдмаршала Э. фон Клейста. 4 марта 1949 г.
Белград*

*Перевод с сербского
Верховный военный суд*

II Суд № 1189/48

4 марта 1949 года

ИМЕНЕМ НАРОДА

Верховный военный суд в Белграде в составе: полковника Милие Лаковича – председателя суда, подполковника Михаила Янковича и майора Добривоя Бабича – членов суда, при участии в качестве секретаря суда капитана Тодора Попадича, рассмотрев во второй инстанции апелляционную жалобу обвиняемого фон Клейста Эвальда по поводу приговора военного суда в Белграде, суд № 268/48, согласно которому обвиняемый за целый ряд преступлений, предусмотренных ст. 3 п. 3 закона о преступной деятельности, направленной против народа и государства, осужден на 15 лет лишения свободы с использованием на принудительных работах, согласно статьи II закона о военных судах, на закрытом заседании, состоявшемся 4 марта [19] 49 года, вынес следующий

ПРИГОВОР

В апелляционной жалобе обвиняемого фон Клейст Эвальда отказать. Полностью утвердить приговор военного суда в Белграде, суд № 268/48 от 4 августа [19] 48 г.

ОСНОВАНИЕ: Обвиняемый фон Клейст подал апелляционную жалобу, в которой, подчеркнув, что он не может нести ответственность за совершенные преступления, так [как] они совершены без его ведома, просит первый судебный приговор отменить и снять с него обвинение.

Рассмотрев обвинительный акт и первый судебный приговор, Верховный военный суд нашел поданную апелляционную жалобу необоснованной и утвердил первый судебный приговор как полностью правильный и законно обоснованный.

Такое решение Верховный военный суд вынес на основании достоверных показаний свидетелей, которыми, несомненно, доказано,

что перечисленные в первом судебном приговоре преступления совершены частями, подчинявшимся обвиняемому фон Клейсту.

Именно это обстоятельство и накладывает на него ответственность за совершенные преступления, что целиком и полностью соответствует духу, как международных законов, так и отечественных законов.

Принимая во внимание количество и тяжесть совершенных частями обвиняемого преступлений, Верховный военный суд находит, что первый суд правильно установил степень ответственности обвиняемого фон Клейста и соразмерно этому правильно определил меру наказания, которое в данном случае является необходимым и в целях защиты общества.

На основании всего этого, Верховный военный суд вынес решение отклонить апелляционную жалобу обвиняемого фон Клейста и утвердить приговор, вынесенный первым военным судом.

СМЕРТЬ ФАШИЗМУ – СВОБОДА НАРОДУ!

Секретарь —

Председатель суда —

капитан Тодор Попадич

полковник Милия Лакович

Точность переписки удостоверяет:

Начальник канцелярии Анджа Шпандер».

Но отбывать наказание Клейсту в Югославии не пришлось – в тот же самый день Клейста привезли в город Субботица и на следующий день передали на венгерской границе генералу Советской армии и его сопровождающим.

Клейст находился в заключении во внутренней тюрьме МГБ, Бутырской и Лефортовской тюрьмах, а затем во Владимирской тюрьме, неоднократно допрашивался, причем не только по тем вопросам, на которых строилось обвинение против него. 21 февраля 1952 года на заседании Военной коллегии Верховного суда СССР Клейст был приговорен к 25 годам заключения в лагерях.

«Приговор Военной коллегии Верховного суда СССР в отношении генерал-фельдмаршала Э. фон Клейста. 21 февраля 1952 г.

Приговор Военной коллегии Верховного суда СССР в отношении генерал-фельдмаршала Э. фон Клейста. 21 февраля 1952 г. Москва

ПРИГОВОР

ИМЕНЕМ СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

ВОЕННАЯ КОЛЛЕГИЯ ВЕРХОВНОГО СУДА СОЮЗА ССР

в составе:

Председательствующего – генерал-майора юстиции Черткова

Членов: полковника юстиции Сенина

и полковника юстиции Артюхова

при секретаре старшем лейтенанте Афанасьеве

в закрытом судебном заседании, в гор. Москве 21 февраля 1952 года, рассмотрела дело по обвинению:

Клейста Эвальда, 1881 года рождения,

уроженца м[естечка] Браунфельд, провинции

Гессен (Германия), немца, женатого, бывшего

генерал-фельдмаршала немецкой армии —

в совершении преступлений, предусмотренных ст. 1-й Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года и ст. 2-й § 3 п. «в» Закона № 10 Контрольного Совета в Германии.

Предварительным и судебным следствием установлено:

В конце 1940 года по заданию фашистского командования Клейст занимался созданием танковых и механизированных соединений для предстоящей войны против СССР.

В феврале 1941 года он получил под свое командование три танковых корпуса, затем приступил к разработке конкретных планов военного нападения на Советский Союз, образовал танковую группу и расположил войска ее на польской территории в 15–30 километрах от советской границы. 23 июня 1941 года, т. е. на второй день вероломного нападения фашистской Германии на Советский Союз, Клейст со своими войсками вторгся на советскую территорию.

С июня 1941 года до апреля 1944 года Клейст, последовательно командуя – танковой группой, 1 – й танковой армией и армейской группировкой «А», участвовал в захвате и оккупации ряда областей Украины, Северного Кавказа, Краснодарского края, Кабардино-Балкарской АССР, Советской Молдавии и Крыма.

Подчиненные Клейсту войска на временно оккупированных советских территориях совершали зверства и злодеяния в отношении мирного населения, производили не вызывавшиеся военной необходимостью разрушения промышленных предприятий, зданий, материальных и культурных ценностей, занимались грабежом, изъятием скота и продовольствия, а карательные органы при соединениях, находившихся под командованием Клейста, истребили много невинных советских граждан.

Только в Краснодарском крае немецко-фашистские захватчики, в том числе под командованием Клейста, истребили более 61 тысячи мирных советских граждан, уничтожили более 63 тысяч промышленных, хозяйственных строений, разграбили и отобрали у колхозов и у отдельных граждан более 500 тысяч голов различного скота, сожгли десятки станиц, разрушили много школ, больниц и детских учреждений.

Аналогичные злодеяния войска под командованием Клейста чинили и на других, временно оккупированных советских территориях. На территории Крыма, кроме того, войска 17-й армии, подчиненные Клейсту, зверски подавляли партизанское движение и создавали так называемые «мертвые зоны» в районах действия партизан.

Преступления Клейста доказаны материалами Чрезвычайных государственных комиссий по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков, показаниями 20-ти военнопленных немцев – Енеке, Бартель, Вейнс, Дорфер, Гилен, Берндт, Шванкель, Брандес и др., показаниями очевидцев и потерпевших советских граждан – Бальдиной, Изюмова, Головатенко, Сербина, Рябоволенко и других, в числе 28 человек.

Признавая Клейста виновным в совершении преступлений, предусмотренных ст. 1-й Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года и ст. 2 § 1 п.п. «а», «в» и «с» Закона № 10 Контрольного Совета в Германии, и руководствуясь ст. ст. 319 и 320 УПК РСФСР, Военная коллегия Верховного суда —

ПРИГОВОРИЛА

Клейста Эвальда на основании ст. 2-й § 3 п. «в» Закона № 10 Контрольного Совета в Германии лишить свободы в исправительно-трудовых лагерях сроком на двадцать пять (25) лет, с конфискацией имущества, его же на основании ст. 1-й Указа Президиума Верховного

Совета СССР от 19 апреля 1943 года и по совокупности совершенных им преступлений лишить свободы в исправительно-трудовых лагерях сроком на двадцать пять (25) лет, с конфискацией имущества.

Срок отбытия меры наказания Клейсту исчислять с 6 марта 1949 года.

Приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

Председательствующий: Чертков

Члены:

Сенин

Артюхов».

Но 25 лет заключения в советских лагерях Клейст не пережил.

Фельдмаршал Эвальд фон Клейст скончался 13 ноября 1954 года в заключении во Владимире. Официальная причина смерти – недостаточность митрального клапана.

Гельмут Вейдлинг. Последний комендант столицы рейха

Гельмут Вейдлинг появился на свет 2 ноября 1891 года в небольшом городке Хальберштадте, расположенном в провинции Саксония. Его отец был доктором медицины. О детстве и юности Вейдлинга известно немного. В возрасте двадцати лет фанен-юнкером поступил в 1-й батальон ПВО, через год был произведен в лейтенанты. Участвовал в Первой мировой войне, в первые месяцы служил в авиации в качестве аэронавта-наблюдателя. Германия одной из первых стала уделять большое внимание воздушным силам, стремясь обеспечить себе превосходство в воздухе. Немцы стали первыми, кто использовал авиацию (сначала – дирижабли, а позже – многомоторные бомбардировщики) для бомбардировок заводов, морских гаваней и населенных пунктов.

В небе Первой мировой

Через четыре месяца войны Вейдлинг был откомандирован в состав эскадрильи дирижаблей. В это время немцы удерживали господство в небе. Тяжелые немецкие дирижабли занимались морским патрулированием, разведкой и дальними ночными бомбардировками, в том числе и стратегическими, производя налеты на Лондон, Париж, Варшаву и другие города Антанты.

Уже 9 января 1915 года немецкие дирижабли совершили первый боевой налет на Великобританию. Среди немецких героев авиации был Вейдлинг, награжденный за свои подвиги Железным крестом 1-го и 2-го класса. Через несколько месяцев после начала войны Вейдлингу было присвоено звание обер-лейтенанта, он был командиром «Цепелина». В мае 1917 года Вейдлинг был назначен на должность адъютанта начальника военного воздухоплавания. После поражения в Первой мировой войне по условиям Версальского договора Германия лишалась права иметь свои военно-воздушные силы и Вейдлингу пришлось перейти в артиллерийские войска, где он смог проявить свои военные таланты. Он был назначен командиром артиллерийской

батареи, затем командовал дивизионом. Через три года после перехода в артиллеристы Вейдлингу было присвоено звание капитана, дальше его карьерный рост в небольшой по численности (по условиям Версальского соглашения) германской армии остановился (вернее будет сказать – рос незначительными темпами). Хотя германскими военными втайне от Англии и Франции закупалась и производилась военная техника. Только спустя одиннадцать лет Вейдлинг получил повышение, став майором.

После прихода Гитлера к власти началось увеличение армии, и уже через полтора года Вейдлинг был произведен в подполковники. В марте 1938 года ему был присвоен чин полковника. Он был назначен командиром 56-го артиллерийского полка 20-й мотомеханизированной дивизии, командуя которым и вступил во Вторую мировую войну, воюя против Польши. За успехи в боях против польской армии Вейдлинг получил новую должность, став в апреле 1940 года начальником артиллерийского штаба № 128 резерва Главного командования. Во Французской кампании был начальником артиллерии 9-го армейского корпуса, затем 4-го армейского корпуса.

Под Москвой

В январе 1941 года был назначен начальником артиллерии 40-го танкового корпуса, принимал участие в боевых действиях на Балканах, затем – на Восточном фронте вплоть до декабря 1941 года. Участвовал в сражениях около Вязьмы и непосредственно в битве за Москву. Был комендантом оккупированной Рузы, а также занимал аналогичную должность в городе Торопец (на территории нынешней Тверской области).

*ПРОТОКОЛ ДОПРОСА
АРЕСТОВАННОГО ГЕЛЬМУТА ВЕЙДЛИНГА
от 23 ноября 1951 года*

«Вопрос: Исполняя обязанности военного коменданта гор. Торопца, вы руководствовались указаниями командира 40-го корпуса Штумме?

Ответ: Да.

Вопрос: Какими?

Ответ: Назначая меня комендантом города Торонца, Штумме приказал мне «навести порядок» в городе.

Вопрос: Какой «порядок» имел в виду Штумме?

Ответ: Такой же порядок, какой устанавливали немцы в каждом населенном пункте оккупированной территории Советского Союза.

Вопрос: Известно, что немецко-фашистские войска на оккупированной ими советской территории уничтожали ни в чем не повинных мирных граждан, грабили и разоряли личное и государственное имущество. Этот «порядок» вы имеете в виду?

Ответ: Нет. Я должен был регулировать расквартирование частей германской армии в городе, следить за дисциплиной военнослужащих, устанавливать взаимоотношения с гражданским населением.

Моими первыми приказами, развешанными в городе, были распоряжения о сдаче под страхом смерти огнестрельного оружия, сдаче радиоприемников, запрещение для гражданского населения появляться на улице позже установленного времени. Мною была организована патрульная служба.

Вопрос: Какие гражданские органы были вами созданы для поддержания «нового порядка»?

Ответ: Я сейчас не могу вспомнить.

Вопрос: Была ли вами сформирована полиция из числа русских-предателей?

Ответ: Я также это не помню.

Вопрос: Что вы предприняли как военный комендант в отношении оставшихся в городе коммунистов, советских и профсоюзных активистов, евреев?

Ответ: Мною ничего не было предпринято в отношении советского и партийного актива города, а также евреев. Я не был постоянным комендантом.

Вопрос: Вы отдавали приказы расстреливать и вешать советских граждан?

Ответ: Такие приказы я не отдавал.

Вопрос: По приказанию кого производились аресты среди гражданского населения?

Ответ: Я лично не приказывал расстреливать.

Вопрос: Вы стали на путь голословного отрицания своей карательной деятельности на подвергавшейся оккупации советской территории, а также пытаетесь уйти от ответственности ссылками на «плохую» память. Следствие предлагает вам рассказать обо всем откровенно, в противном случае вы будете изобличены имеющимися доказательствами вашей преступной деятельности.

Ответ: Я прошу следствие мне поверить, что за десять лет, прошедших с того времени, в моей памяти почти не сохранились детали моей работы военным комендантом в городе Торопце.

Я вспомнил, что действительно в Торопце, согласно моего указания, были назначены староста города, его помощник и другие гражданские официальные лица, а также для поддержания порядка была создана вспомогательная полиция из русских. Непосредственно этими вопросами ведали мой заместитель капитан Патов и работник ортскомендатуры лейтенант Вебер. Но я не снимаю с себя ответственности за все те действия, которые они предпринимали согласно моих распоряжений.

Вопрос: Потрудитесь вспомнить случаи зверского обращения немецких военнослужащих с гражданским населением, ограбления и убийства советских граждан.

Ответ: Насколько я помню, таких случаев не было, за исключением одного. В сентябре 1941 года музей церковного искусства в Торопце был ограблен, причем были похищены уникальные произведения русских иконописцев.

Грабителем оказался военнослужащий батареи зенитных орудий. Об этом было доложено командованию, и он получил наказание».

Вопрос о том, наказывали ли за преступления (и за какие), совершенные на территории СССР, солдат и офицеров вермахта, подробно анализирует К. Расс в своей книге «Человеческий материал. Немецкие солдаты на Восточном фронте». До наших дней дошли данные архивов по 253-й пехотной дивизии, участвовавшей в реализации плана «Барбаросса». В течение восьми месяцев трибунал дивизии обвинил в грабежах 43 солдата (причем первый случай разбирался уже в июне 1941 года). Заблаговременно, за шестнадцать дней до нападения на СССР, 6 июня 1941 года, Верховное командование вермахта издало «приказ о комиссарах» (Директиву об

обращении с политическими комиссарами), согласно которому взятые в плен политработники Красной армии подлежали немедленному расстрелу: «Политические комиссары в качестве органа войск врага опознаются по специальному знаку различия на рукаве – красной звезде с вытканными на ней золотом серпом и молотом (...) Их следует немедленно, то есть еще на поле боя, отделить от остальных военнопленных. Это необходимо, чтобы лишить их возможности влияния на взятых в плен солдат. Эти комиссары не признаются в качестве солдат; на них не распространяется действующая для военнопленных международно-правовая защита. После проведенной сортировки их надлежит уничтожить». Вермахт при исполнении этого приказа сотрудничал с СД, поскольку в тексте указывалось, что «комиссаров, схваченных во фронтовом тылу ввиду сомнительного поведения, следует передавать айнзацгруппам или айнзацкомандам полиции безопасности». Кроме того, в ряде рапортов офицеров вермахта отмечалось, что захваченных в плен политруков расстреливали солдаты-добровольцы, поверившие нацистской пропаганде.

Некоторые командиры вермахта, в том числе и весьма высокопоставленные, неодобрительно относились к «приказу о комиссарах», считая, что он и подобные ему директивы вредят дисциплине и воинскому духу самой немецкой армии. Но Вейдлинг принадлежал к числу тех, кто не был озабочен подобными проблемами.

Одновременно с «приказом о комиссарах» служащие вермахта в первые месяцы вторжения в СССР практически не подвергались уголовному преследованию за совершенные ими преступления против советских людей. Большинство процессов было приостановлено с формулировкой – в качестве пострадавших выступали «русские деревенские жители». А именно их руководство вермахта и СД обвиняло в пособничестве партизанам. Но были случаи, когда служащие вермахта осуждались (как правило, приговаривалась к незначительным срокам заключения, отправлению в штрафные части) – когда то, что они грабили, предназначалось для нужд самого вермахта.

После поражения германских войск под Москвой, с декабря 1941 года Вейдлинг был назначен командиром 86-й пехотной дивизии, которая в декабре 1943 года в результате советского наступления была разгромлена в составе группы армий «Центр». Но еще до этого

Гудериан упоминал его в своих мемуарах, говоря о битве на Курской дуге: «Несмотря на исключительную храбрость и неслыханные потери, пехота дивизии Вейдлинга не смогла использовать успеха танков».

20 октября 1943 года Вейдлинг был назначен командиром 41-го танкового корпуса, сменив генерала танковых войск Йозефа Харпе. В июне 1944 года, пытаясь противостоять наступлению Красной армии в Белоруссии (в ходе операции «Багратион»), корпус, понесшие сильные потери, был отведен на переформирование и с августа 1944 года базировался в Восточной Пруссии. В июне 1944 года Вейдлинг исполнял обязанности командующего 9-й армией, затем снова принял командование 41-м танковым корпусом. В составе 4-й армии корпус сражался с советскими войсками в Восточной Пруссии. 10 апреля 1945 года Вейдлинг был назначен командиром 56-й танкового корпуса, сменив генерала кавалерии Рудольфа Кох-Эрпаху. В январе 1945 года этот корпус во время нового советского наступления на Висле был практически уничтожен, и спустя несколько дней заново сформирован в Силезии. В апреле 1945 года корпус оборонялся на Берлинском направлении, в районе Бранденбурга. В середине апреля по приказу Гитлера 56-й танковый корпус был направлен в Берлин.

Последний комендант Берлина

И тут пришло время, когда Вейдлинг, все время исполнявший в общем-то вторые, если не третьи роли, вдруг оказался на первом плане. Гитлер сначала по чьему-то доносу чуть не приговорил его к смерти, но Вейдлинг сумел доказать, что его преданность фюреру безупречна. Гитлер поверил – и назначил его комендантом Берлина, главой обороны последнего рубежа Третьего рейха.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА АРЕСТОВАННОГО ГЕЛЬМУТА ВЕЙДЛИНГА

от 28 ноября 1951 года

«Вопрос: Когда и кем вы были назначены командующим обороной Берлина?»

Ответ: 24 апреля 1945 года лично Гитлером я был назначен командующим обороной Берлина.

Вопрос: Почему выбор Гитлера пал именно на вас?»

Ответ: В самый критический момент для Берлина, когда советские войска прорвали оборону германской армии по реке Одере, в городе не нашлось ни одного опытного фронтового генерала. А так как в силу известных обстоятельств, о которых я ранее дал показания, мне пришлось в это время посетить Берлин, Гитлер решил, что я по своему опыту смогу руководить обороной Берлина, и назначил меня командующим обороной.

Вопрос: Известно, что Гитлер не так обращал внимание на способности и опыт своих генералов, как именно на фанатичную преданность фашистским идеям. К вам он тоже не мог подойти иначе?

Ответ: Совершенно верно. Гитлер отдавал предпочтение не полководческим способностям своих генералов, а фашистскому фанатизму. Среди германского генералитета я был известен тогда своей верностью фашизму и лично Гитлеру. Поэтому у Гитлера не было сомнений в части моей преданности. А это, в конечном счете, решило вопрос о моем новом назначении».

А наступление на Берлин велось уже давно. Ведь ровно в 5 часов утра 12 января 1-й Украинский фронт под руководством маршала Конева начал наступление, рассчитывая продвинуться от Вислы до Одера на глубину почти 500 км. Дальше немецкой армии отступить было некуда – позади была столица Третьего рейха. Первоначально наступление планировалось начать на 8 дней позже, но по просьбе союзников, ведущих тяжелые бои в Арденнах, было принято начать операцию раньше. Утром 14 января начал наступление 1-й Белорусский фронт под командованием Г.К. Жукова. Когда Красная армия перешла бывшую германскую границу, то многие солдаты и офицеры, потерявшие в ходе войны родных и близких, решили, что настал час расплаты, начались случаи мародерства и изнасилований, пресекаемые советскими командующими и работниками органов.

Как пишет П. Гостони в книге «Битва за Берлин. В воспоминаниях очевидцев», пытавшийся организовать оборону рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер продемонстрировал на посту командующего группой армий «Висла» полную несостоятельность как военачальник. Но потребовался авторитет Гудериана, чтобы убедить Гиммлера отказаться от командования этой группой армий. Рейхсфюрер заявил Гудериану: «Я

не могу сказать это фюреру. Он не разрешит мне это сделать». По словам Гудериана, после получения согласия Гиммера, «я в тот же вечер предложил Гитлеру освободить перегруженного Гиммлера от командования группой армий «Висла».

***Приказ А. Гитлера о разрушении объектов на территории Германии для сдерживания продвижения вторгшегося противника
«19 марта 1945 г.***

Борьба за существование нашего народа заставляет также и на территории Германии использовать все средства, которые могут ослабить боеспособность противника и задержать его продвижение. Необходимо использовать все возможности, чтобы непосредственно и косвенно нанести максимальный урон боевой мощи противника. Ошибочно было бы полагать, что после возвращения потерянных территорий можно будет снова использовать не разрушенные перед отступлением или выведенные из строя на незначительный срок пути сообщения, средства связи, промышленные предприятия и предприятия коммунального хозяйства. Противник оставит нам при своем отступлении лишь выжженную землю и не считается с нуждами местного населения.

Поэтому я приказываю:

1. Все находящиеся на территории Германии пути сообщения, средства связи, промышленные предприятия и предприятия коммунального хозяйства, а также материальные запасы, которыми противник может в какой-либо мере воспользоваться, немедленно или по прошествии незначительного времени подлежат уничтожению.

2. Ответственность за уничтожение возлагается: на военные командные инстанции – в отношении всех военных объектов (включая дорожные сооружения и средства связи), на гауляйтеров и государственных комиссаров обороны – в отношении всех промышленных предприятий, предприятий коммунального хозяйства, а также всякого рода материальных запасов. Войска должны оказывать гауляйтерам и государственным комиссарам обороны необходимую помощь в выполнении стоящих перед ними задач.

3. Настоящий приказ немедленно довести до сведения всех командиров. Все распоряжения, противоречащие данному приказу, утрачивают свою силу.

Адольф Гитлер».

В воспоминаниях командующего группой армий «Висла» Готхарда Хейнрици отмечено, что «насколько ему известно, заметил Гудериан, на следующий день намечен мощный контрудар южнее Кюстрина. Самым опасным из трех русских плацдармов, продолжал Гудериан, является плацдарм между Кюстрином и Франкфуртом. Этот плацдарм при глубине 5 километров достигает в ширину почти 25 километров, и Жуков сосредоточил там большое количество артиллерии. Хотя самолеты люфтваффе неоднократно наносили удары по этому плацдарму, однако из-за мощной противовоздушной обороны им не удалось добиться большого успеха. Видимо, Жуков собирается наступать на Берлин именно с этого плацдарма, поэтому Гитлер и хочет его ликвидировать. План фюрера заключается в том, чтобы перебросить пять дивизий за Одер на плацдарм под Франкфуртом и потом наступать на Кюстрин: отрезанный от подвоза боеприпасов русский плацдарм на западном берегу Одера будет ликвидирован. Генерал Коллер, начальник Генерального штаба люфтваффе, проверил этот план на местности и одобрил его».

Обращение А. Гитлера к солдатам вермахта на Восточном фронте с призывом сражаться до конца

«15 апреля 1945 г.

Солдаты на восточном фронте!

В последний раз смертельный враг в лице большевиков и евреев переходит в наступление. Он пытается разгромить Германию и уничтожить наш народ. Вы, солдаты на восточном фронте, знаете большей частью уже сами, какая судьба уготована прежде всего немецким женщинам, девушкам и детям. В то время как старики и дети будут убиты, женщины и девушки будут низведены до казарменных проституток. Остальные попадут в Сибирь.

Мы предвидели это наступление и уже с января этого года делали все, чтобы построить прочный фронт. Врага встретит мощная артиллерия. Потери нашей пехоты компенсированы многочисленными новыми подразделениями.

Штурмовые подразделения, новые формирования и отряды фольксштурма усиливают наш фронт. Большевиков в этот раз

постигнет судьба азиатов, то есть им будет нанесено кровавое поражение у стен Берлина.

Кто в этот момент не выполнит своего долга, действует, как предатель своего народа. Полк или дивизия, покинувшие свои позиции, поведут себя так подло, что им придется стыдиться женщин и детей, выстоявших перед воздушным террором врага. Прежде всего следите за немногими офицерами и солдатами – предателями, которые, чтобы сохранить себе сносную жизнь в русском рабстве, возможно, будут воевать против нас в немецкой форме. Тот, кто дает вам приказ на отступление, а вы его точно не знаете, должен быть тотчас схвачен и, если необходимо, тотчас расстрелян, безразлично, в каком он чине. Если в эти грядущие дни и недели каждый солдат на восточном фронте выполнит свой долг, последний натиск азиатов разобьется о нашу оборону, равно как и вторжение наших врагов на Западе в конце концов потерпит провал.

Берлин останется немецким, Вена снова будет немецкой, а Европа никогда не будет русской.

Образуйте монолитную общность для защиты не пустого понятия «Отечество», а для защиты вашей родины, ваших жен, ваших детей, а с ними и вашего будущего.

В эти часы весь немецкий народ смотрит на вас, мои восточные бойцы, и надеется только на то, что ваша стойкость, ваш фанатизм и ваше оружие потопят большевистский натиск в море крови. В момент, когда судьба убрала с лица земли самого большого военного преступника всех времен, решается исход этой войны.

Адольф Гитлер».

1 февраля 1945 года столица рейха была объявлена крепостью. После этого на многочисленных совещаниях у Гитлера и других высокопоставленных партийных функционеров и военачальников начались совещания, посвященные обороне Берлина. Но только 9 марта был оформлен подробный, на 33 страницах, «Основополагающий приказ о подготовке к обороне столицы германского рейха», по согласованию со Ставкой фюрера отданный командующим берлинским оборонительным районом генерал-лейтенантом Гельмутом Рейманом.

В 24 пунктах приказа дается задание («Оборонять столицу рейха до последнего бойца и до последнего патрона») и подробное описание

«Способа ведения боевых действий:

Битва за Берлин ведется всеми имеющимися в распоряжении силами, предназначенными для непосредственной обороны столицы, не в виде открытого сражения, а главным образом в виде уличных боев. Она должна вестись с фанатизмом, выдумкой, использованием всех способов введения в заблуждение, хитрости и коварства, с применением всех подготовленных и продиктованных требованиями момента вспомогательных средств всех видов на земле, над землей и под землей.

При этом речь идет о том, чтобы полностью использовать преимущества собственной территории и ожидаемой боязни большинства русских чуждого им безбрежного моря домов...»

На что же командование берлинского оборонительного района в этом приказе делало ставку? «Хорошее знание местности, использование метрополитена и подземной канализационной сети, имеющаяся связь, великолепные возможности для ведения боевых действий и маскировки в домах, превращение блоков зданий – особенно из железобетона – в настоящие крепости – все это делает защитников непобедимыми даже в том случае, если они уступают врагу в численности и вооружении!

Противник, которому не будет предоставлено ни минуты спокойствия, должен быть обескровлен и уничтожен в плотной сети очагов сопротивления, опорных пунктов и оборонительных блоков. Каждый потерянный дом и каждый потерянный опорный пункт необходимо тотчас снова взять в ходе контратаки. Для этого, используя подземные ходы, следует направлять ударные отряды в тыл противника, чтобы неожиданным ударом в спину уничтожить его».

Но сил для полноценной обороны Берлина не хватало ни военных, ни ресурсов – и к тому же многие подразделения, в том числе и сформированные из люфтваффе, моряков и эсэсовцев, не обладали нужными умениями, чтобы соответствовать требованиям предстоящих наземных боев.

Справка Верховного командования германской армии о безвозвратных потерях в сухопутных войсках за период с 1 сентября 1939 г. по 1 мая 1945 г.

«№ 5815/45 10 мая 1945 г.

I. Потери за время с 1.9.39 г. по 31.12.44 г.

(По данным Верховного командования вооруженных сил, управления общих дел Верховного командования, продовольственного управления вооруженных сил)

1. Убитые:

а) От воздействия пр-ка – около 1 600 000 [чел.];

б) В результате несчастных случаев, заболеваний, самоубийств – 149 000 [чел.];

в) По другим причинам – 8 000 [чел.]. Всего погибло – около 1 757 000 [чел.]. Из них: офицеров – около 69 000 [чел.].

2. Пропавшие без вести – около 1 610 000 [чел.].

Из этого количества подтвердилось в качестве военнопленных – около 276 000 [чел.].

Всего пропавших без вести – около 1 610 000 [чел.]. Из них офицеров – около 27 000.

3. Общие потери (погибших и пропавших без вести) – около 3 367 000 [чел.].

Из них офицеров – около 96 000 [чел.].

II. Потери за время с 1.1.45 г. по 1.5.45 г.

Оценено в соответствии с потерями в предыдущих больших сражениях:

а) Погибшие – около 250 000 [чел.];

б) Пропавшие без вести – около 1 000 000 [чел.].

Общие потери (погибшие и пропавшие без вести) – около 1 250 000 [чел.].

Из них офицеров – около 30 000.

III. Общие потери за время с 1.9.39 г. по 1.5.45 г.

а) Погибшие – около 2 007 000 [чел.].

б) Пропавшие без вести – около 2 610 000 [чел.]. Из них военнопленных – около 276 000. Общие потери – около 4 617 000 [чел.]. Из них офицеров – около 126 000 [чел.].

Действительный состав действующей сухопутной армии на 1.5.45 г. – около 3 000 000 человек.

Подпись – генерал-полковник Йодль

Примечание: Эта справка содержит точные данные за время с 1.9.39 по 31.12.44 гг. Потери с 1.1 по 1.5.45 г. даны на основе расчета и

должны рассматриваться, как неточные. Точными данными Верховное командование вооруженных сил в данный момент не располагает.

Подпись: полковник Генштаба Вентланд».

Вейдлинг говорил о потерях и напоминал о том, что опытным частям Красной армии противостоят необученные подразделения фольксштурма. В ответ Гитлер заявил, что командиры должны показывать пример своим подчиненным, и что русские в ходе боев тоже используют «трофейных солдат». Таким термином гитлеровцы называли молодых воинов-красноармейцев, которые были призваны на службу из территорий Советского Союза, уже освобожденных от немецкой оккупации. Не имело успеха и обращение к мнению уже упоминавшегося Хейнрици, который не раз повторял, что «фронт между Эберсвальде и Франкфуртом в первой линии обороны укомплектован хорошо и что нам не хватает только одного, а именно резервов пехоты... через несколько дней будет невозможно пополнять потери, понесенные нашими войсками... Невозможно черпать дальнейшие силы, снимая войска с менее угрожающих участков фронта между Эберсвальде и Штеттином. Таким образом, исход битвы не может быть хорошим, так как через несколько дней боев силы немецких войск иссякнут».

Директива начальника штаба оперативного руководства Верховного Командования вермахта об образовании группы армий «Остмарк» и необходимости продолжения сопротивления советским войскам

«№ 003005/45 Сов. секретно 4 мая 1945 г.

Начальнику оперативного штаба «Б»

Командующему группой армий «Центр»

Начальнику штаба группы армий «Центр»

1. После свершившейся капитуляции войск группы армий «Юго-запад» и «Запад» между Богемскими лесами и рекой Инн командование группам армий «Центр», «Юг» и «Юго-восток» принимает на себя командующий группой армий «Юг» фельдмаршал Кессельринг. Исполнение доложить.

Группа армий «Юг» переименовывается в Группу армий «Остмарк» (Австрия).

2. Боевые действия вести таким образом, чтобы выиграть время для спасения как можно большего количества гражданского населения от Советской Армии. Обеспечивать линии фронта. Своевременно отвечать на попытки прорыва, при необходимости сокращением линии фронта. Если Богемскую область более нельзя будет удерживать, то отходить в юго-западном направлении с целью вывода драгоценного человеческого материала групп армий из зоны влияния русских.

Генерал-полковник Йодль».

Присутствовавший при его докладе рейхсмаршал Геринг заявил Гитлеру, что готов ему предоставить сто тысяч человек из состава люфтваффе, Гиммер – двадцать пять своих эсэсовцев, и двенадцать тысяч моряков предложил Дёниц.

Итого, как просуммировал эти цифры Гитлер, для обороны Берлина находилось резервов в числе около ста пятидесяти тысяч человек, что, по мнению Гитлера, составляло около двенадцати дивизий. Он проигнорировал возражения, что «касается количества, то людей вполне достаточно, однако они не разбиты на боевые подразделения и не обучены для ведения оборонительного боя, к которому готовят пехотинцев».

Затем Гитлер поразил всех, заявив, что, по его мнению, «главный удар русских будет направлен совсем даже не на Берлин. Концентрация войск противника южнее, перед нашим фронтом в Саксонии, гораздо сильнее. Все, что здесь, – всего лишь наступление на второстепенном направлении, чтобы отвлечь наши силы. Противник собирается нанести главный удар не на Берлин, а на Прагу».

Вейдлинг унаследовал уже практически безнадежную ситуацию. Он весьма скептически оценивал возможность удержать Берлин, хотя и попытался это сделать. Но слишком неравными были теперь силы...

После самоубийства Гитлера Вейдлинг был одним из тех, кто начал переговоры о сдаче. Сам он так описывал обстоятельства, при которых было принято это решение: «1 мая в 21.30 я собрал работников штаба 56 тк и работников штаба обороны Берлина с целью решить – будет ли штаб пробиваться или сдаваться русским. Я заявил, что дальнейшее сопротивление бесполезно, что прорываться означает при успехе попасть из «котла» в «котел». Меня все работники штаба

поддержали, и в ночь на 2 мая я послал полковника фон Дуфвинга парламентаром к русским с предложением о прекращении немецкими войсками сопротивления».

В 0.40 (по московскому времени) 2 мая радиостанция 79-й гвардейской стрелковой дивизии приняла радиограмму на русском языке от LVI танкового корпуса: «...Просим прекратить огонь. К 12.50 по берлинскому времени высылаем парламентаров на Потсдамский мост. Оповестительный знак – белый флаг на фоне красного цвета. Ждем ответа».

Получивший радиограмму Чуйков распорядился выполнить просьбу о прекращении огня и принять парламентаров в указанное время. Как гласит журнал боевых действий 47-й гвардейской стрелковой дивизии, немецкие парламентары появились в два часа ночи на мосту в районе Клулк-штрассе, это западнее, чем первоначально предполагавшийся Потсдамский мост. Возглавлял парламентаров начальник штаба упомянутого танкового корпуса полковник фон Дуфвинг. Он заявил, что парламентары уполномочены командиром корпуса генералом Вейдлингом заявить о прекращении сопротивления и капитуляции корпуса.

На вопрос, сколько времени нужно для организованной сдачи и разоружения, фон Дуфвинг ответил, что для этого необходимо три-четыре часа. Как пишет Алексей Исаев в книге «Берлин 45-го»: «После этого фон Дуфвинг отправился к Вейдлингу с предложением советского командования о разоружении и сдаче частей корпуса к 7.00 2 мая. Было согласовано место, куда будут выходить немецкие части и сдавать оружие. Самому Вейдлингу и его штабу было предложено сдать в 6.00 2 мая».

Так и произошло. В 6.00 Вейдлинг в сопровождении генералов Шмидт-Ланкварта и Веташа перешел линию фронта и сдался. Немецкие генералы были доставлены на командный пункт к Чуйкову, который так описывал последнего коменданта Берлина: «Вейдлинг – в очках, среднего роста, сухощавый и собранный».

– Являетесь ли вы командующим обороной Берлина? – спросил у него Чуйков. – Распространяется ли капитуляция на весь гарнизон г. Берлин или только на части LVI танкового корпуса? Что заставило вас принять решение о капитуляции?

Вейдлинг сообщил, что 6 дней назад он был назначен приказом Гитлера командующим обороной г. Берлин. Решение о капитуляции распространяется только на части LVI танкового корпуса, так как весь гарнизон разбит на отдельные группы, согласно ранее отданному им приказу, и связи с ними он не имел. Решение о капитуляции принял сам.

После этого Вейдлинг вместе с начальником штаба обороны Берлина полковником Рефиором составил такой приказ: «30.4.45 фюрер покончил с собой, предоставив нас, давших ему присягу, самим себе. Вы думаете, что согласно приказу фюрера все еще должны сражаться за Берлин, несмотря на то, что недостаток тяжелого оружия, боеприпасов и общее положение делают дальнейшую борьбу бессмысленной.

Каждый час вашей борьбы увеличивает ужасные страдания гражданского населения Берлина и наших раненых. Каждый, кто гибнет сейчас за Берлин, приносит напрасную жертву.

Поэтому, в согласии с Верховным командованием советских войск, я призываю вас немедленно прекратить сопротивление».

Этот приказ был объявлен через громкоговорители для гарнизона Берлина. К концу дня 2 мая организованное сопротивление берлинского гарнизона прекратилось.

27 февраля 1952 года военный трибунал войск МВД Московского округа приговорил Гельмута Вейдлинга к 25 годам заключения в лагерях. 17 ноября 1955 года генерал Вейдлинг скончался во Владимирском центре от сердечной недостаточности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

об отказе в реабилитации гражданину Германии Вейдлингу Хельмуту (Гельмуту) Приговором Военного трибунала Московского округа от 27 февраля 1952 г. на основании ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. и ст. 2 § 1 п.п. «а», «в» и «с» Закона № 10 Контрольного Совета в Германии от 20 декабря 1945 г. осужден к 25 годам лишения свободы с отбыванием наказания в ИТЛ гражданин Германии

«Вейдлинг (по обращению Вайдлинг)

Хельмут (Гельмут) 1891 года рождения,

уроженец гор. Хальберштадт (Саксония-Ангальт),

немец, с общим средним образованием,

генерал артиллерии, являвшийся перед капитуляцией

*Германии командующим обороной Берлина,
плененный советскими войсками 2 мая 1945 г.
в Берлине, арестованный 24 августа 1951 г.
следственными органами МГБ СССР.*

Судом Вейдлинг признан виновным в том, что, являясь с 1912 г. кадровым офицером и участвуя в многочисленных захватнических войнах, с августа 1941 г. находился в составе германских войск на оккупированной советской территории, исполняя обязанности начальника артиллерии 40-го танкового корпуса, командира 86-й пехотной дивизии, а затем – 41-го танкового корпуса бывшей немецкой армии. Пользуясь особым доверием Гитлера, в апреле 1945 г. был назначен командующим обороной Берлина.

Во время нахождения на советской территории подчиненные Вейдлингу войска чинили злодеяния и производили не вызывающиеся военной необходимостью варварские разрушения городов и деревень, расстреливали попавших в плен политработников Советской Армии и партизан. При этом Вейдлинг лично издавал приказы по вверенным ему войскам о создании «зон пустыни» на территории, которую оставляли его войска в связи с отступлением, являлся инициатором создания специальных «истребительных команд против партизан», расправлявшихся с попавшими в плен партизанами, и истребления мирных советских граждан путем заражения их сыпным тифом в «лагерях смерти» около местечка Озаричи Полесской области.

В этих лагерях погибло большое количество советских граждан, больше половины которых составляли дети (из приговора, т. 2, л.д. 270–271).

Определением Военной коллегии Верховного суда СССР № 2—0871 от 29 марта 1952 г. приговор оставлен без изменения, а жалоба осужденного – без удовлетворения (т. 2, л.д. 290).

Согласно постановлению Вейдлинг как немецкий военный преступник отбывал наказание в Особом лагере МВД СССР (т. 2, л.д. 292).

Ходатайство о реабилитации Вейдлинга, поступившее из посольства ФРГ в Москве, ничем не аргументировано.

Изучением уголовного дела установлено, что Вейдлинг привлечен к уголовной ответственности обоснованно и реабилитации не подлежит.

В ходе предварительного следствия и судебного заседания Вейдлинг, признавая себя виновным, заявлял, что с сентября 1941 г. он действительно проходил службу на оккупированной немецкими войсками советской территории в указанных выше должностях, являясь одновременно с этим в течение некоторого времени военным комендантом городов Торопец и Руза в Великолукской и Московской областях, в которых по его приказам чинились расправы над мирным населением (т. 2, л.д. 24–26, 32–35, 41–42, 111–115, 137–139, 261–269).

Кроме того, Вейдлинг подтверждал, что, исполняя отданные им на основании распоряжений вышестоящего командования приказы, подчиненные ему военнослужащие расстреливали захваченных в плен политработников Советской Армии и партизан (т. 1, л.д. 44, 188–190, 196, 197; т. 2, л.д. 54–58, 235), уничтожали при своем отступлении в марте 1943 г. из «Ржевского мешка» на пути своего отхода все населенные пункты и промышленные предприятия, угоняя население на Запад, а сопротивлявшихся расстреливали (т. 1, л.д. 46, 146–147, 201–204; т. 2, л.д. 60–63).

Признавая свое участие в осуществлении варварского плана умерщвления советских граждан путем заражения их сыпным тифом в специальных «лагерях смерти» близ деревни Озаричи Полесской области, Вейдлинг заявил, что, выполняя в марте 1944 г. приказ командующего 9-й армии, он лично отдал приказ войскам 41-го корпуса, которыми он командовал, насильно, под страхом расстрела, согнать в лагерь под Озаричами всех больных сыпным тифом и приезжающих из других областей советских граждан, большинство из которых погибло, а некоторые были расстреляны (т. 2, л.д. 93–97, 252, сборник материалов стр. 58).

Вина Вейдлинга в инкриминируемых ему деяниях, кроме личного признания, подтверждена и материалами Чрезвычайной государственной комиссии, а также другими документальными доказательствами (т. 2, л.д. 164–235, 290 «а»).

Таким образом, установлено, что, являясь немецко-фашистским захватчиком и отдавая в 1941–1944 гг. приказы о применении насилия и убийствах в Московской, Великолукской и Полесской областях мирных советских граждан, а также пленных партизан и военнопленных Советской Армии, разрушениях городов, деревень и предприятий промышленности, Вейдлинг тем самым совершил преступления,

предусмотренные ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. и ст. 2 § 1 п.п. «а», «в» и «с» Закона № 10 Контрольного Совета в Германии от 20 декабря 1945 г.

Назначенная ему мера наказания соответствует тяжести совершенного преступления.

В соответствии со ст. ст. 4, 8 и 9 Закона Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 г., —

ПРОШУ

Признать Вейдлинга Хельмута (Гельмута) не подлежащим реабилитации.

Генерал-лейтенант юстиции

В.Н. Паничев».

Эрих фон Манштейн. Лучший оперативный талант немецкого Генерального штаба

Генерал-фельдмаршал Эрих фон Манштейн появился на свет 24 ноября 1887 года в Берлине в семье немецкого генерала Фрица Эриха фон Левински, после чего был усыновлен семьей генерала фон Манштейна (родная и приемная матери были сестрами). Дядя Эриха Манштейна – фельдмаршал П. фон Гинденбург, а шестнадцать предков Эриха фон Манштейна были генералами германской и русской армий. Сам Манштейн обучался в кадетской школе, военном училище, служил в гвардейском пехотном полку, затем получил звание лейтенанта. Позже был слушателем военной академии. В годы Первой мировой войны занимал должность адъютанта батальона, был ранен, произведен в капитаны. Был офицером Генштаба, начальником оперативного управления кавалерийской, а затем – пехотной дивизии. Был отмечен боевыми наградами.

После окончания войны получил назначение офицером штаба «Юг» в Пограничные войска в Бреслау, затем был зачислен в состав сокращенного после капитуляции Германии рейхсвера, назначен командиром роты. Зимой 1928 года произведен в майоры. Посетил многие страны Европы, изучая их вооруженные силы. В ноябре 1931 года в составе делегаций офицеров рейхсвера Манштейн был участником переговоров между представителями германских вооруженных сил и советских – К.Е. Ворошиловым (нарком по военным и морским делам и председателем Реввоенсовета СССР); М.Н. Тухачевским (начальником вооружений РККА). Затем Манштейн прошел переподготовку в Московском и Ленинградском военных округах. Военную карьеру Манштейн сделал именно в Третьем рейхе, до этого он очень медленно, несмотря на таланты и заслуги, продвигался по служебной лестнице. Осенью 1933 года Манштейн был назначен командиром батальона, а в феврале 1934 года – начальником штаба 3-й пехотной дивизии. В июле 1935 года стал начальником Оперативного управления Генерального штаба сухопутных сил, в октябре 1936 года Манштейн, по праву считавшийся одним из самых талантливых генштабистов немецкой армии, получил звание генерал-

майора и должность первого обер-квартирмейстера (заместителя начальника) Генерального штаба. После проведения Гитлером «генеральской чистки» (отставки генерал-полковника фон Фрича и других) Манштейн был назначен командиром 18-й пехотной дивизии, расквартированной в Нижней Силезии. Во время оккупации Судетской области и Чехословакии Манштейн исполнял должность начальника штаба 12-й армии фон Лееба.

Начальник штаба группы армий «Юг»

Полководческий талант Манштейна наиболее широко проявился в годы Второй мировой войны. 18 августа 1939 года, в рамках подготовки немецкого вторжения в Польшу (плана операции «Вайс») Манштейн, участвовавший в разработке оперативного плана наступления, был назначен на должность начальника штаба группы армий «Юг» под командованием Гердта фон Рундштедта, принявшего предложения Манштейна по предстоящему окружению основных частей польской армии. В ходе боев группа армий «Юг» реализовала подкорректированный план Манштейна и удачно осуществила окружение польской Лодзинской группировки, реализовав первый «котел» Второй мировой войны. Заслуги Манштейна были отмечены орденами. Можно отметить, что он одним из первых немецких военачальников понял, что «Вторая мировая война потребовала новых методов управления, особенно подвижными соединениями. Здесь так быстро меняется обстановка, так быстро меняются возможности для использования благоприятных моментов, что ввиду этого командир соединения не может находиться далеко в тылу на КП. Если сидеть на КП и ждать донесений, то в таком случае будут приниматься слишком запоздалые решения, многие шансы останутся неиспользованными. Часто необходимо – особенно после достижения успеха в бою – преодолеть вполне естественные явления усталости у войск и подстегнуть их. Но этим еще дело не сделано.

При тех больших требованиях, которые предъявляет вновь возрожденная нами маневренная война к выдержке солдат и командиров, еще важнее старшему командиру как можно чаще появляться перед войсками. Солдат не должен иметь такого чувства, что «тыловые командиры» выдумывают какие-то приказы, не зная

действительной обстановки на поле боя. У него появляется известное чувство удовлетворения, когда он видит, что и командир корпуса попадает иногда в переделку или становится свидетелем достигнутого успеха. Если ежедневно бывать в войсках, узнаешь их нужды, выслушаешь их заботы и поможешь им. Командир соединения – это не только человек, который по долгу своей службы вынужден постоянно требовать, но он и помощник и товарищ. Кроме того, он сам черпает из этих посещений войск новые силы».

В феврале 1940 года, после того как Манштейн через головы своих начальников посмел предложить свой план нападения на Францию, вызвав тем самым недовольство командования сухопутных сил (ОКХ), он был с повышением отправлен в «почетную ссылку» – назначен командующим 38-го армейского корпуса. 17 февраля 1940 года во время представления А. Гитлеру Манштейн, нарушив субординацию, предложил ему свой проект нападения на Францию, через Арденны, в обход линии «Мажино». Принятый план Манштейна первоначально успешно реализовался без его участия – он занимался формированием 38-го армейского корпуса, который 16 мая 1940 года был передислоцирован на Западный фронт и был включен в состав 4-й армии генерал-полковника Г. фон Клюге. Через девятнадцать дней корпус под командованием Манштейна вступил в сражение у реки Сомма, а спустя четыре дня первым вышел к Сене и захватил плацдарм на южном берегу. В ходе Французской кампании корпус Манштейна продвинулся дальше всех, до городка Шатийон, что уже за Луарой, т. е. на расстояние более чем 500 км.

Манштейн, награжденный и произведенный в генералы пехоты, был оставлен во Франции – его переформированный корпус (несколько дивизий превращались в моторизованные) должен был принять участие во вторжении в Англию. После отмены вторжения, в феврале 1941 года Манштейн стал командиром 56-го моторизованного корпуса (сформированного 15 февраля 1941 года), входившего в состав группы армий «Север» под командованием генерал-фельдмаршала В. фон Лееба.

Вторжение в Прибалтику

В первый же день Великой Отечественной войны 56-й моторизованный корпус (в состав которого входили 8-я танковая, 3-я моторизованная и 290-я пехотные дивизии), наступавший в направлении Каунаса и Даугавпилса, прорвался через советские пограничные войска, сумел продвинуться более чем на пятьдесят километров, а к вечеру второго дня войны моторизированные подразделения продвинулись на сто семьдесят километров, сумев прорвать оборону Северо-Западного фронта. Механизированные соединения вермахта под его командованием к началу июля 1941 года, преодолев 200 км, вышли к реке Западная Двина в районе Даугавпилса, захваченного на пятый день войны 8-й танковой дивизией. Так эти события описывает сам военачальник в книге «Утерянные победы»: «26 июня утром 8 тд подошла к Двинску (Даугавпилс). В 8 часов утра, будучи в ее штабе, я получил донесение о том, что оба больших моста через Двину в наших руках. Бой шел за город, расположенный на том берегу. Большой мост, абсолютно не поврежденный, попал в наши руки. Посты, которые должны «были поджечь огнепроводный шнур, были схвачены у подходов к мосту. Железнодорожный мост был только легко поврежден небольшим взрывом, но остался пригоден для движения. На следующий день 3 мотопехотной дивизии удалось неожиданно форсировать реку выше города. Наша цель была достигнута!

Перед началом наступления мне задавали вопрос, думаем ли мы и за сколько времени достичь Двинска (Даугавпилс). Я отвечал, что если не удастся это сделать за 4 дня, то вряд ли нам удастся захватить мосты в неповрежденном состоянии. Теперь мы это сделали за 4 дня и 5 часов, считая с момента начала наступления; мы преодолели сопротивление противника, проделав 300 км (по прямой) в непрерывном рейде. Успех, вряд ли возможный, если бы все командиры и солдаты не были охвачены одной целью – Двинск, и если бы мы не были согласны пойти на большой риск ради достижения этой цели. Теперь мы испытывали чувство большого удовлетворения, проезжая через огромные мосты в город, большую часть которого противник, к сожалению, предал огню. Наш успех не был к тому же достигнут ценой больших жертв.

Конечно, положение корпуса, одиноко стоявшего на северном берегу Двины, никак нельзя было считать безопасным. 41 тк и правый фланг 16 армии находились в 100–150 км сзади. Между ними и нами

находилось много советских корпусов, отступавших на Двину. Нам приходилось считаться не только с тем, что противник во что бы то ни стало постарается бросить на нас, на северный берег Двины, подходящие новые силы. Мы должны были также обеспечить прикрытие южного берега от отходящих туда вражеских частей».

Затем корпус Манштейна был направлен к озеру Ильмень, где и был контратакован 14–18 июля 1941 года советской 11-й армией под командованием генерал-лейтенант В.И. Морозова. Эта армия входила в состав Северо-Западного фронта (командующий – генерал-майор П.П. Собенников). Нанесенный 11-й армией контрудар под Сольцами был одной из первых успешных советских операций против вермахта, отброшенного на 40 км. В результате этого контрудара был развенчан миф о непобедимости немецкой армии и было задержано (как последующая оборона Красной армии под Лугой) германское наступление на Ленинград почти на месяц, что дало возможность советскому командованию выиграть время для подготовки города к длительной обороне. 9 июля корпус под командованием Манштейна получил приказ начать наступление на Ленинград. Для усиления корпуса ему были приданы 3-я танковая дивизия СС «Тотенкопф» и 4-я полицейская гренадерская дивизия СС.

В своих воспоминаниях немецкий военачальник упоминает об одном малоизвестном факте – «телеграфном запросе угрожающего содержания, исходившем от Главного командования. Дело в том, что московское радио несколько преждевременно сообщило о нашем окружении и при этом отметило, что советские войска захватили у нас важные секретные уставы. Речь шла о сугубо секретном наставлении по химическим минометам. Это новое оружие, из которого мы стреляли также снарядами с горючей жидкостью, по-видимому, доставляло много неприятностей Советам. Стоявшая против нас Советская Армия однажды уже открыто передала по радио, что если мы не прекратим игры с зажигательными снарядами, то будут применены газы (что они, конечно, не посмели бы сделать из-за того, что противохимическая защита у них была совершенно недостаточной). Было вполне понятно, что московское радио с радостью протрубило на весь мир о захвате этого секретного наставления. Теперь Главное командование требовало от нас объяснений, «как оказалось возможным», что совершенно секретный документ попал в руки противника. Противник захватил

наставление, конечно, не у передовых частей, а в обозе, когда он занял наши коммуникации. Это всегда может случиться с танковым корпусом, находящимся далеко впереди фронта своих войск. В ответ на запрос мы изложили обстоятельства дела с добавлением, что впредь, дабы избежать порицания, мы не позволим себе разгуливать в 100 км впереди фронта своих войск».

Наступление на Ленинград началось 10 августа, но спустя несколько дней Манштейн получил приказ прийти на помощь Шестнадцатой полевой армии вермахта (командующий – генерал-полковник Эрнест Буш), которая находилась на правом фланге группы армий «Север». Шестнадцатая армия вела бои в районе Новгорода, реки Луги и южнее Ладожского озера и оказывала поддержку восемнадцатой армии вермахта, наступавшей на Ленинград.

Шестнадцатая армия была атакована тридцать восьмой советской армией (командующий – генерал-лейтенант Рябышев Д.И.). В нее вошли 47-я горнострелковая дивизия, 169, 199, 300 и 304-я стрелковые дивизии, танковые, артиллерийские и другие соединения и части. Армия входила в состав Юго-Западного фронта.

Манштейну пришлось отражать контрудары советских войск, действуя в районе Демянска, а также в полосе между озерами Ильмень и Чудским. 13 сентября 1941 года Манштейн был назначен командующим 11-й армией, а командование 56-м моторизованным корпусом принял генерал танковых войск Фердинанд Шааль.

Крымская кампания

В сентябре 1941 года Манштейн получил новое назначение – командующим 11-й армией. 17 сентября 1941 года генерал пехоты Манштейн прибыл в штаб армии, располагавшийся в бывшем советском военном порту Николаеве, и принял командование армией. Помимо этого, на него возлагалось и командование примыкавшей к 11-й германской армии и 3-й румынской армией. По мнению Манштейна, недостатками румынской армии было как отсутствие профессионального унтер-офицерского корпуса, так и несоответствие боевой подготовки румынских солдат и офицеров требованиям разворачивающихся боевых действий, что привело в дальнейшем к большим боевым потерям. Другим недостатком румынских частей

было отсутствие у них современного вооружения, в первую очередь – противотанкового, что ставило под угрозу успешность обороны румынских позиций при танковой атаке Красной армии.

В своих воспоминаниях он так оценивает специфику Крымской кампании 11-й армии: «Это один из немногих случаев, когда армия имела возможность вести самостоятельные операции на отдельном театре. Она имела только свои собственные силы, но зато была избавлена от вмешательства Главного командования. Кроме того, в этой кампании на протяжении десяти месяцев непрерывных боев имели место и наступательные и оборонительные сражения, ведение свободных операций по типу маневренной войны, стремительное преследование, десантные операции противника, имевшего превосходство на море, бои с партизанами и наступление на мощную крепость». Кроме того, по уверениям Манштейна, трудности 11-й армии объяснялись и тем, что советский военно-морской флот господствовал на Черном море, поэтому вермахту было необходимо быстро захватить Крым и Севастополь. Значение Крымского полуострова для советского правительства было огромно – он являлся не только базой для советских ВВС, бомбивших румынские нефтепромыслы, поставлявшие в Германию стратегическое сырье. Через Крым лежал путь (вернее – один из путей) на Кавказ к советской нефти. Кроме того, имел значение и политический фактор – быстрый захват Германией Крыма и падение Севастополя могли оказать влияние на Турцию, могущую вступить в войну на стороне Третьего рейха. Поэтому советское Верховное командование стало готовить Крым к обороне, в первую очередь защитив единственный сухопутный путь к Крыму – через Перекопский перешеек, памятуя о своем удачном взятии полуострова в 1920 году.

11-я армия под командованием Манштейна располагалась на южной оконечности Восточного фронта. В то время как основные силы группы армий «Юг» наступали севернее Днепра, в зону боевых действий 11-й армии входил, по словам Манштейна, район Ногайской степи между нижним течением Буга, Черным и Азовским морями и изгибом Днепра южнее Запорожья, а также Крым. На этих степных просторах, являющихся идеальной местностью для действий танковых соединений, и двигалась армия, в которой этих самых частей не было. По плану, разработанному Верховным командованием Вооруженных

сил, 11-я армия должна была двигаться, преследуя отступающие части Красной армии по северному берегу Азовского моря в направлении Ростова, который рассматривался Адольфом Гитлером как трамплин для предстоящих операций германской армии на Кавказе. При этом первоочередной задачей являлся захват Крымского полуострова, после чего горный корпус, входивший в состав 11-й армии, переправившись через Керченский пролив, должен был развить наступление на Кавказ. Но одновременное выполнение этих обеих задач для 11-й армии оказалось нереальным из-за нехватки сил. По словам командующего армией, к моменту его вступления в должность в состав 11-й армии входили: «два корпуса, 30 ак генерала фон Зальмута (72 пд, 22 пд и лейб-штандарт) и 49 горный корпус генерала Кюблера (170 пд, 1 и 4 гпд), продолжали преследование разбитого на Днестре противника в восточном направлении и приближались к рубежу Мелитополь – изгиб Днестра южнее Запорожья. 54 ак под командованием генерала Ганзена, в составе 46 пд и 73 пд, свернул на подступы к Крыму, к Перекопскому перешейку. Прибывшая из Греции 50 пд частично (в составе 4 румынской армии) находилась под Одессой, частично очищала побережье Черного моря от остатков противника.

3 румынская армия в составе румынского горного корпуса (1, 2 и 4 горные бригады) и румынского кавалерийского корпуса (5, 6 и 8 кавалерийские бригады) находилась западнее Днестра. Армия намеревалась остановиться там на отдых. По-видимому, некоторую роль играло здесь нежелание продвигаться на восток дальше Днестра, после того как пришлось перейти Буг...» Решение о том, рисковать ли, выполняя продолжая выполнять две разные задачи одновременно ограниченными силами, которое обычно являлось прерогативой Верховного командования, в данном случае было предоставлено самому Манштейну. И тот решил, что захватить Крым силами только одного 54-го корпуса, подходившего к Перекопу, невозможно – по сообщениям немецкой разведки, для обороны Перекопского перешейка Красная армия могла использовать от трех (что было уже достаточно, по мнению Манштейна, и учитывая превосходство в крымском небе советских ВВС, для того, чтобы противостоять штурму и измотать части корпуса) до шести дивизий. Кроме того, разведка информировала о возможном усилении этих советских дивизий еще одной армией (Приморской), прежде занятой защитой Одессы, но по приказу

советской Ставки Верховного Главнокомандования переброшенной в Крым.

Поэтому одного корпуса для быстрого захвата было недостаточно. К тому же актуальным оставался вопрос – а хватит ли двух оставшихся (не считая 54-го, выделенного для захвата Крыма) корпусов, входивших в состав 11-й армии, для дальнейшего движения на Ростов? Учитывая озабоченность советского руководства охраной своих нефтяных месторождений (о чем германская разведка была в курсе), наступлению этой части 11-й армии Красная армия могла противопоставить свои новые резервы. Поэтому, вместо того чтобы погнаться за двумя зайцами, Манштейн решил выбрать одного. Но Крым или Ростов? Если бросить все силы 11-й армии в направлении Ростова, оставив в тылу Крым? Советский Крым, который сохранял (в том числе и благодаря военному порту Севастополю) господство на Черном море, представлял собой опасность для глубокого фланга Восточного фронта, не считая уже упомянутой ранее угрозы для румынских нефтяных скважин. Поэтому Манштейн выбрал нанесение решающего удара всеми имеющимися силами по советским войскам в Крыму.

Для реализации этого плана началось подтягивание к Крыму всей артиллерии армии (в том числе зенитной) и инженерных подразделений, и еще одного корпуса – немецкого горного. Ранее по плану Верховного командования Вооруженных сил, именно через Крым планировалось движение этого корпуса (состоящего из двух горнострелковых, 1-й и 4-й, дивизий) на Кавказ. Тем более, по мнению Манштейна, в гористой южной части Крымского полуострова действия горного корпуса были более эффективны, чем на степных просторах, расположенных по дороге к Ростову. Кроме того, командование 11-й армии планировало после прорыва советской обороны на Ишуньском перешейке, используя моторизованные подразделения, захватить с ходу советскую военно-морскую базу Севастополь, использовав для этого дивизию «Лейбштандарт Адольф Гитлер». Это элитное формирование войск СС, созданное на базе личной охраны Адольфа Гитлера, было одним из самых действенных военных сил Третьего рейха, что наглядно демонстрировало количество Рыцарских крестов, полученных в ходе боевых действий его солдатами и офицерами. «Лейбштандарт СС» в сентябре 1941 года был включен в состав 30-го корпуса,

входившего в 11-ю армию. «Лейбштандарт СС» являлся единственным моторизованным соединением этой армии.

К 24 декабря 1941 года завершилась подготовка 54-го корпуса к наступлению на Перекопский перешеек. Но уже тремя днями ранее у 11-й армии возникла другая проблема – на ее Восточном фронте, с которого был снят немецкий горный корпус. Отступавшая под напором вермахта Красная армия заняла оборону на заранее подготовленной по приказу Ставки позиции на рубеже западнее Мелитополь – изгиб Днепра южнее Запорожья. Теперь 11-я армия располагала на этом участке фронта 3-й румынской армией под командованием генерал-лейтенанта Петре Думитреску. Перед началом боевых действий против СССР эта армия (состоящая из горного и кавалерийского корпусов, пяти эскадрилий разведывательной и бомбардировочной авиации, а также разведывательных, артиллерийских и противотанковых подразделений) насчитывала 75 тысяч солдат и офицеров. По решению командования 11-й армии, для более эффективного ведения боевых действий румынские части были «перемешаны» с германскими.

А на направлении главного удара 54-го корпуса, несмотря на подтянутую к перешейку немецкую артиллерию, открывшую ураганный огонь по позициям Красной армии, пришлось вести тяжелые бои. По словам Манштейна, произошло это потому, что «противник превратил перешеек на глубину до 15 км в сплошную, хорошо оборудованную полосу обороны, в которой он ожесточенно сражался за каждую траншею, за каждый опорный пункт. Все же корпусу удалось, отбивая сильные контратаки противника, 26 сентября взять Перекоп и преодолеть «Татарский ров». В три последующих дня труднейшего наступления корпус прорвал оборону противника на всю ее глубину, взял сильно укрепленный населенный пункт Армянск и вышел на оперативный простор. Разбитый противник отошел к Ишуньскому перешейку с большими потерями. Нами было захвачено 10 000 пленных, 112 танков и 135 орудий».

Но это было только полпобеды – немецким войскам не удалось с ходу захватить и Ишуньский перешеек, обороняемый, по сведениям немецкой разведки, шестью советскими дивизиями. Поэтому командование 11-й армии, как уже отмечалось, планировало бросить против защитников Крыма свежие силы – немецкий горный корпус и «Лейбштандарт СС». Но советская Ставка, озабоченная возможной

потерей Крыма, начала 26 сентября наступление двумя армиями на Восточном фронте 11-й армии, между Днепром и Азовским морем. 30-му немецкому корпусу удалось при первом натиске Красной армии удержать свои позиции, но в позициях 3-й румынской армии образовалась брешь, ширина которой достигла 15 км. Отступившая с позиций румынская 4-я горная дивизия потеряла почти всю свою артиллерию и способность противостоять врагу. Остальные румынские части тоже понесли большие потери, и поэтому Манштейн принял решение перебросить на этот участок фронта немецкий горный корпус, в тот момент уже приближавшийся к Перекопу. В это же время командованием 11-й армии был получен приказ Верховного командования о передаче «Лейбштандарта» в состав 1-й танковой группы, силами которой планировалось совершить прорыв на Ростов. 29 сентября «Лейбштандарт» был перебросен для ликвидации прорыва, совершенного двумя советскими армиями (9-й и 18-й) Южного фронта. После этого в составе 1-й танковой группы «Лейбштандарт» участвовал в окружении и разгроме советской 18-й армии (в плен было захвачено около ста тысяч советских солдат и офицеров, согласно данным Маштейна – 65 000 пленных, 125 танков и свыше 500 орудий), заняв 8 октября город Мариуполь. После этого «Лейбштандарт», включенный в состав 3-го моторизованного корпуса 1-й танковой армии, двигался на Ростов. «Лейбштандарт», действовавший на направлении главного удара, 17 октября захватил Таганрог, а через месяц дошел до цели своего наступления – Ростова. Этот город был ключевым узлом железных и автомобильных дорог, связывавшим центральные районы Советского Союза с Кавказом и Украиной. Через несколько дней после трех суток боев Ростов был освобожден советскими войсками от подразделений «Лейбштандарта», считавшегося непобедимым и впервые потерпевшего серьезное поражение.

А оставшиеся под командованием Манштейна подразделения 11-й армии (двумя корпусами – 30-м и 54-м) должны были выполнить одну задачу – захватить Крым. При этом 3-я румынская армия, уже изрядно потрепанная в боях, получила задание заняться охраной Черноморского и Азовского побережья (затем – восточного побережья Крыма). После того как будет захвачен Крым, Верховное командование Вооруженных сил требовало от Манштейна, чтобы один из корпусов 11-й армии был

направлен на Кубань – через Керченский пролив. И тогда командующий 11-й армией потребовал для выполнения задачи по быстрому захвату Крыма передачи 11-й армии еще одного корпуса. По данным германской разведки, командование Красной армии собиралось удерживать Крым до последней возможности, и скорее пошло бы на сдачу Одессы, чем Севастополя. Вскоре 11-й армии был придан еще один корпус – 42-й, в состав которого входили две дивизии, а не три, как рассчитывал Манштейн.

В ходе десятидневных боев за Ишуньский перешеек преимущество у немецких войск было в артиллерии, а в численности сражающихся перевес был на стороне Красной армии. В воздухе преимуществом обладали советские бомбардировщики и истребители. Как писал в своих мемуарах Манштейн, «шести дивизиям 11 армии уже очень скоро противостояли 8 советских стрелковых и 4 кавалерийские дивизии, так как 16 октября русские эвакуировали безуспешно осаждавшуюся 4 румынской армией крепость Одессу и перебросили защищавшую ее армию по морю в Крым. И хотя наша авиация сообщила, что потоплены советские суда общим тоннажем 32000 т, все же большинство транспортов из Одессы добралось до Севастополя и портов на западном берегу Крыма. Первые из дивизий этой армии вскоре после начала нашего наступления и появились на фронте... В то время как Советы для контратак располагали многочисленными танками, 11 армия не имела ни одного. Командование не имело к тому же никаких возможностей облегчить войскам тяжелую задачу наступления какими-либо тактическими мероприятиями. О внезапном нападении на противника в этой обстановке не могло быть и речи. Противник ожидал наступления на хорошо оборудованных оборонительных позициях. Как и под Перекопом, всякая возможность охвата или хотя бы ведения фланкирующего огня была исключена, так как фронт упирался с одной стороны в Сиваш, а с другой – в море. Наступление должно было вестись только фронтально, как бы по трем узким каналам, на которые перешеек был разделен расположенными здесь озерами.

Ширина этих полос допускала сначала введение в бой только трех дивизий (73, 46 и 22 пд) 54 ак, в то время как 30 ак мог вступить в бой только тогда, когда будет занято некоторое пространство южнее перешейков.

К тому же совершенно плоская, покрытая только травой солончаковая степь не предоставляла наступающим ни малейшего укрытия..» Ситуация в небе изменилась, когда 11-й армии была подчинена 51-я истребительная эскадра (с 22 ноября 1941 года, после гибели бывшего командира эскадры, прославленного немецкого летчика-аса Вернера Мельдерса получила официальное название «Мельдерс»), одна из лидирующих по числу сбитых самолетов неприятеля в германских ВВС. Но воздушные налеты советских бомбардировщиков не прекратились, и потери в 11-й армии росли.

28 октября немецкие войска прорвали советскую оборону и части Красной армии начали отступление. 11-я армия начала преследование, стремясь отрезать пути отступления советской Приморской армии (состоявшей из пяти стрелковых и двух кавалерийских дивизий) в южной направлении, к городу Симферополь, являвшемуся ключом к крымским шоссейным дорогам, в том числе ведущим к портам. Другой советский отряд отходил на юго-восток. По данным немецкой военной разведки, еще три советские дивизии, выполнявшие роль резерва, базировались в районе Севастополя и Симферополя.

Командование 11-й армии опасалось, что оттесненные с перешейка советские войска, сохранившие боеспособность и могущие получить подкрепления морским путем, сделают южную часть Крымского полуострова опорной базой для советского флота и ВВС. Другим возможным, по мнению немцев, вариантом развития событий была оборона советскими войсками Севастопольского укрепрайона и Керченского полуострова. Поэтому полученное подкрепление – 42 ак – было направлено Манштейном для преследования частей Красной армии, двигавшихся в направлении Феодосия – Керчь, и помешать эвакуации советских войск через эти порты. Но главной задачей немецких войск на этом этапе было не допустить отступления Красной армии к Севастопольскому укрепрайону. Поэтому немецкий 30 ак двинулся в направлении Симферополя, чтобы помешать отступающим частям Красной армии организовать оборону у северных отрогов гор. 54 ак начал преследование советских войск, отступающих в направлении Бахчисарай – Севастополь, рассчитывая с ходу взять Севастополь. Неудачу в реализации этого плана Манштейн позже объяснял отсутствием под его командованием моторизованного соединения, необходимого для внезапного захвата города-крепости:

«Все старания командования армии получить взамен взятого у него «Лейб-штандарта» 60 моторизованную дивизию, которая ввиду недостатка горючего все равно бездействовала в составе 1 танковой группы, ни к чему не привели из-за упрямства Гитлера, у которого была перед глазами только одна цель – Ростов. Наскоро сформированное командованием армии соединение в составе румынского моторизованного полка, немецких разведывательных батальонов, противотанковых и моторизованных артиллерийских дивизионов (бригада Циглера) не могло возместить этого недостатка». Но в остальном план Манштейна был исполнен – 42 ак с ходу захватил Феодосию, помешав отступающим частям Красной армии эвакуироваться через этот порт. 1 ноября был взят Симферополь. 15 ноября советские войска оставили Керчь. К 16 ноября 1941 года армии под командованием Манштейна удалось захватить всю территорию Крымского полуострова – за исключением Севастопольского крепостного района, и лишь немногим советским солдатам и офицерам удалось эвакуироваться через пролив на Таманский полуостров. Помимо этого, войскам 11-й армии удалось перерезать все шоссейные дороги, ведущие к Севастополю, и советским войскам пришлось отходить к укрепрайону по труднопроходимым горным дорогам, бросив орудия и транспорт. Но гарнизон Севастополя еще мог получать подкрепления по морю. Движение 54 ак к Севастополю советскими войсками было остановлено. Манштейн в своих воспоминаниях описывает и тех, кто стал помогать немцам: «Татары сразу же встали на нашу сторону. Они видели в нас своих освободителей от большевистского ига, тем более что мы уважали их религиозные обычаи. Ко мне прибыла татарская депутация, принеся фрукты и красивые ткани ручной работы для освободителя татар «Адольфа Эффенди».

Сил для штурма последнего оплота Красной армии в Крыму – Севастополя у Манштейна было недостаточно – против четырех немецких дивизий защитники крепости могли выставить (с учетом подкрепления, прибывшего морским путем) девять. Поэтому сначала Манштейну предстояло заняться тем, что завершить окружение крепости и ликвидировать опасность высадки советских войск с моря. Для решительного наступления на Севастополь Манштейну предстояло сгруппировать все имевшиеся под его командованием силы, что было

рискованно – по словам Манштейна, «было также ясно, что противник, безраздельно господствовавший на море, мог предпринять высадку в любой момент и на любом облюбованном им для этой цели участке побережья, если побережье не будет обеспечено достаточной охраной. Таким образом, командование армии стояло перед выбором – или пойти на большой риск, оголив территорию Крыма и в особенности Керченский полуостров, или же заранее поставить под вопрос успех предполагаемого штурма, выделив для него заведомо недостаточно сил. Выбор выпал в пользу штурма».

Для успешного штурма Севастополя надо было захватить порт, и поэтому Манштейн планировал нанести главный удар с севера в направлении порта. Тем более, что местность на южном участке была труднопреодолимой для наступления. Поэтому на юге было решено нанести сковывающий удар силами 30-го корпуса. На севере же наступал 54-й корпус, поддержанный огнем тяжелой артиллерии. Охрану тыла обеспечивали 8-я румынская кавалерийская бригада и немецкие тыловые подразделения.

Первоначально наступление Манштейн планировал на 27 ноября 1941 года, но из-за дождей вышли из строя многие крымские дороги и штурм Севастополя был сдвинут на три недели. 17 декабря началась артиллерийская подготовка и 11-я армия сделала попытку овладеть Севастополем. Но 26 декабря 1941 года, желая удержать город, командование Кавказского фронта начала высадку десантов в районе Феодосии и в Керчи с целью освобождения всего Крыма, и немецкий 46-й армейский корпус начал отступление, бросив часть имущества и тяжелого вооружения. Его командир генерал Ханс Граф фон Шпонек был вызван в Ставку Гитлера и отдан под трибунал, приговоривший его к смертной казни (замененной тюремным заключением, несмотря на попытки Манштейна помочь своему бывшему подчиненному). Но Манштейну пришлось отказаться от штурма Севастополя – ведь против советских десантов могли быть брошены только одна немецкая дивизия и две румынские бригады. Но даже переброска части армии из-под Севастополя не могла помочь противопоставить советским войскам достойного противника. В это время, по словам Манштейна, «решалась бы судьба всей 11 армии. Более решительный противник мог бы стремительным прорывом на Джанкой парализовать все снабжение армии. Отозванные от Севастополя войска – 170 пд, а после

прекращения наступления с севера и 132 пд – могли прибыть в район западнее или северо-западнее Феодосии не раньше чем через 14 дней. Но противник не сумел использовать благоприятный момент. Либо командование противника не поняло своих преимуществ в этой обстановке, либо оно не решилось немедленно их использовать. Из захваченных нами оперативных карт было видно, что высадившаяся у Феодосии 44 армия имела только одну цель – выйти к 4 января в район западнее и северо-западнее города Старый Крым имевшимися к этому времени в ее распоряжении шестью дивизиями, чтобы затем занять оборону на достигнутом рубеже. По-видимому, даже имея тройное превосходство в силах, противник не решался на смелую глубокую операцию, которая могла бы привести к разгрому 11 армии. Очевидно, он хотел накопить сперва еще больше сил».

В результате две советские армии захватили Керченский полуостров, но не перерезали, к удивлению Манштейна, жизненную артерию 11-й армии – железную дорогу Джанкой – Симферополь. 5 января под прикрытием советских военных кораблей высадился десант в Евпатории, в городе началось восстание, в котором приняли участие и подошедшие партизаны. 7 января 1942 года восстание было подавлено немецкими войсками. Но в это время в Феодосии высадись новые части Красной армии, и поэтому Манштейн начал подготовку к нанесению контрудара силами двух корпусов, который начался 15 января. Через три дня Феодосия была взята. Но, как подчеркивает Манштейн, это не помешало его противнику подтягивать в Крым свежие силы: «Располагая «Керченской ледовой дорогой», он (Красная армия. – *Примеч. авт.*) не особенно пострадал от потери феодосийского порта. Воздушная разведка постоянно обнаруживала большие скопления сил противника в портах Черноморского побережья, а также на аэродромах Северного Кавказа. Уже 29 января данные разведки говорили о том, что противник все еще, или, вернее, снова располагает на парпачском участке 9 дивизиями, двумя стрелковыми бригадами и двумя танковыми бригадами. И на севастопольском участке активность противника, особенно активность его артиллерии, снова возросла. Мы уже вынуждены были выжидать и на обоих участках приготовить все для горячего приема противника, на случай если он перейдет в наступление». Оно началось 27 февраля с попытки советских войск прорваться на Севастопольском фронте на север. Бои продолжались до

3 марта, потом наступила пауза до 13 марта, после чего схватки продолжились. 20 марта немцы сами перешли в наступление, закончившееся неудачей. 9 апреля в атаку перешли советские войска (по словам Манштейна, силами 6–8 пехотных дивизий при поддержке 160 танков), но их наступление через день было остановлено.

Для решающего разгрома советских войск в Крыму командующим 11-й армией и его штабом был разработан план операции «Охота на дроф». По словам Манштейна, «замысел заключался в том, чтобы нанести решающий удар не непосредственно по выдающейся вперед дуге фронта противника, а на южном участке, вдоль побережья Черного моря, то есть в том месте, где противник, по-видимому, меньше всего его ожидал. Эта задача возлагалась на 30 ак, в составе 28 лпд, 132 и 50 пд, а также на 22 тд.

170 пд, которая вначале должна была оставаться на центральном участке с целью введения противника в заблуждение, впоследствии должна была продвигаться вслед за наступающими на южном участке войсками. Корпус должен был прорвать позицию на Парпачском перешейке, имея в первом эшелоне все 3 пехотные дивизии. Его ближайшая задача заключалась в том, чтобы захватить плацдарм по ту сторону противотанкового рва и этим обеспечить 22 тд возможность преодолеть ров. Затем он должен был повернуть на северо-восток и позже на север, чтобы ударить во фланг и в тыл основным силам противника, занимавшим оборону на северном участке, а также находившимся там в резерве, и окружить их у северного побережья полуострова во взаимодействии с 42 ак и румынским 7 ак. Прикрытие образующегося при этом маневре открытого восточного фланга корпуса против возможного удара противника со стороны Керчи возлагалось на моторизованное соединение – бригаду Гроддека, составленную из немецких и румынских моторизованных частей. Бригада должна была обеспечить выполнение этой своей задачи путем наступательных действий, быстро продвигаясь в направлении на Керчь, чтобы одновременно отрезать путь отхода на тыловые позиции отступающим частям противника».

8 мая 1942 года, после перегруппировки сил, 11-я армия под командованием Манштейна нанесла контрудар и разгромила войска советского Крымского фронта (44, 47 и 51-я советские армии). Высаженный с моря десант застал части Красной армии врасплох. 22-я

танковая дивизия, вышедшая с боями на северное побережье, «загнала» в котел около восьми советских дивизий. 16 мая немцами была захвачена Керчь. Германская артиллерия вела огонь по последним опорным пунктам советской армии на Керченском полуострове, которые пали 18 мая. По данным командования 11-й немецкой армией в ходе сражения на Керченском полуострове было захвачено в плен около 170 000 советских солдат и офицеров, 1133 орудия и 258 танков. Остался непобежденным только Севастополь, и Манштейн начал перегруппировку войск для наступления на этот укрепленный район.

Командование 11-й немецкой армии заранее просчитало все плюсы и минусы советской обороны. По словам Манштейна, «основное, чем была сильна крепость Севастополь, заключалось не в наличии современных крепостных сооружений, хотя и они имелись в некотором количестве. Основными факторами были чрезвычайно труднодоступная местность и то, что эта местность была усилена огромным количеством мелких оборонительных сооружений. Они густой сетью покрывали весь район от долины реки Бельбек до Черного моря. Особенно сильно был укреплен участок местности между долиной реки Бельбек и бухтой Северной, представлявший собой сплошной укрепленный район. Северный участок фронта проходил южнее реки Бельбек.

Но, правда, противник удерживал и севернее реки большой опорный пункт у села Любимовка и участок севернее его. Сама долина, а также поднимающиеся на юге склоны гор простреливались в продольном направлении батареями 305-мм орудий (в броневых башнях), оборудованной по последнему слову техники (мы называли ее «Максим Горький»). Сами же склоны были покрыты густой сетью укреплений полевого типа, в том числе и бетонных долговременных сооружений, простиравшихся на глубину до 2 км. Далее следовал ряд хорошо укрепленных, большей частью бетонированных опорных пунктов, названных нами «Сталин», «Волга», «Сибирь», «Молотов», «ГПУ», «ЧК». Все они были связаны между собой цепью полевых сооружений. Третья полоса, состоявшая из опорных пунктов «Донец», «Волга», «Ленин», а также из оборудованного как опорный пункт населенного пункта Бартеньевка, старого Северного форта и береговых батарей на мысе «Батарейном», являлась последней линией обороны, прикрывавшей подступы к северному крутому берегу бухты Северной.

В скалах берега на глубине 30 м были вырублены помещения для складов боепитания и резервов.

Восточный участок фронта начинался примерно в двух километрах восточнее села Бельбек поворотом линии фронта на юг. Стык обоих участков был прикрыт глубоким и крутым Камышлинским ущельем. Далее северный фланг восточного участка проходил через густые заросли кустарника, покрывавшие крутые высоты, являвшиеся отрогами Яйлы. В этих зарослях кустарника было расположено множество мелких долговременных сооружений, в том числе и выбитых в скалах, почти неуязвимых для артиллерии наступающего. Этот проходивший по лесу северный участок заканчивался на крутых высотах южнее и юго-восточнее села Гайтаны.

Позади этой первой линии обороны на южном участке севернее дороги поднимался массив Федюхиных высот; эта линия продолжалась далее на юг до прибрежных гор такими опорными пунктами, как «Орлиная высота» и укрепленная деревня Кадыковка. Все они образовывали, если можно так выразиться, полосу обеспечения самой мощной позиции противника на Сапун-горе. Это – круто обрывающаяся на восток гряда высот, которая, начинаясь от скал у Инкермана, господствует над долиной реки Черная, заходя на юг дальше села Гайтаны. Затем эта горная гряда поворачивает на юг, как бы перекрывая дорогу на Севастополь. С берегом она смыкается через высоту «Ветряная мельница», которая представляет собой западную оконечность прибрежных гор. Из-за крутых склонов и хороших условий для ведения фланкирующего огня эта позиция была почти неуязвима для пехоты. С расположенных на ней артиллерийских НП на большое расстояние просматривается весь район крепости».

Кроме того, у берега располагались береговые батареи и сплошная позиция, состоявшая из противотанкового рва, проволочных заграждений, и даже старинное английское кладбище времен Крымской войны, расположенное юго-восточнее города. Поэтому при разработке плана штурма штаб 11-й армии пришел к выводу, что наступление на город возможно только с севера и северо-востока, но необходимо было вести наступление и юге – для того, чтобы добиться распыления сил обороняющихся советских войск. Разработанная штабом 11-й армии операция по взятию Севастополя получила название «Лов осетра». Основное наступление вел 54-й корпус, в состав которого входили 22,

24, 50 и 132-я пехотные дивизии. На юге наступал 30-й корпус, состоящий из 72, 170 и 28-й дивизий. Румынский горный корпус должен был сковывать действия противника и не дать ему возможности снимать войска со своего участка фронта. За пять дней до начала своего наступления немецкая артиллерия начала наносить удары резервам Красной армии и коммуникациям, а затем – по оборонительным сооружениям и артиллерийским батареям. На долю люфтваффе осталось непрерывное нанесение бомбовых ударов по самому городу, порту, тылам и аэродромам советских войск. Но основной упор делался Манштейном на применение артиллерии – неслучайно в своих воспоминаниях он отмечал, что во Второй мировой войне вермахт никогда не достигал такого массированного применения артиллерии, как в наступлении на Севастополь, – при ударе 7 июня 1942 года по советским позициям использовалось, не считая зенитной артиллерии, 208 батарей на фронте в 35 км, то есть едва 6 батарей на километр фронта, причем на важнейших участках эта цифра была увеличена в несколько раз.

Манштейн так описывает развитие наступления: «В первый день при мощной поддержке крупных сил артиллерии и 8 авиационного корпуса, совершавшего непрерывные налеты на позиции противника, удалось преодолеть ущелье Камышлы и долину реки Бельбек и закрепиться на господствующих высотах южнее долины.

На южном фланге 30 ак имел задачу, прежде всего, захватить для себя по обе стороны большой севастопольской дороги исходные позиции для продолжения наступления, которое корпус должен был начать своими главными силами только через несколько дней.

Второй этап наступления, до 17 июня, характеризуется на обоих фронтах наступления ожесточенной борьбой за каждую пядь земли, за каждый ДОС, за каждую полевою позицию. Ожесточенными контратаками русские вновь и вновь пытаются вернуть потерянные позиции. В своих прочных опорных пунктах, а то и в небольших ДОС, они часто держатся до последнего человека. В этих боях, основная тяжесть которых приходится на пехоту и саперные войска, заслуживает особого упоминания работа передовых наблюдателей артиллерии. Это они корректировали огонь, с помощью которого удавалось занять отдельные опорные пункты или ДОС. Они, а в еще большей степени

самоходные артиллерийские установки были лучшими помощниками пехоты.

13 июня храбрым солдатам 16 пп 22 дивизии (командир полка полковник фон Холтитц) удалось овладеть фортом «Сталин», перед которым зимой было остановлено наступление полка. Дух нашей пехоты можно видеть на примере одного раненого из этого полка. Указывая на свою раздробленную руку и перевязанную голову, он говорит: «Это не так уж плохо – зато в наших руках «Сталин»!»

До 17 июня удается – правда, ценой больших потерь – на большую глубину и на широком участке вклиниться в долговременный оборонительный рубеж на севере. Оборонительные сооружения второй линии обороны – «ЧК», «ГПУ», «Сибирь», «Волга» – в наших руках.

В полосе наступления 30 ак к 17 июня также удается вклиниться в передовые оборонительные посты противника, выдвинутые перед его позицией в районе Сапун-горы. В тяжелых боях 72 дивизия овладевает укрепленными опорными пунктами первой оборонительной зоны: «Северный нос», «Гора Капелла», «Руина»; в это время 170 дивизия занимает Камары. Также и севернее полосы наступления корпуса 1 румынской горнострелковой дивизии удается, наконец, после многократных безуспешных атак овладеть «Сахарной головой». Между тем 28 легкая дивизия очень медленно с боями продвигалась в прибрежных горах с отвесными скалами, через «Холм роз», через высоты «Киноварь I и II». Собственно бой в скалистой местности, изрезанной глубокими ущельями, может вестись только на основе использования действий штурмовых групп и связан со значительными потерями».

Между тем Манштейну приходилось вести и переговоры с командованием ОКХ, которое собиралось снять 8-й авиационный корпус с крымского участка фронта для наступления на Украине, если Манштейн не готов гарантировать скорого падения Севастополя. Манштейну также удалось получить в распоряжение 11-й армии 3 пехотных полка. 18 июня части 72-й дивизии захватили укрепленную «Орлиную высоту», а 170-я дивизия – Федюхинские высоты. На северном участке немцам удалось занять оборонительные сооружения полуострова, господствующие над входом в бухту Северная, и в том числе – форт Северный. К 26 июня немцам удалось

захватить почти весь внешний обвод крепости и теперь осталось прорвать внутренний пояс крепости.

Для уничтожения советских позиций на Сапун-горе Манштейн решил в полночь 28 июня атаковать там, где немецкий десант не ждали, – через бухту Северная: «Непрерывная бомбардировка города 8 авиационным корпусом должна была заглушить шум на северном берегу бухты. Вся артиллерия была в готовности открыть ураганный огонь по высотам южного берега, как только огонь оттуда показал бы, что противник разгадал наш замысел. Но на противоположной стороне все было спокойно. Трудный спуск штурмовых лодок на воду и их погрузка удалась. В 1 час ночи от северного берега отчалил первый эшелон 24 и 22 дивизий, и лодки взяли курс на южный берег.

Переправа, которая явилась для противника совершенно неожиданной, удалась. Смелый прыжок через морскую бухту увенчался успехом. Когда вражеская оборона района южных высот вступила в действие, наши brave пехотинцы уже закрепились на южном берегу. Обнаруживаемые огневые средства противника на скатах высот южного берега уничтожались нашим огнем; наши войска поднялись на плоскогорье. Тем самым была уничтожена представлявшая серьезную угрозу позиция на Сапунских высотах.

С первым ружейным выстрелом начали атаку этой позиции также и войска, действовавшие с фронта.

На левом фланге 54 ак 50 дивизия и вновь введенная в бой 132 дивизия (с полками 46 дивизии) из района Гайтаны и южнее начали атаку высот в районе Инкермана и южнее его, поддержанную с фланга артиллерией, расположенной на северном берегу бухты Северная. В эту атаку включились и войска правого фланга румынского горнострелкового корпуса.

Также на рассвете перешел в решительную атаку на Сапунские высоты 30 ак, поддержанный дальнобойными батареями 54 ак и последовательными воздушными атаками 8 авиационного корпуса. В то время как корпус демонстрировал артиллерийским огнем наступление на широком фронте, 170 пд этого корпуса изготовилась для удара в очень узкой полосе у Федюхиных высот. Наступление сопровождалось огнем прямой наводкой одного зенитного артиллерийского полка, штурмовыми орудиями и 300 танковым батальоном. Дивизия быстро вышла на высоты по обе стороны большой севастопольской дороги.

Используя момент внезапности, она вскоре овладела таким широким участком в северном, восточном и южном направлениях, что корпус смог подтянуть на высоты другие свои дивизии.

С успешной переправой через бухту, падением Инкерманских высот и прорывом 30 ак Сапунской позиции судьба Севастопольской крепости была решена».

Но Севастополь продолжал обороняться – в городе-крепости раз за разом звучал по радио приказ И. Сталина держаться до последнего человека. И поэтому, не желая нести больших потерь в уличных схватках, Манштейн не стал вводить 11-ю армию в Севастополь, а отдал приказ 1 июля начать массированный артобстрел окраинных укреплений и городских опорных пунктов, сопровождая его бомбовыми ударами 8-го авиационного корпуса. Через несколько часов немецкая разведка доложила, что советские войска покинули город. Позже выяснилось, что Приморская армия, ушедшая из города, попыталась организовать сопротивление на позициях, прикрывавших Херсонесский полуостров. Боевые действия на полуострове длились еще три дня, в ходе которых был захвачен обороняемый советскими войсками бронированный ДОС «Максим Горький II». Части Красной армии, которые не смогли эвакуировать морем, пытались ночами прорваться в восточном направлении, в горы к партизанам или укрыться в пещерах, расположенных в крутых берегах Херсонесского полуострова. Большинство из них сдались 4 июля 1942 года, так и не дождавшись эвакуации.

Манштейн был одним из лучших полководцев Третьего рейха – он в каждой операции старался использовать как потенциал подчиненных ему войск, так и слабости противника. Гитлер, с которым генерал часто спорил, дал ему такую красноречивую характеристику: «Возможно, что Манштейн – это лучшие мозги, какие только породил на свет корпус генштаба». Но именно Крымская компания 1941–1942 гг. стала для Манштейна звездным часом. Его талант был оценен по достоинству. Так сам Манштейн оценивал итоги взятия Севастополя: «Крепость с мощными естественными препятствиями, оборудованная всеми возможными средствами и оборонявшаяся целой армией, пала. Эта армия была уничтожена, весь Крым был теперь в наших руках. С оперативной точки зрения, 11 армия как раз вовремя освободилась для

использования в большом немецком наступлении на южном участке Восточного фронта».

Курт фон Типпельскирх, немецкий кадровый военный, генерал пехоты (до января 1942 года являвшийся начальником разведывательного управления (обер-квартирмейстер IV) Генерального штаба сухопутных сил) в одной из первых книг (1951), посвященных истории Второй мировой войны, так оценивает роль Севастопольского укрепрайона: «Эту крепость, прикрываемую многочисленными оборонительными сооружениями долговременного и полевого типа, можно было атаковать только после интенсивнейшей авиационной и артиллерийской подготовки. Такая подготовка, для которой была сосредоточена мощная осадная артиллерия, в том числе и 650-мм мортиры, началась 3 июня вначале на северном участке, где противник предпринимал контратаки. 7 июня немецко-румынские войска перешли в наступление. Потребовались две недели для того, чтобы прорвать сильные позиции и достигнуть Северной бухты. Этим был сломлен хребет обороны, так как наступающие теперь господствовали над бухтой и портом и могли воспрепятствовать всякому снабжению Севастополя по морю. 10 июня последовало второе наступление в южной части восточного участка. К 29 июня немецкие войска вышли к восточной оконечности Северной бухты, а также продвинулись южнее города на запад. 1 июля после сильной артиллерийской и авиационной подготовки был предпринят штурм центральной части города с востока и юга. На следующий день немецкие войска очистили от противника мыс Херсонес. Общие трофеи составляли 100 тыс. пленных, 622 орудия, 26 танков и 141 самолет. Теперь Крым полностью находился в руках немцев».

И за эту блестяще поведенную военную компанию незамедлительно, а вернее будет сказать – еще за три дня до ее окончания, последовала награда от А. Гитлера. Так это в своих мемуарах описывает Манштейн: «1 июля вечером я с моими ближайшими помощниками из оперативной группы штаба находился на нашем командном пункте, в небольшом татарском домике в Юхары-Каралес... Тут раздались по радио звуки победных фанфар, которыми началось специальное сообщение о падении Севастополя. Вслед за тем была передана следующая телеграмма:

«Командующему Крымской армией генерал-полковнику фон Манштейну.

С благодарностью отмечая Ваши особые заслуги в победоносно проведенных боях в Крыму, увенчавшихся разгромом противника в керченском сражении и захватом мощной Севастопольской крепости, славящейся своими естественными препятствиями и искусственными укреплениями, я присваиваю Вам чин генерал-фельдмаршала. Присвоением Вам этого чина и учреждением специального знака для всех участников крымских боев я перед всем немецким народом отдаю дань героическим подвигам сражающихся под Вашим командованием войск.

Адольф Гитлер».

После того как мы 1 июля поздним вечером, по получении телеграммы фюрера о присвоении мне звания фельдмаршала и учреждении знака «Крымский щит» для 11 армии...»

Сталинград: попытка деблокады

После завоевания Крыма генерал-фельдмаршал Манштейн вместе с 11-й армией был переброшен под Ленинград. Армия была включена в состав группы армий «Север» и должна была нанести решающий удар по осажденному Ленинграду. Победитель Севастополя, Манштейн, по мнению Гитлера, был именно тем военачальником, под командованием которого войска должны были взять штурмом город на Неве. Был разработан план операции «Нордлихт», запланированной на 15 сентября 1942 года. Манштейн считал, что для успешного захвата Ленинграда нужно организовать его одновременный штурм как немецкими, так и финскими (с севера) войсками, в чем финское правительство отказывалось участвовать. Но, невзирая на разгром 2-й ударной армии, Красная армия первой нанесла удар по врагу. 19 августа 1942 года в наступление перешли войска Ленинградского фронта, а спустя восемь дней – части Волховского фронта (командующий – генерал армии К.А. Мерецков), и немцам пришлось перейти к обороне. Теперь о штурме Ленинграда не было и речи. В ходе ожесточенных боев, которые продолжались до конца октября, погиб при взрыве авиабомбы девятнадцатилетний Геро фон Манштейн (Геро Эрих

Сильвестр фон Манштейн), старший сын Эриха, лейтенант 51-го полка 18-й моторизированной дивизии, офицер по поручениям. После похорон Эрих фон Манштейн уехал в Германию, а когда вернулся на фронт, то вскоре пришло известие об окружении 6-й армии под командованием Ф. Паулюса.

Чтобы ее спасти, Гитлер назначил в ноябре 1942 года генерал-фельдмаршала Манштейна командующим вновь сформированной группы армий «Дон», в состав которой были включены: 4-я танковая армия Г. Гота, 6-я армия Паулюса и 3-я румынская армия П. Думитреску. 12 декабря началось наступление немецких войск под руководством Манштейна на Сталинград, чтобы деблокировать армию Паулюса. Через 12 дней танки Манштейна были уже в 50 км от осажденного города, но дальше он продвинуться не смог – его удар отразили войска 2-й гвардейской армии под командованием Р. Малиновского. Затем войскам под командованием Манштейна пришлось отступать, и они с трудом сумели удержать стратегически важный Ростов-на-Дону и не дать советским войскам разгромить южное крыло Восточного фронта.

Группа армий «Дон» 13 февраля 1943 года переименована в группу армий «Юг», и ее командующий Манштейн в феврале – марте снова смог проявить свой незаурядный полководческий талант, проведя успешное контрнаступление на харьковском направлении – во время третьей битвы за Харьков. Неслучайно спустя десятилетия проведенная под командованием Манштейна операция стала предметом изучения в военных учебных заведениях, а точнее – образцом для построения подвижной обороны.

В ходе Острогожско-Россошанской операции командование Красной армии планировало нанести массированный танковый удар в направлении Харькова – Запорожье и взять стратегическую инициативу на юго-западном направлении в свои руки. С точки зрения Манштейна, существовала серьезная опасность, что Красная армия отсечет силы сил группы армий «А» на Кубани и всей южной группы войск от Днепра до Азовского моря. Поскольку на южном фланге может решиться судьба всего Восточного фронта, а группе армий «Юг» не хватало сил для обороны протяженного фронта (700 км, обороняемые 30 дивизиями), то Гитлер был вынужден согласиться на предложение Манштейна о сокращении восточного участка группы до рубежа Миуса. В своих

мемуарах Манштейн отмечает: «Наша группа должна была выполнять две задачи. Она должна была пытаться удерживать восточный участок по Миусу. Нельзя было сказать, выполнима ли была эта задача для данного участка фронта при наличии таких небольших сил и ввиду отсутствия резервов, особенно танковых дивизий. Далее, 4 танковая армия должна была быстро разгромить противника в брешу между 1 танковой армией и группой Кемпфа и воспрепятствовать тем самым отсечению группы от переправ через Днепр. В противном случае вследствие недостатка горючего основная масса сил должна была скоро стать не способной к движению...

День 21 февраля принес первые признаки облегчения на главных участках фронта.

Восточный участок по Миусу держался. Остатки уже давно окруженного за линией фронта у Дебальцево кавалерийского корпуса противника вынуждены были, наконец, сдаться. Был окружен также вражеский танковый корпус, прорвавший позиции на Миусе у Матвеева Кургана, и шли бои по его уничтожению.

На правом фланге 1 танковой армии противник продолжал оказывать давление на группу Фреттера, явно с намерением взломать оборону на Миусе или уничтожить войска на северном участке 1 танковой армии. Перед фронтом этой армии противник вел себя спокойно. Перехваченные радиogramмы говорили о том, что группа противника, сражавшаяся перед западным участком 1 танковой армии у Гришино и в районе Краматорска (группа Попова), испытывала трудности. Очевидно, плохо было дело с подвозом.

4 танковая армия заняла Павлоград. Можно было надеяться, что ее последние подразделения придут еще до начала распутицы. Для нас уже не было большой опасностью то, что одна небольшая танковая группа противника подошла к Запорожью. Она остановилась в 20 км от города вследствие недостатка горючего, и нам удалось впоследствии расчленив ее на мелкие группы и уничтожить...

Ближайшие дни принесли ожидавшийся успех контрудару 4 танковой армии, и инициатива в этой кампании, наконец, вновь перешла к нам. Сначала армия разбила силы противника, наступавшие на переправы через Днепр, то есть группировку в районе Павлограда и южнее его...

К 1 марта стало ясно, что русские ввиду своего поражения в районе между Донцом и Днепром и перед северным фронтом 1 танковой армии ослабили свое сопротивление, и что наша армия вновь сможет овладеть рубежом по Донцу. Было заманчивым последовать за противником через еще скованный льдом Донец, чтобы потом зайти ему в тыл у Харькова и западнее его.

Сначала надо было, однако, разбить южный фланг харьковской группировки противника, крупные силы которой стояли юго-западнее Харькова, на Берестовой, чтобы освободить себе руки для наступления через средний Донец. Возможно ли это в связи с наступающим скоро периодом распутицы – было более чем сомнительно. Поэтому группа должна была сначала удовлетвориться тем, чтобы встретить харьковскую группировку противника западнее Донца и разбить ее там...

2 марта группа могла уже выявить результаты своего первого контрудара, проведенного ею силами 4 танковой армии и левым флангом 1 танковой армии по группировке противника, расположенной между Донцом и Днепром. В результате этого удара, а также в результате успешной обороны группы Голлидта на Миусе, вражеские армии Юго-Западного фронта были настолько сильно потрепаны, что они уже не были способны к наступлению. Особенно ослаб натиск частей противника, наступавших на левый фланг 1 танковой армии и в стык между нею и группой Кемпфа: 6 армия противника, группа Попова, действовавшая у Гришино, и 1 гвардейская армия. Можно было полагать, что мы уничтожили 25 тк и три стрелковые дивизии, разгромили 3 тк и 4 Гв. тк, 10 тк, одну отдельную танковую бригаду, одну механизированную бригаду, одну стрелковую дивизию и одну лыжную бригаду. Значительные потери понесли 1 Гв. тк и 18 тк, 6 стрелковых дивизий и 2 лыжные бригады.

По донесениям наших войск, противник в этой битве между Донцом и Днепром потерял 23 000 убитыми. Мы захватили 615 танков, 354 орудия, 69 зенитных орудий и большое количество пулеметов и минометов. Пленных же было мало – 9000. Это объясняется тем, что наши войска, в основном танковые дивизии, не в состоянии были создать плотное кольцо вокруг противника». После этого целью группы армий «Юг» стало нанесение удара по южному флангу советских войск (Воронежский фронт), расположенному на Берестовой юго-западнее

Харькова, причем Манштейн в своих воспоминаниях подчеркивал, что целью удара было не освобождение Харькова, а разгром и уничтожение расположенных в его районе частей Красной армии, в том числе – 3-й советской танковой армии. Эту боевую задачу удалось решить к 5 марта 4-й немецкой танковой армии. По данным штаба группы армии «Юг», советские войска потеряли убитыми двенадцать тысяч человек, были захвачены 61 танк, 225 орудий и 600 машин. И, как пишет Манштейн, «было неизбежно, что слово Харьков магически притягивало солдат и среднее звено руководства армии. Танковый корпус СС хотел преподнести вновь завоеванную столицу Украины «своему фюреру» в качестве знака победы и кратчайшим путем пробивался к нему. Потребовалось резкое вмешательство командования группы, чтобы добиться отказа командования корпуса от намерения фронтально наступать на Харьков, иначе бы он застрял здесь и этим дал бы возможность частям противника, действовавшим западнее города, избежать окружения. Наконец, удалось направить танковый корпус СС в обход Харькова с востока. Город пал без больших боев, и нам удалось отрезать отступление через Донец крупных сил противника.

Обстановка в районе Харькова и южнее его заставила противника сначала, как уже упоминалось, ослабить, а затем отвести в направлении на Харьков – Белгород свои части, стоявшие перед группой Кемпфа, уже приблизившиеся к Полтаве и взявшие к северу от нее Ахтырку.

Группа Кемпфа преследовала противника по пятам... 14 марта танковый корпус СС овладел Харьковом. Одновременно на северном фланге группы Кемпфа быстро продвигалась на Белгород дивизия «Гроссдойчланд». Противник бросил против нее крупные силы танков, которые дивизия, однако, разбила у Гайворона, затем началось наступление на Белгород.

Взятием Харькова и Белгорода закончился второй контрудар нашей группы; усиливающаяся распутица исключала дальнейшее ведение операций. Собственно, у группы была еще одна цель – в качестве заключительной фазы операции совместно с группой армий «Центр» очистить от противника дугу в районе Курска, врезающуюся глубоко на запад в немецкий фронт, и создать здесь более короткий фронт. Но мы должны были отказаться от этого намерения, потому что группа «Центр» заявила, что она не может участвовать в этой операции. Так эта дуга и осталась неприятным выступом на нашем фронте, который

открывал противнику определенные оперативные возможности и в то же время ограничивал наши возможности. Наша группа все же прочно удерживала весь фронт по Донцу от Белгорода до пункта, где ответвляется Миус, и вдоль последнего. Это была та же линия, на которой стояли немецкие войска зимой 1941/42 года». Но в этот раз под Харьковом Манштейну удалось одержать одну из последних своих побед, но и, как проведение успешной Крымской кампании, не могущих кардинально изменить ход войны.

Как же один из выдающихся немецких полководцев оценивал воинский талант руководителя Третьего рейха? В своих мемуарах, порой обвиняя Гитлера в многочисленных ошибках и вмешательстве в командование группами армий, Манштейн подробно разбирает его сильные и слабые стороны: «С назначением на должность командующего группой армий «Дон» я впервые оказался в непосредственном подчинении Гитлера как главнокомандующего вооруженными силами и сухопутными силами. Только теперь я получил возможность по-настоящему узнать и оценить то, как он пытался наряду с управлением государством выполнить задачу полководца. До этого времени я наблюдал его влияние на управление войсками лишь издали, а не непосредственно. Ввиду обстановки строгой секретности при решении всех оперативных вопросов я не мог составить себе собственного обоснованного мнения о Гитлере....

Во всяком случае, Гитлер не вмешивался в руководство кампанией в Крыму. Более того, во время моего доклада весной 1942 года он безоговорочно согласился с нашими планами, и он сделал, несомненно, все возможное, чтобы обеспечить успех под Севастополем. Здесь уже говорилось о том, что последующее использование 11 армии я считал ошибочным. Только теперь, находясь как командующий группой армий в непосредственном подчинении у Гитлера, я мог по-настоящему узнать его в роли верховного главнокомандующего.

Как военного руководителя Гитлера нельзя, конечно, сбрасывать со счетов с помощью излюбленного выражения «ефрейтор первой мировой войны». Несомненно, он обладал известной способностью анализа оперативных возможностей, которая проявилась уже в тот момент, когда он одобрил план операций на Западном фронте, предложенный группой армий «А». Подобные способности нередко встречаются также и у дилетантов в военных вопросах. Иначе военной

истории нечего было бы сообщать о ряде князей или принцев как талантливых полководцах. Но, помимо этого, Гитлер обладал большими знаниями и удивительной памятью, а также творческой фантазией в области техники и всех проблем вооружения. Его знания в области применения новых видов оружия в нашей армии и – что было еще более удивительно – в армии противника, а также цифровых данных относительно производства вооружения в своей стране и в странах противника были поразительны... К тому же интерес ко всем техническим вопросам привел его к переоценке технических средств. Так, он считал возможным с помощью нескольких дивизионов штурмовых орудий или новых танков «тигр» восстановить положение на участках, где успеха можно было добиться только использованием крупных соединений. Вообще говоря, ему не доставало именно основанных на опыте военных знаний, которые, к сожалению, нельзя было заменить его «интуицией».

Если, как уже было сказано, Гитлер и обладал известным пониманием оперативных возможностей или быстро усваивал их, когда они излагались ему кем-то другим, то все же он не был способен судить о предпосылках и возможностях осуществления той или иной оперативной идеи. У него отсутствовало понимание соотношения, в котором должны находиться любая оперативная задача и вытекающие из нее пространственные факторы, с одной стороны, и потребность в силах и времени, с другой, не говоря уже об их зависимости от возможностей материально-технического обеспечения. Он не понимал или не хотел понять, что, например, каждая крупная наступательная операция, помимо сил, потребных для первого наступательного боя, нуждается в постоянном пополнении новыми силами. Особенно резко все это выявилось в ходе подготовки и проведения летнего наступления 1942 года. Сюда нужно отнести и фантастический план наступления через Кавказ на Ближний Восток и даже в Индию...»

Помимо этого, после того, как блицкриг против Красной армии провалился, и не удалось взять ни Москву, ни Ленинград, а также удержать Кавказ, и вермахту пришлось перейти к обороне, изменилось и управление войсками со стороны Верховного Главнокомандующего, усилилось его недоверие к генералам (причем еще до 20 июля 1944 года). Манштейн подчеркивает, что «упорная оборона каждой пяди земли постепенно стала единственным принципом его руководства.

Таким образом, после блестящих успехов, достигнутых немецкими вооруженными силами в первые годы войны благодаря проведению маневренных операций, Гитлер, когда наступил первый кризис под Москвой, перенял у Сталина рецепт упорного удержания любой позиции. Этот рецепт в 1941 году привел советское командование на край гибели, вследствие чего оно отказалось от него во время немецкого наступления 1942 года».

Операция «Цитадель»

После того, как весной 1943 года на Восточном фронте установилось относительное затишье, Германия и СССР стали готовиться к решающему наступлению. Манштейн предложил два наступления. Согласно первому, немецкие войска должны были нанести удар в начале мая, после весенней распутицы, и взять в клещи Курск. Второй план предусматривал, что Красная армия переходит в наступление, а немецкие войска наносят фланговый удар. Поэтому штаб армий «Юг» предлагал «при ожидавшемся нами наступлении противника на Донбасс с боями отойти и пропустить армии противника на запад приблизительно до линии Мелитополь – Днепропетровск. Одновременно мы должны были подготовить крупные силы в тылу северного фланга группы армий. Эти силы должны были разбить наступающего там противника, чтобы оттуда нанести удар на юго-восток или на юг в глубокий фланг армий противника, наступающих через Донбасс на нижний Днепр, и уничтожить их на побережье.

В сравнении с немецким наступлением 1942 года главное отличие этого плана состояло в следующем. Мы намеревались нанести ответный удар после того, как противник введет свои наступательные силы и частично их израсходует. Целью операций должны быть не территориальные цели на востоке (как в 1942 году Сталинград или Кавказ), а уничтожение войск противника на важном фланге путем окружения его у побережья Азовского моря. Чтобы выполнить этот план и исключить возможность отхода противника на восток (как в 1942 году), сначала мы должны были освободить ему путь через Донбасс на нижний Днепр, против этого соблазна он вряд ли устоял бы. Если бы удался этот частичный удар с ограниченной целью, то нам удалось бы уничтожить значительные силы противника, и мы могли бы

нанести второй удар на север против центральной группировки противника».

Но Гитлер выбрал первый вариант, поскольку второй считал слишком рискованным, и был разработан план операции «Цитадель». Группы армий «Центр» и «Юг» должны были соответственно с севера и юга взять в клещи советские войска на дуге вокруг Курска. Но планируемое наступление немецких войск началось не в мае, а в начале июля, что позволило Красной армии подтянуть резервы и лучше подготовиться к отражению немецкого наступления и переходу в контрнаступление. Это была, по мнению Манштейна, роковая задержка. Кроме того, войскам группы армий «Юг» необходимо было удерживать Донбасс, который своим выгодным расположением давал Красной армии возможность провести наступление превосходящими силами с двух направлений.

Немецкое наступление на Курской дуге началось 5 июля 1943 года. Это было самое крупное танковое сражение в истории человечества и одно из самых кровопролитных. На участке фронта группы армий «Юг» наступление встретило ожесточенное сопротивление противника, и к тому же сказалось отсутствие в наступающих немецких войсках пехотных дивизий и слабая поддержка артиллерии.

Как отмечает в своих воспоминаниях Манштейн, «4 танковая армия в тяжелых боях первых двух дней прорвала первую и вторую линии обороны противника. Действовавшему на левом фланге армии на открытой местности танковому корпусу (48 тк генерала фон Кнобельсдорфа) 7 июля удалось прорваться в район примерно в 11 км перед Обоянью. В последующие дни он должен был отражать сильные контратаки противника, проводившиеся с северо-востока, севера и запада, и разгромил в этих боях значительные силы наступающих войск противника. На этом участке и на участке перед 2 тк СС со стороны противника действовали соединения из оперативного резерва, а именно три танковых и один механизированный корпус, брошенные в бой в составе 69 и 1 танковой армий. Другие механизированные корпуса противник подбрасывал из района восточнее Харькова. Правому танковому корпусу армии (2 тк СС обергруппенфюрера Гаузера) также удалось выйти на оперативный простор. 11 июля он атаковал Прохоровку и затем дальше на западе форсировал Псел.

12 июля противник бросил в бой в центре и на флангах фронта наступления группы новые части из своих оперативных резервов.

12 и 13 июля обе армии отразили все эти атаки. 14 июля корпус СС, развивая успех, достиг Прохоровки, 48 тк подошел к долине Псела западнее Обояни. В этих боях были частично разгромлены, частично сильно потрепаны другие значительные силы из оперативных резервов противника.

В общем противник бросил в бой против группы 10 новых танковых и механизированных корпусов. В основном это были ближние резервы, подготовленные противником перед нашим фронтом, за исключением групп, расположенных перед фронтами на Донце и Миусе, где противник только как будто подготавливал наступление.

К 13 июля противник потерял на фронте «Цитадель» уже 24 000 пленными, 1800 танков, 267 орудий и 1080 противотанковых орудий.

Сражение достигло своей высшей точки! Скоро должно было решиться – победа или поражение...»

Но тут, по словам Манштейна, случилось то, о чем он еще в мае предупреждал Гитлера, – из-за критического положения на Западе командованию придется снимать войска с Восточного фронта. На совещании в Ставке фюрера 13 июля 1943 года, куда был вызваны командующие группами «Центр» и «Юг» фельдмаршал фон Клюге и Манштейн, Гитлер заявил, что из-за высадки тремя днями ранее союзников на Сицилии срочно необходимо начать формирование новых армий для защиты Италии и Балкан, и поэтому надо снять часть сил с Восточного фронта, и поэтому ресурсов для продолжения операции «Цитадель» нет и она не может дальше продолжаться. Фельдмаршал фон Клюге ответил, что нет резервов для наступления, а вот Манштейн заявил, что «если говорить о группе «Юг» – сражение вошло в решающую стадию. После успешного отражения атак противника, бросившего в последние дни в бой почти все свои оперативные резервы, победа уже близка. Остановить сейчас битву, вероятно, означало бы упустить победу! Если 9 армия будет хотя бы только сковывать противостоящие ей силы противника и, может быть, потом возобновит наступление, то мы попытаемся окончательно разбить силами наших армий действующие против нас и уже сильно потрепанные части противника. Затем группа – как мы уже докладывали 12 июля ОКХ – вновь будет наступать на север, перейдет Псел восточнее Обояни двумя танковыми корпусами и потом, повернув на запад, заставит силы противника, находящиеся в западной части

Курской дуги, принять бой с перевернутым фронтом. Чтобы эффективно обеспечить с севера и востока эту операцию, группа Кемпфа должна теперь немедленно получить 24 тк. Естественно, что сил группы хватит только на то, чтобы продолжать наступление до района южнее Курска...»

Спустя четыре дня Манштейн получил от командования приказ о снятии с боевых действий и передаче в его распоряжение 2 танковых корпусов СС. На следующий день две танковые дивизии были переданы к тому же в распоряжение группы «Центр». Поэтому командование группы армий «Юг» прекратило операцию и вернуло войска на исходные позиции. Советские войска перешли в наступление на Донцом и Миусском фронтах.

В качестве аргумента доказательства своих незаурядных способностей полководца, проявленных во время операции «Цитадель», Маштейн приводит потери советских войска – около 17 тысяч убитыми и 34 тысячи пленными, в то время как немецкие войска, сражавшиеся под его командованием, потеряли 20 720 человек, в том числе 3330 убитых.

Попытка задержать

Утратив после Курской дуги стратегическую инициативу, вермахт перешел к обороне. Генерал-фельдмаршал Манштейн, командуя группой армий «Юг», сумел осенью 1943 года остановить наступление Красной армии и даже нанести успешный контрудар в районе Кривого Рога. Но уже в январе следующего года, под мощными ударами нового наступления Красной армии, немецким войскам пришлось отступить – несмотря на категорический запрет Гитлера. Как уверяет Манштейн, виноват в этом был сам Гитлер, а точнее – его очередная идея фикс: «В это время Гитлеру показалось, что он нашел новое средство для того, чтобы остановить продвижение противника. Населенные пункты, имевшие тактическое значение как узлы коммуникаций или по другим причинам, он объявлял «крепостями». В них он назначал «комендантов крепости», которые отвечали своей честью за оборону «крепости» и в случае ее падения расплачивались за это головой. Армии, в полосах которых находились эти объявляемые лично Гитлером «крепости», должны были обеспечивать их своевременное снабжение и

формирование гарнизонов. Гитлер думал, что эти населенные пункты благодаря тому, что они преграждают путь к важным дорогам или рубежам, или ввиду того, что овладение такими «крепостями» будет привлекать противника, задержат его продвижение. С самого начала, однако, было ясно, что это изобретение Гитлера в широких масштабах не может привести к успеху. На практике получалось так, что для обороны этих городов выделялось больше войск, чем это было целесообразно для их удержания. Не приходится уже говорить, что эти силы и неоткуда было взять. «Крепости» без крепостных сооружений с наскоку собранным слабым гарнизоном рано или поздно попадали в руки противника, не выполняя отведенной им роли. Поэтому командование группы армий в каждом отдельном случае требовало и, в конце концов, добилось, что от этих «крепостей» отказывались до того, как окружение их противником становилось неминуемым. Только в отношении Тернополя этого в свое время не смогли сделать. Здесь только остаткам гарнизона удалось вырваться из окружения...» Немецкие войска, как и советские в первые месяцы Великой Отечественной войны, оказывались в котлах. Так, из Корсунь-Шевченковского котла 17 февраля 1944 года удалось вырваться только 7 тысячам германских солдат и офицеров – при общей численности окруженных 80 тысяч человек.

Манштейн неоднократно конфликтовал с Гитлером, требуя не вмешиваться в проведение боевых операций. Так, 19 марта 1944 года Манштейн потребовал, чтобы верховный главнокомандующий вооруженными силами Германии предоставил ему свободу действий при проведении боевых операций, но в очередной раз получил отказ. В результате через четыре дня в окружение попала 1-я танковая армия генерала Г. Хубе, которой ранее Гитлер, вопреки предложениям Манштейна, запретил отступать. Через день, угрожая в случае отказа Гитлера уйти в отставку, Манштейн добился отмены этого приказа, и 6 апреля 1944 года 1-я танковая армия сумела вырваться из окружения. Но на судьбе самого военачальника Манштейна этот факт уже не сказался – Гитлеру, как считал Манштейн, стало сотрудничество с ним в тягость. И фюрер сделал свой выбор.

30 марта 1944 года вызванный в Ставку Гитлера генерал-фельдмаршал Эрих фон Манштейн был награжден мечами к Рыцарскому кресту с дубовыми листьями и отстранен от командования

группой армий «Юг» (командующим был назначен генерал-фельдмаршал Модель). Манштейн так описал эти события в своем дневнике: «Вечером у фюрера. После вручения мечей он заявил мне, что решил передать командование группой армий другому генералу (Моделю). На востоке прошло время операций крупного масштаба, для которых я особенно подходил. Здесь важно теперь просто упорно удерживать позиции. Начало этого нового метода управления войсками должно быть связано с новым именем и новым девизом. Отсюда – смена командования группой армий, наименование которой он также намеревается изменить».

На прощание Гитлер заявил Манштейну, что если он, Гитлер, задумает большое наступление, то обязательно поручит возглавить его ему. Несмотря на громкие слова, Манштейн после этого отправлен в отставку и переведен в резерв ОКВ и больше участия как в военных действиях, так и в разработке планов операций не принимал, проживая в своем имении.

После окончания Второй мировой войны Манштейн был арестован английскими властями и посажен в тюрьму. Представ перед английским военным судом, был признан виновным в совершении военных преступлений и приговорен к восемнадцатилетнему тюремному заключению. Позже приговор был пересмотрен и срок тюремного заключения сокращен до двенадцати лет, но уже в 1952 году Манштейн был освобожден (условно, по состоянию здоровья), а через несколько месяцев с него были сняты все обвинения. Затем он работал военным советником при правительстве ФРГ, советником по перевооружению в западногерманской армии. Оставив службу, занялся мемуарами, обвиняя в них Гитлера в бездарности и военном дилетантстве, приведшем в итоге к поражению Германии. Манштейн являлся почетным членом многих ветеранских военных организаций ФРГ.

Скончался Эрих фон Манштейн 10 июня 1973 года.

Вальтер Модель. «Пожарный фюрера»

Генерал-фельдмаршал Отто Мориц Вальтер Модель появился на свет 24 января 1891 года в Гентине, округе Ерихова. Его отцом был Отто Модель, старший преподаватель семинарии, позднее ставший дирижером прусского хора священнослужителей. О детстве будущего военачальника имеется мало сведений. В восемнадцать лет Вальтер Модель выдержал экзамен на аттестат зрелости в гимназии при католическом соборе в Наумбурге-на-Заале и через три дня, 27 февраля 1909 года в Коттбусе поступил юнкером в 52-й пехотный полк 6-й Брандербургской дивизии под командованием фон Альвенслебена. Модель посещал военную школу в Найсе. Через полтора года был произведен в лейтенанты. С 1 ноября 1913 года служил адъютантом 1-го батальона 52-го пехотного полка в Гроссене.

Начало военной карьеры

Когда началась Первая мировая война, то был отправлен на Западный фронт. Отличился в первых же боях, 20 сентября 1914 года был награжден Железным крестом 2-го класса. 22 декабря 1914 года был ранен, до 13 ноября 1915 года находился на излечении. 29 марта 1915 года был награжден баварским орденом «За военные заслуги» 4-го класса с мечами. 25 февраля 1915 года Моделю было присвоено звание обер-лейтенанта, он поступил на учебный курс при Генеральном штабе в Едау. 19 октября 1915 года награжден Железным крестом 1-го класса. 18 декабря 1915 года Модель назначен адъютантом полка.

С 1 ноября 1916 года по 18 мая 1917 года исполняет обязанности адъютанта 10-й пехотной бригады, ротного командира в 52-м пехотном полку и 8-м лейб-гренадерском полку. Затем короткое время был командиром 1-го батальона 8-го лейб-гренадерского полка, после чего назначается на должность офицера по поручениям в оперативном отделе высшего командования. 22 ноября 1917 года награждается Мекленбургским крестом за военные заслуги 2-го класса. 18 декабря 1917 года Моделю присваивается звание капитана.

В марте 1918 года откомандируется в запасную гвардейскую дивизию, и через полгода переводится в 36-ю резервную дивизию, где и

служил до 19 января 1919 года.

После капитуляции Германии в Первой мировой войне Модель служит офицером Генерального штаба XVII армейского корпуса, в обязанности которого входит защита восточной границы. С 7 октября 1919 года Модель – офицер Генерального штаба 7-й бригады рейхсвера. Затем он назначается командиром роты 13-го пехотного полка, а затем его переводят на должность командира роты 18-го пехотного полка в Мюнстере. 12 мая 1921 года происходит обряд бракосочетания Вальтера Моделя и Герты Гессен. Позже у них рождается сын и двое дочерей. Позже изучающие родословную Моделя и его жены историки пришли к выводу (до сих вызывающему споры) о том, что Ленин являлся восьмьюродным братом Герты Гуйсен, жены Моделя, а не его самого, как это утверждалось в более поздних отдельных скандальных публикациях.

С 1 октября 1921 года Модель исполняет обязанности офицера Генерального штаба при командующем артиллерией 6-й дивизии в Мюнстере. Спустя четыре года Моделя назначают командиром 9-й роты 8-го пехотного полка в Герлице. После трех лет службы на этой должности его переводят в Генеральный штаб, а затем в Министерство рейхсвера. 1 октября 1929 года Моделя производят в майоры, 1 ноября 1932 года ему присваивают чин подполковника. Модель был начальником отдела подготовки личного состава Военного министерства, начальником штаба попечительства рейхсвера по работе с молодежью, начальником технического отдела Военного министерства. 1 октября 1933 года назначается командиром II батальона 2-го пехотного полка в Алленштайне. 1 ноября 1934 года Моделю присваивается чин полковника и он получает назначение командиром 2-го пехотного полка. 15 октября 1935 года он переводится в Генеральный штаб сухопутных войск в Берлине на должность начальника 8-го отделения (военная техника). 1 марта 1938 года Модель произведен в чин генерал-майора. Через восемь месяцев назначается начальником штаба IV армейского корпуса в Дрездене, принимает участие в первых боевых действиях Второй мировой войны в Польской кампании. 23 октября 1939 года Модель получает назначение начальником штаба 16-й армии, которая в мае – июне 1940 года успешно участвовала во Французской кампании. 1 апреля 1940 года Моделя производят в генерал-лейтенанты.

18 ноября 1940 года его назначают на должность командира 3-й танковой дивизии.

На Восточном фронте

«Моделя я хорошо знал с 1941 года, когда он командовал 3-й танковой дивизией, – писал в своих мемуарах Гудериан. – Описывая русскую кампанию 1941 года, я достаточно полно охарактеризовал его как храброго, неутомимого солдата, хорошо знавшего обстановку на фронте, умевшего применять свои способности в бою, а потому пользовавшегося доверием своих солдат. Вскоре он стал нехорош для ленивых и неспособных подчиненных, потому что он решительно добивался своего».

Действительно, после завоевания Франции Модель был назначен командиром 3-й танковой дивизии 2-й танковой группы Гудериана, входившей в группу армий «Центр». В этом качестве он и встретил начало войны на Восточном фронте. Его дивизия успешно действовала в первые дни вторжения, и уже 9 июля 1941 года Модель был награжден Рыцарским крестом за боевые заслуги.

В дневнике начальника немецкого Генерального штаба Гальдера имя Моделя впервые упоминается через две недели после начала вторжения в СССР: «5 июля 1941 года. На фронте группы армий «Центр» правое крыло танковой группы Гудериана [Модель (3-я танковая дивизия)] удержало плацдарм в районе Рогачева».

В конце июля Модель стал командиром 41-го моторизованного корпуса в составе 3-й танковой армии.

Вспоминая август 1941 года, Гудериан повествовал о ходе военных действий с участием Моделя, например, так: «Генерал Модель сообщил мне, что он захватил неразрушенными все мосты через р. Остер, а также взял одну батарею противника».

В начале сентября Модель докладывал Гудериану, что, по его впечатлениям, «...перед ним находится очень слабая оборона противника или даже какая-то брешь в его обороне». Гудериан приказал Моделю после перехода р. Сейм наступать в направлении на железнодорожную линию Конотоп, Белополье и перерезать ее. 2 сентября 1941 года Модель был легко ранен.

Относительно бреши в советской обороне Модель в тот момент оказался прав, и, как свидетельствует Гудериан, «9 сентября 24-й танковый корпус переправился через р. Сейм. Вечером было получено радостное сообщение о том, что 24-й танковый корпус действительно обнаружил на участке Батурин, Конотоп слабое место в обороне противника и что передовой отряд 3-й танковой дивизии двигается на город Ромны, являвшийся целью нашего наступления... Около города Ромны я встретил генерала Моделя, доложившего мне отдельные подробности обстановки. Город находился в его руках, однако отдельные группы противника еще блуждали в городских садах и проезд был возможен только в бронированной машине».

Корпус под командованием Моделя весьма близко подошел к Москве зимой 1941 года в ходе общего наступления, но после декабрьского контрудара и последующего наступления Красной армии продвижение сил вермахта было остановлено.

Из дневника Гальдера

«17 января 1942 года

Относительно спокойный день без новых тревожных сообщений. Противник, по всей вероятности, испытывает затруднения в подтягивании новых соединений к местам прорывов (снабжение, железные дороги). Наша железная дорога в катастрофическом состоянии, что затрудняет подготовку наступления под Ржевом.

...Нанес визит Модель. Он назначен командующим 9-й армией».

Ржев: долгое противостояние

В январе 1942 года Вальтер Модель был назначен командующим 9-й армии, которая находилась в весьма напряженной ситуации. Советские части теснили ее с нескольких сторон. 39-я армия Калининского фронта прорвала фронт 9-й армии северо-западнее Ржева и двинулась на Вязьму и Оленин. На западе 22-я армия наступала с целью соединиться с 39-й армией, окружив при этом не только 9-ю армию вермахта, но и 4-ю полевую, а также 3-ю и 4-ю танковые армии. В то же самое время 4-я ударная армия Северо-Западного фронта, также окружая по широкой дуге 9-ю армию, пыталась продвинуться к Смоленску.

Генерал Мантойфель говорил: «Модель был очень хорошим тактиком, причем лучше проявлял себя в обороне, чем в наступлении. Он всегда точно знал, что войскам по силам, а что нет. Его манеры были грубыми, а используемые методы далеко не всегда приветствовались армейским генералитетом, зато неизменно одобрялись Гитлером. Модель относился к Гитлеру так, как никто больше не осмеливался, и даже иногда позволял себе отказаться выполнять приказы, с которыми не был согласен».

«Главнокомандующий 9-й армии

Штаб армии,

18 февраля 1942 года

Солдаты 9-й армии!

Мои испытанные зимой бойцы Восточного фронта!

После устранения прорыва западнее Ржева 9-я армия в тяжелых неделях длящихся боях разбила одну из прорывающихся вражеских армий и полностью уничтожила другую, несмотря на сильное сопротивление и попытки прорыва с севера и юго-запада.

В этом боевом успехе каждый командир и каждый солдат армии имеет свою долю!

Без непробиваемого щита обороны на востоке и севере было невозможно уничтожить врага острым мечом нашего контрнаступления.

Образцовое усвоение задач армии всеми командирами и испытанный боем союз всех видов оружия, особенно авиации, были необходимым условием этого успеха.

Ваша готовность от командира до бойца к участию в боях и их обеспечении вновь доказывают, что мы превзошли русское оружие и солдат советской России, невзирая на продолжительную жестокость русской зимы.

Фюрер наградил меня сегодня «Дубовыми листьями к Рыцарскому кресту Железного креста». Я буду носить его с признательной гордостью за Вас, солдат 9-й армии, в особенности за тех из Вас, кто отдал свои жизни за выполнение наших задач, и как очевидный знак вашей солдатской стойкости.

Ваша боевая выдержка в этой зимней войне 1941/42 годов, которая войдет в историю великого немецкого народа как дело,

прославившее наше оружие, дает твердую уверенность, что мы, достигшие лишь в этих штурмах полного развития солдатского духа, и в будущем успешно справимся с любым врагом и любой задачей, которую поставит перед нами фюрер.

Модель, генерал танковых войск».

В конце января 39-я армия углубилась в позиции 9-й армии на 90 километров. Тем не менее, Моделю удалось организовать контрудар одновременно со стороны Ржева и из котла у Оленина, в свою очередь окружив 39-ю и 29-ю советские армии и 11-й корпус. Советские войска перешли к обороне. В феврале 1942 года Вальтер Модель получил звание генерал-полковника и был награжден за проведенную операцию дубовыми листьями к Рыцарскому кресту.

Из дневника Гальдера

«31 марта 1942 года

Совещание у фюрера. Клюге и Модель докладывают, что ввиду перенапряжения войск наступление в районе Осташкова в настоящий момент проведено быть не может.

Решение. Ограничить усилия 9-й армии на ржевском участке созданием предпосылки для планируемого наступления «Наводка моста» после окончания весенней распутицы».

«18 мая 1942 года

...Моделя (командующий 9-й армией) только с трудом можно отговорить от наступления на Нелидово».

При этом Модель иногда позволял себе отвлечься от сугубо военных дел. Генерал Хорст Гроссман в своей книге «Ржев – краеугольный камень Восточного фронта» вспоминал: «Модель был страстным охотником. Услышав, что северо-западнее Ржева на участке 6-й дивизии водится в березняке дичь, он сразу же известил меня о своем прибытии, как только положение на фронте оставило ему немного свободного времени. В маленькой, запряженной лошадью повозке, сопровождаемый бравым охотником Иваном Горнищенко, приехал он с обер-лейтенантом Аренсом на участок. В этой тихой ночной поездке Модель, вопреки своей прежней манере общения, оказался очень раскрепощенным и открытым. Он рассказывал о своих

детях и родительском доме в Гентине, в пограничной зоне, где его отец руководил музыкальной школой, и приветливо расспрашивал Аренса о его семье и профессии. Со всех сторон, чуть ли не по кругу, взлетали в ночное небо сигнальные ракеты: участок 9-й армии был почти весь окружен в начале 1942 года. Подняв голову, он сказал: «Мой Бог, я здесь у вас, как на острове». Достигли цели. При полной темноте и поднявшемся плотном тумане Аренс отвел их в подготовленное охотничье укрытие. Три тетерева токовали поблизости, но не приближались на расстояние выстрела к укрытию Моделя. Он не мог стрелять. Вместо того, чтобы разочароваться, Модель казался очень довольным и находился под сильным впечатлением от красоты проснувшейся природы и радовался возможности видеть трех тетеревов».

Войска под командованием Моделя закрепились на Ржевско-Вяземском плацдарме, что создавало постоянную угрозу нового наступления на Москву. Возле населенного пункта Нелидово проходил узкий коридор, который связывал окруженные советские части с Калининским фронтом.

«Успешное окончание зимнего сражения освободило линию обеспечения 9-й армии от непосредственного давления врага, – писал Гроссман. – Но в ее тылу стояли все еще крепкие силы Калининского фронта, получившие подкрепление через Нелидово. 60 000 солдат пехоты, кавалерии и танковых войск обосновались в большом лесном массиве юго-западнее Ржева, доходящем до автодороги Смоленск – Вязьма, и постоянно угрожали стоящим позади всех соединениям армии».

В июле 1942 года Модель организовал против них операцию «Зейдлиц». Она оказалась в достаточной степени успешной еще и потому, что руководство советскими войсками осуществлялось весьма беспорядочно – окруженные подразделения не имели единого руководства.

Советские войска лишились своего плацдарма и понесли серьезные потери, хотя из окружения вырвались почти все части 41-й армии, а также некоторые подразделения 39-й армии.

Военные действия приняли позиционный характер. В частях вермахта появились приметы если не мирной, то относительно спокойной жизни – к примеру, регулярный просмотр кинофильмов,

причем толпившиеся у входа в импровизированный кинотеатр солдаты на просьбу служителя отступить и не устраивать давки кричали: «Модель сказал – мы не можем отступить!» Модель заботился о выпуске газеты, ради которой добыл печатный станок, бумагу и даже призы для викторин. Тот же генерал Гроссман запечатлел и другие подробности: «В Сычевке генерал-полковник Модель имел обыкновение ходить в сауну. Служитель – санитар-ефрейтор придирчиво следил за тем, чтобы никто не мешал главнокомандующему. Однажды три солдата, стоявшие поблизости на квартире, пришли в сауну, одетые только в шинели. Поскольку внутри был только один человек, они имели полное право войти туда. Ефрейтор рвал и метал, но генерал-полковник Модель рассмеялся: «Ну, в конце концов, они увидят голого человека, а не генерала!»

Попытки Красной армии прорвать оборону вермахта около Ржева продолжались и в 1942, и в 1943 году. Модель успешно отражал удары, но после поражения вермахта под Сталинградом и последовавшего отступления ситуация стала опасной. 17 января 1943 года советские войска Калининского фронта заняли Великие Луки, в результате чего немецкие войска оказались перед угрозой окружения в Ржевском выступе.

6 февраля 1943 года Модель при поддержке командования группы армий «Центр» и начальника Генштаба генерала Цейтцлера сумел добиться от Гитлера разрешения на отвод своих войск из Ржевского выступа на линию Духовщина – Дорогобуж – Спас-Деменск.

Операция по планомерному отходу получила название «Бюффель» («Буйвол») и осуществлялась в течение марта 1943 года. Были выведены из Ржевского выступа части 9-й и 4-й армии, причем предварительно, согласно плану Моделя, предполагалось создать новую линию обороны, построить дороги для отступления, перенести линии связи, эвакуировать боевую технику и вывезти всевозможные хозяйственные ресурсы, а также «отвести за новую линию обороны 60 000 гражданских лиц». Немцы утверждали, что жители Ржева и окрестностей уходили вместе с вермахтом добровольно; так, генерал фон Меллентин в книге «Танковые сражения 1939–1945 годов» писал: «Наиболее серьезной проблемой оказалась эвакуация гражданского населения, поскольку при проведении операции «буйвол» все население, старые и малые, здоровые и больные, крестьяне и горожане,

все настаивали на эвакуации, так силен был ужас перед солдатами и комиссарами их собственной страны».

На советской стороне обвиняли Моделя в угоне мирного населения силой и принуждении его к строительству новых оборонительных рубежей для вермахта. При организации этого отступления Модель руководствовался методом выжженной земли – были взорваны все объекты, имеющие военное или хозяйственное значение, значительная часть деревень сожжена, колодцы отравлены. За это, а также за жестокие акции против партизан, которые современный американский историк Стивен Ньютон описывает так: «XXXIX танковому корпусу было приказано провести 2-недельную зачистку района с участием кавалерийской дивизии СС, частей других фронтовых дивизий и различных мелких подразделений СС, полиции и русских добровольцев. Согласно последним рапортам было уничтожено около 3000 партизан, во всяком случае именно столько было найдено трупов в районах боев. Но эти рапорты вскользь замечали, что партизаны не были вооружены. На 3000 убитых русских пришлось 277 найденных винтовок, 41 пистолет, 61 пулемет, 17 минометов, 9 противотанковых ружей и 16 малокалиберных пушек...» – Советский Союз объявил Моделя военным преступником.

Вечером 1 марта немецкие войска, кроме отрядов прикрытия, оставили Ржев. Арьергардные части ушли через сутки, взорвав за собой мост через Волгу. 5 марта войска вермахта достигли оборонительного рубежа Сычевка – Белый, где оставались до 7 марта. 8 марта немецкие войска оставили Сычевку, 10 марта – Белый, а 12 марта – Вязьму.

К 14 марта большая часть воинских соединений уже была выведена на запланированные позиции.

После оставления Ржевского выступа были высвобождены 15 пехотных дивизий вермахта, 2 моторизованные дивизии, 3 танковые дивизии, 1 кавалерийская дивизия СС. Эти силы почти восполнили потери, понесенные немецкой армией в Сталинграде, что позволило планировать новое наступление летом 1943 года.

За успешное проведение операции «Бюффель» Модель был награжден 2 апреля 1943 года мечами к Рыцарскому кресту.

Танковые сражения

Весной 1943 года начальник штаба ОКХ генерал Цейтцлер разработал план операции «Цитадель», согласно которому предполагалось срезать большой выступ, занятый советскими частями, вклинившимися в позиции вермахта на линии разграничения зоны действий групп армий «Центр» и «Юг» на глубину до 120 километров. С целью надежного окружения сил Красной армии планировалось использовать 7 танковых дивизий 9-й армии Вальтера Моделя, которые должны были ударить с севера, и 9 дивизий 4-й танковой армии Германа Гота, предназначенные для удара с юга.

План операции «Цитадель»

«...как только позволят условия погоды, провести наступление «Цитадель» – первое наступление в этом году. Этому наступлению придается решающее значение. Оно должно завершиться быстрым и решающим успехом. Наступление должно дать в наши руки инициативу на весну и лето текущего года.

В связи с этим все подготовительные мероприятия необходимо провести с величайшей тщательностью и энергией. На направлении главных ударов должны быть использованы лучшие соединения, наилучшее оружие, лучшие командиры и большое количество боеприпасов. Каждый командир, каждый рядовой солдат обязан проникнуться сознанием решающего значения этого наступления. Победа под Курском должна стать факелом для всего мира.

3. ГА «Юг» сосредоточенными силами наносит удар с рубежа Белгород-Томаровка, прорывает фронт на рубеже Прилепы – Обоянь, соединяется у Курска и восточнее его с наступающей армией группы армий «Центр». Для обеспечения прикрытия наступления с востока как можно быстрее достичь рубежа Нежега – р. Короча – Скородное – Тим, однако при этом не допустить ослабления массирования сил на направлении Прилепы, Обоянь. Для прикрытия наступления с запада использовать часть сил, которым одновременно поставить задачу нанести удар по окружаемой группировке противника.

4. ГА «Центр» наносит массированный удар наступающей армией с рубежа Тросна – района севернее Малоархангельска, прорывает фронт на участке Фатеж, Веретиново, сосредоточивая основные усилия на своем восточном фланге, и соединяется с ударной армией группы армий «Юг» у Курска и восточнее. Для прикрытия

наступающей группировки с востока необходимо в кратчайший срок достигнуть рубежа Тим – восточнее Щигр – р. Сосна, не допустив при этом ослабления сил на направлении главного удара. Для прикрытия наступающей группировки с запада использовать часть имеющихся сил.

Части ГА «Центр», введённые в бой на участке западнее р. Тросна до разграничительной линии с ГА «Юг», имеют задачу с началом наступления сковать противника путем проведения местных атак специально созданными ударными группами и своевременно нанести удары по окружаемой группировке противника. Непрерывным наблюдением и воздушной разведкой обеспечить своевременное вскрытие отхода противника. В этом случае следует немедленно перейти в наступление по всему фронту».

В первых числах мая 1943 года в Мюнхене Гитлер провел в Мюнхене двухдневное совещание, посвященное грядущей летней кампании. На заседаниях присутствовали Верховное командование вооруженных сил, представители главного штаба вооруженных сил, начальник Генерального штаба сухопутных войск, командующие группами армий «Юг» – фон Манштейн и «Центр» – фон Клюге, командующий 9-й армией Модель. Начальник Генерального штаба генерал Цейтцлер вновь озвучил свое предложение нанести удары по флангам советских войск на Курской дуге. Когда эта идея возникла в апреле, разгром под Сталинградом был еще слишком свеж в памяти немецких военачальников, и обсуждение крупного наступления быстро заглохло. Но теперь Цейтцлер подчеркивал, что новые танки «тигр» и «пантера» способны стать залогом победы.

Модель стал возражать ему, указывая, что согласно информации разведки, как раз на этих участках фронта, на которых обе группы армий хотят предпринять наступление, Красная армия обустроила мощную глубоко эшелонированную и тщательно организованную оборону. Механизированные части из Курского выступа отошли, зато артиллерия и противотанковые средства находятся там в очень высокой концентрации.

«Модель сделал отсюда правильный вывод, что противник рассчитывает на наше наступление, поэтому, чтобы добиться успеха, нужно следовать другой тактике, а еще лучше, если вообще отказаться

от наступления, – отмечал Гудериан. – По выражениям, в которых Гитлер преподнес мнение Моделя, можно было безошибочно определить, что оно сильно повлияло на него и что он не решается назначить наступление по плану Цейтцлера».

Гитлер спросил фельдмаршала фон Манштейна, как тот относится к предложению Цейтцлера. Манштейн сказал, что наступление имело бы успех, если бы его смогли начать в апреле; теперь же он сомневается в успехе. Чтобы он мог провести планируемое наступление, ему требуются еще две боеспособные пехотные дивизии. Гитлер ответил, что двух дивизий у него нет, а значит, Манштейну придется обходиться теми силами, которые у него уже есть. Потом фюрер еще раз переспросил, что Манштейн думает о представленном плане, но тот отвечал уклончиво. А вот фельдмаршал фон Клюге энергично поддержал Цейтцлера. Гудериан назвал такое наступление бесцельным и указал на то, что новые танки имеют множество недостатков.

Впоследствии, когда немецкое наступление на Курской дуге всё же началось, Гудериан констатировал, что новая техника изрядно подвела Моделя: «90 танков «тигр» фирмы Порше, использовавшихся в армии Моделя, показали, что они не соответствуют требованиям ближнего боя; эти танки, как оказалось, не были снабжены в достаточной мере даже боеприпасами. Положение обострилось еще и тем, что они не имели пулеметов и поэтому, когда врывались на оборонительные позиции противника, буквально должны были стрелять из пушек по воробьям. Им не удалось ни уничтожить, ни подавить пехотные огневые точки и пулеметные гнезда противника, чтобы дать возможность продвигаться своей пехоте. К русским артиллерийским позициям они вышли одни, без пехоты... Продвинувшись около 10 км, войска Моделя были остановлены».

В операции «Цитадель» под командованием Моделя находилось пять танковых корпусов (21 дивизия, 900 танков, 730 самолетов), но его первоначальные опасения сбылись – Красная армия успела обустроить такие мощные рубежи, что 9-я армия полностью застряла в обороне войск Центрального фронта. Уже на второй день наступления Модель оценивал его, как безуспешное. К яростному сопротивлению советских частей прибавился фактор несогласованности между немецкими генералами. Клюге докладывал Манштейну, как тот впоследствии вспоминал, что «армия Моделя не может продвигаться дальше и

потеряла 20 000 человек. Кроме того, группа вынуждена отобрать все подвижные части у 9-й армии, чтобы ликвидировать глубокие прорывы, сделанные противником уже в трех местах фронта 2-й танковой армии. Уже по этой причине наступление 9-й армии не может продолжаться и не может быть потом возобновлено». Манштейн же был уверен, что победа близка, а резервов у противника не осталось: «Остановить сейчас битву, вероятно, означало бы упустить победу! Если 9-я армия будет хотя бы только сковывать противостоящие ей силы противника и, может быть, потом возобновит наступление, то мы попытаемся окончательно разбить силами наших армий действующие против нас и уже сильно потрепанные части противника».

Кончилось дело тем, что Гитлер подчинил все немецкие войска, действовавшие на Курской дуге, самому Моделю. В приказе по 2-й танковой армии от 14 июля Модель писал: «Красная армия перешла в наступление по всему фронту орловского выступа. Мы стоим перед сражениями, которые могут решить все. В этот час, требующий огромного напряжения всех сил, я взял на себя командование также и вашей испытанной в боях армией».

Но в данном случае даже полководческие таланты и кипучая энергия Моделя оказались бессильны. «Пожарный фюрера» не смог предотвратить поражение в Курской битве. Отступление ознаменовалось новыми акциями против мирных граждан. «Он сжигал готовое к сбору зерно на полях и гнал в западном направлении 25 000 гражданских лиц, – пишет Сэмюел Митчем в книге «Фельдмаршалы Гитлера и их битвы», – которые брали с собой только то, что могли унести. По приказу Моделя у них отобрали скот и уничтожили всё, что немцы не могли захватить с собой. Модель был, бесспорно, крайне жесток в обращении с советским гражданским населением, он активно сотрудничал с карательными отрядами СС...»

Последняя надежда Гитлера

Несмотря на проигрыш под Курском, Модель сохранил в полной мере доверие Гитлера. В конце января 1944 года Модель стал командующим группы армии «Север», сменив на этом посту фельдмаршала фон Кюхлера. Но перелом в ходе войны уже произошел, и Моделю пришлось не столько противостоять наступающим в ходе

Ленинградско-Новгородской операции советским войскам, сколько по возможности задерживать их продвижение и отводить свои силы, которым грозило окружение, на заранее подготовленные рубежи. Особо ожесточенные сражения развернулись за город Луга и на линии Луга – Псков. Поначалу успех в отражении атак сопутствовал группе армий «Север» около Нарвы.

После падения «лужского рубежа» основные силы 18-й немецкой армии начали отступление в сторону Пскова. Возникла угроза выхода советских войск во фланг и тыл 16-й армии. Модель был вынужден отдать приказ начать общее отступление к линии «Пантера» – северной части Восточного вала, от Витебска до Нарвы. Для обеспечения организованного отступления части 18-й армии должны были удерживать оборону на линии Псковское озеро – Струги Красные – Шимск и только после отхода частей 16-й армии на запад двигаться отходить на Псков и Остров.

Отойти к линии «Пантера», заняв рубеж от Нарвы по западному берегу Чудского озера и реки Великой до расположения 3-й танковой армии Рейнгардта, и удержаться на ней, остановив советское наступление, Моделю удалось.

1 марта 1944 года Модель получил звание генерал-фельдмаршала и вскоре отправился спасать ситуацию на Украине, сменив Манштейна на посту командующего группой армий «Северная Украина». Советское наступление остановилось под Тарнополем, но военные историки сомневаются, что это можно считать явной заслугой Моделя: к тому времени Красная армия в этом направлении наступала более трех месяцев и прошла примерно тысячу километров, так что остановка продвижения выглядела вполне естественно.

Зато севернее как раз началось советское наступление на «белорусский балкон» – операция «Багратион». Группа армий «Центр» под командованием фон Буша к началу июля оказалась в отчаянном положении, и Модель был направлен сюда, сохранив за собой прежнюю должность. Фактически он теперь командовал большей частью немецких войск на Восточном фронте. Когда в августе 1944 года Красная армия остановилась на подступах к Варшаве, Гитлер провозгласил Моделя «спасителем Восточного фронта» и наградил его следующей степенью Рыцарского креста – с бриллиантами.

Эрих фон Маништейн о Вальтере Моделе

«Модель был, несомненно, очень способным штабным офицером. Он обладал ясным умом и способностью быстро оценивать обстановку. Среднего роста, скорее нежного, чем сильного телосложения, с густыми черными волосами и живыми глазами, взгляд которых иногда становился пронизывающим, он производил впечатление молодого и бодрого человека, упорного и усидчивого в работе. Его особым качеством была необычайная энергия, иногда даже граничившая с неосмотрительностью. Это качество сочеталось у него с уверенностью и способностью твердо выразить свое мнение. По своему характеру он был оптимистом, не признававшим трудностей. Эти качества, его огромная энергия и, наконец, его стремление добиться хороших личных отношений с главными деятелями режима (он попросил у Гимmlера себе адъютанта из СС, что вызвало резкую критику со стороны офицерского корпуса) импонировали Гитлеру. Нельзя отрицать также и того, что в таком его поведении определенную роль играло тщеславие. Но можно предполагать и то, что он был предан Гитлеру и идеям национал-социализма по убеждению. По отношению к режиму он был настроен менее критично, чем подавляющее число высших военных руководителей. Но Моделя нельзя все же причислить к тем немногим солдатам, которые во всем были послушны Гитлеру. Свои взгляды по военным вопросам он твердо отстаивал и перед Гитлером. Во всяком случае, Модель был храбрым солдатом, не щадившим своей жизни и требовавшим этого от своих подчиненных, хотя и нередко в грубой форме. Его часто можно было видеть на критических участках его фронта. Таким образом, Модель был солдатом в духе Гитлера.

Моделю не удалось пожинать лавры победы в качестве руководителя какой-либо смелой операции. Он во все большей степени стал играть роль человека, которого Гитлер ставил на угрожаемом или на пошатнувшемся участке фронта, чтобы восстановить положение, и Модель добивался многого при выполнении этих задач. Гитлер, очевидно, думал, что Модель был командующим, который «не размышлял над операциями, но твердо стоял». Когда Модель увидел, что битва в рурском котле проиграна, он покончил с собой. Он это сделал не для того, чтобы – как это делали многие деятели партии –

избежать ответственности, а потому, что он не мог пережить уничтожения своей группы армий».

В августе 1944 года Модель стал главнокомандующим войсками на Западе. Поначалу ему сопутствовал успех, но потом немецкие войска были разгромлены силами союзников в битве при Арденнах (декабрь 1944 – январь 1945) и в Маас-Рейнской операции (февраль – март 1945). В начале апреля 1945 года Модель со своими подразделениями попал в окружение во время Рурской операции. 17 апреля Вальтер Модель, отдав приказ о прекращении сопротивления, застрелился.

Гюнтер фон Клюге. «Умный Ханс»

Гюнтер фон Клюге, известный в рядах вермахта под прозвищем «Умный Ханс», родился 30 октября 1882 года в городе Позен (сейчас это Познань в Польше). Он был сыном генерал-лейтенанта и продолжил семейную традицию военной службы, которую начал в качестве фанен-юнкера в 46-м артиллерийском полку. В кадетском корпусе он получил прозвище «Умный Ханс» («Kluge Hans») в честь знаменитой тогда «умной» цирковой лошади. Впоследствии он даже почти официально называл себя Хансом. В марте 1901 года был произведен в лейтенанты. В 1911 году окончил Военную академию, после чего вскоре был переведен в Генеральный штаб.

Во время Первой мировой войны служил в штаб 21-го армейского корпуса, штабах Южной армии и Альпийского корпуса. Весной 1918 года стал начальником оперативного отдела штаба 236-й пехотной дивизии. В октябре 1918 года был тяжело ранен под Верденом.

После войны продолжил службу в рейхсвере. В феврале 1933 года получил звание генерал-майора, через год – генерал-лейтенанта, а в августе 1936 года – звание генерала артиллерии. С 26 августа 1939 года фон Клюге стал командующим 4-й армией.

Именно в этом качестве он и действовал в начале Второй мировой войны – во время Польской кампании. Отличился тем, что за считанные дни его войска перекрыли так называемый Польский коридор.

По итогам успешной для вермахта войны с Францией, в июле 1940 года, Клюге получил звание генерал-фельдмаршала.

На Москву!

Во время вторжения в СССР 4-я армия под командованием фон Клюге находилась в составе группы армий «Центр» и вела наступление западнее и северо-западнее Бреста.

Вскоре у фон Клюге начались постоянные разногласия с другими высшими офицерами, поскольку фюрер приказом от 26 июня распорядился, чтобы фельдмаршал передал командование пехотными дивизиями штабу 2-й армии, а сам взялся за руководство 2-й и 3-й танковыми группами.

Это вызвало недовольство командующего группой «Центр» Фёдора фон Бока, который тщетно пытался переубедить Гитлера. Фон Бок в конце июня записал в дневнике: «Когда утром я с тяжелым сердцем передал в распоряжение Клюге 10-ю танковую дивизию с тем, чтобы он побыстрее справился с трудностями в своем секторе, Клюге сказал: «Я еще не думал о том, как ее задействовать». Когда он наконец надумал, время для эффективной атаки было упущено».

Рассудительность, граничащая с может быть излишней осторожностью, стремлением тщательно продумать и организовать боевые действия, – такие черты замечал в характере фон Клюге командующий 9-й армией генерал-полковник Штраус.

Впрочем, Гудериан утверждал обратное: мол, фон Бок сам хотел передать 2-ю и 3-ю танковые группы под общее командование фельдмаршала фон Клюге, чтобы избавиться от непосредственной ответственности за управление ими.

Взаимная неприязнь между фон Клюге и фон Боком постоянно давала о себе знать. «Когда я на минуту вышел из комнаты, он воспользовался представившейся возможностью, чтобы пожаловаться Браухичу на то, что я вмешиваюсь в сферу его компетенции! – сетовал фон Бок. – Это обвинение безосновательно. Я всегда старался избегать подобного вмешательства, щадя чрезмерно развитое самолюбие и самомнение Клюге. Но он был столь красноречив, что Браухич ему поверил и попросил меня предоставить Клюге необходимую самостоятельность. Я ответил, что у меня нет ни малейшего желания втягивать Главнокомандующего в ссору между двумя генералами, но уж коли дело зашло так далеко, я готов прояснить этот вопрос. После этого я рассказал Браухичу о странном поведении Клюге в Позене, о его тогдашних нападках на меня, о странном телефонном разговоре между нами, имевшем место 19 июля, и тому подобных вещах. В заключение я сказал Браухичу, что Клюге при его тщеславии и самомнении может оскорбить любой пустяк».

Иногда противоречия принимали почти водевильный характер: «Вернувшийся с фронта Грейффенберг привез мне письмо от Гудериана, – отмечал в дневнике фон Бок. – Оказывается, Клюге жаловался Гудериану на то, что я якобы не удовлетворен его, Клюге, командованием, в связи с чем позволил себе оскорбительные выпады в его адрес в присутствии Главнокомандующего. В ответном письме

Гудериану я написал, что это не соответствует действительности и что сдержанное недовольство, которое я тогда продемонстрировал, не стоит воспринимать всерьез».

Так что оба командующих танковыми группами, Гудериан и Гот, были новому начальству однозначно и категорически не рады. Еще до начала войны с СССР Гудериан отмечал, что «фельдмаршал фон Клюге был неприятным начальником». Теперь же генералы-танкисты не скрывали своего мнения, что фон Клюге не умеет должным образом распорядиться танковыми войсками. Именно его они считали ответственным за то, что под Смоленском часть советских войск смогла избежать окружения или вырваться из него.

«Господин фон Клюге был прилежным солдатом, хорошим тактиком небольшого масштаба, – язвил Гудериан, – но он ничего не понимал в вопросах применения танковых соединений в условиях маневренной войны. Его влияние на управление танковыми соединениями там, где мне с ним приходилось сталкиваться, было отрицательным...»

В результате Гудериан случайно или намеренно, но то и дело игнорировал приказы фон Клюге, или же делал вид, что понял их по-своему, а фельдмаршал грозил Гудериану трибуналом...

В начале августа эксперимент фюрера закончился, и фон Клюге снова стал командующим армией.

«Умный Ганс» выступал против осеннего наступления на Москву, подозревая, что оно затянется, а к зиме войска не готовы. В результате у него разыгрался новый конфликт, теперь уже с командующим 4-й танковой группой Гепнером, который считал, что фон Клюге слишком медленно наступает, и из-за этого его собственным подразделениям приходится тяжелее.

«Разговаривая по телефону со своим непосредственным начальником фельдмаршалом фон Клюге, Гепнер с негодованием отозвался о «дилетантском военном руководстве». Фон Клюге сообщил об этом разговоре Гитлеру, который пришел в ярость», – утверждал Гудериан.

Фон Бок в это время записывал происходящее: «Вечером у меня состоялась продолжительная беседа с Клюге, который в весьма мрачных тонах обрисовал положение XIII корпуса и сказал, что в обозримом будущем корпус наступать не сможет. Он, Клюге, будет рад,

если корпусу удастся удержать свой фронт. Атака на его левом крыле – группы Гепнера и частей XII корпуса – должна начаться 17 ноября, как и было запланировано. Возникает вопрос: следует ли VI, XX и частям XII корпусов подключиться к атаке в случае, если она будет успешно развиваться. Я лично стою за подключение. Но это еще больше увеличит проблемы со снабжением, поэтому я сказал Клюге, что дать ответ на этот вопрос предстоит армии, которая лучше, чем кто-либо, знает местные условия, а также свои возможности в плане материального обеспечения операции».

Когда московское наступление провалилось, а Красная армия начала теснить части вермахта, Гитлер 18 декабря 1941 года снял с должности командующего группой армий «Центр» Федора фон Бока и назначил на его место фон Клюге. В первую очередь новый командующий потребовал убрать Гудериана.

Командующий группой армий «Центр»

«В ночь на 25 декабря 10-я мотодивизия вынуждена была оставить Чернь в связи с охватывающим маневром, предпринятым русскими, – писал Гудериан. – Успех русских был неожиданно увеличен тем, что части 53-го армейского корпуса, действовавшие левее 10-й мотодивизии, не смогли удержаться больше на своих позициях, и противнику удалось прорвать здесь наш фронт. Части 10-й мотодивизии были окружены в Черни. Я немедленно доложил командованию группы армий об этом неблагоприятном событии. Фельдмаршал фон Клюге бросил мне ряд резких упреков, сказав, что я должен был бы отдать приказ об оставлении Черни не в эту ночь, а, по крайней мере, на 24 часа раньше. Результатом задержки приказа и явилось окружение части 10-й мотодивизии. Я же, как об этом сообщалось выше, лично передал войскам приказ Гитлера удержать этот населенный пункт. Поэтому я с возмущением отклонил предъявленный мне несправедливый упрек».

Вскоре военачальники сцепились вновь: «Вечером у меня снова произошло резкое столкновение с фельдмаршалом фон Клюге, который упрекнул меня в том, что я представил ему неверное официальное донесение; он повесил трубку, сказав: «Я доложу о вас фюреру». Это было уже слишком. Я сообщил начальнику штаба группы армий, что после такого обращения я больше не считаю возможным командовать

армией и прошу освободить меня от занимаемой должности. Это свое решение я немедленно передал также по телеграфу. Фельдмаршал фон Клюге упредил меня в этом отношении и еще раньше обратился к главному командованию сухопутных войск с ходатайством о моей смене».

Учитывая, что Гудериан спорил и с самим фюрером, условие было исполнено.

Стенограмма телефонного разговора между генерал-фельдмаршалом фон Клюге, генерал-полковником Гальдером и фюрером 30 декабря 1941 года

«Генерал-фельдмаршал фон Клюге доложил, что русские снова прорвали оборону 4-й армии (в полосах 98-й и 15-й дивизий). В полосе 98-й дивизии русские перешли Протву и заняли Анисимовку. В полосе 15-й дивизии русские взяли Климкино и прорываются в направлении на Боровск. Генерал Кюблер, сказал генерал-фельдмаршал фон Клюге, считает, что дальнейшее удержание позиций 15-й дивизией бессмысленно. Резервов нет. Положение настолько угрожающее, что 15-я и 183-я дивизии должны быть отведены. В связи с этим имеется также просьба об отходе 20-го и 7-го корпусов. Командование армии предлагает отойти на рубеж Марьино, Алексино, Богородск, по реке на юг до Протвы, южнее Боровска, снова до Протвы. На вопрос генерал-полковника Гальдера о том, нет ли преувеличений в оценке обстановки, генерал-фельдмаршал фон Клюге ответил, что все абсолютно точно. Дивизии не могут больше удерживать свои позиции. Отход должен быть осуществлен сегодня ночью. Приказы об этом должны быть отданы сегодня днем. Затем в разговор вступил фюрер и спросил, сколько материально-технических средств будет потеряно предположительно при этом отступлении. Генерал-фельдмаршал фон Клюге ответил: «Я надеюсь, что немного. Чем скорее будет принято решение, тем меньше материально-технических средств будет потеряно».

Фюрер заметил, что отступлению не видно конца и так можно отступить до Днепра или до польской границы. Непонятно, почему отступает весь фронт, если противник не наступает по всему фронту. Фюрер сказал, что он должен противопоставить ощущениям фронтовиков голос трезвого рассудка. Преимущество сокращенной

линии фронта, которое достигается при отходе, ничего не стоит из-за потерь в материально-технических средствах. Кроме того, за нынешними позициями не видно каких-либо других позиций, которые бы представляли возможность обеспечить фланги.

Генерал-фельдмаршал фон Клюге ответил, что новый предполагаемый рубеж по Протве ему лично известен. Он является природным препятствием, так как западный берег реки выше восточного. И все же нельзя гарантировать, что позиции на этом новом рубеже будут удержаны. Фюрер поинтересовался, имеются ли на Протве подготовленные позиции. Генерал-фельдмаршал фон Клюге сказал, что таких позиций нет. Фюрер заметил, что, согласно докладу генерал-квартирмейстера, 7-й корпус обеспечен горючим только на 25 км хода. Отвод корпуса на новые позиции нельзя осуществлять при недостаточном количестве горючего. Генерал-фельдмаршал фон Клюге ответил, что, согласно донесению штаба 4-й армии, у нее достаточно горючего для отхода. Далее фюрер сказал: «Каждое отступление означает собственную слабость. Если этот отходный маневр закончится только на нашей границе, у нас не останется больше материально-технических средств, а без них мы все потеряем». В заключение фюрер спросил, ввели ли русские в бой тяжелую артиллерию. Генерал-фельдмаршал фон Клюге дал отрицательный ответ на этот вопрос, сказав, что противник прорывается силами танков и пехоты. По этому поводу фюрер заметил, что он, видимо, отсталый человек, так как во время мировой войны не раз был свидетелем того, как войска подвергались ураганному обстрелу артиллерии, и, несмотря на это, даже если их оставалось только 10 % прежнего состава, удерживали свои позиции. Генерал-фельдмаршал фон Клюге ответил, что не следует забывать, что в противоположность мировой войне во Франции здесь, на Востоке, боевые действия ведутся теперь при температуре 20–30° мороза. Фюрер сказал, что, по донесениям, которые он получил, число случаев обморожения не очень высоко: около 4000. На это генерал-фельдмаршал фон Клюге указал, что войска как физически, так и духовно утомлены, а случаев обморожения значительно больше, чем указывается в ежедневных сводках штаба группы армий. Командир корпуса заявил, что если 15-й дивизии будет приказано удерживать позиции, то вследствие чрезмерного изнурения войска не смогут этого

сделать. Фюрер на это заметил: «Если дело обстоит так, то это конец немецкой армии».

В тот же день Гитлер еще раз позвонил фон Клюге и досконально расспрашивал его о происходящем под Москвой.

«Фюрер: Насколько глубок прорыв в полосе 34-й дивизии?»

Генерал-фельдмаршал фон Клюге: Там нет прорыва.

Фюрер: А в полосе 98-й дивизии?»

Генерал-фельдмаршал фон Клюге: До Анисимовки, последняя занята противником.

Фюрер: Какова ширина прорыва?»

Генерал-фельдмаршал фон Клюге: Она невелика. 57-й корпус надеется с помощью 12-го корпуса и силами частей 19-й танковой дивизии задержать продвижение противника.

Фюрер: Каковы глубина и ширина прорыва в полосе 15-й дивизии?»

Генерал-фельдмаршал фон Клюге: Значительно шире, чем думали раньше. Но получено еще не подтвержденное донесение, что противник с юго-востока переправился через Протву, занял Фотеево и продвигается дальше к Боровску. Точных данных о ширине прорыва не имеется.

Фюрер: Моя точка зрения такова: только за последние несколько недель противник сумел прорваться на нескольких участках фронта группы армий. Целесообразно ли долгое время удерживать такие выступы, как в полосах 20-го и соседнего с ним 7-го корпусов? По моему, нет. А ведь 3-я моторизованная, 197, 267, 7, 292, 258 и 183-я дивизии с начала октября не меняли позиций.

Генерал-фельдмаршал фон Клюге: 3-я моторизованная дивизия только недавно находится на своих позициях. 197, 7 и 258-я дивизии еще в начале декабря наступали и вели бои с переменным успехом. То же можно сказать и о 242-й и 183-й дивизиях. Таким образом, нельзя утверждать, что они занимают нынешние позиции с начала октября.

Фюрер: Все-таки эти дивизии уже значительное время занимают позиции и, видимо, оборудовали их. В районе, куда эти дивизии должны быть отведены, нет никаких сооружений, там нет настоящих позиций.

Генерал-фельдмаршал фон Клюге: Это верно. Там только очень небольшое количество оборудованных позиций.

Фюрер: Если эти пять дивизий отойдут, они поменяют хотя бы в какой-то степени оборудованные позиции на совсем не оборудованные и будут там находиться в условиях, более благоприятных для ведения боевых действий. Отступление для этих дивизий является, таким образом, невыгодным, так как они будут испытывать только новые трудности.

Генерал-фельдмаршал фон Клюге: Я согласен с этим, но все же отход приведет к сокращению линии фронта, а это позволит сэкономить столь необходимые резервы.

Фюрер: Я хочу пояснить мою точку зрения пункт за пунктом: ведь остается под вопросом возможность удержания новых позиций. Значит, отход не даст никаких выгод. По прогнозу, ожидается солнечная погода, которая продержится несколько дней. Морозы усилятся до 30 градусов. Отход войск в таких условиях повлечет за собой многочисленные случаи обморожения, потерю значительного количества материально-технических средств. Таким образом, преимущества, которых мы хотим добиться путем отступления, будут сведены к нулю ввиду потерь и потому, что нет гарантии удержания новых позиций. Вполне возможно, что каждый отход будет сопровождаться все новыми потерями в материальных средствах, вооружении и транспорте, а также в личном составе, и, наконец, настанет момент, когда будет невозможно удерживать фронт вообще. Видимо, нужно попробовать локализовать прорыв под Боровском путем привлечения части сил 183-й дивизии для поддержки 15-й дивизии. Позиции, занимаемые 15-й дивизией, нужно удерживать до тех пор, пока в районе Алексина не будет подготовлена новая позиция и созданы условия для ее удержания.

Генерал-фельдмаршал фон Клюге: Строительство такой позиции едва ли возможно в связи с нехваткой сил. Можно попытаться привлечь некоторые тыловые службы, но это, пожалуй, займет много времени. Я боюсь, что события обгонят нас.

Фюрер: Само собой разумеется, для строительства укреплений должны быть использованы все силы. Например, если тяжелые материальные средства и тяжелая артиллерия уже отведены, обслуживающий личный состав может немедленно использоваться на

строительстве рубежа. Если вы мне скажете, что 15-я дивизия разбита, мой упрек будет в адрес 2-й армии. Несколько дней тому назад нам доложили, что 45-я и 134-я дивизии уничтожены. В действительности же они мужественно выстояли и сейчас ведут успешные оборонительные действия. (Фюрер повторяет свои аргументы против отвода войск, причем он снова указывает на то, что отвод должен долго готовиться, так как иначе он приведет к невосполнимым потерям в личном составе и материально-технических средствах.)

Генерал-фельдмаршал фон Клюге: Боюсь, что положение в полосе действий 15-й дивизии не позволит ей удерживать занимаемые позиции.

Фюрер: Сделайте что возможно, иначе войска займут новые позиции в еще более плачевном состоянии, нежели то, в котором они находятся сейчас. Поговорите, пожалуйста, с Кюблером о моих соображениях,

Генерал-фельдмаршал фон Клюге: Я спрошу Кюблера, что он может еще сделать, чтобы доставить 15-й дивизии подкрепления. То, что 15-я дивизия может удерживать Боровск, генерал Кюблер подвергает сомнению. Состояние 15-й дивизии таково, что какие бы приказы ей ни отдавались, она не в состоянии больше удерживать свои позиции. Кстати, противник прорвался на левом фланге в районе Фотеево, в полосе действий 98-й дивизии Конечно, можно сначала выждать, чтобы узнать, какими силами противник будет наступать на Боровск в последующие дни.

Фюрер: Итак, давайте подождем! Мы должны попытаться это сделать, принимая во внимание пять дивизий 20-го и 7-го корпусов.

Генерал-фельдмаршал фон Клюге: Слушаюсь! Но я должен доложить, что, по донесениям командующих армиями, обстановка чрезвычайно опасна.

Вечером того же дня фон Клюге разговаривал с Гальдером, пытаясь выяснить, одобрил ли фюрер отход 9-й армии. Гальдер сообщил, что он еще не докладывал фюреру, и сказал, что фюрер никогда не одобрит отход и, конечно, не отдаст такого приказа. Фон Клюге ответил, что тогда он отдаст приказ 9-й армии не отходить, хотя за 2–3 дня от армии почти ничего не останется.

– Фюрер, несмотря ни на что, даст тот же ответ, что и вчера, – ответил Гальдер.

Фон Клюге заметил, что стоит перед дилеммой: если он как командующий группой армий доложит о прорыве противника, то получит приказ держаться, а если оставаться на занимаемых позициях, то через восемь дней группа армий будет уничтожена. Он сказал, что фюрер должен наконец уяснить себе положение дел и если, несмотря ни на что, он будет настаивать на своем, тогда должен отдать приказ держаться. В этом случае у него отпадет забота каждый раз вновь указывать на критическое положение, но он будет вынужден доложить через восемь дней, что группа армий больше не существует.

Более того, если не будет подкреплений, то нельзя гарантировать и удержание новых позиций, на которые войска отступят. Гальдер выразил удивление, что войска так мало способны к ведению оборонительных действий.

– Вы же не знаете, как люди выглядят! – воскликнул фон Клюге. – Держать оборону или отходить на новый рубеж можно только со свежими силами. Тогда воля командования к удержанию позиций налицо и войска дерутся смелее. Но сейчас все не так. Если бы мы, как я предлагал, отошли раньше, то все шло бы по плану и в полном порядке. Теперь этого нельзя гарантировать – дивизии разбиты. Нам все равно придется отступать, хотим мы того или нет!

Фон Клюге не потерял надежды убедить Гитлера и снова уже ночью говорил с ним по телефону. Подробно доложил об обстановке на участке 9-й армии и сказал, что генерал-полковник Штраус отдал приказ об отходе 6-го корпуса, чтобы избежать катастрофы. Не отдать такой приказ было нельзя, так как нет сил, чтобы остановить прорвавшегося противника. Фон Клюге еще раз подчеркнул, что, если противник прорвался и корпус находится в опасности, нельзя ждать. Он сказал, что, по его мнению, необходима гибкость в руководстве боевыми действиями, а это значит, что не следует бояться отвести войска, если это диктуется обстановкой.

Фюрер ответил, что ему ясны причины, по которым 6-й корпус не может больше удерживать занимаемые позиции. Войска не нуждаются в том, чтобы кто-то оправдывал их действия. Раз нет нового прочного рубежа, нужно удерживать занимаемые позиции. Атакуя, противник будет нести все большие потери. Есть основания опасаться, что и

новый рубеж не будет удержан, противник снова прорвется и повторится та же картина.

Генерал-фельдмаршал еще раз подчеркнул опасность обстановки и отсутствие резервов, с помощью которых можно было бы остановить прорвавшегося противника, способного парализовать тылы.

– Я прошу свободы действий. Вы должны оказать мне доверие, зная, что я поступаю правильно. Иначе я не могу работать.

– Как долго вы сможете удерживать новый рубеж? – спросил Гитлер.

– Я не могу вам этого сказать.

– При новых ударах противника вы бросите и новый рубеж.

– Мы находимся в стесненном положении. Можно крутиться и вертеться, как хочешь. Но с этим положением следует кончать.

На следующий день фюрер сообщил, что вместе со своими советниками пришел к единому мнению, которое особенно поддержал генерал-полковник Гальдер. Даже при угрозе прорыва не следует осуществлять большого отступления, прежде всего учитывая невозвратимые потери в материально-технических средствах. Фюрер сказал, что у командира 6-го корпуса на сегодня нет ясной картины сложившейся обстановки, так как в связи со снежными заносами и плохой погодой ему не удалось побывать в передовых частях своих войск. Опыт показывает, сказал фюрер, что обстановка на следующий день часто бывает более благоприятной, чем представляется сразу после боя. Войска, отметил фюрер, еще и сегодня чувствуют свое превосходство над русскими, и было бы неверно осуществлять большое отступление. Все зависит от выигрыша времени, в течение которого маршевые батальоны могли бы создать заслоны и удержать позиции, пока не придут резервы. Речь идет о соединениях полного состава, прибывающих из Германии.

Фюрер признал, что войскам приходится тяжело, но при этом заметил, что часто поступают донесения о стремлении войск к отходу, но после принятия командованием решительных мер удается удерживать занимаемые позиции. 6-й корпус, сказал фюрер, вынужден был отойти после сильного разрушения населенных пунктов, дорог и т. д., но это не значит, что ему следует определить новый рубеж обороны. Противника нужно заставить проливать кровь на каждом шагу, и это мнение разделяет начальник штаба сухопутных сил.

Фон Клюге заметил, что генерал-полковник Штраус уже отдал приказ начать отход.

– Это невероятно, чтобы осуществлялся оперативный маневр без согласия высших командных инстанций сухопутных сил! – вознегодовал Гитлер. – Войска должны удерживать свои позиции.

Относительно отхода 4-й армии фюрер после уточнения некоторых вопросов отметил, что также и здесь при отступлении потери материальной части приводят к такому сильному ослаблению войск, что он не может дать согласия на отход. Нужно, сказал он, собрать все, что возможно, чтобы оборонять Боровск и снова освободить дорогу на Малоярославец.

– Я должен доложить, что предвижу, что и в дальнейшем события будут развиваться неблагоприятно. Мы, конечно, будем делать все, что возможно. Я не знаю – и прошу не обижаться за это, – стоим ли мы на верном пути и должен ли приказ быть выполнен любой ценой. Полосы действий дивизий настолько велики, что именно в этом заключается главная трудность.

– Если полосы действий в результате тактического отхода уменьшатся, то я соглашусь с таким отходом. Но прорывы должны быть ликвидированы. Необходимый частный отход не должен повлечь за собой общего отступления.

Фон Клюге еще раз подробно остановился на трудностях и опасности осуществления приказа держаться. Он выразил мнение, что уже слишком поздно менять что-либо в уже отданном приказе на отступление 9-й армии.

Фюрер повторил, что 6-й корпус может начать отход для создания сплошной линии обороны, но 9-я армия должна удерживать рубеж, на котором она получила приказ держаться.

Финал войны

...В 1942 году фон Клюге повезло чуть больше. Основные военные действия разворачивались на юге, а он вполне успешно отражал советское наступление под Ржевом и Белевом, а также другие контратакующие действия, но зимой его войска все же были вынуждены оставить город Великие Луки.

В 1943 году фон Клюге высказывался против операции «Цитадель». Причем совещание в Мюнхене, посвященное этой операции, обернулось очередным столкновением с Гудерианом, который подробно описал случившееся: «Кроме совещания, носившего военный характер, я в этот день имел в Мюнхене еще и личную беседу: впервые после событий декабря 1941 года я снова встретил фельдмаршала фон Клюге. Его недружелюбное приветствие снова разбередило мои старые раны. Я ответил очень холодно. После совещания господин фон Клюге пригласил меня в соседнюю комнату и спросил о причинах моей неприветливости. Мне пришлось ответить, что лежало у меня на душе против него. При этом я подчеркнул, что после того, как выяснились все обстоятельства событий, он должен дать разъяснение своего поведения в декабре 1941 года. Мы расстались, ничего не выяснив.

Спустя некоторое время меня посетил в Берлине Шмундт и дал мне прочитать письмо фельдмаршала фон Клюге к Гитлеру. Фон Клюге вызывал меня в этом письме на дуэль. Фон Клюге знал совершенно точно, что поединки запрещены и что Гитлер не потерпит, чтобы его генералы занимались этим во время войны. Тем не менее он выбрал Гитлера посредником.

Шмундт заявил мне от имени Гитлера, что фюрер не желает этой дуэли; он хочет, чтобы эта ссора была улажена подходящими средствами. Я удовлетворил желание Гитлера, написав фельдмаршалу фон Клюге письмо, в котором выразил сожаление, что своим поведением в Мюнхене я обидел его, заметив, что все это явилось реакцией на ту тяжелую обиду, которую он нанес мне в 1941 года, и что поэтому я не мог поступить иначе».

Командующим войсками на Курской дуге стал Модель, поэтому сначала разгром не был поставлен фон Клюге в упрек. Но вскоре части Красной армии прорвали фронт на обороняемом его войсками участке у Орла. Началось отступление к Днепру. Потом произошло столкновение с войсками советского Центрального фронта под командованием К.К. Рокоссовского во время Черниговско-Припятской операции, обернувшееся для фон Клюге грандиозным разгромом.

12 октября 1943 года на шоссе Орша – Минск машина, в которой ехал фон Клюге, попала в аварию, он получил тяжелые травмы и был вынужден отправиться в Германию на лечение. На посту

командующего группой армий его сменил генерал-фельдмаршал Эрнст Буш.

В июле 1944 года фон Клюге был отозван из резерва и назначен командующим Западным фронтом вместо Герда фон Рундштедта. Участвовал в заговоре с целью убийства Гитлера. Гудериан и этому обстоятельству уделил внимание: «...меня посетил генерал фон Тресков, бывший начальник оперативного отдела у фельдмаршала фон Клюге. Он сказал мне, что прибыл по поручению фельдмаршала, который, мол, может помириться со мной, если первый шаг к примирению сделаю я. Он хотел выступить вместе со мной против Гитлера с целью добиться ограничения полномочий последнего как верховного главнокомандующего вооруженными силами. Согласиться с этим предложением я не мог, так как очень хорошо знал неустойчивый характер фельдмаршала фон Клюге».

Но не только в характере было дело, но и в том, кто же все-таки кого хотел подставить. «18 июля во второй половине дня ко мне прибыл один знакомый генерал военно-воздушных сил и сказал, что он хотел бы со мной побеседовать. Он сообщил мне, что новый командующий войсками на западе фельдмаршал фон Клюге намеревается без ведома Гитлера заключить перемирие с западными державами, для чего хочет в скором времени вступить в переговоры с противником. Это известие совершенно ошеломило меня. В моем воображении сразу стали вырисовываться события, которые должны были повлиять на ослабленный Восточный фронт и пагубно отразиться на всей судьбе Германии. Этот шаг Клюге сразу привел бы к крушению нашей обороны как на западе, так и на востоке, и к безостановочному продвижению русских. До этого момента я не мог себе и представить, что сражающийся с противником германский генерал может против воли главы государства прийти к такому решению».

Генерал отказался отвечать на вопрос Гудериана, откуда он это знает. И оставил начальника штаба в раздумьях: «Доложи я все слышанное Гитлеру, не зная источника сообщения, я бы совершенно несправедливо навлек на фельдмаршала фон Клюге тяжелое необоснованное подозрение. Это привело бы к плохим последствиям для господина фон Клюге, а также и для Западного фронта. С другой стороны, если бы я скрыл это сообщение, а потом оно оказалось бы правильным, это также имело бы для меня тяжелые последствия...»

20 июля 1944 года в Ставке вождя Третьего рейха, расположенной в прусском местечке Растенбург, один из немецких офицеров, подполковник Генерального штаба граф Клаус Шенк фон Штауффенберг совершил покушение на Гитлера. Во время военного совещания он отлучился «по делу», оставив в помещении свой портфель с бомбой, в которой был включен часовой механизм, после чего успел покинуть гитлеровскую Ставку. Но на этот раз Гитлеру повезло – кто-то передвинул портфель в сторону, и когда около часа дня раздался сильный взрыв, то Гитлер остался невредимым. А тем временем растерявшиеся заговорщики, среди которых были и представители германского генералитета, пытавшиеся под предлогом смерти фюрера захватить власть в Берлине и Париже, были арестованы эсэсовцами, отданы под суд и после страшных пыток многие из них были казнены.

После этого фюрер прилюдно рассуждал о предусмотрительности Сталина, истребившего изрядную часть довоенного генералитета в СССР.

Фон Клюге после неудачного покушения поначалу был практически вне подозрений. И даже очевидная неприязнь Гудериана ему, казалось, не повредила, хотя «шустрый Хайнц», судя по всему, очень старался утопить своего бывшего начальника. «Я заметил, что новый командующий войсками на западе не имеет достаточного опыта в управлении бронетанковыми соединениями, – вспоминал Гудериан, – и что поэтому я вынужден сделать предложение об использовании его на другой должности. Вдруг Гитлеру пришло в голову: «Между прочим, он является соучастником заговора!» Все трое – Кейтель, Йодль и Бургдорф – заметили, что фельдмаршал фон Клюге был «лучшим конем в конюшне» и что поэтому, несмотря на то, что он был осведомлен о подготовке заговора, от него нельзя отказываться. Таким образом, моя попытка незаметно удалить господина фон Клюге с Западного фронта провалилась».

Но удача фон Клюге была недолгой: в конце июля ему пришлось убеждать Гитлера в необходимости отвести войска из Нормандии после высадки союзников, что вызвало гнев фюрера, который отнюдь не угас после того, как опасения фон Клюге о возможности окружения сбылись. А когда фельдмаршал сам чуть не угодил в окружение, и с

ним на какое-то время была потеряна связь, подозрения фюрера разыгрались в полной мере.

18 августа 1944 года Гитлер снял фон Клюге с должности и приказал срочно выехать в Германию. Обстоятельства, при которых это произошло, так описал Гудериан: «Гитлер пришел в отчаяние, узнав, что фельдмаршал фон Клюге не вернулся из поездки по фронту. Он предполагал, что фельдмаршал установил связь с противником. Поэтому он приказал вызвать его на доклад в главную Ставку фюрера».

В тот же день прямо в дороге, около Клермона-ан-Аргон, Гюнтер фон Клюге покончил с собой, приняв цианистый калий. Он адресовал Гитлеру предсмертное письмо со словами: «Мой фюрер, вы должны решиться закончить войну...»

Иллюстрации

И.В. Сталин и Б.М. Шапошников

А.М. Василевский во время допроса пленного генерала вермахта.
1944 г.

И.Х. Баграмян в 1944 г.

Б.М. Шапошников

С.К. Тимошенко

К.К. Рокоссовский и Г.К. Жуков в 1944 г.

Р.Я. Малиновский

И.С. Конев

Генерал Гельмут Вейдлинг (крайний слева), другие генералы и офицер вермахта в советском плену

Франц Гальдер в Нюрнберге

Фридрих Паулюс в 1954 г.

И.С. Конев в Австрии

И.С. Конев беседует с союзниками

К.К. Рокоссовский

Г.К. Жуков, Б. Монтгомери, К.К. Рокоссовский и сопровождающие их лица в Берлине. Лето 1945 г.

К.А. Мерецков, Р.Я. Малиновский и А.М. Василевский в 1945 г.

А.И. Еременко в 1945 г.

И.Х. Баграмян на одном из послевоенных парадов

Хайнц Гудериан

Эвальд фон Клейст на открытии переправы через Днепр. 1941 г.

Эвальд фон Клейст под Днепропетровском

Федор фон Бок, Герман Гот и другие офицеры над картой военных действий. Июль 1941 г.

Эрих фон Манштейн в своем штабном автомобиле

Федор фон Бок

Франц Гальдер

Гельмут Вейдлинг

Гельмут фон Клюге

Фридрих Паулюс с подчиненным в Сталинграде

Вальтер Модель (на переднем плане)